ПЕРМСКАЯ СТАРИНА.

СБОРНИКЪ

ИСТОРИЧЕСКИХЪ СТАТЕЙ и МАТЕРІАЛОВЪ

преимущественно

О ПЕРМСКОМЪ КРАѢ.

АЛЕКСАНДРА ДМИТРІЕВА,

[illegible] училищъ Пермскаго уѣзда, редактора „Трудовъ Пермской Ученой Архивной Коммиссіи".

Выпускъ V.

ПОКОРЕНІЕ УГОРСКИХЪ ЗЕМЕЛЬ и СИБИРИ.

ИЗДАНІЕ АВТОРА.

ПЕРМЬ.

Типографія Н-ковъ П. Ф. Каменскаго.

[illegible]

ПЕРМСКАЯ СТАРИНА.

СБОРНИКЪ

ИСТОРИЧЕСКИХЪ СТАТЕЙ и МАТЕРІАЛОВЪ

ПРЕИМУЩЕСТВЕННО

О ПЕРМСКОМЪ КРАѢ.

АЛЕКСАНДРА ДМИТРІЕВА,
инспектора народныхъ училищъ Пермскаго уѣзда, редактора „Трудовъ Пермской Ученой Архивной Коммиссіи".

Dmitriev, Aleksandr Alekseevich

Выпускъ V:

ПОКОРЕНІЕ УГОРСКИХЪ ЗЕМЕЛЬ и СИБИРИ.

ИЗДАНІЕ АВТОРА.

ПЕРМЬ.
Типографія Н-ковъ П. Ф. Каменскаго.
1894.

Дозволено цензурою. Г. Казань. 2-го января 1894 года.

Дорогой памяти

Дмитрія Дмитріевича

Смышляева

признательно посвящаю сей трудъ.

А. Дмитріевъ.

Отъ автора-издателя.

Съ пятаго выпуска начинается II-й томъ нашего мѣстнаго изданія «Пермской Старины», который мы посвящаемъ исторіи Угорскаго Урала и прилежащей Сибири. Начавъ съ Перми Великой, мы должны перейти къ этому району въ силу исторической связи ихъ. Мы назвали «Пермскую Старину» сборникомъ историческихъ статей и матеріаловъ *преимущественно* о Пермскомъ краѣ, понимая послѣдній не въ его нынѣшнихъ границахъ, а въ его широкомъ значеніи въ прежнія, до-петровскія времена, которыми пока и занимаемся. Потому-то въ первыхъ двухъ выпускахъ изданія намъ пришлось удѣлить много страницъ Перми Вычегодской, а настоящій выпускъ приходится почти всецѣло посвятить древней исторіи всего Сѣвернаго Урала и прилежащей къ нему Западной Сибири до полнаго покоренія ихъ Русскими. Для правильнаго историческаго освѣщенія прошлыхъ судебъ обширнаго Пермскаго края мы считаемъ такое расширеніе области изслѣдованія совершенно необходимымъ, почему и далѣе не будемъ замыкаться въ рамки исключительно мѣстнаго изслѣдованія Пермской губерніи въ ея нынѣшнихъ границахъ. Эти послѣднія составляютъ продуктъ сложныхъ историческихъ отношеній, и къ нимъ мы подойдемъ естественнымъ путемъ, если намъ будетъ суждено такъ далеко повести свою работу. Съ Сибирью нашъ Пермскій край долго связанъ былъ по управленію, а также по составу и характеру населенія; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ долго служилъ посредникомъ въ сношеніяхъ Московской Руси съ странами

Угорскими и Татарскими, лежавшими за Ураломъ, до прочнаго водворенія тамъ русской власти. Поэтому изслѣдовать его прошлое безъ связи съ этими странами было бы непростительнымъ упущеніемъ во всей работѣ. По нашему глубокому убѣжденію, основанному на личномъ опытѣ, нельзя знать исторію своего края, не зная таковой сопредѣльныхъ съ нею странъ. А связи Пермскаго края съ Сибирью были особенно важны въ этнографическомъ и историко-экономическомъ отношеніяхъ. Вопросъ о самомъ покореніи Сибири потому и не рѣшенъ доселѣ вполнѣ, что общіе историки не знали многихъ мѣстныхъ условій прошлой жизни съ ихъ особенностями и нѣкоторыхъ мѣстныхъ источниковъ, а Сибирскіе историки не считали нужнымъ поближе познакомиться съ исторіей сопредѣльнаго Пермскаго края, откуда и началось все движеніе противъ Кучума, имѣвшее роковыя послѣдствія для его мусульманскаго царства. На этомъ капитальномъ вопросѣ особенно осязательно сказывается необходимость для изслѣдователя одного района близко знать исторію сопредѣльныхъ странъ. Чрезъ это работа мѣстнаго изслѣдователя становится, конечно, гораздо сложнѣе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и продуктивнѣе въ научномъ отношеніи.

Въ виду указаннаго пріема изслѣдованія Пермскаго края, принятаго нами въ этомъ изданіи, пятый выпускъ «Пермской Старины», подобно первому, имѣетъ болѣе или менѣе общій характеръ, а слѣдующіе выпуски II-го тома, подобно второму, третьему и четвертому въ I-мъ томѣ, будутъ имѣть болѣе спеціальное, мѣстное значеніе. Весь второй томъ «Пермской Старины» будетъ посвященъ до-петровской исторіи Пермскаго Зауралья подобно тому, какъ первый

томъ обнимаетъ тотъ же періодъ исторіи Перми Великой. Читатель можетъ усмотрѣть по прочтеніи уже V-го выпуска, что и между этими составными частями нынѣшняго Пермскаго края существовала ближайшая внутренняя связь еще задолго до учрежденія особой Пермской губерніи, хотя на первый взглядъ Пермь, Югра и Сибирь обыкновенно представляются намъ довольно обособленными районами по составу своего прежняго населенія.

Въ настоящемъ выпускѣ мы держались такого плана. Указавъ взаимное соотношеніе гео-этнографическихъ понятій Пермь и Югра и современное состояніе вопроса объ этой послѣдней въ русской исторической наукѣ, какъ было сдѣлано въ I выпускѣ относительно Перми, мы прослѣдили во 2-й главѣ первоначальныя отношенія Русскихъ къ странамъ Угорскимъ—собственно Югрѣ, Вогуличамъ, Обдоріи и Кондѣ—въ теченіе Новгородскаго и Московскаго періодовъ нашей исторіи и затѣмъ въ 3-й главѣ тоже сдѣлали въ отношеніи къ Сибири, какъ особой области съ преобладающимъ тюркскимъ населеніемъ. Предѣломъ изслѣдованія мы поставили себѣ конецъ XVI вѣка, когда Русскіе прочно утвердились въ странахъ Угорскихъ и Западной Сибири. Вопросъ о призваніи Ермака Строгановыми мы изслѣдовали въ IV выпускѣ въ числѣ другихъ спорныхъ вопросовъ въ исторіи рода Строгановыхъ; IV-й выпускъ служитъ какъ бы введеніемъ ко II-му тому этого изданія. Здѣсь мы излагаемъ вопросъ о покореніи Сибири во всемъ его объемѣ, на основаніи первоисточниковъ Сибирской исторіи, одинъ изъ которыхъ: «Сказаніе Сибирской земли» неизвѣстнаго составителя, какъ открытый нами

вновь въ 1890 году, впервые печатается въ полномъ видѣ въ отдѣлѣ матеріаловъ при V выпускѣ.

Въ виду недостаточности и относительной бѣдноты мѣстныхъ библіотекъ г. Перми, я осенью 1892 г. предпринялъ поѣздку въ Петербургъ, Москву и Казань, чтобы въ тамошнихъ библіотекахъ и архивахъ восполнить свои свѣдѣнія по изслѣдуемымъ вопросамъ и посовѣтоваться съ людьми науки, которымъ за оказанное мнѣ содѣйствіе и считаю долгомъ выразить благодарность. Вмѣстѣ съ симъ считаю себя много обязаннымъ Чердынскому гражданину Даніилу Евдокимовичу *Ржевину* за его матеріальное пожертвованіе «на научныя предпріятія». Оно особенно дорого для меня тѣмъ, что истекаетъ изъ чистыхъ, безкорыстныхъ побужденій даже мало знакомаго мнѣ человѣка, беззавѣтно любящаго свой далекій родной край, бывшую Пермь Великую, и свидѣтельствуетъ объ уваженіи къ наукѣ нѣкоторыхъ людей, посвятившихъ себя промышленной дѣятельности и не принадлежащихъ къ какой либо ученой корпораціи.

Александръ Дмитріевъ.

Пермь.
1 сентября 1893 г.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ.

По предложенію г. директора Археологическаго Института *А. Н. Труворова* и его покойнаго предмѣстника *И. Е. Андреевскаго* считаю долгомъ, по званію члена этого Института, продолжать указатель другихъ моихъ работъ по исторіи Пермскаго края, напечатанныхъ по большей части въ мѣстныхъ и потому малоизвѣстныхъ и малодоступныхъ газетахъ и другихъ изданіяхъ, которыя за предѣлами Пермскаго края можно достать развѣ въ Императорской Публ. Библіотекѣ. Начало этого указателя, по тѣмъ же основаніямъ, сдѣлано въ предисловіи къ I выпуску (статьи за 1882—1888 годы) и къ III-му (за 1889—1891 гг.). Необходимость подобныхъ указателей доказывается пробѣлами въ трудахъ такихъ знатоковъ отечественной библіографіи и исторіографіи, каковы *В. И. Межовъ* и Кіевскій профессоръ *В. С. Иконниковъ*. Указываемъ изданія и статьи за 1891—1893 годы включительно, предоставляя, конечно, судить о ихъ качествахъ другимъ лицамъ, работавшимъ въ той же области.

Отдѣльныя изданія:

54. „Пермская Старина“, выпускъ III: „Экономическіе очерки Перми Великой: Чердынскій и Соликамскій край на рубежѣ XVI и XVII в.в.“ Пермь. 1891 г.

55. Тоже—выпускъ IV: „Строгановы и Ермакъ“. Пермь. 1892 г.

Въ *„Пермскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“*:

56. „Новыя біографическія свѣдѣнія о писателѣ Ѳедотѣ Алексѣевичѣ Волеговѣ“. 1891 г. №№ 79 и 81.

Въ сборникѣ *„Пермскій Край“*, издаваемомъ Пермскимъ Губернскимъ Статистич. Комитетомъ:

57. „Происхожденіе названія и судьба Бухонина волока“. Томъ I. Пермь. 1892 г.

58. „Къ полувѣковой годовщинѣ смерти Петра Андреевича Словцова“. Томъ II. Пермь. 1893 г.

59. „Памяти В. В. Голубцова“. Томъ II-й.

Примѣчаніе: Послѣдняя статья первоначально напечатана въ газетѣ «Екатеринбургская Недѣля» за 1892 г. № 12.

Въ *„Трудахъ Пермской Ученой Архивной Коммиссіи“*:

60. Очеркъ дѣятельности ея за 1888—1890 г.г. Выпускъ I-й, изданный подъ нашей редакціей. Пермь. 1892 г.

Примѣчаніе: Тамъ же помѣщена статья: «О границахъ древней Перми Великой», какъ извлеченіе изъ I-го выпуска «Пермской Старины».

61. „Критическія замѣтки по исторіи Перми Великой XVI вѣка“ (1) „О степени достовѣрности древнѣйшихъ Великопермскихъ писцовыхъ книгъ Яхонтова“ и 2) „Житіе св. Трифона Вятскаго, какъ источникъ свѣдѣній о Перми Вел. XVI вѣка“). Выпускъ II. Подъ нашей редакціей. Пермь. 1893 г.

Примѣчаніе: Статья вышла отдѣльнымъ общимъ оттискомъ. Во II выпускѣ мною помѣщенъ и очеркъ дѣятельности Коммиссіи за 1891 и 1892 г.г.

Въ журналѣ *„Историческій Вѣстникъ“*:

62. „Пермскіе землевладѣльцы Лазаревы и ихъ преемники князья Абамеликъ“. 1893 г., майская книга.

Необходимо упомянуть еще, что во II выпускѣ „Трудовъ Пермской Ученой Архивной Коммиссіи“ нами впервые издана въ полномъ видѣ *„Переписная книга воеводы Прокопія Елизарова по вотчинамъ Строгановыхъ 1647 г.“*, имѣющая значеніе источника первостепенной важности для исторіи колонизаціи Пермскаго края.

Изъ другихъ изданій, появившихся въ нашемъ краѣ по выходѣ въ свѣтъ IV выпуска „Пермской Старины", необходимо указать:

1) *Н. А. Рогова*: „Матеріалы для исторіи Пермскаго заповѣднаго имѣнія графовъ Строгановыхъ". Пермь. 1892 г. Книга напечатана въ крайне ограниченномъ числѣ экземпляровъ и скоро сдѣлается рѣдкостью. Авторъ, извѣстный по работамъ о Пермякахъ, съ обычнымъ стараніемъ собралъ много новыхъ данныхъ о Строгановыхъ и служившихъ у нихъ людяхъ. Заглавіе книги „Матеріалы" вполнѣ отвѣчаетъ ея содержанію. Матеріалы большею частію извлечены изъ архива главнаго управленія имѣніями гр. Строганова въ селѣ Ильинскомъ Пермскаго уѣзда, но многое авторъ сообщаетъ по личнымъ воспоминаніямъ и разспросамъ служащихъ у графа С. А. Строганова лицъ. Матеріалы очень любопытны и сообщаютъ много новаго. Къ книгѣ приложены фотографическіе портреты графа Павла Александровича и два портрета гр. Софіи Владиміровны Строгановыхъ, исполненные весьма не дурно. Въ концѣ книги находимъ полный списокъ печатныхъ трудовъ (числомъ 53) автора, работающаго надъ изученіемъ Пермскаго края въ разнообразныхъ отношеніяхъ съ 1849 года.

2) Въ ближайшей связи съ указанными „Матеріалами" Н. А. Рогова находятся „Матеріалы къ исторіи Пермскаго маіоратнаго имѣнія гр. Строгановыхъ", напечатанные, съ предисловіемъ *Д. Д. Смышляева*, во II томѣ редактируемаго имъ сборника „Пермскій Край". Здѣсь находимъ очень цѣнныя и любопытныя „Хозяйственныя записки по Пермскому имѣнію графини Софіи Влад. Строгановой", принадлежащія перу извѣстнаго историка Строгановыхъ Ѳедота Алексѣевича *Волегова*, и затѣмъ „Положеніе для учрежденія Третейскаго Суда" и другое—для заводскихъ судовъ упомянутой графини, для своего времени весьма замѣчательной русской женщины.

Для занимающихся исторіей Строгановыхъ всѣ эти матеріалы не новы; они давно извѣстны въ рукописяхъ, ходящихъ по рукамъ въ Пермскомъ краѣ, но за предѣлами этого края ихъ едва-ли кто либо зналъ, почему нельзя не поблагодарить почтеннаго издателя ихъ *Д. Д. Смышляева* за напечатаніе ихъ въ редактируемомъ имъ сборникѣ.

3) Въ томъ же сборникѣ (томъ II) слѣдуетъ отмѣтить изданіе „Ландъ-карты вѣдомства Екатеринбургскаго", первоначально составленной въ 1734—1736 г.г., затѣмъ скопированной въ 1744 г. унтершихтмейстеромъ Аѳанасіемъ Кичигинымъ и нынѣ напечатанной въ увеличенномъ размѣрѣ въ качествѣ памятника старинной Сибирской картографіи, по желанію *П. О. Чупина*, который и доставилъ ее изъ Барнаула въ редакцію сборника. Для занимающихся исторіей Пермскаго края эта карта весьма полезна, но для уясненія ея научнаго значенія въ предпосланной къ ней замѣткѣ г. Чупину надлежало сопоставить ее съ болѣе ранними Сибирскими „чертежами" и ближайшими къ ней слѣдующими картографическими работами нашей Академіи Наукъ, особенно съ ея атласомъ 1745 года. Эти свѣдѣнія авторъ могъ бы почерпнуть изъ II вып. „Пермской Старины", съ которою онъ, повидимому, совсѣмъ не знакомъ, какъ житель далекаго Алтая.

4) Изъ мѣстныхъ археологическихъ трудовъ въ томъ же II томѣ „Пермскаго Края" необходимо замѣтить статью *Ѳ. А. Теплоухова*: „Древности Пермской Чуди въ видѣ баснословныхъ людей и животныхъ", съ тремя таблицами ихъ изображеній. Почтенный авторъ сообщаетъ здѣсь много новыхъ свѣдѣній объ особой группѣ типичныхъ памятниковъ доисторической эпохи, хранящихся въ его извѣстной коллекціи, но въ отношеніи конечнаго вывода о ихъ значеніи является слишкомъ крайнимъ сторонникомъ угорской теоріи. Особенно рискованнымъ кажется положеніе, будто „*Пермская*

Чудь была *Угорскимъ* племенемъ“ (стр. 74). Зачѣмъ же называть тогда эту Чудь *Пермскою*? Въ письменныхъ памятникахъ Пермь упоминается уже въ XI вѣкѣ тамъ же, гдѣ мы знаемъ ее и впослѣдствіи, будучи всегда окружена народами Угорскаго племени, и Русскій народъ словомъ *Чудъ* безразлично назвалъ всѣхъ чуждыхъ ему аборигеновъ страны Пермской и Угорской группъ народовъ и доселѣ не отличаетъ Пермской Чуди отъ Угорской. Самъ же авторъ говоритъ: „насколько можно судить по имѣющимся даннымъ, поселенія Пермской Чуди уже существовали на берегахъ Камы въ V вѣкѣ нашей эры и сохранились, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ пунктахъ чудской территоріи, до половины XIII столѣтія“ (стр. 37). Но въ XIII в., какъ видно изъ сопоставленія показаній лѣтописей, договорныхъ новгородскихъ грамотъ XIII—XV вѣковъ и Епифаніева сказанія, Новгородъ Великій зналъ уже Пермь на Вычегдѣ, верхней Камѣ и частію на Печорѣ—словомъ, на тѣхъ же самыхъ мѣстахъ, гдѣ указываютъ ее памятники послѣдующихъ временъ. Гдѣ же въ такомъ случаѣ г. Теплоуховъ помѣщаетъ тогдашнюю Пермь—этого никакъ нельзя усмотрѣть изъ его работы. Выводы, къ которымъ пришелъ онъ въ своихъ предъидущихъ работахъ о Пермской Чуди, указанные нами во введеніи къ IV выпуску, формулированы опредѣленнѣе, а послѣднія заключенія его по тому же предмету нельзя не признать преждевременными, по несогласію ихъ съ письменными источниками, съ которыми археологъ во всякомъ случаѣ долженъ сообразоваться болѣе. Тѣмъ не менѣе матеріалы по археологіи Пермскаго края, сообщаемые Ѳ. А. Теплоуховымъ, имѣютъ высокую научную цѣнность и дѣлаютъ несомнѣнный вкладъ въ общую археологію Россіи, по общему признанію всѣхъ занимающихся изученіемъ нашей доисторической эпохи.

5) Наконецъ мы должны указать на книжку *Н. Н. Новокрещенныхъ*: „Постройка Кизеловскаго завода И. Л.

Лазарева" (Уфа. 1892 г.), составляющую продолженіе его матеріаловъ къ изученію Пермскаго края. Общій характеръ этой работы таковъ же, какимъ отличается его книжка „Чермозской заводъ" (СПБ. 1889 г.) и брошюрка: „Участіе Строгановыхъ въ поступательномъ движеніи Русск. госуд." (оттискъ изъ Пермск. Губ. Вѣд.) Пермь. 1892 г. О послѣдней было сказано въ предисловіи къ IV выпуску нашего изданія. Та же полубеллетристическая форма изложенія, вульгарность языка, тенденціозность и полное отсутствіе какихъ-либо указаній на источники и пособія характеризуютъ новую работу г. Новокрещенныхъ. Конечно, всѣ эти отрицательныя качества менѣе всего терпимы въ серьезной исторической работѣ. Входить въ подробный разборъ книжки не представляется уже надобности послѣ того, какъ мы указали историко-критическіе пріемы на предъидущей работѣ того же автора. Впрочемъ, бойко написанная характеристика одного изъ Лазаревскихъ служащихъ, нѣкоего Я. Д. Иванова, весьма типичнаго представителя крѣпостного люда старыхъ временъ, а также общая картина тогдашнихъ заводскихъ распорядковъ составляютъ несомнѣнныя достоинства книжки. Пожелаемъ автору въ дальнѣйшихъ его работахъ больше обращать вниманія на *научную* сторону дѣла, коль скоро всѣ эти работы считаются имъ „матеріалами къ *изученію* Пермскаго края".

ОТДѢЛЪ I.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

ПОКОРЕНІЕ УГОРСКИХЪ ЗЕМЕЛЬ И СИБИРИ.

I.

Пермь и Югра въ ихъ взаимномъ соотношеніи. Современное состояніе вопроса о древней Югрѣ.

До сихъ поръ мы имѣли дѣло исключительно съ *Пермью*, какъ въ общемъ, такъ особенно въ частномъ значеніи этого слова. Для насъ стало ясно употребленіе этого гео- и этнографическаго термина въ памятникахъ древней русской письменности въ двоякомъ значеніи: въ общемъ значеніи всей обширной территоріи, населенной народами Пермской группы — древними Сырьянами, Пермичами и Печерою, объединявшимися до XIV вѣка въ словѣ *Пермъ*, *Пермяне*; и въ частномъ, спеціальномъ значеніи территоріи верхняго и средняго Покамья, отъ истоковъ р. Камы до ея притока Чусовой включительно, гдѣ лежала *Пермь Великая* или страна Великопермская, какъ часть указанной обширной территоріи. Здѣсь, на верхней *Камѣ*, донынѣ населенной народомъ *Коми*, какъ называютъ Пермяки самихъ себя, первоначально и локализировалось, повидимому, все населеніе Перми, пока остальныя части обширной территоріи заняты были Уграми, несомнѣнными предшественниками Перми на европейскомъ сѣверовостокѣ. Это положеніе лучше всего обосновано въ ученыхъ трудахъ извѣстнаго *Шегрена*. Мы неоднократно указывали слѣды угорскихъ поселеній на окраинахъ Перми Великой и вмѣстѣ съ тѣмъ высказали предположеніе, что самое слово Кама не одного-ли корня съ словомъ Коми? Названіе Пермь было усвоено Славянами, и Пермяки не знаютъ, почему

страну ихъ называютъ Пермью *). По мѣрѣ постепеннаго передвиженія Угровъ за Уралъ, расширялась территорія Пермскихъ поселеній. Это передвиженіе Угровъ къ востоку началось очень рано, въ доисторическомъ періодѣ, и уже извѣстная „отказная" грамота 1471 г. Новгорода Великаго въ пользу Москвы называетъ далекую рѣку Мезень и ея лѣвый притокъ Вашку „исконнымъ мѣстомъ великаго князя Вычегодскимъ—*Пермяками*" **). Къ началу XVII вѣка область пермско-зырянскаго населенія широко раздвинулась на сѣверо-востокѣ ***), пока усилившаяся русская колонизація не повела въ свою очередь къ уменьшенію этой области, отчасти вслѣдствіе передвиженія самихъ Зырянъ къ востоку и особенно по причинѣ ассимиляціи ихъ съ новыми русскими насельниками, принесшими сюда высшую культуру. На ряду съ общимъ понятіемъ „Пермь", отмѣченнымъ въ первоначальной русской лѣтописи рядомъ съ „Печерою", постепенно устанавливается и частное, видовое понятіе „Пермь Великая", какъ южная часть или окраина обширной области, занятой народами Пермской группы. Мы говорили, что въ первый разъ Пермь Великая упомянута въ Епифаніевомъ житіи св. Стефана, памятникѣ конца XIV вѣка. Здѣсь эта страна впервые названа „Пермь Великая, глаголемая Чусовая", каковой терминъ мы уже подробно объяснили въ своемъ мѣстѣ. (См. вып. I, 62—67).

Соотвѣтственно указанной терминологіи, употреблялось и слово *Югра* во всѣхъ памятникахъ нашей древней письменности, начиная съ XI вѣка. Многолѣтнее изученіе послѣднихъ привело меня къ твердому убѣжденію, что и это слово прежде употреблялось въ двоякомъ значеніи: въ общемъ, собирательномъ значеніи всѣхъ Угорскихъ народовъ и въ частномъ значеніи *Югричей*, древнихъ обитателей береговъ Сыгвы и Сосвы на восточномъ склонѣ Уральскихъ горъ. Если вопросъ о Перми вызвалъ столько ученыхъ споровъ, обозрѣнію

*) «Пермская Старина» I, 54 и 66. Послѣ того объ Угорскихъ поселеніяхъ въ Перми Великой я написалъ особую статью: «Критическія замѣтки по исторіи Перми Великой XVI вѣка» во II выпускѣ «Трудовъ Пермской Ученой Архивной Коммиссіи», гдѣ см. стр. 27—35. (Статья вышла и отдѣльно). Пермь. 1893 г.

**) Объясненіе этихъ словъ см. въ «Пермс. Стар.» I, 156 и II, 38.

***) См. 2-ю главу во II выпускѣ «Пермс. Стар.». Пермь. 1890 г.

которыхъ мы посвятили I выпускъ нашего изданія, то и древнѣйшая Югра представлялась ученымъ не менѣе загадочною страною, восходящею своимъ началомъ чуть не къ миѳическимъ временамъ. Какъ о Перми разсказывалось много баснословныхъ преданій, въ которыхъ она смѣшивалась съ Біарміей Отера и скандинавскихъ сагъ IX—XII вѣковъ только на основаніи случайнаго и то отдаленнаго созвучія словъ; такъ и объ Югрѣ еще первоначальная лѣтопись сообщаетъ чудовищныя вещи, напримѣръ, о нѣмыхъ ея людяхъ, заклепанныхъ въ каменныхъ горахъ Александромъ Македонскимъ (Лаврентьевская лѣтопись подъ 1096 годомъ), о вѣверицахъ и оленцахъ, т. е. бѣлкахъ и оленяхъ, выпадающихъ изъ снѣжныхъ тучъ въ странахъ полунощныхъ (Ипатьевская лѣтопись подъ 1114 годомъ) и т. п. Баснословность и крайняя неопредѣленность древнѣйшихъ извѣстій объ Югрѣ, какъ и о началѣ всякой страны, естественно, создала въ наукѣ нѣсколько цикловъ ученыхъ, болѣе или менѣе расходившихся въ своихъ воззрѣніяхъ на одинъ и тотъ же предметъ, а иногда и діаметрально противоположныхъ. Поэтому въ изложеніи вопроса о древней Югрѣ намъ опять придется прибѣгнуть къ тому же пріему, какой употребили мы относительно древнѣйшей Перми въ I выпускѣ изданія, т. е. мы должны сначала установить извѣстную группировку ученыхъ воззрѣній на Югру, высказанныхъ доселѣ, и затѣмъ высказать свое мнѣніе на основаніи пересмотра первоисточниковъ.

Мы должны установить двоякую группировку ученыхъ воззрѣній на древнюю Югру: во 1-хъ относительно ея мѣстоположенія и во 2-хъ относительно генетической связи ея съ современными угорскими народами. И въ томъ, и въ другомъ отношеніяхъ среди ученыхъ образовалось нѣсколько группъ. Относительно мѣстоположенія древней Югры ученыя воззрѣнія раздѣлились такимъ образомъ:

1. По мнѣнію однихъ ученыхъ, древняя Югра лежала къ западу отъ Уральскихъ горъ.

2. По мнѣнію другихъ, прямо противоположному, она находилась къ востоку отъ Урала.

3. По мнѣнію третьихъ, Югра занимала оба склона Урала, хотя и неодновременно: сперва западный, а послѣ восточный склонъ горъ.

Остановимся на каждой группѣ ученыхъ отдѣльно, какъ сдѣлано это нами и относительно древней Перми въ I выпускѣ изданія (стр. 54—61).

Къ первой группѣ относится большинство ученыхъ прошлаго вѣка. Извѣстный *В. Н. Татищевъ* въ „Исторіи Россійской“ (томъ II, стр. 424) и *Болтинъ* въ „Примѣчаніяхъ на исторію древнія и нынѣшнія Россіи г. Леклерка“ (СПБ. 1788 г., томъ I, стр. 48) относили древнюю Югру къ мѣсту соединенія Юга съ Сухоною и верховьямъ образующейся изъ нихъ Сѣверной Двины. Къ нимъ примкнулъ извѣстный путешественникъ *Рычковъ* („Журналъ или дневныя записки путешествія въ 1769—1770 г.г.“, часть II, 102 и другія), заодно съ Татищевымъ производившій имя Югры отъ рѣки Юга (Югдорія, въ сокращеніи Югорія). Сибирскіе историки *Миллеръ* и *Фишеръ* держались того мнѣнія, что подъ именемъ Югріи въ старину разумѣли земли, прилегавшія къ р. Печорѣ и простиравшіяся на сѣверѣ до Ледовитаго океана и на востокѣ до Урала или „Югорскихъ горъ“, при чемъ *предшественниками Югры въ сихъ мѣстахъ были Самоѣды*, отодвинутые потомъ на крайній сѣверо-востокъ Европы *). Этому мнѣнію послѣдовалъ и *Шлецеръ* („Несторъ“, II, 50—51 и III, 112), указавшій сверхъ того Вычегду южной границей земли Югорской. Всѣ указанныя мнѣнія имѣли подъ собою твердую научную почву, но оказались односторонни послѣ тѣхъ выводовъ, къ которымъ впослѣдствіи пришли ученые третьей группы.

Вторая группа ученыхъ усвоила себѣ прямо противоположный взглядъ на Югру, полагая ее за Ураломъ. Во главѣ этихъ ученыхъ нужно поставить академика *А. Х. Лерберга*, написавшаго первое спеціальное изслѣдованіе о древней Югрѣ **). Такъ какъ его выводамъ справедливо придается важное значеніе всѣми изслѣдователями Югры, то мы приведемъ ихъ подлинными его словами: „Древняя Югрія

---

*) *Миллеръ*: «Описаніе Сибирскаго Царства». СПБ. 1750 г., стр. 61 и «Лексиконъ географич. Россійс. госуд.», сочиненный *Полунинымъ*, изданный Миллеромъ. М. 1773, стр. 262, статья «Печера». *Фишеръ*: «Сибирская исторія», стр. 108.

**) См. его «Изслѣдованія, служащія къ объясненію древней Русской исторіи». въ переводѣ съ нѣмецкаго *Языкова*. СПБ. 1819 г. При этомъ объемистомъ томѣ приложена «Карта для изъясненія къ сочиненію о положеніи Югорской земли».

находилась не на берегѣ Бѣлаго моря, не у Печоры и Вычегды, не у Юга и вообще *не собственно въ Европейской Россіи*, но—простиралась она между 56° и 67° сѣв. шир. отъ самаго сѣвернаго конца Урала на востокъ чрезъ нижнюю Обь до рѣки Надыма, впадающей въ Обьскую губу, и до Агана, который выше Сургута впадаетъ въ Обь. Къ ней принадлежали еще мѣста, лежащія по нижнему Иртышу, Тавдѣ, Турѣ и Чусовой. Съ южныя стороны граничила она съ Татарскими владѣніями, а съ сѣверной—съ землею *прежде бывшихъ Самоѣдовъ*, почему и занимала не малую часть сѣв.-запад. Азіи и состояла больше изъ мѣстъ, принадлежащихъ нынѣ къ Тобольской и Пермской губерніямъ" *). *Карамзинъ* въ первомъ томѣ своей „Исторіи Госуд. Россійскаго" ограничилъ предѣлы Югры поселеніями нынѣшнихъ Березовскихъ Остяковъ на Оби и Сосвѣ, слѣдуя указанію „Книги Большему Чертежу". „Описаніе похода Россіянъ въ землю Югорскую около 1500 года ясно доказываетъ, что она была за Каменнымъ Поясомъ", добавляетъ онъ (см. томъ I изд. 1818 г., стр. 35 и примѣчаніе къ нему 73). Того же мнѣнія держался *Соловьевъ*, какъ можно видѣть изъ его описанія походовъ Русскихъ въ Югру (т. V, 94—95). Отличный знатокъ Березовскаго края, *Н. А. Абрамовъ*, опредѣлялъ Югру по „Книгѣ Большему Чертежу", какъ и Карамзинъ **). Близко къ Лербергу стоятъ по воззрѣніямъ на Югру *Клапротъ* и финнологъ *Кастренъ* ***). Проф. *И. Д. Бѣляевъ* судилъ о границахъ Югры на основаніи свидѣтельствъ о походахъ Русскихъ противъ этой страны въ XIV и особенно въ XV в.в., т. е. поступалъ подобно С. М. Соловьеву ****).

Третью группу можно считать господствующей какъ по своимъ воззрѣніямъ на Югру, такъ и по числу послѣдователей. Первымъ по времени представителемъ ея мы считаемъ

---

*) Стр. 4 указанной книги. *Миллеръ* и *Фишеръ* также считали Самоѣдовъ предшественниками Югры, что намъ важно замѣтить для послѣдующихъ выводовъ.

**) См. его «Описаніе Березовскаго края» въ «Запискахъ Импер. Русск. Геогр. Общ.» кн. XII. СПБ. 1857 г., стр. 329.

***) **Klaproth**: «Mémoires relatifs á l' Asie»; **Castren**: «Ethnologische Vorlesungen ueber die altaischen Völker». SPT. 1857.

****) *Бѣляевъ:* «О географическихъ свѣдѣніяхъ въ древней Россіи» (до XVI вѣка) въ «Запискахъ Импер. Русск. Географ. Общ.», кн. VI. СПБ. 1852 г.

Георги, который въ своемъ „Geographisch-physicalischen Beschreibung des russischen Reichs“ (Königsberg. 1797, в. II, p. 13) опредѣленно высказалъ, что древнюю Югрію составлялъ берегъ, простирающійся отъ Бѣлаго моря чрезъ Уралъ до Оби. Этотъ выводъ нашелъ себѣ подтвержденіе въ трудахъ знаменитаго *Антона Регули* и нѣкоторыхъ его послѣдователей-финнологовъ, тщательно изучавшихъ языки финскихъ народовъ сѣвернаго побережья, постепенныя передвиженія этихъ народовъ и географическую номенклатуру, какъ довольно надежный научный указатель этихъ передвиженій. Самымъ рѣшительнымъ сторонникомъ его въ угорскомъ вопросѣ былъ *Европеусъ*. Академикъ *Гофманъ*, стоявшій во главѣ извѣстной сѣверной экспедиціи 1847 года, воспользовался ихъ выводами въ своемъ трудѣ „Сѣверный Уралъ“ (см. томъ II. СПБ. 1856 г., стр. 50 и слѣд.). Относительно древней Югры онъ высказалъ между прочимъ слѣдующія соображенія: „*Вогулы и ляпинскіе Остяки говорятъ*, какъ мнѣ кажется, *однимъ и тѣмъ же языкомъ*, *составляютъ одинъ народъ*, и даже по горнымъ терминамъ въ ихъ языкѣ видно, что они долго жили въ горахъ. Мѣста ихъ поселенія по обѣ стороны хребта, сколько я ихъ обозрѣлъ, теперь рѣзко отдѣлены другъ отъ друга. Вогулы живутъ къ югу отъ истоковъ Вишеры.... Ляпинскіе Остяки живутъ къ сѣверу отъ истоковъ Печоры и теперь только къ востоку отъ хребта; но свойство почвы и страны не представляетъ никакого основанія думать, чтобъ они не могли обитать прежде по сю сторону хребта, въ странахъ, которыя они еще и теперь считаютъ своею собственностію и которыми пользуются для охоты и пастбищъ, т. е. на системахъ судоходныхъ и рыболовныхъ рѣкъ: *Илыча* (по остяцки Ольсъ), *Почерема* (Манси-Гумъ-я) и *Щугора* (Сакуръ-я). *Когда Новгородцы начали ихъ притѣснять, они потянулись чрезъ хребетъ .... и имя Югры перешло чрезъ него вмѣстѣ съ ними*“ (стр. 50). Ляпинскіе Остяки, какъ и Вогулы, называютъ сами себя *Манси*, а Зыряне называютъ Остяковъ и донынѣ *Еграгасъ*, превратившееся въ русское *Югра*. Отъ тѣхъ же Зырянъ Русскіе переняли слово Вогулъ, по-зырянски *Ваголъ* *). „Если такимъ образомъ

*) **Müller'** s: «Sammlung russischer Geschichte». СПБ. III, 339. **Sjögren**: «Memoir. de l' Acad. de ST. Petersb.» VI serie. 1832. pag. 526.

ляпинскіе Остяки были древніе Югры, заключаетъ Гофманъ, то и границы Югріи были тѣ самыя, которыя они до сихъ поръ считаютъ предѣлами своихъ владѣній, именно: отъ Оби къ западу почти до Печоры и отъ истоковъ Печоры къ сѣверу почти до 65° сѣв. шир.“ (стран. 50). „Итакъ, если ляпинскіе Остяки, нынѣшніе *Еграясъ*, были Югры, читаемъ еще у того же Гофмана, то вѣроятно ихъ обиталища находились сперва по сю сторону Урала, на рѣкѣ (*Егра-Ляга*, по русски *Югра*, притокъ Илыча), по которой они безразлично съ Печерцами названы были Югрою. Такъ какъ они, оставя западную сторону Урала, продолжали однакожъ ежегодно ходить въ Европу чрезъ *Югринскій Переходъ* (долина упомянутой рѣки Югры, притока Илыча) для торговли, охоты и пастбищъ, то это имя перешло и на восточную сторону, *а впослѣдствіи и на одноименныхъ обдорскихъ Остяковъ, съ которыми перешло даже на берега Ледовитаго моря*“ (стр. 51). *Гофманъ* подробно описываетъ этотъ Югринскій Переходъ съ Печоры по Илычу и Югрѣ, но *Антонъ Регули* не приводитъ однако же такого названія прохода по долинамъ этихъ рѣкъ *). Онъ называетъ только въ числѣ семи проходовъ изъ Печерскаго края чрезъ Сѣверный Уралъ два *Сосвинскихъ пути*: одинъ отъ р. Илича, изъ деревни Сарью, другой отъ Печеры изъ дер. Усть-Уньи, которые оба сходятся на Уралѣ и идутъ ниже горы Енгельи въ Мальянскую долину, а отсюда къ Сосвѣ. Повидимому, Регули не пришлось слышать историческаго названія рѣки Югры и Югринскаго Перехода. Можетъ быть, онъ слышалъ остяцкое ея названіе *Ольсъ-Манъ-я* и не слыхалъ зырянскаго *Егра-Ляга* и русскаго *Югра*. Труды венгерскихъ и финляндскихъ лингвистовъ и этнографовъ и нашихъ ученыхъ много подвинули впередъ изученіе угорскихъ народовъ и въ частности древней Югры. Подъ ихъ вліяніемъ въ позднѣйшее время угорскій вопросъ занялъ въ наукѣ столь видное мѣсто, что въ Гельсингфорсѣ возникло даже спеціальное „Финско-Угорское Общество“, уже заявившее себя почтенными трудами въ этой области.

*) См. переводъ письма *А. Регули* къ нашему академику *П. И. Кеппену* отъ 21 января 1847 г. въ «Запискахъ Русск. Географич. Общ.», кн. III. СПБ. 1849 г., стр. 159—175. Въ одномъ мѣстѣ, правда, онъ констатируетъ древнее наименованіе Сѣвернаго Урала *Югорскимъ Камнемъ*, о чемъ раньше писалъ Лербергъ.

„Угорская теорія“ *Европеуса*, при всей ея крайности, нашла себѣ въ средѣ членовъ этого Общества новыхъ сторонниковъ. Идеи финскихъ ученыхъ до извѣстной степени опредѣляли взгляды и нашихъ ученыхъ, работавшихъ въ той же области. Такъ, *Н. И. Костомаровъ* смотрѣлъ на Югру съ точки зрѣнія *Кастрена*, но въ отношеніи мѣстоположенія древней Югры примкнулъ къ третьей группѣ ученыхъ, признавъ возможнымъ допустить существованіе угорскихъ поселеній и къ западу отъ Уральскихъ горъ *). Еще ранѣе его *фонъ-Бушенъ* написалъ второе послѣ Лербергова спеціальное изслѣдованіе о древней Югрѣ, весьма замѣчательное по основнымъ выводамъ для своего времени **). Считаемъ необходимымъ остановиться на этихъ выводахъ. „*Страна*, называемая въ Большомъ Чертежѣ Югрою и заключавшая въ себѣ небольшое пространство *по рѣкамъ Сосвѣ и Сыгвѣ, была только Югрою въ тѣсномъ смыслѣ*. Въ древнѣйшія времена въ составъ Югры входила также вся Обдорія, т. е. страна на нижнихъ частяхъ р. Оби до Ледовитаго океана, равно какъ и часть земель, занимаемыхъ нынѣшними Зырянами и Вогулами, лежащихъ на югъ отъ Югры, на Тавдѣ, Колвѣ и Вишерѣ. Въ лѣтописяхъ новгородскихъ и въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ иностранныхъ писателей XVI вѣка мы встрѣчаемъ нерѣдко мѣста, свидѣтельствующія, что Югра жила по обѣимъ сторонамъ Урала и на берегахъ Сѣвернаго Ледовитаго моря.... Смѣло можно предполагать, что *древняя Югра въ обширномъ смыслѣ*, какъ ее понимали Новгородцы въ первыя времена существованія Русскаго государства, *простиралась на сѣверъ до прибрежья Ледовитаго океана отъ Югорскаго шара до устьевъ Таза, а на югъ достигала верховьевъ Лозвы и Вишеры*. Уже во времена позднѣйшія Югрѣ назначены были болѣе тѣсные предѣлы“ (стр. 170—171) ***). Далѣе мы увидимъ, что во взглядѣ на древнюю Югру Бушенъ подошелъ къ истинѣ

*) «Сѣвернорусскія народоправства». СПБ. 1863 г. т. I, 412—413.

**) «Опытъ изслѣдованія о древней Югрѣ» въ «Вѣстникѣ Императ. Русскаго Географич. Общества», кн. IV, СПБ. 1855 г., стр. 167—190.

***) *Бушенъ* добавляетъ, ссылаясь на «Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній» *Н. В. Калачова* кн. I, что въ 7184 (1676) г. были учреждены Обдорское и Кондійское намѣстничества, а въ 7189 (1681) г. *Югорское*, а что до того времени вся Югра причислялась къ Велико-Пермскому намѣстничеству.

ближе всѣхъ другихъ изслѣдователей того же вопроса. Изъ послѣдующихъ ученыхъ заслуживаетъ вниманія проф. *Н. П. Барсовъ*, сообщившій объ Югрѣ нѣкоторыя новыя соображенія *). Онъ обратилъ особенное вниманіе на географическія названія, доселѣ существующія на сѣверо-востокѣ Россіи и обличающія несомнѣнно угорское происхожденіе. Таковы: рѣка *Угроньга*, притокъ Ваги, *Угринская* деревня на Вагѣ къ югу отъ уѣзднаго города Вельска, *Угорма*, притокъ Кубины, въ Кадниковскомъ уѣздѣ, д.д. *Югорская* и *Югрина* въ Тотемскомъ уѣздѣ, въ области Сухоны, *Югринская* дер. на р. Югѣ, въ Никольскомъ уѣздѣ, *Гурганская* на верхней Сысолѣ, въ южной части Усть-Сысольскаго уѣзда—всѣ эти названія въ нынѣшней Вологодской губерніи и мн. др. Рядъ подобныхъ географическихъ названій привелъ Барсова къ одинаковому заключенію съ Татищевымъ, съ тою разницею, что Барсовъ ограничилъ извѣстнымъ хронологическимъ предѣломъ господство Югры къ западу отъ Урала. „Подчиненіе Югры Новугороду, говоритъ онъ,—по всей вѣроятности относится или къ началу XII вѣка, или къ самому концу XI-го. Но по обстоятельствамъ, Новгородцы никогда не могли утвердить надъ нею прочной власти и ограничивались простымъ сборомъ дани.... Югра управлялась своими князьями, вела съ даньщиками упорную борьбу и .... отступала. *Въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій она постепенно передвинулась за Уралъ, на берега Иртыша и Оби, гдѣ и застаетъ ее XV вѣкъ, и гдѣ она была покорена уже Московскими войсками*. По всей вѣроятности, двигались вмѣстѣ съ Югрою и Новгородскія дружины..... Память о такомъ переселеніи Югры съ береговъ Двины и Юга, гдѣ она жила когда-то подъ именемъ Югорски, за Уралъ еще въ прошломъ столѣтіи сохранялась у ея потомковъ Вогуловъ“. Н. П. Барсовъ ссылается на свидѣтельство Шведскаго подполковника *Шенстрема* (P. Schönström), бывшаго въ Россіи въ качествѣ военноплѣннаго въ 1741 г. и написавшаго пошведски книгу: „Краткое введеніе къ исправленію Шведской исторіи“ 1816 г. Шенстремъ говоритъ, что въ его время около Каргополя

*) «Очерки Русской исторической географіи. Географія начальной (Несторовой) лѣтописи». Изслѣдованіе *Н. П. Барсова*. Варшава. Изд. 2-е. 1885 г., стр. 60—64.

Олонецкой губ., по рѣкѣ Вагѣ и по озерамъ Онежскому и Ладожскому говорили испорченнымъ финскимъ языкомъ, что собственно Біармія нѣкогда лежала на восточномъ берегу Двины, а къ востоку отъ Перми и рѣки Камы живетъ народъ, который Русскіе называютъ Вогулами. „Прежде они жили, какъ разсказывали мнѣ нѣкоторые изъ нихъ, на рѣкахъ Двинѣ и Югѣ и назывались тогда *Югорски* (Iugorski), безъ сомнѣнія, по рѣкѣ Югу". (Барсовъ, стр. 245, примѣч. 115-е). Это преданіе Вогуловъ кромѣ *Шенстрема* сообщили *Миллеръ* и *Кастренъ* *). Изъ позднѣйшихъ изслѣдователей Югры слѣдуетъ остановиться на *Замысловскомъ*, который высказалъ свой взглядъ по этому вопросу въ монографіи о Герберштейнѣ. Вотъ его окончательныя сужденія объ Югрѣ. „На основаніи доводовъ и соображеній, приведенныхъ Н. Барсовымъ, мы готовы допустить, что названіе Югра въ нашихъ письменныхъ памятникахъ XII—XIV в.в. относится къ землѣ, лежавшей къ западу отъ Урала. *Но въ XV в. Югорскою землею называли также и область, прилегавшую къ восточнымъ склонамъ Урала*, что вѣроятно и привело Лерберга къ очень одностороннимъ и невѣрнымъ заключеніямъ" **). „Извѣстія, до насъ дошедшія отъ XV вѣка, далеко превосходятъ все то, что было извѣстно объ Югорской землѣ до этого времени; но все же они весьма недостаточны для того, чтобы съ увѣренностью возстановить то представленіе о ней, какое существовало въ это время. Можетъ быть, этимъ именемъ и продолжали означать область, прилегавшую къ сѣверо-западнымъ склонамъ Урала; но *въ то же время Югорскою землею несомнѣнно называли область на восточныхъ склонахъ Урала, по системѣ р. Оби*" ***). Замысловскій доказываетъ это выпиской изъ „Разрядныхъ книгъ" (Миллеръ, 63), свидѣтельствомъ Архангелогородской лѣтописи подъ 1483 годомъ и Герберштейна. Пересмотромъ вопроса о древней Югрѣ послѣ Замысловскаго занялся г. *Оксеновъ* ****).

*) **Müller**: «D. Ugrische Volksstamm», I, 153. **Castren**: «Ethnol. Vorlesnngen», pag. 99.

**) *Е. Е. Замысловскій*: «Герберштейнъ». СПБ. 1884 г., сноска на стр. 139.

***) Тамъ же, стр. 138.

****) «Сношенія Новгорода Великаго съ Югорской землей» въ «Литературномъ сборникѣ», изданномъ редакціей «Восточнаго Обозрѣнія». СПБ. 1885 г.

Онъ расходится съ Барсовымъ и Замысловскимъ только въ томъ, что признаетъ существованіе Зауральской Югры и до XIV вѣка. „Съ одной стороны, говоритъ онъ, въ лѣтописныхъ извѣстіяхъ о Югрѣ до XIV вѣка мы не имѣемъ ясныхъ указаній на положеніе Югорской земли на западъ отъ Урала и вообще какихъ либо опредѣленныхъ извѣстій о географіи этой страны; за то съ другой стороны цѣлый рядъ извѣстій о Югорской землѣ (со второй половины XIV в. до самаго начала XVIII в.) положительнымъ образомъ свидѣтельствуетъ, что Югорская земля находилась за Ураломъ, по нижнему теченію Оби. Поэтому, допуская, что можетъ быть Югорская земля до полов. XIV в. полагалась русскими людьми отчасти на западѣ отъ Урала, мы въ тоже время рѣшаемся утверждать, на основаніи многихъ извѣстій о Югрѣ съ полов. XIV в. до начала XVIII в., что *подъ Югрой и въ древнее время до XIV в. разумѣлась страна за Ураломъ, въ бассейнѣ Оби*“ (стр. 429 указаннаго „Сборника“). Эти слова сближаютъ г. Оксенова съ учеными второй группы въ вопросѣ объ Югрѣ. Послѣднимъ по времени сочиненіемъ, въ которомъ удѣлено не мало страницъ угорскому вопросу, надо назвать монографію о Пермякахъ Казанскаго профессора *И. Н. Смирнова* *). Этотъ трудъ особенно важенъ тѣмъ, что въ немъ принята во вниманіе мѣстная историческая литература, съ которою всѣ вышепоименованные ученые, какъ видно, почти не знакомы; между тѣмъ мѣстные историки не рѣдко знаютъ областную исторію лучше общихъ историковъ, ошибки которыхъ и исправляютъ путемъ мѣстныхъ изысканій. Г. Смирновъ главною цѣлью поставилъ себѣ изученіе Пермяковъ въ ихъ прошломъ и настоящемъ, но какъ историческія судьбы ихъ тѣсно связаны съ судьбами сосѣднихъ угорскихъ народовъ, то автору „Пермяковъ“ неизбѣжно пришлось имѣть дѣло и съ угорскимъ вопросомъ. Приведемъ главные выводы автора относительно древней Югры. „Что Коми не одни населяли берега Вычегды—несомнѣнно. Всѣ болѣе или менѣе

*) Напечатана въ «Извѣстіяхъ Общества Археол., Исторіи и Этнографіи при Импер. Казан. Универс.» томъ IX, вып. 2. Казань. 1891 г. Свои основные выводы авторъ повторяетъ въ одной критической замѣткѣ на книгу «Пермскій Край», томъ II, помѣщенной въ тѣхъ же «Извѣстіяхъ», томъ XI, вып. 4, стр. 400—405. Казань. 1893 г.

крупныя воды края имѣютъ двойныя названія: Вычегда у Зырянъ называется Йож-ва, Вымъ—Йом-ва, Сысола—Сыктыл-ва, Ухта (притоки Выма)—Сыква. Какой народъ далъ не зырянскія названія—отчасти выяснилъ *Европеусъ* *). Онъ очень удачно истолковалъ названіе Вычегды изъ Югорскихъ словъ. Югорское названіе Вычегды должно, конечно, свидѣтельствовать о томъ, что *первыми насельниками на ея берегахъ, или по крайней мѣрѣ сѣверномъ, была Югра, и что русскіе застали ее здѣсь, вступая впервые въ край. Въ пользу пребыванія Югры на всемъ теченіи Вычегды говорятъ и другія мѣстныя названія*.... Названіе р. Егры (Йогра), впадающей въ Сухону на западъ отъ Устюга, можетъ свидѣтельствовать, что Югра заходила на западъ дальше устья своей Вычегды. Выводы относительно территоріи Югры, сдѣланные нами на основаніи мѣстныхъ названій, подтверждаются нѣкоторыми, хотя и скудными, историческими данными. У Епифанія въ „Плачѣ Пермскихъ людей" мы читаемъ: „быхомъ поношеніе *сусѣдомъ* нашимъ иноязычникомъ Лопи, *Вогуличамъ*, *Югрѣ*, и Пинезѣ.... иноязычницы *Вогулицы* наступаютъ". Югра, стало быть, были ближайшими сосѣдями Вымичей еще въ XIV вѣкѣ. Въ первой половинѣ XV в. епископъ Питиримъ, имѣвшій свое пребываніе въ Вымѣ, обращаетъ въ христіанство какихъ-то Вогуличей и дѣлается затѣмъ жертвой своей миссіонерской ревности" (стр. 106—107). Далѣе И. Н. Смирновъ приводитъ много другихъ свидѣтельствъ о пребываніи Вогуловъ по сю сторону Урала на основаніи мѣстныхъ документовъ Пермскаго и Вологодскаго края; почти всѣ они собраны въ разныхъ мѣстахъ и нашего изданія, почему мы ихъ не повторяемъ (особенно см. I выпускъ). Окончательный выводъ автора о мѣстѣ жительства древней Югры таковъ: „Прибавимъ къ тому, что говорятъ историческія свидѣтельства, названія, въ которыхъ звучитъ имя Вогуловъ: рѣчка Вогулка—притокъ Иньвы близъ Купроса, рѣч. Вогулка—притокъ Косьвы, р. Вогулка—прит. Печеры, селенія: Вогулята, Вогульскій, юртъ Вогула на Печерѣ—

---

*) *Европеусъ*: «Объ Угорскомъ народѣ». СПБ. 1874 г., «Къ вопросу о народахъ, обитавшихъ въ сѣверной и средней Россіи до Славянъ» въ «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1868 г., т. III, стр. 55—71 и другіе труды.

и мы будемъ имѣть рядъ безспорныхъ доказательствъ въ пользу того, что *въ періодъ отъ половины XV до конца XVII в. Маньсы жили еще на пространствѣ между Усть-Вымомъ и Ураломъ, по рѣкамъ Вычегдѣ, Печерѣ и восточнымъ притокамъ Камы—Колвѣ, Вишерѣ, Яйвѣ, Косьвѣ и Чусовой....* Передвиженіе Югры на востокъ представляетъ собою результатъ борьбы, въ которой Югрѣ принадлежала оборонительная роль. *Югра ассимилировалась, отступала, пока главная масса ея не перешла наконецъ черезъ Уралъ.* Тогда, вѣроятно, сложились вогульскія опредѣленія восточнаго и западнаго склоновъ Урала—зырянская сторона, вогульская сторона. Борьба эта не остановилась у подножія Урала: мы видимъ ее еще и теперь. *Югра уступаетъ постепенно оба склона Урала Перми—Зырянамъ*" (стр. 109—110).

Изъ представленнаго обозрѣнія ученыхъ мнѣній относительно мѣстоположенія древней Югры не трудно усмотрѣть, что мнѣніе о постепенномъ передвиженіи Югры изъ Европы въ Азію чрезъ сѣверный Уралъ настолько установилось въ наукѣ, что его врядъ-ли можно отвергать. Теперь мы должны классифицировать мнѣнія тѣхъ же ученыхъ о генетическомъ отношеніи древней Югры къ современнымъ намъ Вогуламъ и Остякамъ. Съ этой стороны мы замѣчаемъ также три группы ученыхъ: одни считаютъ Югру предками нынѣшнихъ Вогуловъ и Остяковъ вмѣстѣ, другіе—только Вогуловъ, третьи только Остяковъ. Разсмотримъ отдѣльно научныя основанія каждаго мнѣнія.

Мы знаемъ уже, что слово „Югра" или „Угра" употреблялось у насъ съ первыхъ вѣковъ нашей исторіи рядомъ съ названіями „Пермь" и „Печера". Одновременное употребленіе этихъ трехъ гео-этнографическихъ терминовъ на территоріи нынѣшней сѣверо-восточной Россіи доказываетъ, что передвиженіе Югры за Уралъ, а Перми на ея прежнія мѣста—съ верхняго Покамья (область Коми) на Вычегду и Печору—началось еще въ доисторическія времена, такъ какъ первое совмѣстное упоминаніе Югры и Перми въ нашей первоначальной лѣтописи относится къ XI вѣку. Мы сказали выше о *зырянскомъ* происхожденіи слова Югра, подъ которымъ Зыряне и доселѣ разумѣютъ зауральскихъ Остяковъ; того же *зырянскаго* происхожденія и слово Вогулъ (по зы-

рянски Ваголъ). Русскій народъ сохранилъ доселѣ только послѣднее названіе, а слово Югра позабылъ, потому что, какъ увидимъ далѣе, собственно Югрою въ тѣсномъ смыслѣ онъ считалъ не всѣхъ Остяковъ, а лишь обитателей зауральскихъ рѣкъ Сыгвы и Сосвы, которые съ XVIII вѣка уступили и это мѣсто, и свое древнее наименованіе предкамъ современныхъ намъ угорскихъ народовъ. Въ воспоминаніяхъ Русскаго народа всѣ древнѣйшіе обитатели пермской и угорской территорій объединились въ собирательномъ славянскомъ названіи *Чуди*, чуждыхъ народовъ *). Здѣсь-то возникаетъ вопросъ: кому именно—Вогуламъ и Остякамъ вмѣстѣ, или кому-либо отдѣльно уступила мѣсто совсѣмъ исчезнувшая съ этнографической карты Россіи въ XVIII вѣкѣ собственно Югра, для которой послѣднимъ убѣжищемъ служили берега Сыгвы и Сосвы, какъ ясно видно изъ „Книги Большему Чертежу"? Изслѣдователи этого важнаго вопроса опять раздѣлились на три, рѣзко очерченныя, группы, которыя мы и указали выше. Начнемъ съ первой группы ученыхъ.

Первый спеціальный изслѣдователь древней Югры, *Лербергъ*, констатировавъ ближайшее родство Вогуловъ съ Остяками, высказалъ мнѣніе, что древняя Югра, понимаемая имъ только въ широкомъ смыслѣ, была предшественницей нынѣшнихъ Вогуловъ и Обскихъ Остяковъ безразлично. „Вогуличи или Вогулы, говоритъ онъ, ссылаясь на *Георги*, *Рычкова* и *Фалька*, суть ближайшіе родственники Обскихъ Остяковъ; они считаютъ себя однимъ съ ними народомъ, а потому какъ самихъ себя, такъ и сихъ Остяковъ называютъ Манси". („Изслѣдованія", стр. 18 и слѣд.). На этомъ основаніи, по мнѣнію Лерберга, нѣтъ надобности доказывать, кто такая была древняя Югра—родоначальница Вогуловъ или Остяковъ; *она была общимъ ихъ предкомъ*. Того же мнѣнія держались представитель алтайской теоріи Финно-Угровъ *Кастренъ* и самый крайній сторонникъ угорской теоріи *Европеусъ*, объединявшій Вогуловъ и Остяковъ въ племенномъ названіи Угровъ и отводившій послѣднимъ громадную терри-

---

*) *И. Н. Смирновъ:* «Пермяки», стр. 114—115 и слѣд. Попытки *Европеуса* и его послѣдователей отнести слово Чудь только къ предкамъ Югры оказываются малоудачными.

торію, вопреки филологическимъ изысканіямъ *Шегрена.* Въ своихъ выводахъ Европеусъ менѣе доказателенъ относительно Угровъ, нежели Шегренъ въ отношеніи Коми, т. е. Зырянъ и Пермяковъ. Взглядамъ Европеуса въ свою очередь слѣдовали и другіе сторонники угорской теоріи. Изъ нашихъ мѣстныхъ изслѣдователей здѣсь мы должны упомянуть *Ѳ. А. Теплоухова*, который въ послѣдней работѣ своей склонился на сторону того же цикла ученыхъ, вопреки собственныхъ прежнихъ заключеній о взаимномъ родствѣ финскихъ народовъ *).

Вторая группа ученыхъ держится мнѣнія, что древняя Югра была предкомъ нынѣшнихъ Вогуловъ, обитавшихъ прежде на обоихъ склонахъ Урала. До половины нашего вѣка это мнѣніе было преобладающимъ въ наукѣ. Основаніями для него служили два соображенія: во 1-хъ, что въ письменныхъ памятникахъ Югра въ тѣсномъ смыслѣ указывается тамъ, гдѣ и понынѣ слышится вогульскій языкъ, и во 2-хъ, что между самими Вогулами сохранилось преданіе о ихъ быломъ жительствѣ къ западу отъ Урала **). *Г. Ф. Миллеръ* въ „Описаніи Сибирскаго Царства“ (стр. 61—62) высказалъ мысль, что Югра была остаткомъ переселившихся въ IX в. съ Урала Венгровъ, а какъ Вогуличи суть „первый народъ въ Сибири, которые близко подлѣ горъ и нѣкоторые еще посреди оныхъ жилище свое имѣютъ“, то и надобно думать, что они суть потомки древней Югры. *Фишеръ* видѣлъ въ Югрѣ предковъ припечерскихъ Вогуличей и вмѣстѣ съ Миллеромъ, какъ мы упоминали, считалъ Самоѣдовъ въ свою очередь предшественниками самой Югры по обладанію тѣми же землями. Послѣднее замѣчаніе имѣетъ важное историческое значеніе, и справедливость его основательно доказана въ трудахъ *А. Регули*, о чемъ мы подробно скажемъ далѣе, въ своемъ мѣстѣ. Затѣмъ такое же мнѣніе о преемственности Югры—Вогуловъ высказалъ академикъ *Гофманъ* послѣ личнаго посѣщенія сѣ-

*) «Древности Пермской Чуди въ видѣ баснословныхъ людей и животныхъ» во II томѣ сборника «Пермскій Край». Пермь. 1893 г.

**) Это преданіе сообщилъ упомянутый выше шведъ *Шонстремъ*, авторъ «Краткаго введенія къ исправленію Шведской исторіи», бывшій въ Россіи въ 1741 г., а за нимъ и другіе писатели объ Уграхъ.

вернаго Урала. Это мнѣніе мы привели выше, такъ какъ Гофманъ соединилъ его нераздѣльно съ вопросомъ о мѣстѣ жительства Югры *). Главнымъ основаніемъ его мнѣнія служитъ то соображеніе, что нынѣ на Сыгвѣ и Сосвѣ живутъ „Ляпинскіе Остяки", которые говорятъ однимъ языкомъ съ Вогулами и, подобно имъ, называютъ сами себя *Манси*, тогда какъ Обдорскіе Остяки говорятъ совершенно другимъ языкомъ, настолько отличнымъ отъ языка Ляпинскихъ Остяковъ, что для каждаго нуженъ особый переводчикъ (стр. 50). Замѣтимъ при этомъ, что Обдорскіе Остяки и не называютъ себя Манси, но присвоили себѣ другое самоназваніе—*Аръяхи* или *Хондихо*. Это самое мнѣніе о преемственности Югры—Вогуловъ высказалъ извѣстный знатокъ мѣстной этнографіи и исторіи Урала *Н. К. Чупинъ* **). Приведемъ его конечный выводъ. „Въ Тобольской губ. необрусѣлыхъ Вогулъ еще довольно много; они обитаютъ главнымъ образомъ въ волостяхъ Ляпинской и Сосвинской. *Русскіе называютъ ихъ Остяками Ляпинскаго нарѣчія, хотя это настоящіе Вогулы и существенно разнятся отъ сѣвернѣе живущихъ Обскихъ Остяковъ*. Зыряне называютъ сѣверныхъ Вогулъ (Остяковъ Ляпинскаго нарѣчія) *Егра*, *Іогра*. Русскіе называютъ двѣ малыхъ рѣчки, выходящіе изъ Уральскаго хребта и впадающія—одна въ Илычъ, притокъ Печоры, другая въ верхнюю часть Сѣверной Сосвы—*Юграми*, а горный проходъ между этими рѣчками—*Югринскимъ переходомъ*. Вторая изъ этихъ рѣчекъ, сибирская, называется также и *Вогулкою*. По всей вѣроятности, *Вогулы суть остатки того самаго народа, который въ древности извѣстенъ былъ подъ именемъ Югры* и названіе котораго вошло въ русскій царскій титулъ (князь земли Югорскія)". Ко второй группѣ ученыхъ, принимающихъ Югру за предковъ нынѣшнихъ Вогуловъ, относится еще проф *Н. П. Барсовъ*. Обративъ вниманіе на то, что между самими Вогулами еще въ прошломъ вѣкѣ сохранялась память о ихъ быломъ мѣстѣ жительства къ западу отъ Урала, онъ заключаетъ: „*Сродство теперешнихъ Мадьяръ, потомковъ Черныхъ Угровъ*,

*) «Сѣверный Уралъ и береговой хребетъ Пай-Хой». Томъ II, стран. 47—51. СПБ. 1856 г. (Экспедиція 1847 года).

**) *Н. К. Чупинъ*: «Географическо-статист. словарь Пермской губ.». Пермь. 1873 г., стр. 339, статья «Вогулы».

съ Сибирскими Вогулами, потомками Заволоцкой Югры, теперь не подлежитъ, повидимому, сомнѣнію. Что касается Бѣлыхъ Угровъ, то послѣ изслѣдованія *К. Я. Грота*, вопросъ о нихъ можетъ считаться поконченнымъ. *Бѣлые Угры нашего лѣтописца обозначаютъ несомнѣнно Казаръ*, какъ то полагалъ еще *Шлецеръ*" *).

Третья группа ученыхъ, признающая преемственность Югры—Остяковъ, является преобладающею по числу послѣдователей со второй половины нашего вѣка, и только глава ея, *Карамзинъ*, стоитъ особнякомъ въ началѣ этого вѣка. Весь этотъ циклъ ученыхъ исходилъ изъ того соображенія въ рѣшеніи даннаго вопроса, что въ памятникахъ нашей древней письменности Югра и Вогулы упоминаются рядомъ, одновременно, тогда какъ упоминанія объ Остякахъ начинаются только съ XVI вѣка, когда слово Югра начинаетъ выходить изъ употребленія; слѣдовательно эти Остяки и суть потомки древней Югры. Мы замѣтили, что первымъ представителемъ этого воззрѣнія былъ *Карамзинъ*. Разбирая этнографическую номенклатуру Нестора, онъ добавляетъ отъ себя: „*Пермь жила въ губерніи сего имени; Югра или нынѣшніе Березовскіе Остяки,—на Оби и Сосвѣ*" **). Относительно имени Остяковъ онъ замѣчаетъ: „Имя Остяковъ есть новое Татарское: покоривъ часть Сибири въ XIII вѣкѣ, Татары назвали ея жителей *Уштяками*, т. е. *людьми дикими*. Вогуличи именуютъ Березовскихъ Остяковъ *Мансами*: такъ называются и сами Вогуличи. *Теперь нѣтъ особеннаго народа Печорскаго. Думаю, что такъ назывались нынѣшніе Зыряне, а не Самоѣды*, которые въ Несторовой лѣтописи именуются особенно Самоядью" (примѣч. 73 къ I тому). Въ 1857 г. извѣстный знатокъ Березовскаго края, мѣстный Сибирскій ученый *Н. А. Абрамовъ* писалъ: „Въ древнихъ актахъ, при упоминаніи народовъ, населявшихъ обѣ стороны Сѣвернаго Урала, нигдѣ не встрѣчается имени Остяковъ, между тѣмъ какъ о сопредѣльныхъ имъ племенахъ, Самоѣдахъ, Builtграхъ и Вогулахъ, есть свидѣтельство ранѣе XIII стол. *Надобно*

*) *Барсовъ:* «Очерки Русск. историч. географіи». Варшава. 1885 г., стр. 65.

**) «Исторія» по изданію бр. Слёниныхъ, I, 35 и примѣч. 73; кромѣ того см. т. IX, примѣчаніе 659.

положить, что Остяки разумѣлись у насъ въ древности подъ именемъ Югры, хотя Югрія, между Обдоріею и Кондіею, была только среднею частію остяцкихъ владѣній, гдѣ нынѣ волости Ляпинская и Сосвинская, по рѣкамъ Сыгвѣ (Ляпину) и Сосвѣ" *). Проф. *И. Д. Бѣляевъ* около того же времени высказалъ подобный взглядъ на основаніи свидѣтельствъ Архангелогородскаго лѣтописца и разныхъ Разрядныхъ книгъ о походахъ Москвитянъ въ Югру и на Вогуличей **). Но окончательно этотъ взглядъ на преемственность Югры—Остяковъ упрочилъ *Бушенъ* въ извѣстномъ уже намъ спеціальномъ изслѣдованіи о древней Югрѣ. На его доводахъ мы должны остановиться подольше. „Древнѣйшее знакомство Русскихъ съ Остяками относится ко времени разрушенія Кучумова царства и покоренія сибирскихъ Татаръ, владѣвшихъ большею частью самоѣдскихъ и остяцкихъ племенъ. Съ этого же времени имя Югры теряетъ свое прежнее этнографическое значеніе и получаетъ новое, чисто историческое, *т. е. обозначаетъ часть Югорской земли въ предѣлахъ, опредѣленныхъ ей „Книгою Большаго Чертежа"*, точно въ такомъ же смыслѣ, какъ у насъ и понынѣ приняты названія Ломбардіи, Бургундіи и Пруссіи для земель, бывшихъ нѣкогда во власти этихъ, давно исчезнувшихъ, народовъ. При томъ же *въ лѣтописяхъ намъ нигдѣ не случалось встрѣчать вмѣстѣ имя Югровъ съ именемъ Остяковъ*, такъ что можно почти навѣрное сказать, что подъ обоими именами подразумѣвался одинъ и тотъ же народъ" ***). Упомянувъ далѣе, что „между обскими Остяками съ древнѣйшихъ временъ существуетъ преданіе о прежнемъ знакомствѣ ихъ *съ Пермскою Чудью*, отъ которой, по словамъ г. Абрамова, многіе роды остяцкіе ведутъ свое происхожденіе, г. Бушенъ заключаетъ отсюда о прежнемъ жительствѣ Остяковъ на Уралѣ и далѣе къ западу, гдѣ они дѣлали нападенія на Великую Пермь и проникали до рѣки Выми. Окончательный выводъ г. Бушена таковъ:

---

*) «Описаніе Березовскаго края» въ «Запискахъ Император. Русскаго Географич. Общества», кн. XII. СПБ. 1857 г., стр. 329.

**) «О географич. свѣдѣніяхъ въ древней Россіи» въ томъ же изданіи кн. VI. СПБ. 1852 г., стр. 240—250.

***) *А. Бушенъ:* «Опытъ изслѣдованія о древней Югрѣ» въ «Вѣстникѣ Импер. Русск. Географич. Общ.» кн. IV. СПБ. 1855 г., стр. 178.

„Совокупивъ все сказанное, мы невольно приходимъ къ заключенію, что разсѣянныя остяцкія племена, кочующія нынѣ розно на Оби, Иртышѣ, Кондѣ и Тавдѣ и отчасти на Кети, или *Остяки въ собственномъ смыслѣ суть ничто иное, какъ потомки вытѣсненной съ Урала Югры*, бывшей нѣкогда данницею Великаго Новгорода и вмѣстѣ съ тѣмъ крайнимъ предѣломъ его владычества, и что *Вогулы, живущіе нынѣ на прежней Югорской землѣ, приняли къ себѣ только небольшую часть этого народа, котораго большинство составляютъ обскіе Остяки*" (стр. 178—179). Изслѣдованіе г. Бушена надолго закрѣпило такой взглядъ на Югру въ нашей наукѣ; послѣдующіе изслѣдователи того же вопроса являлись не рѣдко только компиляторами его. Таковъ, напримѣръ, позднѣйшій спеціальный изслѣдователь вопроса г. *Оксеновъ* *). Между прочимъ онъ пишетъ: „Нѣкоторые ученые допускаютъ, что Югрой въ древнее время назывались Вогулы. Однако противъ такого мнѣнія говоритъ тотъ фактъ, что въ лѣтописяхъ и другихъ источникахъ о Вогулахъ и Югрѣ упоминается, какъ о двухъ отдѣльныхъ народахъ". Объ Остякахъ же нѣтъ упоминанія рядомъ съ Югрой; поэтому „едва-ли можно сомнѣваться въ тождественности Остяковъ и Югорскаго народа, который въ древнее время назывался просто Югра" (стр. 432—433). О границахъ древнихъ поселеній Остяковъ авторъ замѣчаетъ: „Безъ сомнѣнія, границы области, нынѣ занимаемой Остяками, не могутъ вполнѣ считаться границами древней Югорской земли, но во всякомъ случаѣ (?) не слѣдуетъ, какъ это дѣлаетъ *Лербергъ*, включать мѣста по рѣкамъ Турѣ, Тавдѣ и Чусовой въ предѣлы древней Югорской земли. Въ этихъ мѣстахъ теперь нѣтъ Остяковъ, и также не встрѣчается историческихъ свидѣтельствъ о пребываніи ихъ въ этихъ краяхъ" (стр. 433). Ниже мы укажемъ, на основаніи достовѣрныхъ документовъ, ошибочность послѣдняго замѣчанія г. *Оксенова*.

Здѣсь мы закончимъ двоякую группировку ученыхъ мнѣній о древней Югрѣ, которая достаточно уяснила намъ современное состояніе въ наукѣ этого вопроса, какъ видимъ,

*) См. его «Сношенія Новгорода Великаго съ Югорской землей» въ «Литерат. Сборникѣ», изданномъ редакціей «Восточнаго Обозрѣнія». СПБ. 1885 г., стр. 425—446.

столь же сложнаго, какъ и вопросъ о древней Перми, обозрѣнію котораго мы посвятили много страницъ въ I выпускѣ „Пермской Старины“. Разобравшись въ источникахъ и литературѣ вопроса объ Югрѣ, мы позволимъ высказать свой взглядъ относительно загадочной страны Югры и Югричей, принявъ во вниманіе и мѣстные историческіе акты и документы, какъ видно, мало или совсѣмъ неизвѣстные указаннымъ выше изслѣдователямъ Югры, исключая проф. И. Н. Смирнова, лично бывавшаго въ Пермскомъ краѣ въ послѣдніе годы.

Названіе *Югра*, какъ и *Пермь*, употреблялось въ древности въ двоякомъ гео-этнографическомъ значеніи: *собирательномъ*, *общемъ* значеніи разныхъ земель, населенныхъ народами одного Угорскаго племени, и *специальномъ*, *частномъ* значеніи собственно Югры, какъ особой исчезнувшей уже народности въ бассейнѣ Сыгвы (Ляпины тоже) и Сѣверной Сосвы, на восточномъ склонѣ Урала. Соотвѣтственно этому въ тѣ же времена употреблялись слова *Пермь* въ общемъ значеніи всѣхъ земель, населенныхъ народами Пермской группы—Зырянами и собственно Пермяками, и *Пермь Великая* въ частномъ значеніи колыбели этого племени на верхнемъ Покамьѣ, между озеромъ Чусовскимъ и рѣкою Чусовою, откуда произошелъ добавочный эпитетъ Перми Великой, *„глаголемой Чусовой“* *).

Въ первый разъ въ общемъ, собирательномъ значеніи слово Югра употреблено въ нашей первоначальной лѣтописи XI вѣка: „Заволочьская Чудь, Пермь, Печера, Ямь, *Угра*“. Такъ названъ народъ въ Лаврентьевскомъ спискѣ; въ Ипатьевскомъ и Хлѣбниковскомъ на томъ же мѣстѣ читаемъ *Югра*—доказательство тождественности обоихъ названій. Въ остальныхъ спискахъ первоначальной лѣтописи этотъ народъ совсѣмъ не упомянутъ. Подъ 1096 годомъ, въ извѣстіи о первомъ путешествіи въ Югру новгородцевъ, бывшемъ за 4 года предъ тѣмъ, т. е. 1092 г., читаемъ: „послахъ отрокъ свой *въ Печеру*, люди, яже суть дань дающе Новугороду..... *и оттуду иде въ Югру***). *Югра же*, читаемъ далѣе, *людье*

*) Моя «Пермская Старина», вып. I, стр. 65—67.

**) Такъ въ Лаврентьевскомъ спискѣ; въ остальныхъ въ этомъ мѣстѣ сказано: «и оттуду иде въ Угру» (или въ Угры).

есть языкъ нѣмъ и *сѣдять съ Самоядью на полунощныхъ странахъ*". Изъ сопоставленія подчеркнутыхъ словъ ясно, что во 1-хъ, подъ Печерой остается разумѣть *третій* народъ—Печерскую Пермь или Зырянъ; во 2-хъ, попасть въ Югру можно было только *чрезъ Печеру*; въ 3-хъ, Югрой здѣсь названа страна, *лежавшая за Печерой*. („И оттуду, съ Печеры, иде въ Югру"). Слѣдовательно, *подъ 1096 г. Югра впервые упомянута въ частномъ, спеціальномъ значеніи страны и народа, жившаго за Печерой и за Ураломъ*, именно на Сыгвѣ или Ляпиной и Сѣверной Сосвѣ*). Подъ 1114 годомъ Ипатьевская лѣтопись замѣчаетъ: „и еще мужи старіи ходили *за Югру и за Самоядь*".**) Въ послѣднихъ словахъ нельзя не видѣть перваго, древнѣйшаго извѣстія о путешествіяхъ Новгородцевъ еще далѣе Сосвинской Югры за Ураломъ, при чемъ и въ этомъ случаѣ слово Югра нужно понимать въ тѣсномъ, собственномъ значеніи. И такъ, уже въ самомъ началѣ нашей исторіи мы видимъ Югру на тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ и впослѣдствіи, т. е. на берегахъ Ляпиной и Сосвы ***). Главная масса Угровъ, стало быть, передвинулась за Уралъ еще въ доисторическую эпоху, послѣ чего къ западу отъ Урала Угры встрѣчались только спорадически, уступивъ большую часть своей прежней территоріи передвинувшейся съ р. Камы на сѣверъ Перми. Это передвиженіе несомнѣнно совершилось также до временъ Нестора, заставшаго Пермь уже на Вычегдѣ и Печорѣ. Югра уступала однако свои прежнія мѣста не безъ борьбы съ надвигавшимися на нее съ запада Новгородцами и другими ближайшими насельниками тѣхъ мѣстъ и, въ свою очередь, потѣснила аборигеновъ Сѣвернаго Урала—Самоѣдовъ въ далекія „полунощныя страны", т. е. на прибрежья Ледовитаго океана.

Сказанное подтверждается какъ дальнѣйшими лѣтописными извѣстіями объ Югрѣ, такъ и многими современными географическими названіями на Сѣверномъ Уралѣ, которыя, по словамъ *А. Регули*, суть ничто иное, какъ переводъ

*) Сравнить въ «Пермск. Старинѣ», вып. I, стр. 33—35.

**) Въ Ермолаевскомъ спискѣ начала XVIII в. сказано: *«за Угры и за Самоиды»*.

***) Въ этомъ отношеніи мы совершенно согласны съ мнѣніемъ *Карамзина*.

самоѣдскихъ словъ на вогульскій, остяцкій и зырянскій языки. Самоѣдскія названія держались на Уралѣ еще долго и послѣ занятія части его Уграми, и только съ начала XVIII в. окончательно вытѣснены были угорскими и зырянскими *). При этомъ какъ передвигавшіеся Угры кое-гдѣ оставляли позади себя отдѣльныя колоніи, такъ и Самоѣды отдѣльными родами еще долго встрѣчались по Уралу довольно далеко отъ его сѣверной оконечности, до истоковъ Вишеры и Южной Сосвы, въ предѣлахъ нынѣшней Пермской губерніи **). Обращаясь къ дальнѣйшимъ лѣтописнымъ свидѣтельствамъ за XII вѣкъ, мы убѣждаемся еще болѣе въ оборонительной роли Югры на пути ея отступленія. Подъ 1187 г. Первая Новгородская лѣтопись говоритъ: „избьени быша Печерьскѣи даньникы и *Югърьскіи въ Печерѣ*“, а IV-я Новгородская лѣтопись то же извѣстіе варіируетъ такъ: „избьени быша даньникы Перемьскіи и Югорьскіи“, что доказываетъ, что Пермь и Югра иногда сообща сопротивлялись платежу дани Новгороду Великому, будучи тогда въ одинаковомъ положеніи. Подъ 1193 г. I Новгород. лѣт. говоритъ въ первый разъ о двухъ городахъ Югорскихъ, не называя ихъ по имени, гдѣ потерпѣла неудачу новгородская дружина съ воеводою Ядрѣемъ во главѣ. Мы полагаемъ, что и здѣсь рѣчь идетъ о городахъ *собственной Югры*, которые въ первый разъ поименованы только въ „Книгѣ Большему Чертежу“; нѣтъ никакихъ основаній предполагать въ этомъ извѣстіи какіе-то пріуральскіе югорскіе города, о которыхъ рано или поздно обмолвились-бы письменные источники, чего однако мы не видимъ въ нихъ.

Въ продолженіе XIII и XIV вѣковъ *Пермь*, Печера, *Югра* многократно упоминаются въ общемъ, собирательномъ значеніи этихъ словъ въ числѣ волостей Великаго Новгорода, въ его договорныхъ грамотахъ съ великими князьями Тверскими и Московскими ***). Первая договорная грамота,

*) См. переводъ письма *Регули* къ *Кеппену* въ «Запискахъ Русск. Географич. Общ.», кн. III, СПБ. 1849 г., стр. 164—165.

**) Ibidem. Объ угорскихъ колоніяхъ на окраинахъ Перми Великой см. «Перм. Стар.» I, 80, 81, 88—89, 93 и мн. др.

***) Сводъ этихъ извѣстій см. у *Замысловскаго* въ его «Герберштейнѣ» (СПБ. 1884 г., стр. 138) и въ цитированной статьѣ г. *Оксенова*, стр. 440—441 въ «Литературномъ Сборникѣ».

гдѣ въ числѣ волостей упомянута Югра, заключена съ вел. кн. Тверскимъ Ярославомъ Ярославичемъ и относится къ 1265 году. „Въ это время Югорская земля считалась Новгородскою *волостью*, говоритъ изслѣдователь ея г. *Оксеновъ*, но когда именно Новгородцы стали смотрѣть на Югорскую землю, какъ на волость, т. е. какъ на болѣе или менѣе опредѣленное свое владѣніе—объ этомъ нѣтъ положительныхъ извѣстій“ (стр. 440). Вмѣстѣ съ *Карамзинымъ* этотъ изслѣдователь совершенно правильно опредѣляетъ положеніе древней Югры на Сыгвѣ и Сосвѣ *съ первыхъ же вѣковъ нашей исторіи* (стр. 428—429). Сказанное объ Югрѣ, какъ волости Новгородской, въ равной мѣрѣ относится и къ тогдашнимъ Перми и Печерѣ („Пермск. Стар.“ I, 37 и 153). Скудныя свѣдѣнія объ Югрѣ, Перми и Печерѣ даютъ однако г. *Оксенову* возможность сказать нѣсколько словъ и о характерѣ новгородскаго управленія древнею Югрою. „Изъ извѣстій о походахъ Новгородцевъ въ Югорскую землю, говоритъ онъ, видно, что въ эту страну ходили отряды такъ называемыхъ „даньщиковъ“ (сборщиковъ дани)... Собиралась эта дань въ видѣ серебра, разныхъ дорогихъ мѣховъ, въ особенности собольихъ, и въ видѣ другихъ цѣнныхъ предметовъ (I-я Новгор. лѣт. подъ 1193 г.). Размѣръ дани, если судить по извѣстіямъ лѣтописей, не былъ опредѣленъ. Новгородцы брали съ обитателей земли Югорской столько дани, сколько можно было взять при помощи всевозможнаго насилія....“ (стр. 442). Совершенно ту же характеристику новгородскаго управленія дѣлаетъ *Костомаровъ* и относительно тогдашней Перми. („Перм. Стар.“ I, 153). Но г. Оксеновъ подмѣчаетъ одну особенность въ управленіи Югры, именно что тамъ не было новгородскихъ *мужей*, какіе были на Печорѣ и въ Перми, и что власть Новгорода въ Югрѣ была слабѣе. Противъ этого мы должны возразить, что г. Оксеновъ ошибочно полагаетъ, будто упоминаемые имъ въ Перми „володѣтели“ Ярецъ, Брюхо и Гавриловъ были Новгородскія власти (стр. 444). Въ своемъ мѣстѣ мы доказали, что это были представители Московской власти въ Перми *). Точно также и на Печорѣ

*) «Пермск. Стар.» I, 157.

мы знаемъ только Московскихъ правителей *). Нѣтъ поэтому основанія утверждать, будто власть Новгорода надъ Югрою была слабѣе, нежели въ Перми и на Печорѣ: вездѣ она была скорѣе номинальною, чѣмъ дѣйствительною.

Со вступленіемъ въ XIV вѣкъ нашей исторіи, мы встрѣчаемъ болѣе свѣдѣній объ Югрѣ и ея сосѣдяхъ. Къ 1364 г. относится извѣстный походъ Новгородскихъ воеводъ Александра Абакумовича и Степана Ляпы на Обь, записанный въ IV Новгородской лѣтописи опредѣленнѣе всѣхъ предъидущихъ. Воеводы были одинъ на нижней Оби, вѣроятно въ Обдоріи, другой выше по Оби, вѣроятно въ собственной Югрѣ, чрезъ которую оба и возвратились въ Новгородъ. „Той зимы *съ Югры* Новъгородци пріѣхаша, замѣчаетъ лѣтопись,.... воевавши по Оби рѣки до моря". Слѣдовательно, воеводы возвращались *съ Оби чрезъ Югру*— ясное свидѣтельство о мѣстоположеніи Югры на пути съ Оби къ Печерѣ и далѣе на западъ. Другое важное свидѣтельство о томъ же находимъ въ памятникѣ конца XIV вѣка—сказаніи Епифанія о жизни и трудахъ святителя Стефана Пермскаго 1396—1397 г.г. **). Въ I вып. „Пермской Старины" (стр. 62—67) мы сдѣлали подробный разборъ этого свидѣтельства въ отношеніи къ Перми. Здѣсь намъ приходится отмѣтить одну важную и притомъ новую черту въ этомъ свидѣтельствѣ: въ числѣ жившихъ *вокругъ Перми* народовъ тутъ впервые упомянуты *отдѣльно Югра и Вогуличи*, что, какъ выше сказано, и послужило для ученыхъ *третьей* группы основаніемъ настаивать на генетической преемственности Югры—Остяковъ и обособленности Вогуловъ. Намъ же представляется это извѣстіе новымъ доказательствомъ того, что слово Югра обозначало часто особый народъ *собственно Югорскій*, подобный Пермякамъ въ Перми, а иногда тоже слово обозначало и всю совокупность народовъ одного Угорскаго племени, сознававшихъ свое племенное родство. Съ этой стороны мы вполнѣ раздѣляемъ мнѣніе *фонъ-Бушена* о двоякомъ значеніи слова „Югра"—общемъ, собирательномъ и частномъ, спеціальномъ, въ каковомъ смыслѣ употреблялось

*) Перечислены въ той же статьѣ г. *Оксенова*, на стр. 444.

**) Напечатано въ «Памятникахъ старин. Русск. литературы», издав. гр. *Кушелевымъ Безбородко*. СПБ. 1862 г. вып. IV.

въ то же время и слово „Пермь". Въ виду этого употребленіе рядомъ наименованій Югры и Вогуличей, намъ кажется, еще не доказываетъ преемственности Югры—Остяковъ, какъ справедливо полагаютъ всѣ ученые *второй* группы; оно доказываетъ только существованіе *собственной Югры, какъ части обширной Угорской территоріи*, нѣкогда населенной Югричами, Вогулами и Остяками,—части *Югры въ широкомъ смыслѣ*, какъ понимали ее *Лербергъ* и *фонъ-Бушенъ*.

XV-й вѣкъ оставилъ намъ еще больше извѣстій о древней Югрѣ, чѣмъ всѣ предъидущіе. Важнѣйшими источниками для ознакомленія съ Югрою за это время служатъ Разрядныя книги, Архангелогородскій лѣтописецъ и Синодальная лѣтопись. Въ этомъ вѣкѣ кончается автономія Новгорода и борьбу съ Югрою продолжаетъ уже Москва. Пермь Вычегодская и Прикамская (Великая) принимаютъ теперь христіанство, почему духовная связь ея съ Югрою порывается, облегчая тѣмъ покореніе Югры Москвою. Поэтому въ первомъ Московскомъ походѣ противъ Югры въ 1465 г. рядомъ съ воеводою Василіемъ Скрябою мы видимъ князя Вымскаго Василія Ермолаевича „съ Вымичи и Вычегжаны", тогда какъ въ Новгородскомъ періодѣ исторіи князья Пермскіе заодно съ Югорскими боролись съ Русскими. Съ другой стороны, съ переходомъ власти въ руки Москвы, Вогуличи все чаще выступаютъ въ активной роли, и въ 1455 г. вогульскій князь Асыка умерщвляетъ даже Пермскаго епископа Питирима подъ Усть-Вымомъ. Откладывая фактическія подробности этой борьбы до слѣдующей главы, мы опять обратимъ здѣсь главное вниманіе на гео-этнографическую терминологію источниковъ. Прежде всего остановимся на извѣстіи Архангелогородской лѣтописи о походѣ въ Югру въ 1483 г. Вел. князь послалъ рать на Асыку, „*на Вогульскаго князя, да и въ Югру на Обь великую рѣку*.... И бысть имъ бой съ Вогуличи на усть рѣки Пелыни..... А воеводы оттолѣ пошли внизъ по Тавдѣ рѣцѣ, мимо Тюмень, въ Сибирскую землю,... *а отъ Сибири шли по Иртишу* рѣцѣ внизъ воюючи, да *на Обь рѣку великую въ Югорскую землю*, и князей Югорскихъ воевали". Послѣ гео-этнографическихъ перечней Нестора и договорныхъ грамотъ Новгорода XIII—XIV вѣковъ это—третій случай употребленія слова Югра въ общемъ

значенiи его. Въ данномъ случаѣ Югорская земля ясно противополагается Сибирской землѣ, при чемъ въ понятіи „Югорская земля“ тутъ объединяются отдѣльныя части Угорской территоріи—собственно Югра, Конда и Обдорія. Только Вогуличи, противъ которыхъ собственно и былъ направленъ походъ, и которые простирали свои набѣги до самаго Усть-Выма, упомянуты здѣсь отдѣльно отъ прочихъ Угровъ, часть которыхъ они однако составляли. На нихъ, какъ главныхъ виновниковъ похода, лѣтописецъ и обращаетъ предпочтительное вниманіе предъ прочими Települ. Замѣтимъ, что именно это лѣтописное свидѣтельство создало въ *Лербергѣ* широкое представленіе о древней Югрѣ, которое и имѣетъ значительную долю вѣроятія. Разумѣть въ приведенномъ извѣстіи одну собственную Ляпинско-Сосвинскую Югру во всякомъ случаѣ не представляется основаній: походъ захватывалъ обширный районъ въ долинѣ р. Оби.

Далѣе мы должны остановить вниманіе на извѣстіяхъ *Синодальной* лѣтописи (№ 365), которою пользовался Карамзинъ (см. выписки въ примѣчаніи 461 къ VI тому „Исторіи“). Она сообщаетъ подъ 1484 и 1485 годами важныя свѣдѣнія о взаимныхъ родовыхъ отношеніяхъ Угорскихъ князей, помогающія уясненію вопроса о тогдашней Югрѣ. Здѣсь упоминаются: *Вогулятинъ Пыткей, князь Кодскій*—(а по Архангелогор. лѣт. *Югорскій*); онъ былъ представителемъ *всея земли Кодскія и Югорскія*; затѣмъ *князь Кодскій Молданъ*, который въ Архангелогородскомъ лѣтописцѣ подъ тѣмъ же годомъ названъ „большимъ княземъ *Югорскимъ*“. *Вогульскій князь Юмшанъ*, сынъ Асыки, по словамъ Синодальной лѣтописи, *посылалъ въ 1484 году* къ великому князю въ Москву *шурина своего Вогулятина Югу* бить челомъ. Наконецъ Синодальная лѣтопись называетъ общимъ именемъ *Кодскихъ* князей Лабу, Чангила, Молдана съ дѣтьми, Пынзея, Сонту и Пыткея. Изъ сопоставленія всѣхъ этихъ данныхъ съ соотвѣтствующими показаніями Архангелогородскаго лѣтописца можно убѣдиться, что во 1-хъ, въ XV вѣкѣ „земля Кодская и Югорская“ имѣла одного большого князя Молдана, которому подчинялись нѣсколько второстепенныхъ; во 2-хъ, одни князья по происхожденію были настоящіе Югричи, другіе—Вогуличи, но всѣ были въ близкомъ между

собою родствѣ и совмѣстно дѣйствовали по отношенію къ Москвѣ; въ 3-хъ, всѣ князья раздѣлялись на Вогульско-Югорскихъ и Кодско-Югорскихъ, при чемъ названіе Югорскихъ было, повидимому, общимъ, племеннымъ, а прочія названія—частными, видовыми, означавшими отдѣльныя части Югры въ широкомъ смыслѣ. Важно особенно то, что понятіе Вогулъ входило въ составъ понятія Югорскій (*Вогулятинъ* Пыткей, князь *Югорскій*, *Вогулятинъ Юмшанъ*), поглощалось этимъ послѣднимъ. Совершенно анологичныя родовыя отношенія существовали нѣкогда между князьями Великопермскими и Вымскими *).

Послѣ двухъ указанныхъ лѣтописей въ ряду источниковъ объ Югрѣ важное значеніе имѣютъ Разрядныя книги, повѣствующія объ извѣстномъ Югорскомъ походѣ Москвитянъ въ 1499—1500 годахъ. Уже самое заглавіе одной изъ этихъ книгъ достойно вниманія: „Хоженіе воеводъ князя П. Ѳ. Ушатаго, да князя С. Ѳ. Курбскаго, да В. И. Заболоцкаго Бражника *въ Югорскую землю, на Кудъ и на Гогуличи*“ **). Югорская земля тутъ разумѣется въ тѣсномъ смыслѣ, подъ словомъ Кудъ очевидно разумѣется Кода на Оби, а подъ Гогуличами—Вогуличи. Такимъ образомъ тутъ ясно различаются 3 отдѣльныя части обширной Угорской территоріи. Въ другихъ источникахъ о томъ же походѣ въ Югру слово „Кудъ“ пропущено и замѣчено только, что походъ былъ направленъ *на Югорскую землю и на Гогуличи* (такъ въ Воскресенской лѣтописи), а въ Степенныхъ книгахъ упомянутъ походъ *на Угорскую землю и на Гогуличи.* Во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ слова „Югорская земля“ надо понимать въ частномъ значеніи Ляпинско-Сосвинской Югры и вмѣстѣ Кодскаго княжества на Оби, гдѣ, какъ мы показали выше, сидѣли одни и тѣ же правители. *Гогуличи* были въ ближайшемъ родствѣ съ *Югричами*, упоминаемыми вездѣ рядомъ въ разсматриваемыхъ источникахъ. Мы уже говорили, что подъ Югричами разумѣемъ въ этихъ случаяхъ не одиихъ Остяковъ, но и собственно Югорскій народъ, теперь не существующій,

---

*) «Пермская Старина», вып. I, 164.

**) Извлеченія изъ Книгъ Разрядныхъ напечатаны въ указанныхъ выше трудахъ проф. *И. Д. Бѣляева* и *Оксенова.*

уже вымершій и занимавшій когда-то такое же центральное положеніе въ семьѣ угорскихъ народовъ, какое Пермяки, Пермь собственно имѣли среди народовъ Пермской группы. Вымираніе кровныхъ Пермяковъ еще совершается на нашихъ глазахъ, для собственно—Югры этотъ процессъ кончился въ началѣ XVIII вѣка. Нельзя допускать полнаго вымиранія народности; можно признавать только исчезновеніе народности вслѣдствіе ассимиляціи ея съ другими сосѣдними народностями. Пермяки ассимилируются съ Русскими, *Югра ассимилировалась съ Вогулами и только отчасти съ Остяками* *). Это слѣдуетъ изъ того, что на Ляпинѣ и Сыгвѣ и теперь живетъ народъ, говорящій по-вогульски, называемый у Вогуловъ Манси, т. е. носящій ихъ собственное самоназваніе, и только у Русскихъ неправильно именуемый „Остяками Ляпинскаго нарѣчія". Можно допустить, что небольшая часть древнихъ Югричей ассимилировалась съ сосѣдними Березовскими Остяками, какъ и думалъ Карамзинъ; но что большая часть Югричей постепенно превратилась въ Вогуловъ—въ этомъ рѣшительно убѣждаетъ языкъ нынѣшнихъ обитателей береговъ Ляпиной и Сѣверной Сосвы—языкъ, почти не отличающійся отъ вогульскаго и весьма далекій отъ остяцкаго. Потому-то Вогулы какъ самихъ себя, такъ и этихъ жителей Ляпиной и Сосвы доселѣ называютъ именемъ *Манси*. Въ данномъ вопросѣ мы присоединяемся къ ученымъ *второй* группы, куда отнесли Миллера, Фишера, Гофмана, Барсова и изъ мѣстныхъ ученыхъ Чупина.

Письменные памятники XVI вѣка еще болѣе убѣждаютъ насъ въ существованіи въ прежнія времена особеннаго народа *Югричей*, постепенно овогулившихся и прекратившихъ свое индивидуальное существованіе. Въ царской грамотѣ 1557 г. Шоркарскому князю Певгѣю, что жилъ въ Югорской землѣ, за рѣкою Казымомъ (во Юсерскую землю Заказамскаго въ Сорскордо князю Певгѣю) **), упоминаются *Югорскіе князья и Югричи*. „А провожать нашихъ даньщиковъ Югорскимъ княземъ и Югричемъ и людемъ добрымъ

*) *Фонъ-Бушенъ* думалъ наоборотъ.

**) См. у *Миллера*, стр. 71. Первоначальный текстъ грамоты нѣсколько испорченъ въ позднѣйшей копіи ея.

отъ городка до городка и отъ людей до людей.... а ѣхать вамъ, Сорыкитцкимъ княземъ, и вашимъ людемъ къ намъ на Москву". Здѣсь Югорская земля понимается въ общемъ значеніи и ставится въ связь съ землею Сорыкитцкою. *Лербергъ* видѣлъ въ послѣдней Сургутскую землю, а по нашему мнѣнію, здѣсь разумѣется Шоркарское княжество за рѣкою Казымомъ, князья котораго, подобно Кодскимъ, были Югорскаго происхожденія. Доказательства этого мы приведемъ въ слѣдующей главѣ. Въ дальнѣйшихъ грамотахъ отъ второй половины того же вѣка мы уже начинаемъ встрѣчать имя *Остяковъ* рядомъ съ Вогулами, при чемъ слово Югра еще долго продолжаетъ быть въ употребленіи. Такъ, въ царской грамотѣ Якову и Григорію Аникіевымъ Строгановымъ отъ 6 августа 1572 года говорится о приходѣ Черемисъ на Каму вмѣстѣ съ *Остяками*, Башкирцами, Вотяками и другими людьми. „Приходили-де наши измѣнники Черемиса на Каму 40 человѣкъ, да *съ ними-де Остяки*, и Башкирцы и Буинцы войною.... И вы бъ жили съ великимъ береженьемъ.... *да и Остяковъ и Вогуличъ*, которые намъ прямятъ съ охочими казаки, которые отъ насъ не отложились, велѣли прибрать.... И съ охочими людьми со стрѣльцы и съ казаки, и *съ Остяки и съ Вогуличи посылали войною ходить* и воевать нашихъ измѣнниковъ—*на Черемису и Остяковъ*, и на Вотяковъ и на Нагаи" *). Несомнѣнно, что здѣсь говорится объ Остякахъ, жившихъ разсѣянно въ Перми Великой и около нея по Камѣ и ея притокамъ Чусовой съ Сылвою и Тулвѣ (послѣдняя въ нынѣшнемъ Осинскомъ уѣздѣ). Прикамскіе и Тулвинскіе Остяки упоминаются въ житіи св. Трифона Вятскаго **), а Чусовскіе и Сылвенскіе въ Великопермскихъ писцовыхъ книгахъ XVI—XVII в.в. Тулвинскіе Остяки, какъ самые южные, соединились съ Черемисами въ 1572 г., а прочіе остались вѣрны Русскимъ, „прямили" Русскому царю, какъ и жившіе въ бассейнѣ Чусовой Вогулы.—Еще важнѣе въ научномъ отношеніи свидѣтельства другой царской грамоты на имя тѣхъ же братьевъ Строгановыхъ отъ 30 мая 1574 г. о по-

*) У *Миллера* стр. 85—86.

**) См. нашу статью: «Критическія замѣтки по исторіи Перми Великой XVI вѣка» въ «Трудахъ Пермской Ученой Архивной Коммиссіи» вып. II. Пермь. 1893 г., стр. 32.

жалованіи имъ земель за Ураломъ *). *Въ ней неоднократно рядомъ упоминаются Остяки, Вогуличи и Югричи.* Сибирскій „салтанъ“ (Кучумъ) „не велитъ нашимъ *Остякамъ и Вогуличамъ и Югричамъ* нашіе дани въ нашу казну давати, да и на рать емлетъ насильствомъ въ судѣхъ воевати *Югричь тѣхъ же, Остяковъ и Вогуличь* .... А кои *Остяки и Вогуличи и Югричи* отъ Сибирсково отстанутъ, а почнутъ намъ дань давати, и тѣхъ людей съ данью посылати къ нашей казнѣ самихъ.... А на Сибирсково Якову и Григорью сбирая охочихъ людей, *и Остяковъ, и Вогуличь, и Югричь, и Самоѣдь съ своими наемными казаки*, и съ нарядомъ своимъ посылати воевати ....“ Приведенныя свидѣтельства грамоты 1574 г. рѣшительно отвергаютъ справедливость замѣчаній почти всѣхъ ученыхъ третьей группы, будто слово Остякъ нигдѣ не употреблялось рядомъ съ словомъ Югра. Грамота слишкомъ точно и ясно различаетъ Остяковъ, Вогуличей, Югричей и Самоядь, какъ четыре народа, чтобы можно было что либо возражать противъ такихъ свидѣтельствъ. Ясно, что *Югра* упоминается здѣсь, *какъ особый народъ, жившій на Ляпиной и Сосвѣ*, рядомъ съ болѣе сѣверными Самоѣдами, болѣе южными Вогулами и наконецъ съ Остяками, въ то время жившими разсѣянно къ востоку и юго-западу отъ собственной Югры, теперь уже исчезнувшей. Мы сказали выше, что Югорцы постепенно слились съ Вогуличами и лишь отчасти съ Остяками и потеряли свою отдѣльную народность, нѣкогда составлявшую главное ядро угорскаго племени, подобно исчезающимъ на нашихъ глазахъ чистокровнымъ Цермякамъ въ Цермской семьѣ народовъ.

Въ слѣдующихъ по времени грамотахъ слово Остякъ встрѣчается очень часто и почти вытѣснятъ слово Югра въ *общемъ* его значеніи. Но въ частномъ значеніи послѣдній терминъ продолжаетъ употребляться, потому что полнаго слiянія Югорцевъ съ Вогуличами и частію съ Остяками еще не послѣдовало въ XVI в. Въ послѣднемъ отношеніи особенно достойна вниманія грамота царя Василія Шуйскаго отъ 17 мая 1610 г. Березовскимъ воеводамъ Степану Ивановичу

---

*) Впервые напечатана *Миллеромъ* въ «Опис. Сиб. Цар.», стр. 87—90.

Волынскому да Юрію Яковлевичу Стромилову *). Березовскій Остякъ Кушкулъ „и во всѣхъ товарыщей своихъ мѣсто, ста двадцети человѣкъ, опричь Куноваццкихъ Остяковъ „билъ государю челомъ о томъ, что они, Остяки, служатъ всякую царскую службу вѣрно, куда воеводы ни пошлютъ „съ тѣхъ мѣстъ какъ городъ сталъ“ (Березовъ основанъ въ 1593 году, по царскому указу, Чердынскимъ воеводою Троханіотовымъ); что они исправно даютъ ясакъ по 5 соболей съ человѣка ежегодно, но что у нихъ въ волостяхъ половина ясашныхъ людей „старыхъ, и увѣчныхъ, и хромыхъ, и безрукихъ“, за которыхъ однако русскіе правятъ ясакъ на здоровыхъ. „И они-де въ томъ въ конецъ погибли и людей своихъ *перепродали*; а промысловъ у нихъ нѣтъ никакихъ, а только де у нихъ и промыслу, что кормятца рыбою.... Да они жъ де ходятъ за Камень по суды: которые де наши служивые люди ходятъ съ Березо[illegible] къ намъ къ Москвѣ со всякими дѣлами, и они ихъ провожаютъ; *а Югорская де земля имъ подмоги не даетъ*, и въ томъ де имъ нужа великая“. Царь пожаловалъ *„Березовскаго города Ляпинскихъ городковъ и юртовъ ясашныхъ людей“*, не велѣлъ брать ясакъ съ престарѣлыхъ и увѣчныхъ людей. Эта грамота доказываетъ, что по Сыгвѣ или Ляпиной дѣйствительно жило немного Остяковъ, а именно 120 человѣкъ мужскаго пола въ 1610 году, но что это населеніе обособлялось отъ собственно Югричей: *земля Остяцкая здѣсь ясно различается отъ земли Югорской;* между ними не было даже полнаго согласія въ отношеніяхъ къ Русскимъ; Югричи не давали подмоги Остякамъ въ отправленіи натуральныхъ повинностей. Вмѣстѣ съ тѣмъ грамота 1610 г. еще разъ доказываетъ, что *Югричи и Остяки, какъ два особые народа, упоминаются въ нашихъ источникахъ рядомъ* какъ въ концѣ XVI, такъ и въ началѣ XVII вѣка. Судя по числу городковъ, упоминаемыхъ въ Югрѣ въ дальнѣйшихъ источникахъ, населеніе Югорской земли въ первой половинѣ XVII вѣка было довольно значительно, а Остяковъ было гораздо меньше. Кромѣ упомянутыхъ 120 Остяковъ Ляпинскихъ, нѣсколько семействъ ихъ жило и на р. Сѣвер-

*) Во II томѣ «Русской Исторической Библіотеки» СПБ. 1875 г., стр. 175—176, подъ № 80.

ной Сосвѣ въ *Азибиной станицѣ*, *Сосвинѣ тоже*, что нынѣ казенное село Сосвинское или Сартынинское въ Кондинскомъ участкѣ Березовскаго округа, пониже устья Ляпиной *). Въ 1596 г. изъ Сосвина сошли три остяцкихъ семьи въ юрты Кондинскаго князя Игичея, о возвращеніи которыхъ „*Сосвинскіе Остяки Азибины станицы* Кондикъ и въ товарыщей своихъ мѣсто" били челомъ царю. Царь Борисъ грамотою отъ 11 сентября 1598 года на имя Березовскаго воеводы Василія Плещеева уваживъ это ходатайство **).

Извѣстный знатокъ Березовскаго края, *Н. А. Абрамовъ*, отнесенный нами въ вопросѣ о происхожденіи Югры къ третьей группѣ ученыхъ, ошибочно называетъ всѣ древніе городки въ Югорской землѣ остяцкими—числомъ до 15. Къ числу ихъ опрометчиво отнесенъ даже городокъ *Вогулей* въ Сосвинской волости Кондинскаго отдѣленія ***). Равнымъ образомъ имѣетъ значеніе его же замѣчаніе, что „въ бумагахъ, принадлежащихъ сосвинскому старшинѣ Османову и бывшихъ у него, Абрамова, въ рукахъ въ 1844 г., между прочимъ, сохранилось одно черновое прошеніе на имя царя Василія Іоанновича Шуйскаго, писанное отъ имени мурзы Тылыки Сапчина и другихъ, какъ они называютъ себя, *Югричъ* городовъ Ляпина, Тапсы, Искора, Юиля, Люликара, Вороніи, Нячиса и прочихъ, кои состоятъ нынѣ въ волостяхъ Сосвинской и Ляпинской" ****). По его мнѣнію, всѣ эти городки были остяцкіе, а по нашему—*собственно югорскіе* (исключая Воронія, повидимому, русскаго поселка), *постепенно превратившіеся со временемъ въ вогульскіе*. Жаль, что челобитной Югричей на имя царя Шуйскаго Абрамовъ тутъ же не привелъ въ подлинномъ текстѣ, какъ очень важный документъ.

Мы дошли до извѣстной „Книги Большему Чертежу", гдѣ, какъ извѣстно, собственная Югра обозначена въ своихъ границахъ лучше, чѣмъ во всѣхъ другихъ источникахъ. Перечисливъ тѣ же города, которые сейчасъ мы назвали по челобитной Югричей Шуйскому, „Книга" дѣлаетъ оговорку:

---

*) «Списки насел. мѣстъ Тобольской губ.». СПБ. 1871 г., стр. 38.

**) Грамоту см. во II томѣ «Русской Историч. Библіот.» подъ № 66.

***) «Описаніе Березовскаго края», стр. 396.

****) Тамъ же подстрочное примѣч. на стр. 329—330.

„Тѣ города по Сысвѣ (Сыгвѣ) *и по Сосвѣ Югра“* *). Къ числу югорскихъ городовъ тутъ отнесены и русскіе города Вороній и Березовъ, основанный въ 1593 году около югорскаго городка *Сугмутъ-вашъ* (*Миллеръ*, 207, *Абрамовъ*, 362). Вѣроятно, и городокъ Вороній возникъ на мѣстѣ древняго югорскаго поселенія. Бассейны Ляпиной или Сыгвы и Сѣверной Сосвы, по этому источнику, и составляли территорію собственно Югры съ первыхъ же вѣковъ нашей исторіи, какъ мы показали выше. Югра жила на Вычегдѣ и Двинѣ въ доисторическія времена, оставивъ позади себя въ Европѣ до позднѣйшихъ временъ часть Вогуловъ и Остяковъ.

Изъ древнихъ географическихъ памятниковъ здѣсь умѣстно остановиться еще на древне-русскомъ сказаніи „О человѣцѣхъ незнаемыхъ въ восточной странѣ“, недавно изданномъ вновь *Г. В. Юдинымъ* и подробно изслѣдованномъ Московскимъ профессоромъ *Д. Н. Анучинымъ* **). Древнѣйшій списокъ его, принадлежавшій библіотекѣ Соловецкаго монастыря, а теперь сохраняемый въ Казанской духовной академіи, относится къ концу XV вѣка, что указываетъ на древность сказанія. Этому древнѣйшему списку г. Анучинъ отдаетъ предпочтеніе предъ всѣми другими, основательно приписывая ему новгородское происхожденіе. Между прочимъ въ сказаніи дважды упоминается Югорская земля въ числѣ прилегающихъ къ Уралу областей. Трактуя собственно о Самоѣдахъ, сказаніе говоритъ объ Югорской землѣ, какъ о сосѣдней съ ними. Начинается оно такими словами: „На восточной странѣ, *за Югорскою землею, надъ моремъ, живутъ люди Самоѣдь, зовомыи Малгонзеи*“. Проф. Анучинъ пришелъ къ заключенію, что „народъ Молгонзѣи, дѣйствительно, существовалъ и подъ нимъ слѣдуетъ, очевидно, разумѣть Самоѣдовъ—Юраковъ“ (стр. 261). „Юраками, говоритъ онъ, называется самоѣдское племя, живущее и теперь еще между Обью и Енисеемъ.... Названія *Кондорія*, *Обдорія объясняются изъ зырянскаго языка* и означаютъ устье (страна при устьѣ) Конды, устье Оби.

*) «Книга Большему Чертежу» въ изданіи *Языкова*. СПБ. 1838 г., стр. 215.

**) «Сибирь въ XVII вѣкѣ» подъ редакціей *А. А. Титова* издалъ *Г. В. Юдинъ*. Москва. 1890 г. Изслѣдованіе *Д. Н. Анучина*: «Къ исторіи ознакомленія съ Сибирью до Ермака» въ «Древностяхъ Император. Московск. Археологич. Общества», т. XIV. Москва. 1890 г., стр. 227—313.

Но словъ „молгонзѣи“, „молгонъ“ или „малгонъ“ въ зырянскомъ языкѣ не существуетъ“ (тамъ же). Такимъ образомъ Югорская земля, которую въ данномъ случаѣ можно понимать и въ общемъ, и въ частномъ значеніи, въ сказаніи правильно помѣщена къ западу отъ Самоѣдовъ-Молгонзѣй, т. е. къ западу отъ Оби. Въ концѣ того же сказанія читаемъ: „Во восточной же странѣ *есть иная Самоѣдь, зовома Каменьская: облежитъ около Югорьскіе земли. А живутъ по горамъ по высокимъ, а ѣздятъ на оленяхъ и на собакахъ*“. Тутъ несомнѣнно разумѣется та „Каменная Самоядь“, о которой говоритъ и одинъ извѣстный намъ оффиціальный документъ, именно царская грамота Березовскому воеводѣ князю Петру Черкасскому отъ 21 октября 1607 года *). Эта Самоядь получила свое названіе отъ *Камня*, т. е. Уральскихъ горъ, по склонамъ которыхъ она и жила. Слѣдовательно, во второмъ случаѣ сказаніе говоритъ о ближайшей къ ней или собственно Югорской землѣ („облежитъ около Югорьскіе земли“). Проф. Анучинъ думаетъ, что авторомъ любопытнаго сказанія о Самоѣдахъ могъ быть холмогорецъ *Өедоръ Товтыгинъ*, который, по показанію одного Пермскаго торговца, занесенному въ путевыя замѣтки *Ричарда Джонсона*, будто бы дважды ѣздилъ къ берегамъ Оби и къ поморскимъ Самоѣдамъ, гдѣ и погибъ во вторую свою поѣздку (убитъ) **). Что авторомъ сказанія былъ пріѣзжій изъ Руси человѣкъ, это видно изъ его замѣчаній: „въ восточной странѣ“ (по направленію его пути), „за Югорскою землею“ (по которой онъ слѣдовалъ къ Самоѣдамъ, жившимъ еще восточнѣе); притомъ же во всемъ сказаніи нѣтъ признаковъ какого-либо иноземнаго вліянія.

---

*) Во II томѣ «Русской Исторической Библіотеки» подъ № 77, стр. 166—170.

**) Путевыя замѣтки *Р. Джонсона*, упомянутаго нами, приложены были къ отчетамъ *Антона Дженкинсона* (оба были въ Россіи въ половинѣ XVI вѣка), которые изданы въ сборникѣ *Гаклюйта*, томъ I 1809 г. на англійскомъ языкѣ. Карта Дженкинсона издана въ «Theatrum Ortelii» 1573 г. и въ третьемъ изданіи его 1684 года и у *Меркатора* въ его изданіи 1587 г. Проф. *Анучинъ* полагаетъ, что Дженкинсонъ нѣкоторыя свѣдѣнія для своей карты взялъ изъ сказанія «О человѣцѣхъ незнаемыхъ» Өедора Товтыгина. «Древности», кн. XIV, стр. 259—260.

Теперь намъ кстати будетъ перейти къ другому ряду памятниковъ—къ древнимъ географическимъ картамъ и посмотрѣть, гдѣ помѣщали онѣ древнюю Югру и сопредѣльныя съ нею страны. Во II выпускѣ „Пермской Старины" мы то же сдѣлали относительно древней Перми и убѣдились, что этотъ рядъ памятниковъ имѣетъ лишь второстепенное значеніе при изслѣдованіи мѣстоположенія древней Пермской страны. Здѣсь то же мы должны повторить и о значеніи ихъ въ вопросѣ о древней Югрѣ, но имѣть въ виду ихъ показанія все таки не лишне. Послѣ того какъ мы издали II-й выпускъ „Пермской Старины" (Пермь 1890 г.), въ печати появилось двѣ статьи, имѣющія близкое отношеніе къ картографіи древней Сибири: 1) упомянутая выше работа *Анучина*: „Къ исторіи ознакомленія съ Сибирью до Ермака", гдѣ воспроизведены и факсимиле многихъ старинныхъ картъ Сибири, и 2) статья *г. Замысловскаго*: „Чертежи Сибирскихъ земель XVI—XVII в.в." *). Кромѣ того появилась замѣтка *г. Оглоблина:* „Источники Чертежной книги Сибири Семена Ремезова" **). Мы воспользуемся всѣми этими работами по картографіи древней Сибири и странъ Угорскихъ.

Первыя упоминанія Сибири мы находимъ на картахъ *Пицигани* 1367 г. и *фра-Мауро* 1459 г., о которыхъ говорили во II выпускѣ нашего изданія. Далѣе слѣдуетъ карта *Баттиста Агнезе* 1525 г., предназначавшаяся для „Книги о Московіи" Павла Іовія: здѣсь положеніе Югріи уже обозначено, но совершенно неправильно—къ западу отъ С. Двины. На картѣ Данцигскаго сенатора *Антона Вида*, изданной въ 1555 г., но составленной между 1537—1544 гг., „Iuhri" помѣщены къ сѣверу отъ Вятки, между р.р. Мезенью и Печорою. Карта *Себастіана Мюнстера*, автора „Космографіи", изданная въ 1544 году и представляющая копію карты А. Вида, помѣщаетъ Югру между Печерою и страною Кондоріей. На картахъ *Герберштейна*, о которыхъ мы говорили во II вып. изданія, показано: на картѣ 1549 г., на правой сторонѣ Оби, на крайнемъ сѣверѣ, „Iuhra inde Ungarorum origo",

*) Вторая статья напечатана въ «Журн. Мин. Народн. Просв.» за іюнь 1891 года. Оба автора пользовались изданіемъ **Michow**'a: «Die aeltesten Karten von Russland». Гамбургъ. 1884 г.

**) Въ журналѣ «Библіографъ» 1891 г. № 1.

а на картѣ 1556 г. тамъ же обозначено: „Iugra unde Hungari Iugritzi populi“. Слѣдующей по времени является карта *Антона Дженкинсона*, составленная для его „Russiae, Moscoviae et Tartariae descriptio“ (Лондонъ 1562 г.) и изданная, какъ сказано, Ортеліемъ въ 1573 г. и Меркаторомъ въ 1587 г. На ней Permia и городъ Permavelick показаны на самыхъ верховьяхъ Вычегды и около истоковъ Печоры, Iowghoria—къ востоку отъ Оби, на самомъ нижнемъ ея теченіи, Obdoria—между Обью и Печерою, Condora—между Печерой и Мезенью, къ сѣверу отъ Перми. Обь вытекаетъ изъ озера Kitaia и по срединѣ ея теченія показанъ городъ Siber, а къ югу отъ него—страна Tumen. Между Тюменью и Пермью съ юга, Югоріей, Обдоріей и Кондоріей съ сѣвера показана Samoieda на огромномъ пространствѣ отъ Бѣлаго моря до Енисея и далѣе. Къ югу отъ страны Тюмень, гдѣ города не показано, на верхнемъ Яикѣ видимъ надпись Nagaia и южнѣе—Tartari отъ Дона до Аму-Дарьи. Наконецъ восточнѣе Югоріи показана страна Molgomzaia, а еще правѣе—Baida и Colmack *). Мы уже говорили, что подъ Молгомзеями г. Анучинъ разумѣетъ Самоѣдовъ—Юраковъ. Въ Баитахъ и Колмакахъ тотъ же ученый видитъ Алтайскихъ Калмыковъ. „Баиты, говоритъ онъ,—одно изъ четырехъ племенъ, на которыя распадаются западные Монголы (Дюрбуты, Баиты, Уранга или Урянхайцы и Торгоуты)“. Нынѣ Баиты, по *Потанину*, граничатъ съ Соитами или Сойотами на Алтаѣ. Нельзя не сказать, что карта Дженкинсона представляетъ собою большой шагъ впередъ сравнительно съ предъидущими работами по иностранной картографіи. Онъ воспользовался русскими источниками и, посѣтивъ Россію 5 разъ (въ 1557, 1558, 1561, 1566 и 1571 г.г.), ближе другихъ могъ узнать ее. Во вторую поѣздку онъ былъ съ караваномъ въ Бухарѣ, въ сопровожденіи *Ричарда Джонсона*, а въ третью—въ Персіи. Карта его, судя по году, появилась послѣ третьей поѣздки (въ 1562 г.), но многія данныя онъ собралъ уже ранѣе. При томъ же спутникъ его *Джонсонъ*, дорожными замѣтками котораго онъ воспользовался,

*) Факсимиле карты *Дженкинсона* можно видѣть въ работѣ г. Анучина, на стр. 276.

еще ранѣе, въ 1556 г. вмѣстѣ съ *Барро* былъ въ экспедиціи на острова Вайгачъ и Новую Землю, гдѣ ознакомился съ Самоѣдами, сообщивъ свои свѣдѣнія извѣстному въ исторіи сѣвернаго мореплаванія *Ричарду Ченслеру* *). Дальнѣйшею картою Сибири, часть которой воспроизведена въ почтенномъ трудѣ Анучина на стр. 257, надо считать карту голландскаго морехода *Баренца*. Она опубликована была въ 1598 г. и перепечатана *Понтаномъ* въ 1611 г. На ней опять показаны на морскомъ берегу (Mare Tartaricum), противъ острова Новой Земли (Nova Zemla),—страны Molgomzaia, Obdora и Condora. Далѣе укажемъ на иностранныя карты *Исаака Массы*, издан. въ 1609 г. и вторично въ 1612 г. въ Амстердамѣ; *Гесселя Герарда* 1614 года (о послѣдней подробно сказано во II вып. нашего изданія); *К. И. Прютца* 1669 г. и *Сансона* 1683 г. О недостаткахъ карты Герарда у насъ была рѣчь во II выпускѣ. Карта Прютца теперь издана въ Россіи при книгѣ: „Сибирь въ XVII в.“ г. Юдина (Москва 1890 г.). Карта Прютца есть ничто иное, какъ копія съ чертежа Сибири, сдѣланнаго въ Тобольскѣ въ 1667 г. стольникомъ и воеводою Петромъ Ив. Годуновымъ, по указу царя Алексѣя Михайловича. Прютцъ сопровождалъ въ Москву шведскаго посланника Кронмана, снялъ тамъ копію съ упомянутаго чертежа и приложилъ ее къ своему дневнику путешествія, который теперь хранится въ королевской библіотекѣ въ Стокгольмѣ. Дневникъ Прютца и его карта доселѣ не изданы въ Швеціи. Карта очень плоха и даетъ очень слабое понятіе о Сибири. Замысловскій, вопреки редактору ея Титову, замѣчаетъ, что едва-ли эта карта есть точная и обстоятельная копія подлинной карты Годунова, отъ которой дошло до насъ только ея описаніе, какъ и отъ „Книги Больш. Чертежа“ **). Г. Оглоблинъ въ упомянутой выше статьѣ указалъ на болѣе исправный текстъ этого описанія, именно на „Роспись противъ чертежу 176 (1668) году“, хранящуюся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи.

---

*) *Анучинъ*—примѣчаніе на стр. 259. Доставленныя Джонсономъ Ченслеру свѣдѣнія помѣщены въ томъ же сборникѣ *Гаклюйта*.

**) Описаніе карты Годунова 1667 года издано г. Юдинымъ подъ редакціей Титова впервые по рукописи Румянцевскаго музея. См. «Сибирь въ XVII в.». Москва. 1890 г., стр. 23—39.

Наконецъ карту Московіи и Татаріи изъ атласа Сансона 1683 г. мы можемъ видѣть въ извлеченіи въ работѣ Анучина на стр. 289. На ней опять значатся Molgomzaia, за Енисеемъ и Пясидой—горы (страна) Baida и далѣе къ юго-востоку Colmack.

Разсматривая всѣ перечисленныя иностранныя карты, мы должны повторить тоже, что сказали во II выпускѣ „Пермской Старины". Всѣ онѣ даютъ весьма слабое и невѣрное представленіе о Сибири XIV—XVII вѣковъ; составители ихъ очень плохо знали гео-и этнографію Россіи, неизмѣримо меньше русскихъ лѣтописцевъ и составителей нашихъ оффиціальныхъ „чертежей", о которыхъ мы подробно говорили, и во главѣ которыхъ стоитъ утраченный „Большой Чертежъ" XVI вѣка. Въ отношеніи къ Сибири особо составленный для нея „Чертежъ" 1667—1668 г.г., также утраченный, по его достоинствамъ, виднымъ изъ сохранившагося его описанія, также не можетъ быть ставимъ на ряду съ исполненными ошибокъ иностранными картами. Только русскіе люди болѣе или менѣе правильно представляли себѣ эту далекую окраину Московскаго государства, и потому только ихъ показаніямъ мы можемъ давать нѣкоторую вѣру *). Говоримъ „нѣкоторую вѣру" потому, что и въ русскихъ чертежахъ, при несовершенствѣ тогдашней картографіи, мы находимъ ошибки. Посмотримъ, что сообщаютъ объ изслѣдуемыхъ нами странахъ собственно Сибирскіе чертежи.

„Чертежъ всей Сибири, збиранный въ Тобольскѣ по указу царя Алексѣя Михайловича" 1667 г. не упоминаетъ объ инородцахъ ничего и оставляетъ въ сторонѣ весь Угорскій край. Онъ весьма подробно показываетъ взаимное разстояніе населенныхъ мѣстъ въ Сибири и этимъ ограничиваетъ свою задачу. Начинается онъ съ указанія *старой Московской дороги* отъ Тобольска вверхъ по Тоболу, Тавдѣ, Пелыми до города Пелыма, откуда дальнѣйшій путь чрезъ древніе Тахчеи или вогульскую волость Тахтанскую пресѣкался. Съ основаніемъ Верхотурья и открытіемъ новой дороги

*) О русскихъ чертежахъ мы подробно говорили во II выпускѣ «Перм. Стар.» въ главѣ I, а потому не будемъ повторять сказанное. «Списокъ съ Чертежа Сибирскіе земли» 1672 г. теперь вновь изданъ, вмѣстѣ съ описаніемъ Годуновской карты 1667—1668 г.г., въ упомянутой книгѣ: «Сибирь въ XVII вѣкѣ».

отъ Соликамска на р. Туру, русскіе перестали подниматься съ Тавды по Лозьвѣ до Камня и потомъ слѣдовать по Вишерѣ и Колвѣ до Чердыни. Этотъ старый путь былъ оставленъ съ открытіемъ Бабиновымъ новой дороги отъ Соликамска, минуя Чердынь, прямо на р. Туру *). Съ основаніемъ Верхотурья въ 1598 г., городъ Лозва былъ упраздненъ, таможня учреждена въ новомъ городѣ, и главный путь направился по р. Турѣ. Вотъ почему весь сѣверо-западный уголъ нынѣшней Сибири, весь Угорскій край того времени, заброшенный и забытый, оставленъ безъ вниманія и въ Чертежѣ 1667 года.

Слѣдующій географическій памятникъ „Списокъ съ Чертежа Сибирскія земли“ 1672 г. **) въ общемъ имѣетъ такой же характеръ, потому же оставляетъ въ сторонѣ весь Угорскій край и нигдѣ ничего не говоритъ объ инородцахъ. Только въ „шестой грани“ вскользь упомянуто о сѣверномъ пути съ Печоры чрезъ Камень на Сосву и Собь рѣки до Березова, но при этомъ не упомянуто ниодного населеннаго пункта кромѣ самого Березова и Кодскаго монастыря на Оби, ни слова не сказано о тамошнихъ обитателяхъ.

Перейдемъ поэтому къ третьему, самому замѣчательному памятнику Сибирской картографіи—къ „Чертежной книгѣ Сибири 1701 г.“ *Семена Ремезова*, Тобольскаго сына боярскаго ***). Во II вып. нашего изданія (стр. 27—29) мы подробно говорили о происхожденіи этого памятника и о важномъ значеніи его для нашей исторіи. Тамъ же сказано о существованіи подробной копіи этого атласа, снятой голландцемъ *Витзеномъ*. Относительно внутреннихъ достоинствъ атласа Ремезова приходится повторить сказанное раньше. Составитель зналъ Сибирь ближе Россіи Европейской, почему въ послѣдней допускаетъ значительныя ошибки въ общихъ географическихъ опредѣленіяхъ, а относительно Сибири его

---

*) Подробности объ этомъ см. въ «Пермск. Старинѣ» вып. I, 42.

**) Напечатанъ вмѣстѣ съ предъидущимъ въ книгѣ «Сибирь въ XVII в.» М. 1890 года.

***) Общая «Книга Большему Чертежу» *второй редакціи 1680 года* не прибавляетъ въ отношеніи описанія Сибири новыхъ подробностей и только ограничивается исправленіемъ нѣкоторыхъ географическихъ названій. *Югра и ея города здѣсь опять повторяются.*

показанія болѣе правильны и точны. Мы видѣли, какъ неправильно Ремезовъ представлялъ себѣ Великую Пермь. Не лучше того онъ судилъ и объ Югорской землѣ. Не находя таковой въ Сибири, но зная о существованіи ея въ царскомъ титулѣ, Ремезовъ помѣщаетъ „Югорское царство“ въ Европ. Россіи, между рѣкъ Мезени и Туломы, т. е. Кулоя (см. листъ 24 въ его атласѣ Сибири). Къ востоку, за Мезенью, показана Терская Самоѣдь, а къ западу „Поморіе“ и далѣе Колмогоры. На слѣдующей общей картѣ показана „Югорска земля“ къ востоку отъ Соловецкаго острова, между Терской Самоѣдью съ востока, Колмогорской землей съ запада, при чемъ „земля Поморская“ оказалась южнѣе Югорской, прилежащею къ С.-Двинѣ съ ея правой стороны и отчасти къ Бѣлому морю. Уже эти несогласія между двумя сосѣдними картами показываютъ, какъ смутно представлялъ себѣ Ремезовъ положеніе Югры, въ дѣйствительности тогда уже не существовавшей и сохранившей свое названіе только въ царскомъ титулѣ. Что же показываетъ онъ на мѣстѣ исчезнувшей древней Югры? На картѣ 23-й мы находимъ подробное обозначеніе этихъ мѣстъ въ новомъ видѣ сравнительно съ „Книгою Больш. Чертежа“ редакціи 1627 и 1680 годовъ. Указанія эти весьма любопытны. На картѣ ясно обозначены притоки Оби Вогулка и Сосва съ притокомъ Сыгвою. На устьѣ Сосвы и вблизи устья Вогулки обозначенъ градъ Березовъ, между этихъ рѣкъ и по каждой изъ нихъ—земля Остяцкая и Остяки, но *на верховьяхъ Сыгвы помѣщены Вогуличи*. Ясно, что и Остяки на Вогулкѣ, судя по названію этой рѣки, явились здѣсь или послѣ первыхъ обитателей ея Вогуловъ, или эти Остяки суть тѣже Вогулы—Ляпинцы, которые указаны и на Сыгвѣ. Рядомъ съ верхъ-сыгвенскими Вогуличами, у истоковъ рѣчки Худой Сосвы и близь сліянія Сыгвы съ Сѣверной Сосвой, *показаны жители Югриковы, вѣроятно, еще не вполнѣ овогулившіеся настоящіе Югричи* *). Затѣмъ по всему теченію р. Конды показаны одни Вогуличи. Всѣ эти показанія еще разъ подтверждаютъ высказанное выше, на основаніи другихъ данныхъ, наше общее положеніе о существованіи *особаго народа Югричей*, *перерождившагося къ*

*) На картѣ 2 (листъ 4) на томъ же мѣстѣ показаны *жители Югринковы*.

началу XVIII в. въ Вогуличей, неправильно названныхъ у Русскихъ „Остяками Ляпинскаго нарѣчія". Что касается поименованныхъ въ обѣихъ редакціяхъ „Книги Бол. Чертежу" югорскихъ городовъ, то ихъ кромѣ Березова мы уже не видимъ у Ремезова. Принимая во вниманіе, что „Чертежная книга Сибири" въ общей сложности составлялась около 30 лѣтъ и была закончена въ 1701 г., мы должны допустить, что вторая редакція „Книги Бол. Черт." 1680 г. въ отношеніи бывшей территоріи Югры просто списана съ первой безъ новой повѣрки съ дѣйствительностью, такъ какъ въ теченіе 20 лѣтъ не могли же безслѣдно исчезнуть 12 югорскихъ городовъ. Вмѣсто бывшихъ городовъ у Ремезова вновь показана *Киртасская застава* на рѣчкѣ Киртасъ, упоминаемой въ „Книгѣ Бол. Черт.", и *жители Югриковы*. (Листъ 23).

Чрезъ 15 лѣтъ послѣ появленія атласа Ремезова *Григорій Новицкій* написалъ свое извѣстное „Краткое описаніе о народѣ Остяцкомъ 1715 г.", изданное академикомъ *Л. Н. Майковымъ* въ „Памятникахъ древней письменности и искусства" въ 1884 году. Во всемъ сочиненіи Новицкаго названіе Югры и Югричей не встрѣчается уже ни разу. Полное исчезновеніе ея, въ смыслѣ сліянія съ Вогулами и отчасти Остяками, къ тому времени, значитъ, совершилось. На мѣстѣ Югры Новицкій вездѣ указываетъ Остяковъ (Ляпинскаго нарѣчія). Мы должны однако остановиться на этомъ спеціальномъ писателѣ объ Остякахъ и Вогулахъ, по времени еще первомъ въ Руси. По его словамъ, древнѣйшими обитателями Остяцкой страны былъ народъ Чудской: „здревле-бо здѣ внизъ по Оби и всей странѣ жителствоваше народъ *Чютцкій*" (стр. 26). Сказавъ, что отъ него не осталось никакихъ слѣдовъ, кромѣ кургановъ и чудскихъ ямъ, въ которыхъ, будто бы, чудь зарывалась со всѣмъ богатствомъ и погибала, авторъ замѣчаетъ: „Досели же жители странъ сихъ въ тѣхъ ровищахъ и курганахъ знаходять премного златыхъ сосудовъ и сребра множество и прочая, зане со всимъ имѣніемъ своимъ убивахуся" (стр. 26). Тѣ же самыя преданія сохранились и въ Пермскомъ краѣ, среди Русскихъ, и они доказываютъ, что Русскій народъ именемъ Чуди, чуждыхъ людей называетъ всѣхъ давно исчезнувшихъ аборигеновъ этихъ странъ—пред-

ковъ позднѣйшихъ Пермянъ и Угровъ безразлично *). Прямыми преемниками Чуди по владѣнію землями въ сѣверозападной Сибири Новицкій считаетъ Остяковъ, переселившихся изъ Пермской страны послѣ крещенія ея св. Стефаномъ и не желавшихъ измѣнять язычеству. „Се же извѣстно есть и отъ повседневнаго, яко сей народъ отъ Пермыи преселися, зане и языкъ ихъ явѣ творитъ, вси бо сіи пермъскимъ глаголютъ нарѣчіемъ, аще же не всѣ свойственнымъ и непремѣннымъ нарѣчіемъ Великія Пермыи глаголютъ, обаче се бысть егда умножишася сіи людіе по преселеніи своемъ отъ Пермыи и разыдошася здѣ по различныхъ тѣхъ странахъ, изминиша и языкъ свой.... Сіи же, что внизъ по Оби, непремѣннымъ глаголютъ нарѣчіемъ пермъскимъ, зане сіи егъда чрезъ Камень, иже отъ Пермы прилежитъ, прейдоша, тогда не в далнія страны удалишася отъ Пермыи, но близъ предѣлъ оныя пребываютъ и всегдашнія съ оными имущи обхожденія, сохраниша неизмѣнно языкъ свой пермьскій“ (стр. 27). Мысль Новицкаго о передвиженіи Остяковъ изъ за Урала въ Азію сама по себѣ вѣрна, но пребываніе всей массы ихъ на территоріи Перми до временъ св. Стефана ошибочно. Къ тому времени осталась въ Перми лишь нѣкоторая часть Угровъ; главная же масса ихъ передвинулась за Уралъ еще въ доисторическія времена. Что касается людей, говорящихъ настоящимъ пермскимъ нарѣчіемъ на нижней Оби, то подъ ними несомнѣнно слѣдуетъ разумѣть зауральскихъ Зырянъ, ту „Печеру“, которая въ послѣдній разъ, какъ народъ, упоминается у Епифанія и его компиляторовъ, т. е. исчезаетъ въ перво-источникахъ подъ этимъ древнимъ названіемъ дѣйствительно со временъ св. Стефана, оставивъ на соименной рѣкѣ лишь ту часть Зырянъ, которая приняла христіанство. Что Зыряне рано проникли въ Сибирь—видно изъ упоминанія ихъ въ грамотахъ на значительномъ разстояніи къ востоку отъ Урала. Такъ, въ отпискѣ изъ Кетскаго острога въ Тобольскъ о дѣйствіяхъ служивыхъ людей противъ Тунгусовъ, отъ 6 іюля 1609 года, упоминаются Остяки и Зыряне Кетскаго острога **). Зыряне и Вымичи торговые

*) «Пермск. Стар.» I, 25; *Смирнова:* «Пермяки», стр. 114.
**) «Русская Историческая Библіотека», II, 205.

люди упоминаются въ Березовѣ и другихъ городахъ Сибири въ наказахъ Сибирскимъ воеводамъ отъ царя Бориса Годунова 1601 и 1603 г.г. *). Въ послѣдующее время ихъ являлось въ Сибирь еще больше, а между тѣмъ Новицкій во всемъ сочиненіи своемъ не упомянулъ о нихъ ни словомъ. Не зная инородческихъ языковъ, онъ видимо смѣшалъ Зырянъ, дѣйствительно говорящихъ по-пермски, съ низовыми Остяками, которымъ ошибочно и приписалъ тотъ же пермскій говоръ. Въ дѣйствительности низовые Обскіе Остяки говорятъ особымъ *Обдорскимъ нарѣчіемъ*, въ которое, по свидѣтельству Абрамова, вошло не мало словъ самоѣдскихъ и *зырянскихъ* и которое существенно отличается отъ сосѣдняго *Югорскаго нарѣчія*, иначе Сосвино-Ляпинскаго, изобилующаго словами *вогульскими* **). Это сообщеніе Абрамова подтверждаетъ еще разъ наше главное положеніе о постепенномъ перерожденіи древней Югры въ Вогуловъ съ небольшой примѣсью Остяковъ.

Итакъ полное перерожденіе древней Югры въ Вогуловъ, неправильно названныхъ у Русскихъ „Остяками Ляпинскаго нарѣчія", слѣдуетъ отнести къ первой четверти прошлаго вѣка. Жители Югриновы на р. Сыгвѣ были послѣдними представителями этой исчезнувшей народности. Однимъ изъ послѣднихъ воспоминаній о ней было также учрежденное въ 1681 г. *Югорское* намѣстничество, сосѣднее съ ранѣе открытыми (въ 1676 г.) намѣстничествами Обдорскимъ и Кондійскимъ ***). До того времени въ отношеніи управленія вся Югра причислялась къ Перми Великой, почему строителями нѣкоторыхъ Сибирскихъ крѣпостей были Чердынскіе намѣстники и воеводы: въ сообществѣ съ княземъ П. И. Горчаковымъ, Великопермскій воевода Никифоръ Васильевичъ Троханіотовъ и его товарищъ Аѳанасій Ивановичъ Благово въ 1592—3 г.г. полагаютъ основаніе Пелыму и Березову ****), а воевода Василій Петровичъ Головинъ да съ нимъ Иванъ Васильевичъ

*) Тамъ же II, стр. 817—825 и слѣд.

**) *Абрамовъ:* «Описаніе Березовскаго края», 332.

***) *Н. В. Калачовъ:* «Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи», книга I-я.

****) *Миллеръ:* «Описаніе Сибирскаго Царства», стр. 226.

Воейковъ въ 1598 г. строятъ Верхотурье *). Югорское намѣстничество просуществовало, кажется, до перваго учрежденія губерній. На картѣ Екатеринбургскаго вѣдомства 1734—1736 годовъ, изданной при II томѣ сборника „Пермскій край“, и на академическомъ атласѣ 1745 г. на томъ же мѣстѣ мы видимъ уже *Березовскій уѣздъ*. Въ атласѣ Ремезова 1701 года, какъ мы говорили, также не показано Югорскаго намѣстничества, но упомянуто „Югорское царство“ къ западу отъ Урала. Уже во времена Ремезова слово Югра, по видимому, не прилагалось къ бассейну Сѣверной Сосвы и Сыгвы, и наименованіе намѣстничества могло существовать только на бумагѣ, да кромѣ того слово „Югорскій“ осталось въ царскомъ титулѣ.

Намъ остается указать на существованіе Угорскихъ поселеній въ XVI—XVII в.в. къ западу отъ Урала, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Пермью Великой и отчасти на ея территоріи. Одинъ изъ спеціальныхъ изслѣдователей Югры, г. *Оксеновъ*, между прочимъ пишетъ: „Безъ сомнѣнія, границы области, нынѣ занимаемой Остяками, не могутъ вполнѣ считаться границами древней Югорской земли, но во всякомъ случаѣ не слѣдуетъ, какъ это дѣлаетъ Лербергъ, включать мѣста по рѣкамъ Турѣ, Тавдѣ и Чусовой въ предѣлы древней Югорской земли. Въ этихъ мѣстахъ теперь нѣтъ Остяковъ, и также не встрѣчается историческихъ свидѣтельствъ о пребываніи ихъ въ этихъ краяхъ. По рѣкамъ Турѣ, Тавдѣ и Чусовой жили въ древнее время Татары и Вогулы, родственные Остякамъ“ **). Это замѣчаніе г. Оксенова требуетъ поправки. Во первыхъ, самое слово Югра въ древности употреблялось въ двоякомъ смыслѣ—общемъ, собирательномъ и частномъ, и въ первомъ значеніи оно обнимало всѣхъ сѣверо-восточныхъ Угровъ, почему Лербергъ имѣлъ основаніе понимать Югру въ широкомъ смыслѣ. Во вторыхъ, существованіе остяцкихъ поселеній въ бассейнѣ Камы и Чусовой засвидѣтельствовано въ Великопермскихъ писцовыхъ книгахъ Яхонтова и Кайсарова и въ житіи св. Трифона Вятскаго

*) Тамъ же, стр. 337.

**) «Литерат. Сборникъ». СПБ. 1885 г., стр. 433.

XVII в., и слѣдовательно сомнѣнія г. Оксенова въ данномъ случаѣ безосновательны.

Въ житіи св. Трифона Вятскаго, подробно изслѣдованномъ нами въ другомъ мѣстѣ *), весьма ясно говорится объ языческомъ капищѣ Остяковъ на рѣчкѣ Нижней Муловкѣ (или Муллянкѣ), что близь нынѣшней Перми слѣва впадаетъ въ р. Каму. Тутъ на высокомъ холмѣ (городищѣ) стояло заповѣдное дерево Остяковъ—исполинская ель, а вблизи находилось остяцкое кладбище. Эта ель была срублена св. Трифономъ и очень напоминаетъ „прокудливую березу“ Пермянъ въ Усть-Вымѣ, срубленную руками святителя Стефана Пермскаго. Въ VIII главѣ житія мы читаемъ слѣдующія весьма важныя строки: „Бѣ бо ту ихъ агарянъ и многихъ языкъ идольское жертвище и отъ всѣхъ странъ и рѣкъ *съ Печеры и съ Сылвы и съ Обвы и съ Тулвы князи ихъ: остяцкій Амбалъ, вогульскій Бебякъ и иніи мнози языци со всѣми своими улусы, Остяки и Вогуличи со всѣхъ ловль своихъ ту во едино мѣсто съѣзжахуся*“ (стр. 41) **). Въ указанной статьѣ мы подробно разобрали значеніе этихъ словъ и между прочимъ замѣтили, что прикамскіе Остяки составляли только колонію сылвенскихъ, жившихъ въ значительномъ количествѣ смѣшанно съ Вогулами по р. Чусовой и ея притоку Сылвѣ, откуда ихъ поселенія переходили и на р. Тулву, притокъ Камы, что нынѣ въ Осинскомъ уѣздѣ. Еще яснѣе говорятъ о существованіи остяцкихъ и вогульскихъ поселеній по Сылвѣ, Чусовой и къ востоку отъ Перми Великой, по самому западному склону Урала, на верховьяхъ Вишеры и Печоры писцовыя книги и нѣкоторыя грамоты, на коихъ мы уже останавливались въ I выпускѣ изданія и въ той же статьѣ въ „Трудахъ Пермской Ученой Архивной Коммиссіи“ вып. II. Припомнимъ, что до XV вѣка Пермь Великая—Чусовая состояла изъ одного уѣзда Пермскаго—Чердынскаго съ главнымъ средоточіемъ въ городѣ Перми Великой (Чердынь тоже); уѣзды Усольскій и Кайгородскій, а также обширныя вотчины Строгановыхъ возникаютъ и ко-

---

*) «Критическія замѣтки по исторіи Перми Великой XVI в.» во II выпускѣ «Трудовъ Пермской Ученой Архивн. Коммиссіи». (Пермь. 1893 г.).

**) «Православный Собесѣдникъ» 1868 г.—оттискъ «Житія».

лонизируются Русскими позднѣе *), почему угорскія поселенія на Камѣ, Чусовой, Сылвѣ, Обвѣ и Тулвѣ объясняются весьма просто. На этихъ рѣкахъ до XVI в. было еще много свободнаго мѣста, такъ какъ Пермяки локализировались преимущественно на верховьяхъ Камы—тамъ, гдѣ мы и доселѣ видимъ ихъ остатки.

Переходя за Уралъ, на берега верхней Туры и Тавды, мы опять убѣждаемся въ полной несостоятельности приведенныхъ выше словъ г. Оксенова и удивляемся, что ихъ могъ сказать мѣстный сибирскій ученый, которому Сибирь должна бы быть знакома ближе. На верхней Тавдѣ, на старой Московской дорогѣ изъ Руси въ Сибирь, лежала вогульская волость Тахчеи или Тахтанская, вокругъ которой, въ непосредственномъ сосѣдствѣ, Остяки жили сплошною массою, какъ видно изъ царской грамоты Строгановымъ отъ 30 мая 1574 г. **). На Турѣ, правда, жили Вогуличи, но и Остяковъ въ ея бассейнѣ обитало не мало. Верхотурскіе Остяки многократно упоминаются въ мѣстныхъ сибирскихъ документахъ. Возьмемъ для примѣра царскую грамоту, писанную въ іюлѣ 1627 г. на имя Верхотурскаго воеводы князя Семена Никитича Гагарина. Въ ней неоднократно и ясно упоминаются „Тавдинцы, Ляличи, Сосвичи и *Верхотурскіе Остяки*" ***). Даже на р. Кондѣ, служившей средоточіемъ вогульскаго населенія, остяцкія деревни (юрты) встрѣчались рядомъ съ вогульскими ****). Вообще эти два народа не раздѣлялись большими пространствами, а напротивъ жили въ ближайшемъ сосѣдствѣ, управлялись родственными между собою князьями, о чемъ подробно сказано выше, и составляли какъ бы одну этнографическую семью—Югру въ общемъ, собирательномъ значеніи этого слова, какъ и понимали ее, на нашъ взглядъ правильно, академикъ Лербергъ и фонъ-Бушенъ и понимаютъ доселѣ всѣ послѣдователи такъ называемой „угорской теоріи".

---

*) «Пермская Старина» I, 143.

**) *Миллеръ:* «Описан. Сибирскаго Царства», стр. 87.

***) Тамъ же, стр. 344, 346.

****) *Г. Новицкій:* «Описаніе о народѣ Остяцкомъ», стр. 23.

II.

Подчиненіе сѣверо-восточныхъ Угорскихъ земель Московской коронѣ и ихъ взаимныя отношенія.

Знакомство Русскихъ съ Угорскими народами Европейскаго сѣверо-востока началось съ первыхъ вѣковъ нашей исторіи. Уже первоначальная наша лѣтопись въ ея Лаврентьевскомъ спискѣ XIV вѣка, въ самомъ началѣ, въ числѣ восточныхъ народовъ упоминаетъ Заволочьскую Чудь, Пермь, Печеру, Ямь, *Угру*. Чтобы убѣдиться, что тутъ разумѣется не другая какая, а именно Уральская Угра, нужно это показаніе сравнить съ другими списками лѣтописи. Въ Ипатьевскомъ спискѣ конца XIV или начала XV в. и въ Хлѣбниковскомъ XVI в. вмѣсто слова „Угра" поставлено „Югра"— доказательство, что этими созвучными именами обозначается одинъ и тотъ же народъ, именно Уральская *Югра* позднѣйшихъ источниковъ. Въ остальныхъ спискахъ первоначальной русской лѣтописи въ упомянутомъ мѣстѣ народъ Угра совсѣмъ пропущенъ и впервые упомянутъ только подъ 1096 годомъ, въ разсказѣ Гюряты *). Послѣдній разсказъ приведенъ во всѣхъ спискахъ Нестора, при чемъ въ этомъ мѣстѣ мы встрѣчаемъ обратное наименованіе: Лаврентьевскій списокъ тутъ упоминаетъ *Югру*, а Ипатьевскій, Хлѣбниковскій, Радзивилловскій конца XV или начала XVI в. и Троицкій XV в. согласно указываютъ *Угру*. Слѣдовательно, Угра и Югра въ обоихъ мѣстахъ этой лѣтописи есть одинъ и тотъ же народъ.

Разсказъ о путешествіи въ Югру, записанный въ лѣтописи подъ 1096 годомъ, но слышанный лѣтописцемъ за 4 года раньше („яже слышахъ преже сихъ 4 лѣтъ"),**) и есть *самое первое* изъ всѣхъ, извѣстныхъ намъ по источникамъ, *достовѣрное* свидѣтельство о сношеніяхъ Новгородцевъ съ Уральскими Уграми. Съ какой цѣлью Гюрята посылалъ въ

*) Полн Собран. Русск. лѣтоп. I, 2. Здѣсь—основаніе моихъ словъ, приведенныхъ въ «Пермск. Стар.» вып. I, стр. 61.

**) На этомъ основано мое заключеніе, что Пермь впервые подчинилась зависимости отъ Новгорода еще до 1092 года. См. «Пермск. Стар.» I, 152.

Югру своего отрока—изъ разсказа его лѣтописцу не видно; повидимому,—съ промышленной, такъ какъ тутъ же говорится о мѣновой торговлѣ Югры. Но что отрокъ ходилъ въ эту невѣдомую страну не одинъ, а въ сопровожденіи нѣсколькихъ Новгородцевъ, вооруженныхъ ножами и сѣкирами, о коихъ и упоминаетъ Гюрята,—въ этомъ едва-ли можно сомнѣваться. Даже будучи задумано съ мирною цѣлью, путешествіе это было небезопасно: „есть же путь до горъ тѣхъ непроходимъ пропастьми, снѣгомъ и лѣсомъ, *тѣмже не доходимъ ихъ всегда*". Послѣднія слова убѣждаютъ насъ, что путешествіе Новгородцевъ въ Югру въ 1092 г. не было первымъ шагомъ ихъ въ эти далекія страны, но что смѣлыя экспедиціи ихъ на востокъ бывали и раньше; путешествіе 1092 г. является только первымъ, *достовѣрно* извѣстнымъ по лѣтописи. Не знаемъ только, почему оно помѣщено не подъ этимъ, а подъ 1096 годомъ.

Дѣйствительно, еще подъ 1032 годомъ мы встрѣчаемъ въ Никоновской лѣтописи указаніе на походъ *къ Желѣзнымъ Вратамъ* какого-то Улеба изъ Новгорода. „Того же лѣта Улебъ иде на Желѣзнаа Врата изъ Новагорода, и вспять мало ихъ възвратишася, но мнози тамо погибоша". *) А подъ 1079 годомъ Первая Новгородская лѣтопись упоминаетъ о погибели Новгородскаго князя Глѣба Святославича *за Волокомъ* **). Однако оба эти свидѣтельства настолько неопредѣленны и отрывочны, что не даютъ основанія утверждать, будто это были походы въ Югру, почему разсказъ о путешествіи 1092 г. все таки остается *первымъ достовѣрнымъ* извѣстіемъ о сношеніяхъ съ Югрою. Другихъ положительныхъ лѣтописныхъ извѣстій объ этомъ мы не встрѣчаемъ до слѣдующаго XII вѣка.

Самый вопросъ о мѣстоположеніи вышеупомянутыхъ Желѣзныхъ Воротъ нельзя считать удовлетворительно рѣшеннымъ. Проф. *Н. П. Барсовъ* полагаетъ, что тутъ разумѣется урочище Желѣзныя Ворота или городокъ Кариль на правомъ берегу рѣки Сысолы, въ 80 верстахъ отъ Усть-Сысольска,

---

*) Полн. Собран. Русск. лѣтоп., т. IX, стр. 79.

**) Ibidem., т. III. Въ I вып. «Пермск. Стар.» (стр. 36) я отнесъ оба эти свидѣтельства къ предпріятіямъ Новгородцевъ въ Заволочьѣ, по недоказанности связи ихъ съ Югрою.

близъ села Вотчи, а не тѣ Желѣзныя Врата, что находятся на р. Цыльмѣ, притокѣ Печеры *). Допустимъ такъ, но остается открытымъ вопросъ, противъ Югры-ли былъ предпринятъ походъ 1032 г., и жила-ли тамъ Югра? Самъ же г. Барсовъ замѣчаетъ, что были еще третьи Желѣзныя Ворота на притокѣ рѣки Чагодощи въ Весьегонскомъ уѣздѣ Тверской губерніи. Единственнымъ подтвержденіемъ того, что въ 1032 г. Новгородцы ходили противъ Югры, служитъ свидѣтельство лѣтописнаго свода Татищева, что въ этомъ году Новгородцы были разбиты Югрою, **) но достовѣрность этого свода еще подвержена нѣкоторому сомнѣнію.

Гораздо опредѣленнѣе становятся лѣтописныя извѣстія о походахъ Новгородцевъ противъ Югры въ слѣдующемъ XII вѣкѣ. Въ Ипатьевскомъ спискѣ конца XIV или начала XV вѣка, подъ 1114 годомъ, записано свидѣтельство Ладожскаго посадника Павла и всѣхъ Ладожанъ о походѣ Новгородцевъ за Угру. Оно столь же легендарно, какъ и разсказъ Гюряты, но основной фактъ похода остается несомнѣннымъ. „И еще мужи старіи *ходили за Югру и за Самоядь*, яко видивше сами на полунощныхъ странахъ, спаде туча, и въ той тучи спаде вѣверица млада (т. е. бѣлка), акы то перво рожена, и възрастши и расходится по земли, и паки бываетъ другая туча, и спадають оленци мали въ ней....“ ***) *Н. И. Костомаровъ* въ разсказахъ, записанныхъ подъ 1096 и 1114 годами, справедливо видитъ „миѳическое изображеніе богатства звѣринаго края“. ****) Мы видимъ здѣсь первое смутное извѣстіе о путешествіяхъ Новгородцевъ восточнѣе Сосвинской Югры.

Подъ 1187 годомъ I-я Новгородская лѣтопись сообщаетъ важное извѣстіе объ избіеніи сборщиковъ дани. „Въ то же время избьени быша Печерьскѣи даньникы и Югърьскіи въ Печерѣ, а друзіи за Волокомъ, и паде головъ о стѣ къметь-

---

*) *Н. П. Барсовъ*: «Очерки Русской исторической географіи». Варшава. Изд. 2-е 1885 г., стр. 60—64.

**) Ibidem.

***) Полн. Собр. Русск. лѣтоп., т. II, стр. 5. Въ *Ермолаевскомъ* спискѣ той же лѣтописи начала XVIII в. сказано: «ходили *за Угры и за Самоиды*».

****) «Сѣвернорусскія народоправства» т. I, СПБ. 1863 г., стр. 413—414.

ства". *) Это извѣстіе показываетъ, что Новгородцы ходили за сборомъ дани съ инородцевъ вооруженными дружинами, и что они встрѣчали тамъ сильное сопротивленіе. Чѣмъ больше знакомились они съ отдаленными странами, тѣмъ опредѣленнѣе дѣлались и лѣтописныя извѣстія объ этихъ походахъ и обитателяхъ Югры.

Подъ 1193 г. въ I-й Новгородской лѣтописи записано еще болѣе полное свидѣтельство о древней Югрѣ. Въ виду его важности выписываемъ слова лѣтописи дословно. „Въ то же лѣто идоша изъ Новагорода въ Югру ратью, съ воеводою Ядрѣемъ и придоша въ Югру и възяша городъ, и придоша къ другому граду, и затворишася въ градѣ, и стояша подъ городомъ 5 недѣль; и высылаху къ нимъ Югра льстьбою, рекуще тако: яко копимъ сребро и соболи и ина узорочья, а не губите своихъ смьрдъ и своей дани—а льстяще ими, а вье копяче (въ Академическомъ спискѣ сказано: сіа же глаголаша льстяще имъ, а вои копяще) и яко скопиша вое, и выслаша изъ города къ воеводѣ (въ Академич. спискѣ: Новогородскому): поиди въ городъ, поемъ съ собою 12 мужь вячьшихъ; и иде въ городъ воевода, поимя съ собою попа, Иванка Легена и инѣхъ вячьшихъ, изсѣкоша я на канунъ святыя Варвары; и выслаша пакы и пояша ихъ 30 мужь вячьшихъ, и тѣхъ изсѣкоша, и потомъ 50. [Далѣе въ Академическомъ спискѣ прибавлено: И по сихъ рече Савка князю Югърскому: аще, княже, не убіеши Якова Прокшинича и пустиши его въ Новъгородъ живого, то тому ти, княже, опять вои привести сѣмо и землю твою пусту сътворить; и повелѣ убити его; и рече Яковъ Савицѣ: брате, судить ти Богъ и святая Софія, яко подумалъ еси на свою братію, и станеши съ нами передъ Богомъ и отвѣтъ дашь за кровь нашу; и то ему рекшу, убіенъ бысть; той бо Савица перевѣты дрьжаше отаи съ княземъ Югорскымъ.] И яко изнемогоша голодомъ, стояли бо бяху 6 недѣль слушающе льстьбѣ ихъ, и на праздьникъ св. Николы вылѣзъше изъ города изсѣкоша вся. И бѣ туга и бѣда останку живыхъ. Бѣ бо оста-

*) Полн. Собр. Русск. лѣт., т. III, стр. 19. Въ IV Новгор. лѣтописи вмѣсто «Печерьскѣи даньники» сказано: «даньники *Перемьскіи и Югорьскіи*». Сравнить «Пермск. Стар.» вып. I, стр. 35.

лося ихъ 80 мужь, и не бяше вѣсти чрезъ всю зиму въ Новѣгородѣ"....*)

Окончаніе этой трагической исторіи кратко отмѣчено подъ слѣдующимъ 1194 г. той же лѣтописи: „И тъгда придоша исбытъкъ живыхъ изъ Югры, и убиша Сбышку Воловиця и Негочевиця Завида и Моислава Поповиця сами путьники, а друзіи кунами ся откупиша; творяхуть бо я съвѣтъ дьржаще на свою братью, а то Богови судити" (въ Академ. спискѣ: съвѣтъ дрьжавше съ Югрою на свою братію" **).

Проф *И. Д. Бѣляевъ* видитъ въ этомъ походѣ постоянное стремленіе Новгородцевъ быть полными обладателями далекаго Югорскаго края, развить тамъ свою гражданственность и упрочить торговыя предпріятія на далекомъ европейскомъ востокѣ ***).

Злополучный для Русской земли XIII вѣкъ не отмѣченъ въ лѣтописяхъ ни однимъ предпріятіемъ Новгородцевъ противъ Югры. Въ это время приходилось заботиться о сохраненіи собственной автономіи, а не о новыхъ завоеваніяхъ на востокѣ. Но обычные сборы дани съ Югры и торговыя съ нею сношенія Новгородцевъ продолжались по прежнему. „Что походы въ Югорскую землю по прежнему продолжались, говоритъ извѣстный намъ г. *Оксеновъ*, и остались небезплодными, въ этомъ убѣждаетъ то важное обстоятельство, что *во второй половинѣ XIII стол. Югорская земля считалась уже новгородскою волостью*. Именно въ договорной грамотѣ Великаго Новгорода съ вел. княземъ Тверскимъ Ярославомъ Ярославичемъ, при перечисленіи волостей новгородскихъ, упоминается между прочимъ *Югра*. Эта договорная грамота относится къ 1265 году (въ „Собраніи государств. грамотъ и договоровъ" ч. 1). Въ предъидущей главѣ сказано было, что зависимость Югры, какъ и Перми, отъ Новгорода была

---

*) Полн. Собр. Рус. лѣт. III, 21—22. Слова приведены, кромѣ особыхъ вставокъ, по основному *Синодальному* списку I Новгор. лѣт. XIV в.

**) Полн. Собр. Рус. лѣт. III, 22. Тоже буквально повторяется въ IV Новгор. лѣт., ibidem., томъ IV, 17. О походѣ 1193—1194 г.г. см. также *Софійскую* I лѣт. въ П. С. Р. Л., т. V, 169—170, и *Никоновскую*—т. X, 259—260.

***) «О географическихъ свѣдѣніяхъ въ древней Россіи» въ «Запискахъ Императ. Русскаго Географ. Общ.» т. VI, стр. 38—1852 г. и отдѣльно.

однако ничтожная. Новгородъ не держалъ здѣсь своихъ „мужей“, а только посылалъ вооруженные отряды для сбора дани. „Кромѣ вышеупомянутой догов. грамоты еще въ другихъ такихъ же грамотахъ Вел. Новгорода, написанныхъ одна 1270 года, другая между 1305 и 1308 г.г., третья между 1307 и 1308 г.г., четвертая 1327 г. (всѣ помѣщены въ томъ же „Собраніи госуд. гр. и догов.“ ч. I-я), пятая 1456 г. и шестая 1471 г. (въ „Актахъ Археограф. Экспед.“ т. I-й)—во всѣхъ этихъ грамотахъ Югра, т. е. Югорская земля, упоминается въ числѣ волостей новгородскихъ“ *). Въ I выпускѣ нашего изданія мы указали аналогичныя отношенія Новгорода Великаго и къ землѣ Пермской (стр. 37—38).

Съ начала XIV столѣтія мы опять встрѣчаемъ лѣтописныя извѣстія о походахъ Новгородцевъ въ Югорскую землю, *при чемъ извѣстія такого рода встрѣчаются чаще прежняго.* Подъ 1323 г. въ I Новгородской лѣтописи сказано: „Того же лѣта заратишася Устьюжане съ Новгородци, изъимаша Новгородцевъ *кто ходилъ на Югру*, и ограбиша ихъ“. О томъ же упоминаетъ и Софійская I лѣтопись (т. V, 216). Подъ 1329 г. Новгородскія I и IV лѣтописи согласно свидѣтельствуютъ: „Той же зимы избиша Новгородцевъ, *которіи были пошли на Югру*, Устьюжьскыи князи“ (т. IV, 51). Въ 1357 г. въ Югрѣ погибъ съ дружиною Самсонъ Колывановъ, какъ свидѣтельствуетъ о томъ IV Новгородская лѣтопись. „*А Самсона Колыванова убиша на Югрѣ, съ други*“ (томъ IV, 63) **). Подъ 1364 г. той же лѣтописи встрѣчаемъ послѣднее важное извѣстіе отъ XIV вѣка о походахъ въ Югру. „Той зимы, говоритъ лѣтопись, съ Югры Новъгородци пріѣхаша дѣти боярьскіи и молодыи люди и воеводы Олександръ Абакуновичь и Степанъ Ляпа, *воевавши по Оби рѣки до моря, а*

---

*) *А. Оксеновъ*: «Сношенія Новгорода Великаго съ Югорской землей» въ «Литературномъ Сборникѣ», изданномъ подъ редакціей Н. М. Ядринцева (изданіе «Восточнаго Обозрѣнія»). СПБ. 1885 г., стр. 440—441. О томъ же см. сочин. *Е. Е. Замысловскаго*: «Герберштейнъ». СПБ. 1884 г., стр. 138.

**) Такъ говоритъ основной списокъ П. М. Строева конца XV или начала XVI в. Въ рукописи Синодальной библіотеки начала XVI в. о томъ же сказано: «*Тогда Самсона Колыванова съ дружиною на Югрѣ побиша*» (т. IV, стр. 63, сноска).

другая половина рати на верьхъ Оби воеваша; и Двиняне сташа противу ихъ пълкомъ, и избиша Двинянъ на Курьи" (т. IV, стр. 64—65).

Таковы лѣтописныя свидѣтельства о походахъ Новгородцевъ въ землю Югорскую въ XIV вѣкѣ. Они значительно полнѣе всѣхъ прежнихъ извѣстій этого рода и не отличаются тѣмъ сказочнымъ характеромъ, какъ извѣстія объ Югрѣ XI и XII вѣковъ. Походы на Югру вооруженной ратью становятся обычнымъ дѣломъ. Шагъ за шагомъ Новгородцы подвигаются въ глубь Югорскихъ поселеній, и подъ 1364 годомъ мы встрѣчаемъ уже первое опредѣленное, ясное свидѣтельство о Зауральскомъ походѣ Новгородскихъ воеводъ.

Отъ XIV вѣка мы имѣемъ еще одно свидѣтельство о народѣ Югра въ сказаніи о св. Стефанѣ Епифанія Премудраго, составленномъ въ 1396—1397 г.г. *). Свидѣтельство Епифанія важно тѣмъ, что оно впервые вмѣстѣ съ Югрою упоминаетъ и *Вогуличей* въ перечнѣ народовъ, окружавшихъ Пермь Вычегодскую. *Югра*, *Печера*, *Вогоуличи*, *Самоедь*, *Пермь Великая глаголемая Чюсовая*—упоминаются, какъ *отдѣльные* народы, жившіе вокругъ Перми. О значеніи этого извѣстія мы уже говорили выше.

Походъ 1364 г. мы считаемъ первымъ, достовѣрно извѣстнымъ, Зауральскимъ походомъ Новгородцевъ въ Обдорію, сосѣднюю съ Югрою страну, нѣкогда родственную ей по племенному составу населенія. Въ этомъ смыслѣ упоминаемый походъ имѣетъ особенно важное историческое значеніе, какъ показатель того, насколько далеко на востокъ Новгородцы проникали уже въ XIV вѣкѣ **). Судя по тому, что Новгородцы воевали тогда „по Оби рѣкѣ *до моря*", походъ 1364 г. простирался на сѣверъ въ предѣлы Обдоріи; другая же половина рати дѣйствовала въ предѣлахъ Югорской земли, лежавшей южнѣе Обдоріи. Походъ этотъ, какъ видно изъ лѣтописи, кончился для Новгородцевъ удачно; только на обратномъ пути они встрѣтили Двинянъ, которые, подобно Устюжанамъ, не сочувствовали ихъ успѣхамъ; но и Двиняне на

*) Подробный разборъ свидѣтельствъ Епифанія мы сдѣлали въ «Пермск. Старинѣ» вып. I, стр. 62—67 и другія.

**) Подъ 1114 годомъ записано довольно смутное извѣстіе о походѣ Новгородцевъ «за Югру и за Самоядь».

этотъ разъ были разбиты и не отняли у Новгородцевъ пожитковъ, которые они несли домой изъ Обдоріи и Югры.

Отъ первой половины XV вѣка IV Новгородская лѣтопись сохранила намъ *послѣднее извѣстіе о предпріятіяхъ Новгородцевъ противъ Югры*. Подъ 1446 г. мы читаемъ: „Въ лѣто 6954 Василій Шенькурскій и Михайло Яковль, воеводы Новъгородцкіе, поидоша ратію заволоцькою въ 3000 на Югру и поимавше Югорьскихъ людей много, и женъ и дѣтей и располошишася; они же Югрици доспѣша надъ ними облесть, а ркучи тако: мы хотимъ вамъ дань даяти, а хотимъ счестися и указати вамъ станы и острѣва и урѣчища, а въ то время скопившеся и ударивша на острогъ Василія, и много людей, дѣтей боярьскихъ и удалыхъ людей избиша человѣкъ на 80" *). Послѣдній походъ Новгородцевъ въ Югру окончился такимъ образомъ неудачей.

Послѣ этого похода Новгороду некогда было думать объ Югрѣ; всѣ усилія ему приходилось обратить противъ Москвы для спасенія собственной политической независимости. Быстрый ростъ Московскаго государства, еще раньше подчинившаго себѣ многія удѣльныя княжества и нѣкоторыя волости новгородскія, сталъ явно угрожать и самому Великому Новгороду. Руководящая политическая роль его на сѣверо-востокѣ Европы кончилась въ XV вѣкѣ и постепенно перешла въ руки Москвы. Поколебалась и прежняя зависимость Югры и Перми отъ Новгорода **). Поэтому далѣе намъ придется говорить о походахъ въ Югру не новгородскихъ, а *московскихъ* воеводъ и подвластныхъ Москвѣ ратныхъ людей преимущественно изъ сѣверо-восточныхъ городовъ, еще ранѣе XV вѣка измѣнившихъ Новгороду, каковы Двиняне, Устюжане и другіе. Словомъ, со второй половины XV в. мы вступаемъ въ Московскій періодъ мѣстной исторіи.

Въ *Московскомъ періодѣ* впервые выступаютъ въ активной исторической роли родственные Югрѣ Вогулы—тѣ *Вогуличи*, о которыхъ первое, древнѣйшее упоминаніе сдѣлалъ Епифаній Премудрый въ сказаніи о Стефанѣ Пермскомъ,

---

*) Полн. Собр. Русск. лѣт., т. IV, стр. 124.

**) Относительно Перми мы говорили объ этомъ въ I выпускѣ изданія на стр. 153—154.

написанномъ въ 1396—1397 г.г. *). Онъ первый упомянулъ Вогуличей отдѣльно отъ Югры, показавъ тѣмъ, что эти два народа были въ такихъ же родственныхъ между собою отношеніяхъ, какъ Зыряне и Пермяки. Какъ послѣдніе объединялись сначала въ общемъ наименованіи *Пермь*, *Пермяне*, съ подраздѣленіемъ однако этого родоваго понятія на мѣстныя видовыя *Сырьяне* и *Пермичи* уже у того же Епифанія**),— такъ *Вогуличи и Остяки первоначально объединялись въ общемъ племенномъ названіи Югра или Угра*, *при одновременномъ существованіи и указанныхъ видовыхъ мѣстныхъ наименованій* по крайней мѣрѣ съ XIV вѣка. Но въ теченіе всего Новгородскаго періода не замѣтно активнаго участія въ событіяхъ той части Югры, которая носила частное, видовое названіе Вогуличей, въ то время жившихъ преимущественно на западномъ склонѣ Урала и по рѣкамъ, текущимъ къ западу отъ этихъ горъ. Въ активной роли они впервые выступили въ 1455 году, когда Вогульскій князь Асыка съ сыномъ своимъ Юмшаномъ, по свидѣтельству Архангелогородскаго лѣтописца, приходилъ ратью на Вычегду до Усть-Выма, гдѣ убилъ владыку Пермскаго Питирима. Причиною такихъ дѣйствій со стороны Вогуличей было то, что у нихъ со времени Стефана, крестившаго Пермь, порвалась духовная связь съ этою страной. Вѣроятно, послѣ набѣга Асыки Вогуличи еще не разъ тревожили Русскихъ своими нападеніями, такъ какъ въ 1465 г. противъ Югры былъ предпринятъ *первый походъ по приказанію Московскаго вел. князя*, извѣстный по источникамъ. „Въ лѣто 6973 мѣсяца сентября въ 13 день, повѣствуетъ лѣтопись, велѣлъ князь великій Иванъ Васильевичъ Василью Скрябѣ Устюжанину Югорьскую землю воевати, а шли съ нимъ хотячіе люди; да съ нимъ же ходилъ *князь Василей Вымскій Ермоличъ* съ Вымичи и съ Вычегжаны; а пошла рать съ Устюга мѣсяца маія въ 9 день ***). Они же шедше да Югорскую землю воевали и полону много вывели и землю за ве-

*) «Пермск. Стар.» I, 62; см. также стр. 9 и 10 и во II вып. стр. 44.

**) При чемъ выдѣлялись, вѣроятно по нарѣчію, также въ особую третью группу Сырьяне Печерскіе или просто народъ *Печера*.

***) Слѣдовательно самый походъ состоялся уже лѣтомъ. О князѣ Василіи Ермолаевичѣ Вымскомъ см. «Перм. Стар.» I, 164.

ликаго князя привели, а князей Югорскихъ Колпака да Течика къ вел. кн. Ивану Васильевичу и на Москву привели; *и князь великій ихъ пожаловалъ Югорскимъ княженіемъ и отпустилъ ихъ въ Югру, а на нихъ дань возложилъ и на всю землю Югорскую*, а Скрябу пожаловалъ" *). Въ 1467 г., по словамъ той же лѣтописи, „Вятчанъ сто дватцать человѣкъ ходили на Вогуличи, да съ ними Пермяки Вогуличь воевали, а князя Вогульскаго Асыку и на Вятку привели" (тамъ же, стр. 142). Впослѣдствіи этотъ Асыка оказался однако опять на волѣ и снова явился старымъ врагомъ Русскихъ. Въ 1481 г. состоялся третій въ Московскомъ періодѣ походъ Русскихъ противъ Угровъ. Въ этомъ году „Андрей Мишневъ съ шильники и съ Устюжаны ходили въ Великую Пермь да побили Вогуличь подъ Чердынемъ, а на Каму шедши, да встрѣтили гостей и Тюменскихъ Татаръ да пограбили" (Арханг. лѣтоп., стр. 160) **).

Подчиненіе Югры Московскому вел. князю въ 1465 г. оказалось однако непрочнымъ, не смотря на то, что Іоаннъ III оставилъ ей прежнихъ туземныхъ князей и ограничился наложеніемъ на нее дани. Старый врагъ Русскихъ Асыка, кажется, первый нарушилъ мирныя отношенія къ Москвѣ, а его примѣру послѣдовали и другіе угорскіе князья, жившіе въ Югрѣ, Кондѣ и даже въ Сибири. Московское правительство послѣ перваго подчиненія Югры было всецѣло занято борьбою съ Новгородомъ на западѣ, а на востокѣ въ 1472 г. московскіе воеводы князь Ѳедоръ Пестрый и Гавріилъ Нелидовъ покоряютъ Пермь Великую ***). За то съ паденіемъ политической независимости Великихъ Новгорода и Перми, Москва обратила все вниманіе на тревожный Угорскій Уралъ, въ ущельяхъ котораго гнѣздилось столько ея враговъ. Они встрѣтились теперь лицомъ къ лицу съ Москвою и имъ нельзя было надѣяться на сохраненіе своей полной независимости. Послѣ Перми они стояли на первой очереди подчи-

*) «Архангелогородскій лѣтописецъ». Москва. 1781 г., стр. 141.

**) *Карамзинъ* въ Новгородскихъ «шильникахъ» видитъ бродягъ (VI, примѣч. 59). Въ Пермскомъ краѣ это слово и сейчасъ употребляется въ народѣ въ смыслѣ мошенникъ.

***) О паденіи Перми Великой, какъ особаго инородческаго княжества, см. «Пермскую Старину» вып. I, стр. 68 и 154—158.

ненія Москвѣ, а Сибирь—на второй, въ порядкѣ ихъ географическаго положенія. Поводъ къ поднятію московскаго оружія, какъ мы сказали, подали сами Угорскіе князья неисполненіемъ взятыхъ на себя обязательствъ предъ Москвою, и Асыка стоялъ во главѣ недовольныхъ этою зависимостію, при всей ея легкости.

Второй большой походъ противъ Уральскихъ Угровъ (и четвертый изъ извѣстныхъ по источникамъ) Москва предприняла въ 1483 году. Онъ во второй разъ далъ почувствовать Уграмъ силу московскаго оружія, внесеннаго на этотъ разъ туда, гдѣ только однажды, въ 1364 году, побывали отважные Новгородскіе воеводы Александръ Абакумовичъ и Степанъ Ляпа. Разскажемъ его подлинными словами лѣтописи. „Въ лѣто 6991 (1483) князь великій Иванъ Васильевичъ посла рать на Асыку на Вогульскаго князя, да и въ Югру на Обь великую рѣку; а воеводы были великаго князя: князь Ѳедоръ Курбскій Черной да Иванъ Ивановичъ Салтыкъ-Травинъ, а съ ними Устюжане и Вологжане, Вычегжане, Вымичи, Сысоличи, Пермяки; *и быстъ имъ бой съ Вогуличи на устъ рѣки Пелыни.* На томъ бою убили Устюжанъ седмь человѣкъ, а Вогуличь паде много, а князь Вогульскій Юмшанъ убѣжалъ; а воеводы великаго князя оттолѣ *пошли внизъ по Тавдѣ рѣцѣ мимо Тюмень въ Сибирскую землю,* воевали идучи, добра и полону взяли много, *а отъ Сибири шли по Иртышу рѣцѣ внизъ воюючи, да на Обь рѣку великую въ Югорскую землю,* и князей Югорскихъ воевали, и въ полонъ вели; а пошла рать съ Устюга маія въ 9 день, а на Устюгъ пришли въ Покровъ святыя Богородицы; а въ Югрѣ померло Вологжанъ много, а Устюжане всѣ вышли“ *).

Походъ московской рати 1483 г. окончился удачно и произвелъ большой переполохъ между туземными угорскими князьями. Даже болѣе отдаленная Сибирь почувствовала силу русскаго оружія. Въ слѣдующемъ году, какъ увидимъ ниже, князья—инородцы сами пошли съ поклономъ въ Москву, можетъ быть потому, что „большой ихъ князь“ Молданъ

---

*) «Архангелогородскій лѣтописецъ». М. 1781 г., стр. 160—161.

Югорскій и Кодскій былъ захваченъ Русскими въ плѣнъ съ двумя сыновьями князя Екмычея *).

Въ приведённомъ описаніи похода 1483 г. важное значеніе имѣетъ указаніе пути за Ураломъ, коимъ слѣдовала московская рать. *Это—первое точное показаніе пути въ источникахъ*, такъ какъ при описаніи похода 1364 г., когда Русскіе впервые проникли за Уралъ, IV Новгородская лѣтопись говоритъ только о движеніяхъ русскихъ войскъ по берегамъ р. Оби, а другихъ топографическихъ подробностей не даетъ. Вопросу о древнѣйшихъ торговыхъ путяхъ за Уралъ, шедшихъ чрезъ Пермь и сѣвернѣе ея, мы уже посвятили въ этомъ изданіи много страницъ **). Теперь дополнимъ сказанное новыми подробностями.

Московская рать вышла изъ Устюга 9 мая 1483 г. Ей предстоялъ путь на р. Печеру. Сначала войско, безъ сомнѣнія, слѣдовало водой внизъ по С. Двинѣ и вверхъ по Вычегдѣ до ея верховьевъ. За 11 лѣтъ предъ тѣмъ, въ 1472 г., воевода князь Ѳедоръ Пестрый шелъ покорять Пермь Великую отчасти тѣмъ же путемъ, но съ половины его уклонился къ югу: онъ плылъ вверхъ по Вычегдѣ до р. Сысолы, потомъ по Сысолѣ до Черной рѣчки, „и оттуду поиде на плотѣхъ, и съ коньми, и приплылъ подъ городъ Анѳаловской“ ***). Какъ же прошелъ князь Курбскій съ Вычегды на Печору? Пути на Печору и дальнѣйшіе перевалы чрезъ Уралъ при походахъ 1483 и 1499 годовъ указаны г. *Оксеновымъ* по разнымъ даннымъ ****). Онъ упоминаетъ три пути съ Вычегды въ бассейнъ Печоры: 1) по рѣкамъ Выму и Ухтѣ чрезъ волокъ до Ижмы, 2) по правому притоку Вычегды рѣкѣ Чери чрезъ волокъ къ Ижмѣ же и 3) съ рѣки Вычегодской Мылвы на Печорскую. „По какой именно изъ этихъ трехъ

*) О чемъ свидѣтельствуетъ *Синодальная* лѣтопись: «поимаша (кн. Курбскій и Салтыкъ) на рѣцѣ на Оби князя Молдана и княжихъ Екмычеевыхъ двою сыновъ» (*Карамзинъ*. VI, примѣч. 461).

**) «Пермская Старина», выпускъ I, вся 3-я глава; во II вып. см. гл. 1-ю.

***) Тамъ же, I, 68. *Карамзинъ*, VI, примѣч. 73.

****) «Политическія отношенія Московскаго государства къ Югорской землѣ» (1455—1499 гг.) въ «Журн. Министъ. Народн. Просв.» 1891 г. № 2. Статья эта составляетъ продолженіе той, которая помѣщена г. *Оксеновымъ* въ «Литерат. Сборникѣ» 1885 г. подъ ред. Ядринцева.

дорогъ съ Вычегды на Печору (указанныхъ по словарю *Семенова*, IV, 107) шолъ со своимъ отрядомъ князь Курбскій— рѣшить трудно, такъ какъ въ извѣстіяхъ о походѣ нѣтъ никакихъ указаній по этому предмету" (стр. 260), говоритъ г. Оксеновъ о походѣ 1499 г.; но тоже самое слѣдуетъ сказать и о походѣ 1483 года. Съ Печоры за Уралъ также шло три удобныхъ дороги, и опять не представляется возможности точно сказать, которою изъ нихъ шли Русскіе въ 1483 г. Эти три дороги указаны у меня въ I выпускѣ (стр. 40) и ихъ же указываетъ г. *Оксеновъ* (стр. 261), а еще раньше указали историкъ Сибири *Миллеръ* (стр. 75) и *Лербергъ* (см. „Изслѣдованія" его. 1819 г., стр. 11). Изъ сказанія лѣтописи видно, что первый бой Русскихъ *съ Вогуличами* былъ на устьѣ рѣки Пелыма, притока Тавды, а на эту рѣку ближе всего было пройти съ Вычегды южнымъ переваломъ или, точнѣе, проходомъ, который шелъ по долинѣ р. Илыча, его лѣвому притоку Югрѣ (по-зырянски Егра-Ляга, по-остяцки Ольсъ-манъ-я), извѣстнымъ *Югринскимъ Переходомъ*, на рѣку Вогулку и далѣе на Сосву *). Названіе Вогулки уже показываетъ, что тутъ жили въ старину Вогулы, и московская рать была отправлена въ 1483 г. прежде всего противъ Вогульскаго князя Асыки, по усмиреніи котораго уже предписано было идти далѣе—въ Югру, „на Обь великую рѣку". При такомъ планѣ похода зачѣмъ пошли-бы Русскіе въ 1483 г. болѣе сѣвернымъ путемъ по рѣкѣ Щугуру къ р. Сыгвѣ, не говоря уже о самомъ сѣверномъ переходѣ по долинѣ Усы чрезъ „Большой переходъ" къ истокамъ р. Соби, текущей въ Обь? Это было-бы напрасной тратой времени и не согласовалось бы съ государевымъ указомъ. И лѣтопись точно указываетъ, что весь далекій походъ 1483 г. занялъ только 5 мѣсяцевъ времени—съ 9 мая до 1 октября. По всѣмъ указаннымъ соображеніямъ, Русскіе

*) Лучшее описаніе этого пути чрезъ Уралъ см. у *Гофмана* во II томѣ его труда: «Сѣверный Уралъ и береговой хребетъ Пай-Хой», СПБ. 1856 г., стр. 47. Достойно вниманія, что *притокъ Илыча Русскіе и сейчасъ называютъ рѣкой Югрой, а ея долину—Югринскимъ Переходомъ*. Самый же полный указатель всѣхъ путей чрезъ Сѣверный Уралъ приведенъ въ письмѣ знаменитаго венгерскаго ученаго *Регули* къ академику *Кеппену* отъ 21 января 1847 г., которое см. въ «Запискахъ Русскаго Географическаго Общества», книга III, СПБ. 1849 г., стр. 159—175.

въ этомъ году скорѣе всего проникли за Уралъ южнымъ „Югринскимъ Переходомъ".

Движеніе Русской рати за Ураломъ въ 1483 г. лѣтопись отмѣчаетъ весьма ясно. Съ устья р. Пелыма она пошла (вѣроятно, поплыла на плотахъ) внизъ по Тавдѣ рѣкѣ мимо Тюмени въ Сибирскую землю. Городъ Тюмень подъ этимъ русскимъ названіемъ тогда еще не существовалъ; такъ наименовать его могъ только позднѣйшій русскій лѣтописецъ: тутъ стоялъ въ XV в. татарскій городокъ Чимги или Чинги-Тура, дѣйствительно принадлежавшій тогда къ Сибирской землѣ *). Русскіе не могли плыть мимо него, такъ какъ Тюмень стоитъ на р. Турѣ и слѣдовательно осталась далеко вправо отъ русскаго войска, которое изъ Тавды, видимо, продолжало подвигаться все внизъ по рѣкамъ—сперва по Тоболу и далѣе—по Иртышу, *„да на Обь великую рѣку въ Югорскую землю"*. Эти слова лѣтописи даютъ ключъ къ рѣшенію вопроса: гдѣ шла въ XV в. сѣверная граница Сибирскаго царства съ поселеніями той части Югорскаго племени, которая называлась Остяками. Очевидно, слово Югра, Югорская земля тутъ нужно понимать въ общемъ, а не въ частномъ смыслѣ, какъ это и понималъ нѣкогда академикъ *Лербергъ* **). Сѣверную границу „Сибирской земли" того времени приблизительно можно опредѣлить такъ: начинаясь отъ рѣки Туры повыше нынѣшняго Туринска, въ XVI в. именовавшагося по-татарски Епанча, она шла на востокъ приблизительно по 58° сѣв. широты чрезъ р. Тавду и Иртышъ, пересѣкала послѣдній пониже нынѣшняго Тобольска, опять простиралась далѣе на востокъ къ вершинамъ рѣки Васъ-Югана и упиралась въ Обь повыше селенія Нарыма, оканчиваясь на правомъ берегу Оби къ сѣверу отъ ея притока р. Кети. *Къ югу отъ 58° лежала Сибирь, къ сѣверу—Югорская земля въ широкомъ смыслѣ*. На нижнихъ частяхъ Туры и Тавды Вогульскія поселенія уже встрѣчались съ Татарскими. Вся Конда, нижній Иртышъ (ниже устья Тобола), его правые

---

*) *Миллеръ:* «Описаніе Сибирскаго царства» СПБ. 1750 г., стр. 212.

**) «Изслѣдованія, служащія къ объясненію древней Русской исторіи», переводъ Языкова. СПБ. 1819 г., стр. 4, и карта при этой книгѣ.

притоки Туртасъ и Демьянка и лѣвые притоки Оби Юганъ и Васъ-Юганъ составляли еще Угорскую область *). Доказательства приведемъ ниже, въ концѣ этой главы.

Походъ въ Югру 1483 г. имѣлъ важныя послѣдствія для Угорскихъ князей, жившихъ въ Зауральѣ: онъ заставилъ ихъ смириться предъ Москвой. Въ Архангелогородской лѣтописи читаемъ: „Въ лѣто 6992 (1484) тое же весны пришли съ челобитьемъ князи Вогульскіе и Югорскіе—*Вогульскій князь Юмшанъ да Калпа, а Сибирскій князь Лятикъ, а Югорскій князь Пыткей, а большей князь Югорскій Молданъ*, того съ собою напередъ князь Өедоръ Курбскій привелъ. И князь великій за себя ихъ привелъ, и *дань на нихъ уложилъ, да пожаловалъ ихъ, отпустилъ ихъ во свояси*“ (стр. 161). Въ 1472 г. совершенно такимъ же образомъ Іоаннъ III поступилъ съ Великопермскимъ княземъ Михаиломъ. Завоеватель Великой Перми, князь Өедоръ Пестрый „послалъ Пермскихъ воеводъ къ великому князю—князя Михаила и Бурмота и Мичкина“, которые были пожалованы, т. е. отпущены обратно въ Пермь; и только „въ лѣто 7013 (1505 г.) кн. вел Иванъ Васильевичъ свелъ съ Великія Перьми *вотчичя* князя Матөія Михайловича, а на Великую Перьмь послалъ намѣстника своего, князя Василья Андреевича Ковра: сей же бысть *первый отъ Русскихъ* князей, а пріѣхалъ въ недѣлю цвѣтную“ **). Значитъ, такое обхожденіе съ покоренными князьями было въ обычаѣ у Ивана III.

Синодальная лѣтопись (№ 365), которою пользовался Карамзинъ, передаетъ событія 1484 г. съ большими подробностями, нежели Архангелогородскій лѣтописецъ. Приведемъ это важное свидѣтельство ея вполнѣ ***). „Того же лѣта (1484) приходили къ вел. кн. отъ Вогульскаго кн. Юмшана, Асыкина сына, бити челомъ о опасѣ шурину его Вогулятинъ Юрга, да сотникъ его Вогулятинъ Анфимъ, а печаловался о немъ владыка Филоөей Пермьскій; и кн. великій опасъ далъ, и послалъ владыка съ вел. князя опасомъ къ Юмшану

*) О границахъ Остяцкихъ поселеній, сосѣднихъ съ Сибирью, см. въ «Описаніи о народѣ Остяцкомъ» *Григорія Новицкаго*. СПБ. 1884 г., стр. 23.

**) *Карамзинъ*, VI, примѣч. 73. Сравни «Пермск. Стар.» I, 162—163.

***) «Исторія Госуд. Росс.» по изданію бр. Сленинныхъ, VI, примѣч. 461.

слугу своего Леваша. Того же лѣта приходилъ къ вел. князю бити челомъ Вогулятинъ кн. Пыткей съ поминки съ великими отъ князей Кодскихъ, отъ Лаба да отъ Чангила, и отъ всее земле Кодскіе и Югорьскіе *), да били челомъ о полоненыхъ князехъ, о Молданѣ съ товарищи, и кн. вел. отпустилъ ихъ во свою землю, да и Пыткея—печалованіемъ владыки Филоѳея да Володимера Григорьевича Ховрина. Тое же зимы генваря 4 (1485 г.) князи Кодскіе, Молданъ съ дѣтми, да Пынзей, да Сонта, да Пыткей имали миръ подъ владычнимъ городомъ Устьвымскимъ за вси свои земли съ князьми Вымскими, съ Петромъ да съ Ѳедоромъ, да съ Вычегодскымъ сотникомъ Алексѣемъ Казакомъ, да со владычнимъ слугою съ Левашомъ,—на томъ, что имъ лиха не смыслити, ни силы не чинити надъ Пермьскими людми, а вел. князю править во всемъ; а крѣпость ихъ—со золота воду пили, и пойдоша въ свою землю февраля.... Августа 18 пріиде ко владыцѣ Филоѳею на усть Выми по опасу Вогульскій князь Юмшанъ, а съ нимъ Вогуличи, тесть его Калба да Ломотко. Сентября въ 1 *пойде съ ними Филофей къ вел. князю бити челомъ*".

Итакъ Іоаннъ III и на сей разъ, какъ было въ 1465 году, сохранилъ за Угорскими князьями ихъ автономію, наложивъ на нихъ только опредѣленную дань. Этой вторичной милостью великаго князя они обязаны были, какъ видимъ, посредничеству Пермскаго епископа Филоѳея, правившаго епархіей Пермской и Вологодской съ 1471 до 1501 г. **). Іоаннъ III питалъ глубокое уваженіе къ Филоѳею. Отправляясь въ 1472 г. въ походъ противъ Новгорода, онъ обращается за молитвою и благословеніемъ къ Филоѳею. При завоеваніи въ томъ же году Перми Великой, этотъ владыка много способствовалъ цѣлямъ Іоанна. „Любимый и уважаемый многочисленною паствою, Филоѳей внушалъ ей недовѣріе къ Новгороду, а равно и къ мѣстнымъ правителямъ и, восхваляя добродѣтели Іоанна, привлекъ къ нему сердца

*) Въ 1472 г. кн. Ѳедоръ Пестрый, по завоеваніи Перми Вел., также прислалъ къ Іоанну III «вмѣстѣ съ плѣнными 16 сороковъ черныхъ соболей, драгоцѣнную шубу соболью, 29 поставовъ нѣмецкаго сукна, 3 панцыря, шлемъ и 2 сабли булатныя». *Карамзинъ*, тоже изданіе, т. VI, стр. 51.

**) «Пермс. Стар.» I, 145—146; *Строевъ*: «Списки іерарховъ и настоятелей монастырей Россійск. церкви». СПБ. 1877 г., стр. 729.

туземныхъ жителей.... Московскія войска, проходя по Перми, повсюду встрѣчали дружескій пріемъ и ласки отъ туземныхъ обитателей. Филоѳей, чтобы облегчить для войска трудность пути въ странѣ, малоизвѣстной воеводамъ, далъ имъ искусныхъ проводниковъ, хорошо знакомыхъ съ мѣстностію.... Предупредительный и дальновидный Филоѳей, какъ искусный государственный политикъ, справедливо разсчитывалъ, что короткое сближеніе народовъ Сибири съ Пермяками поведетъ къ результатамъ, важнымъ въ смыслѣ правительственномъ, и потому.... дѣйствуя на умы ихъ въ духѣ религіозномъ, привлекая къ себѣ привѣтливостью и снисхожденіемъ, лаская въ пріемахъ, постоянно отличаясь радушіемъ и гостепріимствомъ, Филоѳей пріобрѣталъ этимъ всеобщую извѣстность между ними, снискивалъ любовь и расположеніе и—что всего важнѣе—пользовался полнымъ ихъ довѣріемъ. Сѣверо-западная Сибирь произносила имя его съ уваженіемъ, какъ имя умнаго и добраго правителя Перми.... Не мудрено, что при такомъ выгодномъ общественномъ мнѣніи, Филоѳей имѣлъ на Вогуличей и Югровъ вліяніе могущественное" *). Послѣ этого понятно, зачѣмъ Угорскіе князья, изъявившіе въ 1484 г. покорность Іоанну III, въ слѣдующемъ году заключили особый миръ подъ *владычнимъ городомъ Усть-Вымомъ* съ князьями Вымскими Петромъ да Ѳедоромъ, данниками Іоанна, съ Вычегодскимъ сотникомъ и владычнимъ слугою Левашомъ.

Обратимъ вторично вниманіе на нѣкоторыя выраженія въ приведенныхъ выше выпискахъ изъ лѣтописей Архангелогородской и Синодальной. „Приходилъ къ вел. князю бити челомъ *Вогулятинъ князь Пыткей*". Этотъ князь, родомъ Вогулъ, явился представителемъ князей *Кодскихъ* Лаба и Чангила и *„отъ всее земле Кодскіе и Югорьскіе"*. Затѣмъ 4 января 1485 г. *„князи Кодскіе, Молданъ съ дѣтьми*, да Пынзей, да Сонта, *да Пыткей* имали миръ подъ владычнимъ городомъ Устьвымскимъ". Ясно, что князь Пыткей, родомъ изъ Вогулъ, и князь Молданъ были князья Кодскіе или Кондинскіе, изъ города Коды, что былъ при р. Оби. Но

---

*) См. статью *М. Михайлова*: «Усть Вымъ» въ «Вологодскихъ Губернск. Вѣдомост.» за 1850 г., стр. 471, и статью профессора *Е. А. Будрина*: «Очеркъ исторіи Пермской епархіи» въ «Пермск. Епархіальн. Вѣдом.» 1868 г. №№ 44 и 46.

Пыткей являлся представителемъ не одной Конды, а и всей „земли Кодскія и Югорскія“. Это подтверждаетъ вполнѣ и Архангелогородская лѣтопись, прямо называющая Пыткея *княземъ Югорскимъ*, а Молдана—*большимъ княземъ Югорскимъ*. Слѣдовательно земля Кодская и Югорская имѣла однихъ правителей, изъ коихъ Молданъ былъ главнымъ, а *Вогулятинъ* князь Пыткей, Сонта, Пынзей—второстепенными, подчинявшимися первому. Значитъ, между Вогульскими и Югорскими князьями было близкое родство; эта родственная связь Вогуловъ съ Югрою слишкомъ замѣтна и въ наименованіи *Вогулятина Юрги*, который въ качествѣ довѣреннаго Вогульскаго князя Юмшана, сына Асыки, приходилъ къ великому князю „бити челомъ о опасѣ шурину Юмшана“. Этимъ шуриномъ Юмшана и былъ, кажется, Вогулятинъ князь Пыткей, бывшій однимъ изъ правителей въ землѣ Кодской и Югорской. Въ виду такихъ-то родственныхъ связей, всѣ Угорскіе князья и дѣйствовали столь единодушно. Изъ приведенныхъ сопоставленій лѣтописныхъ показаній можно вывести заключеніе, что въ событіяхъ 1483—1485 г.г. принимали участіе родственные между собою князья *Вогульско-Югорскіе* и *Кодско-Югорскіе*, какъ правители Коды и Югріи собственно, тогда бывшихъ подъ властью родственныхъ между собою князей, при чемъ слово „Югорскій“ тутъ можно принимать болѣе въ общемъ, а не въ частномъ значеніи. Подобное же родство существовало тогда между князьями Великопермскими и Вымскими (см. вып. I, 164), которые объединялись въ общемъ названіи „Пермскихъ“.

Послѣ 1484 г. автономія Угорскихъ князей продолжалась еще долгое время. Московское правительство не положило ей конца подобно тому, какъ это произошло въ Перми Великой въ 1505 г. съ назначеніемъ перваго *намѣстника* кн. Василія Ковра. Отношенія Угорскихъ князей къ Московскимъ государямъ продолжали оставаться полуподданническими, съ сохраненіемъ прежняго общественнаго ихъ устройства, но съ обязательнымъ платежомъ дани въ пользу Москвы. Однако и при этой легкой зависимости отъ Москвы поводы къ взаимнымъ столкновеніямъ между русскими и инородцами встрѣчались довольно часто. „При недостаткѣ должнаго умствен-

наго и общественно-экономическаго развитія у того и другаго населенія, ихъ соприкосновеніе, конечно, не могло обойтись безъ враждебнаго столкновенія между тѣмъ и другимъ" *). Нарушеніе клятвенныхъ условій съ Москвой среди полуподданныхъ ей инородцевъ было обычнымъ дѣломъ. Такое нарушеніе было допущено Угорскими князьями чрезъ 15 лѣтъ послѣ заключенія мирнаго договора ихъ съ Іоанномъ въ 1484 году. Это обстоятельство вызвало въ 1499 г. новый, самый значительный походъ Русскихъ въ Югру. Это былъ третій и послѣдній большой походъ Московскихъ войскъ (и пятый изъ извѣстныхъ по источникамъ) въ земли Югорскія. Какъ небывалый по размѣрамъ, онъ болѣе всѣхъ другихъ походовъ изслѣдованъ въ послѣднее время и полнѣе другихъ описанъ въ источникахъ **).

Въ походѣ 1499 г. предводительство взяли на себя три воеводы: князь Семенъ Ѳедоровичъ Курбскій, князь Петръ Ѳедоровичъ Ушатый и Василій Ивановичъ Гавриловъ, прозванный Заболоцкій-Бражникъ. *Въ отрядѣ Курбскаго было* 1304 чел. Устюжанъ и 500 чел. Вятчанъ и жителей Вязьмы (Вязминъ), а всего 1804 человѣка. Подначальными кн. Курбскому вожатыми въ этомъ отрядѣ были: дѣти боярскіе Цыгоръ и Владиміръ Сугорскіе и Вятчане—Константинъ Яковлевичъ Путьинъ, Левъ Ивановичъ Алексѣевъ и Петръ Коповъ. *Въ отрядѣ Ушатаго* было 1920 человѣкъ Вятчанъ, Важанъ (съ Ваги) и Пинежанъ. Помощниками Ушатаго были: Вологодскіе дѣти боярскіе Никита Тимоѳеевичъ Мотафтинъ и Никита Кушниковъ и Вятчане—Гавріилъ Сафоновъ, Иванъ Синкинъ-Бобровниковъ и Иванъ Юшинъ. *Въ отрядѣ Гаврилова (Заболоцкаго-Бражника)* было 200 чел. Вятчанъ и 100 чел. разныхъ инородцевъ—Эрзянъ (часть племени Мордвы), Арянъ (изъ Арской земли), Татаръ и Вотяковъ. Помощниками его были: Вологодск. дѣти боярскіе Осипъ Савельевъ

---

*) Вопросъ объ отношеніи московской власти къ инородцамъ лучше всего разработанъ въ соч. *Н. А. Ѳирсова*: «Положеніе инородцевъ сѣверо-восточной Россіи въ Московскомъ государствѣ». Казань. 1866 г., см. стр. 67 и мн. друг.

**) Полный сводъ всѣхъ извѣстій о походѣ 1499 г. и обстоятельное изложеніе фактовъ, до него относящихся, см. въ статьѣ *Оксенова*: «Политическія отношенія Московск. госуд. къ Югорской землѣ» въ «Журналѣ Мин. Нар. Просв.» 1891 г., февраль, стр. 257—266.

и Өедоръ Неправдинъ и Вятчане—Яковъ и Григорій Татариновы. *Во всемъ войскѣ, по указанію разрядныхъ книгъ, было, слѣдовательно, 4024 человѣка*, при трехъ воеводахъ и 14 подчиненныхъ имъ второстепенныхъ военачальникахъ (по 5 у Курбскаго и Ушатаго и 4 у Гаврилова). Г. Оксеновъ полагаетъ, что въ отрядѣ Гаврилова было гораздо болѣе 300 чел., судя по тому, что онъ сдѣлалъ въ походѣ *). Но ему могли уступить людей при надобности Курбскій и Ушатый. Невольно бросается въ глаза особенное участіе Вятчанъ въ походѣ. Г. Оксеновъ основательно думаетъ, что это вызвано не задолго до того послѣдовавшимъ (именно въ 1489 г.) окончательнымъ подчиненіемъ Вятки великому князю Московскому, который многихъ Вятчанъ записалъ „въ слуги великому князю" и надѣлилъ ихъ помѣстьями въ Московской землѣ, за что они прежде другихъ и должны были принять участіе въ походѣ 1499 г. **).

Исходнымъ пунктомъ для войска была Москва, гдѣ воеводы получили свое назначеніе. На пути къ войску постепенно присоединились другія составныя его части. *Курбскій* изъ Москвы пошелъ на Устюгъ, далѣе внизъ по Двинѣ и вверхъ по Вычегдѣ, какъ было въ 1483 году. *Ушатый* отправился изъ Москвы на сѣверъ и поплылъ потомъ на судахъ внизъ по Сухонѣ и Двинѣ до р. Пинеги, далѣе вверхъ по этой рѣкѣ до волока, отдѣляющаго ее отъ рѣки Кулоя, внизъ по Кулою—на Мезень и далѣе на Печору ***). *Гавриловъ* направился Волгою и Камою до Перми Великой, прослѣдовалъ эту страну, достигъ рѣки Колвы, мимо Чердыни поднялся по ней до Печерскаго волока, по которому и достигъ Печоры. Къ осени 1499 г. всѣ три отряда сошлись на р. Печорѣ, откуда 20 ноября двинулись далѣе на востокъ. Переходъ до горъ занялъ 14 дней, а самый перевалъ—болѣе двухъ недѣль ****). Которымъ изъ трехъ переходовъ прошло

*) Та же статья, стр. 258. Свѣдѣнія о численности и личномъ составѣ войска сообщаетъ «*Разрядная книга*» Архива Иностр. Дѣлъ; выписку изъ нея см. въ статьѣ *Бѣляева* въ «Записк. Географич. Общ.» кн. VI. СПБ. 1852 г. стр. 247.

**) Тамъ же. Объ этомъ свидѣтельствуетъ Архангелогородскій лѣтописецъ.

***) Объ этомъ пути см. «Пермск. Стар.» I, 40.

****) «Записки о Московіи» *Герберштейна* (переводъ Анонимова. СПБ. 1866 г., стр. 127—128), гдѣ см. разсказъ кн. Курбскаго автору записокъ о 17-дневномъ пути его по горамъ.

на этотъ разъ московское войско за Уралъ—вопросъ спорный. У проф. *Е. Е. Замысловскаго* находимъ обстоятельный сводъ мнѣній по этому вопросу *), при чемъ мы присоединяемся къ слѣдующему его заключенію: „Въ описаніи пути отъ р. Печоры къ р. Оби (внесенномъ въ „Записки“ *Герберштейна*), составленномъ около того самаго времени, къ которому относится походъ 1499—1500 г.г., и не однимъ лицомъ, а нѣсколькими, сохранилось слѣдующее свидѣтельство: составители этого описанія говорили автору „Записокъ о Московіи“, что *„они отдыхали между устьями рѣкъ Щугора и Подчерема“*. Слѣдовательно, русскіе отъ р. Печоры двигались не по рѣкѣ Усѣ, а южнѣе; съ рѣки Печоры отправились по тѣмъ притокамъ ея, которые отдѣляются Уральскимъ хребтомъ отъ рѣчной области Сосвы—той именно, гдѣ лежитъ Ляпинъ „Югорскій“. Г. *Оксеновъ* въ цитированной нами статьѣ приходитъ къ тому же взгляду. „По всей вѣроятности, всѣ три отряда сошлись на Печорѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ въ эту рѣку впадаетъ Щугоръ. Съ этого пункта удобнѣе всего можно было направить путь чрезъ Уральскія горы въ самый центръ Югорской земли“ (стр. 261). Но проф. *И. Д. Бѣляевъ* думалъ иначе. „Третій отрядъ съ Заболоцкимъ, говоритъ онъ, шелъ сперва Волгою на Каму, гдѣ взялъ, по росписанію, Татаръ Казанскихъ и Арянъ; потомъ Камою поднялся до Колвы и изъ Колвы волокомъ спустился въ Печору, по которой шелъ до устья Усы, гдѣ начинались жилища Остяковъ, которыхъ Заболоцкій, по росписанію, долженъ былъ принять въ свой отрядъ. Такимъ образомъ всѣ три отряда должны были сойтись на Печорѣ не иначе какъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ въ нее впадаетъ *Уса, при устьѣ которой они и зарубили себѣ городокъ Усташъ*“ **). Но какъ этому выводу противорѣчило географическое положеніе Ляпина, до котораго Русское войско шло отъ Камени только недѣлю, то г. *Бѣляевъ* съ натяжкою допускаетъ существованіе другаго (воображаемаго) Ляпина сѣвернѣе „Югорскаго“. Съ своей стороны мы не можемъ при-

*) «Герберштейнъ и его историко-географич. извѣстія о Россіи» СПБ. 1884 г., стр. 436 и 437.

**) «О географическихъ свѣдѣніяхъ въ древней Россіи» въ «Запискахъ Импер. Русск. Географич. Общества» книга VI. СПБ. 1852 г., стр. 249.

знать такое заключеніе г. *Бѣляева* правильнымъ, равно какъ и мнѣніе *Лерберга*, будто Усташъ стоялъ около устьевъ Щугора *).

Русскіе встрѣтили на Печорѣ нѣсколько самоѣдскихъ и зырянскихъ поселеній, одно изъ которыхъ *Усташъ* и послужило сборнымъ пунктомъ для воеводъ въ землѣ Самоѣдовъ. Другое селеніе *Струпилъ* они встрѣтили „на русскомъ берегу, на правой рукѣ, въ горахъ", между устьями Щугора и Подчерема, и третье *Папинъ*—также на Печорѣ, кажется, между первыми двумя Въ „Разрядной книгѣ" изъ архива Академіи Наукъ (№ 43), выдержка изъ которой приведена у Бѣляева, сказано: „*и пришли въ Печеру рѣку до Усташу града*. Тутъ воеводы сождались князь Петръ (Ушатый, слѣдовавшій сѣвернымъ путемъ съ р. Цыльмы) со княземъ Семеномъ Курбскимъ да съ Васильемъ Ивановичемъ Гаврилова. *Да тутъ остановились и городъ зарубили*" **). Зарубили они крѣпость *Пустозерскъ* при озерѣ Пустомъ, такъ названномъ самими Русскими, неизвѣстно только на мѣстѣ-ли самоѣдскаго Усташа, или около него, но не самый Усташъ, какъ думаетъ Бѣляевъ. Объ этомъ справедливо говоритъ г. Замысловскій: „Пустозерскъ построенъ въ 1499 г. князьями Курбскимъ, Ушатымъ и Заболоцкимъ въ Югорской землѣ для сбора ясака съ восточныхъ Самоѣдовъ" ***). Только названіе „Югорской" земли тутъ слѣдуетъ замѣнить словомъ „Самоѣдской" земли. Миллеръ въ „Описаніи Сибирскаго Царства" также считаетъ Усташъ самоѣдской деревней или малымъ городкомъ (см. стр. 64). По приходѣ на Печору, воеводы еще водой спустились до устья этой рѣки, ****) съ цѣлью обезпечить себѣ тылъ построеніемъ крѣпости, а съ тѣмъ вмѣстѣ и исправное взиманіе ясака. Отсюда они стали подниматься вверхъ по Печорѣ мимо города Папина, жители

---

*) См. его «Изслѣдованія». СПБ. 1819 г., стр. 12—въ статьѣ объ Югрѣ.

**) См. цитированную статью *Бѣляева*, стр. 248. У *Миллера* сказано: «да тутъ *осеновали*, и городъ зарубили». См. «Опис. Сибирск. царства» 1750 г., стр. 63. «Осеновали» значитъ «провели осень».

***) «Герберштейнъ» СПБ. 1884 г., стр. 433.

****) По словамъ той же академической «Разрядной книги», князь Петръ Ушатый «пошелъ съ Ильина дни» рѣкою Кулоемъ; слѣдоват. на Печору онъ прибылъ еще до замерзанія рѣки.

котораго, по свидѣтельству Герберштейна, назывались „Папинами“ и имѣли языкъ, отличный отъ русскаго“ *). Поднимаясь еще выше по рѣкѣ Печорѣ, воеводы встрѣтили между устьевъ Щугора и Подчерема „на русскомъ берегу, на правой рукѣ (а по теченію Печоры, стало быть, на лѣвомъ), въ горахъ“ городокъ Струпиль. Вотъ слова Герберштейна, которыя необходимо сопоставить съ отрывочными замѣтками „Разрядной книги“—тѣмъ болѣе, что оба свидѣтельства относятся почти къ одному и тому же времени: „Владѣнія Московскаго царя простираются далеко на востокъ и нѣсколько на сѣверъ до тѣхъ мѣстъ, которыя исчисляются дальше. Объ этомъ предметѣ *мнѣ доставлена была рукопись на русскомъ языкѣ*, въ которой содержалось описаніе этого пути и *которую я перевелъ и въ точности помѣщаю здѣсь*....**) Печера, говоритъ далѣе Герберштейнъ на основаніи этой рукописи, течетъ въ сѣверный край съ юга; и отсюда (отъ устья р. Усы) три недѣли пути, *если подниматься вверхъ* отъ устьевъ Усы до устьевъ рѣки Щугура. *Писавшіе этотъ дорожникъ говорили, что они отдыхали между устьями рѣкъ Щугура и Подчерема* и сложили запасы, привезенные ими съ собою изъ Руссіи, у ближней крѣпости Струпиля, которая лежитъ на русскомъ берегу, на правой рукѣ, въ горахъ. *За рѣками Печерою и Щугуромъ, у горы Каменный Поясъ* (т. е. Уралъ) и у моря, на сосѣднихъ островахъ *и около крѣпости Пустозерска живутъ различныя и безчисленныя племена, называющіяся однимъ общимъ именемъ Самояди*“. Указанный въ русскомъ дорожникѣ путь въ Печеру, Югру и къ рѣкѣ Оби, очевидно, былъ обычный для Русскихъ путь отъ устьевъ Цыльмы вверхъ по Печорѣ до Щугура и далѣе на востокъ „чрезъ Камень щелью“. Я не сомнѣваюсь, что имъ же слѣдовала въ 1499 г. и русская рать во главѣ трехъ воеводъ, съ тою лишь особенностью, что она въ стратегическихъ соображеніяхъ съ Цыльмы не прямо повернула вверхъ по Печорѣ, а сначала спустилась съ устьямъ этой

*) «Записки о Московіи» въ переводѣ *И. Анонимова* съ Базельскаго изданія 1556 г. СПБ. 1866 г., стр. 127.

**) Эта статья въ «Запискахъ о Московіи» озаглавлена: «*Указатель пути въ Печеру, Югру и къ р. Оби*». См. въ томъ же русскомъ изданіи 1866 г. стр. 122—128. Сравнить «Пермск. Стар.» I, 40.

послѣдней, до самоѣдскаго селенія Устаща, и, обезпечивъ себѣ тылъ построеніемъ крѣпости Пустозерска, уже стала подниматься вверхъ по Печорѣ, продолжая затѣмъ путь обычнымъ порядкомъ мимо Папина и Струпиля, давно уже исчезнувшихъ, до устья Щугура и далѣе по этой рѣкѣ до „щели чрезъ Камень".

Путь отъ р. Печоры къ Уралу упомянутая выше „Разрядная книга" (академическая) обозначаетъ въ такихъ словахъ: „Изъ Печеры рѣки пошли воеводы на лыжахъ на Введеніе Пречистыя Богородицы (т. е. 21 ноября 1499 г.). Отъ Печеры шли воеводы до Камени двѣ недѣли; и туто розвелись воеводы: князь Петръ да князь Семенъ (пошли чрезъ) Камень щелью *); а Камени въ оболокахъ не видить; коли вѣтрено, ино оболока роздираетъ; а длина его отъ моря до моря. Убили воеводы на Камени 50 человѣкъ Самоѣди, а взяли 200 оленей. *А отъ Камени недѣлю до перваго городка Ляпина.* А всѣхъ по Камень верстъ шли 4650 верстъ" **). Описаніе этого пути совершенно согласуется съ мѣстными физическими условіями Печерскаго края и до сего времени. Не только тамъ, а гораздо южнѣе, въ Пермскомъ краѣ, хожденіе на лыжахъ по глубокому снѣгу доселѣ не оставлено, что я, уроженецъ Соликамскаго уѣзда, говорю, какъ очевидецъ. Въ виду свидѣтельства Герберштейна, основаннаго на русскомъ дорожникѣ, что Самоѣды жили тогда на всемъ пространствѣ между Ураломъ, Печерой и Щугуромъ, а кочевые ихъ оленеводы встрѣчались и на самыхъ горахъ Уральскихъ,—вполнѣ правдоподобно, что Русскіе убили на горахъ 50 Самоѣдовъ, отнявъ у нихъ 200 оленей. *Бѣляевъ* въ числѣ доказательствъ, что Русскіе шли Усою, указываетъ на мѣсто жительства Самоѣдовъ у истоковъ рѣкъ Усы, Кары и Соби, ссылаясь на „Книгу Большаго Чертежа" ***). Но что было

---

*) *Бѣляевъ* совсѣмъ опускаетъ слова «пошли чрезъ». *Карамзинъ*, короче напечатавшій ту же выписку изъ «Разрядной книги» въ примѣч. 462 къ VI тому, ставитъ эти слова, какъ пропущенныя въ оригиналѣ, въ скобкакъ. *Миллеръ* въ «Описаніи Сибир. цар.» (1750 г., стр. 63) пишетъ: «и тутъ розвелися воеводы кн. Петръ да кн. Семенъ *черезъ Камень щелью*».

**) *Бѣляевъ*: «О географич. свѣд. въ древней Россіи» въ VI книгѣ «Записокъ Географич. Общ.», стр. 248.

***) Тамъ же, стр. 249.

въ концѣ XV вѣка, то могло измѣниться ко времени составленія этой книги въ 1627 г. Продолжительность пути отъ Печеры до Урала также указываетъ Герберштейнъ по дорожнику. „Отъ устья Щугура вверхъ по рѣкѣ до Большаго Пояса—три недѣли пути. Потомъ на гору Камень нужно всходить три дня; спустившись съ нея, идутъ къ рѣкѣ Артавишѣ (?), потомъ къ рѣкѣ Сибутъ (вѣроятно, Сыгвѣ), оттуда къ крѣпости Лепинъ, отъ Лепина къ рѣкѣ Сосвѣ. По этой рѣкѣ живутъ Вогуличи" *). Переходъ отъ Камени до Ляпина въ недѣлю былъ вполнѣ возможенъ. У Камени, по словамъ „Разрядной книги", воеводы раздѣлились (розвелись), при чемъ князья Ушатый и Курбскій пошли къ Ляпину вмѣстѣ, а Гавриловъ, повидимому, не пошелъ этой „щелью". Вѣроятно, онъ направился на лыжахъ по предгорьямъ Урала къ рѣкѣ Илычу и затѣмъ отправился чрезъ хребетъ тѣмъ „Югорскимъ Переходомъ", коимъ шло Московское войско въ 1483 году (см. выше). Изъ дальнѣйшаго описанія похода можно видѣть, что Ушатый и Курбскій дѣйствовали на нижней Оби, а Гавриловъ—въ южной части Угорскихъ земель (Югры въ общемъ смыслѣ). Такого плана военныхъ дѣйствій, какъ мы говорили выше, держались еще въ 1364 г. Новгородскіе воеводы во время перваго Зауральскаго похода въ Югорскія земли.

„Разрядная книга" изъ архива Академіи Наукъ № 43, заключающая въ себѣ донесеніе о походѣ въ Югру, начинаетъ его такими словами: „Лѣта 7009 (1501) повелѣніемъ Государя и Великаго Князя Ивана Васильевича всеа Русіи *хоженіе воеводъ* князя Петра Өедоровича Ушатаго, да князя Семена Өедоровича Курбскаго, да Василья Ивановича Заболоцкаго Бражника *въ Югорскую землю, на Кудъ и на Гогуличи.* Послалъ Кн. Вел. Петра Өедоровича да подалъ ему дѣтей боярскихъ"... и т. д. **). (Дальнѣйшія слова приведены нами выше). Въ этомъ какъ-бы общемъ заглавіи доне-

*) «Записки о Московіи» переводъ Анонимова, стр. 124. Подъ Артавишей, кажется, нужно разумѣть нынѣшнюю рѣку Суккерью.

**) *Бѣляевъ* въ цитированной статьѣ въ «Запискахъ Геогр. Общ.» VI, 247—248. Перепечатку всѣхъ выписокъ изъ «Разрядн. книгъ» см. въ статьѣ *Оксенова* въ «Журн. Мин. Нар. Просв.» февраль 1891 г., стр. 264—266. Хожденіе воеводъ напечатано и въ «Описаніи Сибир. царства» *Миллера*. СПБ. 1750 г., стр. 63.

ѳенія уже указаны три цѣли похода 1499—1500 годовъ: а) *земля Югорская*, б) *Кудъ*, *т. е. Кода*, *Конда* и в) *Гогуличи*, *т. е. Вогуличи*. Въ изслѣдованіи о походѣ 1483 г. мы уже пришли къ заключенію, что и онъ былъ предпринятъ противъ двухъ, *отдѣльно управлявшихся родственными князьями*, земель—Вогульской и Кодско-Югорской (см. выше). Такъ какъ Конда и Югра имѣли одних правителей, то въ другихъ источникахъ въ этомъ случаѣ названіе „Кудъ", Коды совсѣмъ пропущено. Въ *Воскресенской* лѣтописи XVI вѣка читаемъ: „Послалъ князь великій воеводъ своихъ.... *на Югорскую землю и на Гогуличи*; они же шедше городы поимаша и землю повоеваша, а князи поимавъ приведоша съ собою на Москву, а иныхъ князей и земскихъ людей къ ротѣ приведоша по ихъ вѣрѣ за великого князя, а иныхъ князей и *многыхъ людей Югричь и Гогуличь тамо побиша*: и пріидоша на Москву къ вел. князю вси здрави" *). Въ трехъ *Степенныхъ книгахъ* библіотеки Академіи Наукъ (№№ 12, 13 и 14) о томъ же читаемъ: „Въ лѣто 7007 (1499) Вел. Князь Иванъ Василіевичь посла воинство свое *на Угорскую землю и на Гогуличи* и шедше взяша грады ихъ и землю повоеваша, и князей поимавъ приведоша на Москву. *Прочихже Угричь и Гогуличь побиша*, и пріидоша вси здраво къ Вел. Князю" **).

Слова драгоцѣнной *Разрядной книги* Академіи Наукъ, заключающіяся въ донесеніи 1501 г., мы приведемъ по редакціи *Г. Ф. Миллера*, которая по своему слогу вообще древнѣе, лучше подновленной редакціи *Бѣляева* и неполной *Карамзина*. „И убили воеводы на Камени Самоеди 50 человѣкъ, а взяли 200 оленей. Отъ Камени шли недѣлю до перваго городка Ляпина; всѣхъ по та мѣстъ шли 4650 верстъ (у *Бѣляева*: „а всѣхъ по Камень верстъ шли 4650 верстъ"). *Изъ Ляпина встрѣтили съ Одора на оленяхъ Югорскіе князи*, *а отъ Ляпина шли воеводы на оленяхъ*, *а ратъ на*

---

*) «Полное Собр. Русск. Лѣтоп.» т. VIII подъ редакціей *А. Ѳ. Бычкова*. СПБ. 1859 г., стр. 237.

**) *Миллеръ*: «Описаніе Сибирск. царства» 1750 г., стр. 63.

собакахъ *). Ляпинъ взяли и поимали 33 городы, да взяли 1009 человѣкъ лучшихъ людей, да 50 князей привели. *Да Василей же Бражникъ взялъ 8 городы да 8 головъ*, и пришли къ Москвѣ далъ Богъ здорово во всѣ (?) на Великъ день къ Государю" **). Вотъ все, что мы знаемъ о Зауральскихъ дѣйствіяхъ Московской рати 1499—1500 г.г. по „Разряднымъ книгамъ". Самый конецъ этого извѣстія въ редакціи *Бѣляева* существенно отличается по цифровымъ даннымъ. У него читаемъ: „Да Василей же Бражникъ взялъ 50 городовъ да 50 головъ" (стр. 248). Которой же редакціи можно вѣрить? Г. *Оксеновъ* вѣритъ больше Бѣляевской редакціи, нежели Миллеровой, ссылаясь на *позднѣйшія* свидѣтельства „Книги Большаго Чертежа" и даже на показанія Н. А. Абрамова, взятыя имъ изъ дѣла Березовскаго земскаго суда 1797 г. о числѣ городковъ въ Югорской землѣ! ***). Мы рѣшительно не можемъ согласиться съ такимъ заключеніемъ. Даже самъ г. *Бѣляевъ*, столь неосмотрительно воспользовавшійся плохой редакціей „Разрядной книги", въ концѣ концовъ признаетъ, противорѣча самому себѣ, что воеводы всѣхъ Югорскихъ городовъ взяли 41 (см. стр. 250). Я увѣренъ, что въ данномъ случаѣ крупное разногласіе въ редакціяхъ одной и той же „Разрядной книги" произошло просто отъ смѣшенія двухъ славянскихъ цифръ, очень сходныхъ по очертанію, 8 (й) съ 50 (н). Да и какъ могъ воевода Гавриловъ съ 300 человѣкъ взять 50 городовъ, когда Курбскій и Ушатый съ 3724 челов. взяли только 33 города? Несообразность тутъ очевидная, и мы удивляемся, какъ могъ г. *Бѣляевъ* напечатать ее безъ всякой оговорки, а г. *Оксеновъ* еще и защищать ее.

Считаемъ необходимымъ еще остановиться на одной крупной ошибкѣ *Бѣляева*. Допуская существованіе вообра-

*) У *Бѣляева* тутъ допущена еще большая несообразность: «Изъ Ляпина, читаемъ у него, встрѣтили Додоряня на оленехъ, а рать на собакахъ» (стр. 248). Очевидно, Бѣляевъ или прочиталъ это мѣсто не вѣрно, или имѣлъ въ рукахъ какую-то другую редакцію вообще хуже Миллеровой, которою напрасно доселѣ пренебрегали изслѣдователи этого вопроса.

**) *Миллеръ*: «Опис. Сиб. ц.» изд. 1750 г., въ сноскѣ на стр. 63—64.

***) Цитированная статья *Оксенова* въ Ж. М. Н. П. 1891 г., кн. II, 263—264.

жаемаго Ляпина сѣвернаго или „Обдорскаго“, онъ приходитъ къ заключенію, что въ 1499—1500 г.г. „завоеванія и разъузнаніе края производились собственно въ землѣ Обдорской и Самоѣдской или, какъ выражено въ Архангелогородской лѣтописи, въ лыжной, *) т. е. въ сѣверной Югрѣ, и здѣсь-то Курбскій съ Ушатымъ и Бражникомъ Заболоцкимъ вывоевали всю землю и взяли 41 городъ; Югра же южная, гдѣ Ляпинъ, была уже завоевана еще за 16 лѣтъ до настоящаго похода“ (см. стр. 250). Г. Бѣляевъ упустилъ при этомъ изъ вида слова Разр. книги: „и тутъ (у Камени) *розвелися воеводы*“ и въ самомъ заглавіи ихъ „хожденія“ забылъ слово „*на Кудъ*“, т. е. хожденіе въ Коду, на Конду, которая расположена была южнѣе Ляпина, на правомъ берегу Оби (нынѣ село Кондинское Березовскаго округа).

Вообще всѣ разсужденія *Бѣляева* о послѣднемъ походѣ Русскихъ на Югру крайне ошибочны.

Намъ остается пожалѣть, что во всѣхъ извѣстіяхъ объ этомъ походѣ не упомянуто по имени ниодного князя Югорскаго и Вогульскаго и ниодного города кромѣ Ляпина, Конды и Одора (Обдорска). За то упоминаніе Обдорска въ данномъ случаѣ есть первое по времени во всѣхъ источникахъ и оно показываетъ, какъ далеко на сѣверъ простирался послѣдній, самый замѣчательный походъ Русскихъ противъ Угорскихъ народовъ. Тутъ впервые узнаемъ мы, что въ этомъ далекомъ остяцкомъ городѣ въ концѣ XV в. были свои „*Югорскіе князья*“. Новое доказательство, что *слово Югра въ общемъ, широкомъ смыслѣ означало всю территорію между Ураломъ и Обью и по этой рѣкѣ, отъ нынѣшняго Нарыма внизъ, почти до Сѣвернаго океана. Только по самому побережью морскому и тогда кочевали оленеводы—Самоѣды*, крайніе обитатели Азіатскаго сѣвера, какъ можно думать это на основаніи слѣдующихъ словъ въ „Книгѣ Большему Чертежу“:

---

*) Вотъ слова *Архангелогородской* лѣтописи о походѣ 1499—1500 годовъ: «Въ лѣто 7007 кн. вел. Иванъ Васильевичъ *послалъ рать въ Югру Лыжную*— Устюжанъ да Вычегжанъ, Вымичь, Сысолянъ, Двинянъ, Пиняжанъ, а воеводы были съ ними кн. Семенъ Ѳедоровичъ Курбскій, да кн. Петръ Ушатой, да Василей Бражникъ Ивановъ сынъ Гаврилова. Они же *ходивше на лыжахъ пѣши зиму всю*, да Югорскую землю всю вывоевали и въ полонъ вели». (См. изданіе 1781 г., стр. 174).

„А промежь тѣхъ рѣкъ (притока Печоры Усы, Соби и Волочанки) и рѣки Оби, и рѣки Пузги—Самоедь кочевая.... А по рѣкѣ по Тазу Мангазея—Самоядь Пяки“ *).

Окончаніе знаменитаго похода 1499—1500 г.г. мы узнаемъ изъ одной „*Степенной книги*“ изъ библіотеки Академіи Наукъ подъ № 15 и изъ двухъ лѣтописцевъ игумена *Сильвестра Никольскаго* (тамъ же №№ 7 и 8), выписку изъ которыхъ, очень сходную съ свидѣтельствомъ Воскресенской лѣтописи XVI в., дѣлаетъ *Г. Ф. Миллеръ*. Вотъ она: „7007 году послалъ Вел. Князь воеводъ своихъ кн. Семена Ѳед. Курбскаго да кн. Петра Ѳед. Ушатаго, да Василія Бражника съ силою съ Устюжаны, съ Двиняны, и съ Вятчаны, и съ Вычегжаны на *Угорскую землю и на Гогуличи*; они же шедше городы поимаша и землю повоеваша, и князевъ приведоша съ собою на Москву, а иныхъ князей и земскихъ людей къ ротѣ приведоша по ихъ вѣрѣ за Вел. Князя, а иныхъ князей и иныхъ людей Югричь и Гогуличь тамо побиша; и пріидоша на Москву къ Вел. Князю вси здраво *лѣта 7008 марта*“ **). Для обезпеченія русской власти воеводы устроили укрѣпленія въ Ляпинѣ и еще въ 6 югорскихъ городахъ, о чемъ скажемъ ниже.

Походъ 1499—1500 гг. не имѣлъ однако тѣхъ послѣдствій, какихъ можно было бы ожидать въ виду полнаго успѣха его для русскаго оружія. Казалось-бы, Русскіе на этотъ разъ „извоевали всю землю Югорскую“, снова полонили ея многочисленныхъ князей и множество лучшихъ людей, взяли 41 городъ, иныхъ князей и земскихъ людей привели къ ротѣ, т. е. присягѣ на вѣрность великому князю Московскому; казалось бы, послѣ предъидущаго нарушенія угорскими князьями такихъ же условій, Московскому государю нельзя было уже болѣе полагаться на ихъ вѣрность и

*) «Книга Большему Чертежу» въ изданіи *Языкова*. СПБ. 1838 г., стр. 196—198 и 211—213. О Самоѣдахъ важныя свѣдѣнія находимъ и въ отпискахъ Тобольскихъ воеводъ Михаилу Ѳеодоровичу 1616—1624 г.г., которыя см. во II томѣ «Русс. Историч. Библіотеки».

**) *Миллеръ*: «Описаніе Сибирскаго Царства» 1750 г., сноска на стр. 65—66. По другимъ извѣстіямъ, войско возвратилось только въ 1502 г. наканунѣ пасхи, что и дало поводъ думать, не былъ-ли это другой походъ. См. тамъ же, стр. 65—66.

щадить ихъ автономію. И однако Іоаннъ III и его преемникъ Василій III и послѣ 1500 года оставляютъ Югру въ томъ же полузависимомъ положеніи, въ какомъ была она послѣ 1484 г. Это тѣмъ болѣе странно, что названіе „Югорскій“ Іоаннъ III внесъ въ свой великокняжескій титулъ еще послѣ перваго завоеванія Югры въ 1483 г., какъ видно изъ письма его къ Матѳею, королю Венгерскому, отъ 29 іюля 1488 г., гдѣ онъ титулуетъ себя между прочимъ „*и Югорскій*, и Вятскій, и Пермскій“ *). Въ перемирной грамотѣ Іоанна съ Польскимъ королемъ Александромъ 1494 г. онъ называется „*и Югорскій*, и Пермскій и Болгарскій“ **). Судя потому, что такая политика Московскихъ государей по отношенію къ Югрѣ продолжалась затѣмъ еще долго, до покоренія Сибирскаго царства, я полагаю, что они опасались лишать Югорскихъ князей ихъ автономіи изъ боязни заступничества за нихъ разныхъ Сибирскихъ владѣтелей. Правда, одинъ изъ нихъ, Сибирскій князь *Лятикъ*, вѣроятно, Остяцкій изъ подвластныхъ Сибири, въ 1484 г. присягнулъ Іоанну III вмѣстѣ съ Угорскими князьями, такъ какъ въ 1483 г. Русскіе впервые вторгались въ „Сибирскую землю“. Но Сибирскихъ князей было еще много, подъ главной гегемоніей Сибирскаго царя, жившаго на берегахъ Иртыша, а примѣровъ подобнаго вѣрноподданства ихъ Москвѣ мы потомъ не встрѣчаемъ довольно долгое время. Поэтому мы согласны съ слѣдующимъ заключеніемъ по данному вопросу одного изъ изслѣдователей исторіи нашихъ инородцевъ: Московское правительство „отважныя мѣры принимало противъ инородцевъ тогда лишь, когда было убѣждено, что не послѣдуетъ сильнаго отпора со стороны тѣхъ, противъ кого эти мѣры направлялись, или другими словами оно желало дѣйствовать на-вѣрнякъ. Воинственныя наклонности были не въ его натурѣ. Оно не одобряло такихъ военныхъ предпріятій, которыя требовали значительныхъ издержекъ съ его стороны и влекли за собою задиранье сильныхъ сосѣдей“ ***). По отно-

*) *Карамзинъ:* «Исторія». VI, примѣч. 287. Между тѣмъ окончательное подчиненіе Вятки Іоанну послѣдовало только въ 1489 году.

**) *Востоковъ:* «Описаніе Румянцевскаго Музеума», 76. См. еще «Пермск. Стар.» I, 133 и 156.

***) *Ѳирсовъ:* «Положеніе инородцевъ сѣверо-восточной Россіи въ Московскомъ государствѣ». Казань. 1866 г., стр. 64—65.

шенію къ Перми Великой и Вычегодской это условіе не имѣло мѣста, такъ какъ тамошніе князья рано приняли христіанство, измѣнили вѣрѣ своихъ предковъ и тѣмъ порвали связь съ прочими инородцами—язычниками и магометанами. Послѣдніе за такую измѣну считали Пермяковъ и Зырянъ своими противниками наравнѣ съ Русскими, чѣмъ и объясняются нерѣдкіе вогульско-татарскіе набѣги на Пермскій край въ XV и XVI в.в. *). Поэтому Московскіе государи скоро положили конецъ автономіи Пермскихъ князей, замѣнивъ ихъ своими намѣстниками и воеводами. Совсѣмъ не то было за Ураломъ. Тамъ федеративныя связи между Угорскими и Сибирскими князьями были прочнѣе **), въ виду общей для инородцевъ опасности быть поглощенными Московскимъ государствомъ и въ виду религіозной обособленности отъ него. Это видно изъ того, что въ нѣкоторыхъ набѣгахъ Зауральскихъ инородцевъ на Пермь Великую, послѣ окончательнаго подчиненія ея Москвѣ, вмѣстѣ съ Татарами и Башкирцами принимали участіе Вогулы и Остяки, часть которыхъ жила и по сю сторону Урала. Указанными причинами слѣдуетъ объяснить то, что Московскіе государи даже послѣ самаго большого и удачнаго похода на Югру отказались по крайней мѣрѣ на половину отъ своихъ побѣдъ и довольствовались полузависимымъ положеніемъ Угорскихъ странъ и народовъ до тѣхъ поръ, пока не пала автономія самаго сильнаго Сибирскаго царства Кучума.

Преемникъ Іоанна III, сынъ его Василій Ивановичъ, въ сношеніяхъ съ иностранными державами въ титулѣ уже именовалъ себя между прочимъ „*царь* и государь всея Руси и великій князь ..... *Югорскій*, Пермскій, Вятскій, Болгарскій и иныхъ; государь *и вел. князь* Новагорода Низовской земли .... и Удорскій, и *Обдорскій и Кондинскій* и иныхъ“ ***).

*) О нихъ см. «Пермс. Старину» I, стр. 184—185.

**) *Миллеръ* допускаетъ, что жившіе при устьяхъ Иртыша Остяки зависѣли отъ Сибирскаго царя Кучума, но прочіе Остяки и Вогулы управлялись независимо своими князьями. «Опис. Сибирс. Царства», стр. 54.

***) *Карамзинъ*, VII, 185. Въ примѣчаніи 357 ссылка на «Дѣла Прусскія», л. 214. По *Абрамову*, этотъ титулъ былъ принятъ еще съ 1502 г. («Записки Геогр. Общ.» XII, 389).

Это наименованіе, встрѣчающееся въ царскомъ титулѣ въ 1514 или 1516 годахъ, показываетъ, что платежу ясака при Василіи III подлежали всѣ тѣ земли Угровъ, гдѣ въ 1499—1500 г.г. дѣйствовала московская рать извѣстныхъ намъ трехъ главныхъ воеводъ, но что полузависимое существованіе всѣхъ Обдорскихъ, Кондинскихъ и Югорскихъ туземныхъ князей продолжалось и въ XVI вѣкѣ.

Изъ этихъ Угорскихъ князей, жившихъ въ XVI в. до покоренія Русскими Сибири, намъ извѣстны по источникамъ лишь немногіе. Первымъ по времени слѣдуетъ назвать князя *Певгѣя,* на имя котораго въ 1557 г. дана была царская грамота *). На важныхъ свидѣтельствахъ этой грамоты мы должны остановиться подробно. Она дана была отъ царя и вел. кн. Іоанна IV.... „Пермскаго, *Югорскаго и иныхъ*" въ его „*отчину* во Юсерскую землю Заказамскаго въ Сорскордо князю Певгѣю и всѣмъ княземъ Сорыкидцкія земли и лучшимъ людемъ и середнимъ и молодымъ Ирмомскимъ людемъ Сорыкитцкіе земли". Такая редакція уже сама по себѣ дѣлаетъ ясною испорченность первоначальнаго текста грамоты. *Лербергъ* видѣлъ въ наименованіи „Юсерская земля" испорченное „Югорская земля", въ „Оркордо", „Сорскордо", „Сорыкитцкая земля"—испорченныя имена Сургута, Сургутскія земли, въ „Заказамской землѣ"—Заказанскую или Закамскую **). Въ грамотѣ своей царь Московскій увѣдомляетъ князя Певгѣя и всѣхъ подручныхъ ему князей „Сорыкидцкой" земли о посылкѣ къ нимъ „по свою дань" русскихъ людей Ивашка Иконникова, Нечайка Вычегженина, Өоньки Гогунина и Васьки Лаптева. „И какъ къ вамъ въ *Оркорду* посыльщики по нашу дань пріѣдутъ, предписывалъ Іоаннъ,—и ты, князь Певгѣй, и всѣмъ княземъ Сорыкатцкіе земли лучшіе люди и середніе и молодые собрали(сь) есте нашу дань своей Сорыкатцкіе земли всю сполна со всякаго человѣка по соболю, а собравъ бы есте нашу дань, *да съ тою бъ есте данью князь Певгѣй былъ къ намъ къ Москвѣ*". Въ слу-

---

*) Напечатана у *Миллера* въ «Описаніи Сибирс. Цар.», стр. 71, въ сноскѣ. Грамота найдена въ Томскѣ, въ частныхъ рукахъ, въ старинномъ, но довольно плохомъ спискѣ.

**) «Изслѣдованія, служащія къ объясненію древн. Русс. исторіи»—переводъ Языкова. СПБ. 1819 г., стр. 7—8.

чаѣ неприсылки положенной дани, царь Московскій грозилъ Певгѣю и его князьямъ словами: „и мнѣ на васъ *послать рать и вострая сабля*". Въ концѣ же грамоты предписывалось „провожать (царскихъ) данниковъ *Югорскимъ князем и Югричемъ* и людемъ добрымъ отъ городка до городка и отъ людей до людей".

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе грамоты 1557 г. Остановимся сначала на географическихъ ея показаніяхъ. Упоминаніе въ концѣ ея Югорскихъ князей и Югричей дѣлаетъ несомнѣнною описку переписчика въ началѣ грамоты, при упоминаніи „Юсерской земли", которую и усмотрѣлъ еще *Лербергъ*. Но съ другими толкованіями этого ученаго мы не можемъ согласиться. Слова: „во Юсерскую землю Заказамскаго (князя) въ Сорскордо князю Певгѣю и всѣмъ княземъ Сорыкидцкія земли" мы понимаемъ такъ: *„во Югорскую землю Заказымскаго (князя) въ Шоркаръ, князю Певгѣю и всѣмъ княземъ Шоркарскія земли"*. Въ такомъ толкованіи этихъ словъ мы руководствуемся слѣдующими соображеніями. Со времени основанія Пустозерска въ 1499 году, сборъ царской дани и ясака съ инородцевъ былъ сосредоточенъ въ этомъ отдаленнѣйшемъ изъ сѣверо-восточныхъ городовъ Московскаго государства. До покоренія Сибири сюда, въ этотъ русскій оазисъ среди самоѣдскихъ и угорскихъ поселеній, стекалась вся „государева казна", ежегодно слѣдовавшая съ инородцевъ,—для дальнѣйшей отправки ея въ Москву. Здѣсь же, въ этомъ единственномъ значительномъ русскомъ поселеніи, сосредоточены были до покоренія Сибири всѣ торговые интересы русскихъ людей, имѣвшихъ дѣла съ Печерой и Зауральскими инородцами. Естественно, что ближайшимъ къ Пустозерску путемъ сообщенія съ Зауральскими странами для царскихъ сборщиковъ дани и иныхъ русскихъ людей тогда служилъ тотъ изъ трехъ путей за Уралъ, который шелъ съ р. Печоры по ея притоку Усѣ. Если въ походахъ 1483 и 1499 г.г. Русскими были избраны при переходѣ чрезъ Уралъ болѣе южные пути, то это сдѣлано было изъ стратегическихъ соображеній, при томъ когда Пустозерска еще не существовало (основаніе ему было положено въ началѣ похода 1499 г.). Чрезъ Пустозерскъ по рѣкѣ Усѣ слѣдовали за Уралъ за мягкою рухлядью торговые люди съ

Пинеги, Мезени и съ Ваги и изъ иныхъ Московскихъ городовъ; этимъ же путемъ ходили и сборщики дани, также уплачиваемой тогда мѣхами. Все это ясно видно изъ одной царской грамоты Березовскому воеводѣ князю Петру Черкасскому отъ 21 октября 1607 г. о наблюденіи за правильностію торговли Русскихъ съ Самоѣдами *). Эта грамота ясно различаетъ: 1) *Самоядь Озерную*, Пустозерскую или „мѣнную“, т. е. торговую, на рѣкѣ Печорѣ, 2) *Самоядь Кунную* или „ясашную“ на р. Оби, 3) *Самоядь Каменную* между Озерной и Кунной, на Уральскихъ горахъ, 4) *Остяковъ* и 5) *Вогуличей*. Со всѣми этими народами Русскіе вели мѣновую торговлю. Грамота 1607 г. предписываетъ служилымъ людямъ слѣдить строго, чтобы торговые люди пріѣзжали къ Самоѣдамъ, Остякамъ и Вогуламъ не прежде того, какъ послѣдними будетъ уплаченъ сполна царскій ясакъ; такое предписаніе вызвано было тѣмъ, что прежде русскіе торговцы тайно, не взявъ проѣзжихъ грамотъ въ Пустозерскѣ, ѣздили къ инородцамъ до уплаты ими ясаку, вымѣнивали у нихъ мягкую рухлядь и увозили ее для продажи въ Русь, а въ царскомъ ясакѣ вслѣдствіе того оказывалась недоимка. Въ этихъ продѣлкахъ сами Пустозерцы—торговые люди принимали дѣятельное участіе. По словамъ царской грамоты, „безъ нашего (царскаго) вѣдома *Пустозерцы мужики воровствомъ Роговой городокъ поставили и съ Самоядью торгуютъ и нашу десятую пошлину крадутъ, а въ Носовомъ городкѣ заставу объѣзжаютъ*“. Роговой городокъ, основанный вольными людьми, стоялъ на рѣкѣ Роговой, правомъ притокѣ р. Усы, въ горахъ, а Носовой, поставленный московской властью, находился на Оби, противъ Обдора, гдѣ и имѣлъ такое же значеніе, какое Пустозерскъ на Печорѣ. Оба эти городка, одни изъ первыхъ по времени основанія русскихъ поселеній,

*) Эта важная грамота напечатана подъ № 77 во II томѣ «Русской Исторической Библіотеки». СПБ. 1875 г., стр. 165—170. Тамъ же подъ № 254 напечатаны чрезвычайно любопытныя и важныя въ историческомъ отношеніи отписки Тобольскихъ воеводъ 1616—1624 г.г. царю Михаилу Θеодоровичу о путяхъ сообщенія изъ Руси въ Мангазѣю отчасти сухимъ путемъ, отчасти моремъ. Между прочимъ тутъ подробно указанъ и сѣверный путь за Уралъ по р. Усѣ чрезъ Камень на рѣку Собь и далѣе—на Обь (стр. 1076).

упоминаются и въ „Книгѣ Большему Чертежу" 1627 г." *). Кромѣ Носоваго городка, предмѣстья Обдора, „заставы" для сбора царскаго ясаку существовали еще въ городкахъ *Казымъ* и *Куноватъ*, стоявшихъ на рѣкахъ того же имени, текущихъ въ р. Обь съ правой стороны выше г. Обдора. „А сами торговые люди Пустозерцы, говоритъ грамота 1607 г., ѣздятъ за товары своими съ Каменною Самоядью на оленяхъ, *и не допущая Кунную Самоядь ясатчикомъ на Обдоръ и въ Казымъ и въ Куноватъ, съ ними торгуютъ воровствомъ прежде нашего ясаку*".—„И ходятъ Печерою рѣкою въ судѣхъ съ великими товары, а *съ Печеры на Усу рѣку подъ Камень въ Роговой городокъ*, и тутъ они осенюютъ; а какъ дорога, и къ нимъ пріѣзжаютъ Пустозерская мѣнная Самоядь—ихъ знакомцы и други, и та Озерная Самоядь у тѣхъ торговыхъ людей наимаютца и товары ихъ возятъ за Камень по тундрамъ къ ясашной къ Кунной Самояди, которая приходитъ съ нашимъ ясакомъ на Обдоръ и въ Казымъ".

Таковы были взаимныя отношенія русскихъ людей къ инородцамъ со времени послѣдняго похода Москвитянъ въ Югру и съ основанія ими Пустозерска въ 1499 г. Теперь понятно, почему въ разбираемой нами грамотѣ 1557 г. лежавшая къ югу отъ рѣки Казыма страна названа *Заказымскою*—названа такъ Пустозерцами и другими русскими, ѣздившими за Уралъ по долинѣ рѣки Усы, съ сѣвера, за рѣку Казымъ.

Въ первой половинѣ XVI вѣка въ этой „Заказымской" сторонѣ важное значеніе получилъ остяцкій городъ *Шоркаръ*, одинъ изъ древнѣйшихъ на правомъ берегу Оби, какъ и расположенный южнѣе его извѣстный уже намъ городъ *Кода* (первый въ 160 верстахъ отъ Березова, второй—въ 220, по *Абрамову*) **). Оба эти города упомянуты въ „Книгѣ Больше-

*) «Книга Бол. Чертежу» въ изданіи *Языкова*. СПБ. 1838 г., стр. 212—213. *Роговой* городокъ иначе названъ здѣсь *Сускаръ*. Извѣстный *В. Н. Латкинъ* въ своемъ «Дневникѣ путешествія на р. Печеру» въ 1840 и 1843 г.г. говоритъ, что Большая Роговая рѣка, гдѣ онъ былъ лично, есть правый притокъ р. Усы и по самоѣдски называется *Хурморъ*. См. «Записки Географ. Общества», кн. VII, СПВ. 1853 года, стр. 117.

**) «Описаніе Березовс. края» въ «Запискахъ Импер. Русск. Геогр. Общ.» кн. XII. СПВ. 1857 г. стр. 392.

му Чертежу“ 1627 г. и доселѣ существуютъ подъ названіемъ селъ *Шеркальскаго* и *Кондинскаго* въ Березовскомъ округѣ *). Мы знаемъ уже, что нѣкогда Кода составляла резиденцію князей всей земли „Кодскія и Югорскія“ (въ общемъ смыслѣ), что въ Кодѣ жилъ „большой князь Молданъ“, которому были подчинены второстепенные (1484—5 годы), что этотъ князь безразлично именовался то Кодскимъ, то Югорскимъ (см. выше въ этой же главѣ). Знаемъ также, что въ 1499—1500 г.г. былъ предпринятъ Русскими большой походъ „въ Югорскую землю, на Кудъ и на Гогуличи“. Отсюда видно, что въ началѣ XVI в. Кода все еще составляла средоточіе земли Югорской. Извѣстный знатокъ Березовскаго края, *Н. А. Абрамовъ*, свидѣтельствуетъ, что „сначала кодскіе князья жили въ 20 верстахъ на югъ отъ Коды, при рѣчкѣ Хадасъ-Юганъ, въ огромномъ домѣ, а послѣ того, когда построена была около 1602 г. церковь въ Кодѣ, во имя св. Зосима и Савватія, соловецкихъ чудотворцевъ, они уже здѣсь имѣли свое мѣстопребываніе“ **). Но когда „большимъ княземъ“ Кодскихъ остяковъ въ половинѣ XVI в. былъ Певгѣй, то онъ почему-то жилъ не въ Кодѣ, а въ сосѣднемъ *Шоркарѣ, который, очевидно, и нужно разумѣть подъ созвучнымъ именемъ Оркордо или Сорскордо грамоты 1557 г.* Такъ какъ эта грамота послана была изъ Москвы „князю Певгѣю и всѣмъ княземъ Сорыкидцкія земли“, то ясно, что Певгѣй въ это время и былъ главнымъ, большимъ княземъ среди другихъ, ему подвластныхъ, и что *Кодская земля въ этомъ случаѣ и названа Сорыкидцкою или Шоркарскою по новой, повидимому, временной резиденціи главнаго князя ея. Какъ и прежде, земля эта въ тоже время названа въ грамотѣ „Югорскою“ въ общемъ, широкомъ значеніи этого слова* („въ Югорскую землю Заказымскаго (князя), въ Сорскордо, князю Певгѣю и всѣмъ княземъ Сорыкидцкія земли“). Въ 1484 г. упоминается земля „Кодская и Югорская“, въ 1557 г — „Югорская—Заказымская—Шоркарская“, что показываетъ, что

---

*) «Списки населен. мѣстъ Тобольской губ.» подъ редакц. *Звѣринскаго*. СПБ. 1871 г., стр. 35. *Абрамовъ* указываетъ въ Шоркарѣ капище, посвященное идолу Ортику, весьма чтимое. Стр. 339.

**) Въ той же статьѣ *Абрамова* стр. 392.

порядокъ управленія и теперь существовалъ здѣсь прежній, и только резиденція главнаго князя перемѣстилась временно изъ Коды въ Сорскордо. Все это видно и изъ предписанія грамоты 1557 г. „провожать царскихъ даньщиковъ *Югорскимъ княземъ и Югричемъ* отъ городка до городка“: здѣсь общее понятіе опять взято вмѣсто частнаго подобно тому, какъ общее наименованіе „Пермь“ часто употреблялось вмѣсто частнаго „Пермь Великая“. Остается совершенно загадочнымъ наименованіе въ грамотѣ 1557 г. Сорыкидскихъ лучшихъ, среднихъ и молодыхъ людей *Ирмомскими*.

Преемники Певгѣя Шоркарскаго жили однако опять въ Кодѣ, пока вся область ея перешла со времени Ермака въ 1583 г. въ русскія руки. Въ грамотѣ 1594 г. упомянуты Кондинскіе князья Агай и сынъ его Азыпка, да братъ Косялимъ *). Въ концѣ XVI в. главнымъ остяцкимъ княземъ былъ извѣстный *Алачъ* или *Алачей*, за нимъ—сынъ его *Игичей*, о коихъ еще будетъ рѣчь впереди. „Всѣ Кодскіе городки и волости по Оби рѣкѣ, почти отъ устья рѣки Иртыша до межи Березовскаго уѣзда, по большей части имъ были подчинены, и тамошніе Остяки довольное время князю Алачу дань нѣкоторую платили, чего между прочими Остяками и другими такими народами никогда не бывало“, говоритъ историкъ Сибири **). При своемъ относительномъ могуществѣ они были однако вѣрными слугами Москвы; князь Алачей добровольно покорился въ 1583 г. одному изъ боевыхъ товарищей Ермака—Богдану Брязгѣ. За свою покорность по грамотѣ царя Θеодора Іоанновича отъ 18 февраля 1594 г. Игичей и братъ его Онжа получили въ вотчину „въ Сибирской землѣ“ на Оби и Иртышѣ двѣ волости—Васпакульскую и Колпокутцкую, съ правомъ собственнаго суда, *крѣпостнаго владѣнія 11-ю душами* и съ освобожденіемъ отъ ясака ***). (Нынѣ есть Вахпугальскіе юрты на Оби и Колпуховскіе на Иртышѣ). Такими льготами пользовались только Строгановы въ Перми Великой. Связь князей *Алачеевыхъ* съ Москвою,

---

*) См. ее въ «Русской Историч. Библіотекѣ», т. II, подъ № 54, стр. 102.

**) *Миллеръ*: «Описаніе Сибирс. Царства», стр. 163. Объ Агаѣ тамъ же, стр. 253.

***) Эту любопытную грамоту см. тамъ же, стр. 251.

благодаря этой милости, такъ упрочилась, что одинъ изъ сыновей Игичея въ бытность въ Москвѣ принялъ св. крещеніе съ именемъ Петра, а по возвращеніи его въ Коду, самъ Игичей въ 1600 году поѣхалъ въ Москву и послѣдовалъ примѣру сына *). Такъ какъ около 1602 г. онъ построилъ въ Кодѣ церковь Изосимы и Савватія, то можно думать, что при крещеніи онъ получилъ одно изъ этихъ именъ. Жена Игичея, княгиня Анна, въ Кодѣ поступила даже въ Троицкій монастырь, гдѣ и жила нѣкоторое время, но потомъ она оказалась „за приставомъ на Березовѣ *въ измѣнномъ дѣлѣ*“, почему Троицкій игуменъ Евстратій просилъ перевода изъ Коды въ Березовъ, гдѣ у него были „дѣти духовные“, на что и получилъ царскую грамоту отъ 27 февраля 1608 г.**). Даже мать Игичея, жившая въ Кодѣ, крестилась съ именемъ Анастасіи. Она-то и получила съ сыномъ Петромъ грамоту 1599 г. на построеніе Троицкаго монастыря въ Кодѣ. Въ 1603 г. также принялъ крещеніе другой сынъ Игичея Михаилъ; только этотъ остался жить въ Москвѣ, былъ пожалованъ въ стольники и женился здѣсь на одной русской дѣвицѣ знатнаго происхожденія, хотя имѣлъ уже въ Кодѣ сына отъ Остячки—Дмитрія. Въ 1645 г. этотъ внукъ Игичея также вызванъ былъ въ Москву и сдѣлался стольникомъ, а впослѣдствіи получилъ въ помѣстье волость Лену на р. Вычегдѣ, близь г. Яренска. Съ того времени въ древней Кодѣ прекратился родъ остяцкихъ князей, Кодскіе Остяки обложены были ясакомъ, а самая земля Кодская сдѣлалась казенною—государевою ***).

Такъ совершилось окончательное покореніе Заказымскихъ Остяковъ, древняго Кодскаго княжества, этого безпокойнаго гнѣзда грубаго язычества, столько вѣковъ враждовавшаго съ Русью—сначала Новгородской, потомъ Московской.

Южную границу древняго Кондійскаго княжества трудно указать по источникамъ. Здѣсь остяцкія поселенія рано

---

*) Грамота объ этомъ Игичею дана 19 февраля 1600 г. См. ее во II томѣ «Русской Историч. Библіотеки», стр. 153, подъ № 68.

**) Напечатана во II томѣ «Русской Историч. Библіотеки», стр. 172 подъ № 79; тамъ же стр. 152 см. грамоту на построеніе монастыря.

***) *Абрамовъ*: «Описаніе Березовск. края». Зап. Геогр. Общ. XII, 337.

смѣшались съ татарскими, что повело къ отатаренію Остяковъ, затрудняющему изслѣдователя даннаго вопроса. Тоже было съ Остяками, жившими въ Пермскомъ краѣ, о которыхъ скажемъ далѣе. Въ XVI в. къ татарскому вліянію присоединяется русское, которое еще болѣе стушевываетъ древнихъ аборигеновъ при-иртышской страны, этой южной окраины Угорскихъ поселеній. „Къ сожалѣнію, самые южные Остяки, говоритъ одинъ изъ современныхъ ихъ изслѣдователей,—которые первые пришли въ столкновеніе съ Татарами и Русскими *) и могли-бы въ своей поэзіи сохранить много любопытныхъ данныхъ изъ этого времени, частью исчезли, частью подверглись сильному вліянію побѣдителей, лишь коегдѣ сохранивъ свой языкъ, но окончательно забывъ старыя дѣдовскія преданія" **). Во всякомъ случаѣ *южная граница Угровъ первоначально шла гораздо южнѣе той, гдѣ застаютъ ее источники, но подъ напоромъ Татаръ и потомъ Русскихъ постепенно отодвигалась къ сѣверу. То же было и съ болѣе сѣверными Самоѣдами, которыхъ въ свою очередь вытѣсняли все далѣе къ Ледовитому океану Остяки.* Только этимъ и можно объяснить присутствіе Самоѣдовъ и Остяковъ до нашего времени въ предѣлахъ Томской губерніи, гдѣ Остяки живутъ по Васъ-Югану, лѣвому притоку Оби, а область Самоѣдовъ занимаетъ долину Оби отъ рѣки Тыма до южной границы Тогоурскаго отдѣленія или Нарымскаго края, въ 287 верстахъ отъ Томска и даже ближе къ этому городу, гдѣ Самоѣды уже смѣшиваются съ Татарами ***). Стало быть, *для каждаго вѣка историкъ долженъ установлять особую южную границу Угорской земли.* „При завоеваніи Тобольскаго округа Русскими, говоритъ г *Патканов*ъ, по Иртышу были расположены слѣдующія *остяцкія* волости, начиная съ юга: Туртасская съ Уватской, Назымская, Демьянская, Цингалинская, Нарымская, Тарханская и еще одна или нѣсколько у устья Иртыша и около прилегающей части Оби... Туртасская (р. Туртасъ течетъ справа въ Иртышъ

---

*) Относительно Русскихъ съ этимъ нельзя согласиться.

**) *С. К. Патканов*ъ: «Стародавняя жизнь Остяковъ и ихъ богатыри по былинамъ и сказаніямъ» въ журналѣ «Живая Старина» 1891 г. вып. III, стр. 92.

***) *Павлов*ъ: «Три тысячи верстъ по рѣкамъ Западной Сибири». Тюмень. 1878 г., стр. 125.

ниже Тобольска) и Уватская волости названы у историковъ „татарскими“, но вѣрнѣе предположить, что населеніе ихъ состоитъ изъ *отатарившихся Остяковъ*, что показываетъ какъ ихъ типъ, такъ и языкъ, который они отчасти сохранили и который представляетъ нѣкоторыя отличія отъ болѣе сѣверныхъ нарѣчій. И понынѣ главный языкъ ихъ татарскій, который вѣроятно и ввелъ въ заблужденіе лѣтописцевъ и историковъ. Аналогическое явленіе мы встрѣчаемъ и въ Кондинскомъ краѣ“ *). Прибавимъ къ этому, что тоже смѣшеніе Угорскаго населенія съ Тюркскимъ было въ XVI в. по рѣкамъ Турѣ, Тавдѣ и къ западу отъ Урала, южнѣе Перми Великой, на притокахъ Чусовой.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что нельзя считать справедливымъ мнѣніе *Лерберга* и о восточной границѣ древней Югріи, которая будто-бы простиралась до рѣкъ Надыма, текущаго въ Обскую губу, и Агана, справа впадающаго въ р. Обь **), и что справедливѣе заключеніе Московскаго профессора *Д. Н. Анучина*, который отодвигаетъ юго-восточную границу Югры къ нынѣшнему Нарыму близь рѣки Оби ***).

Изъ древнѣйшихъ крупныхъ владѣній въ Тобольскомъ округѣ г. *Паткановъ* считаетъ „извѣстное по весьма многимъ сказаніямъ остяцкое княжество съ городомъ *Тапаръ-вошъ* во главѣ“ ****). Оно занимало южную часть Нарымскаго округа (или Цингалинской волости по *Миллеру*). Въ извѣстномъ „Описаніи о народѣ Остяцкомъ 1715“ *Григ. Новицкаго* крайними поселеніями Остяковъ также указаны Обдорскъ и Нарымъ (стр. 23).

---

*) «Живая Старина» 1891 г. вып. III, стр. 105. Теперь волости Туртасская съ Уватской и Назымская соединены въ одну *Назымскую*, а Цингалинская, Нарымская и Тарханская—въ одну *Нарымскую*. Прежнія же *волости* теперь большею частію составляютъ сельскія *общества* (тамъ же).

**) *Лербергъ*: «Изслѣдованія». СПБ. 1819 г., стр. 4.

***) *Анучинъ*: «Къ исторіи ознакомленія съ Сибирью до Ермака» въ «Древностяхъ—Трудахъ Императ. Московскаго Археологическаго Общества», томъ XIV. Москва. 1890 г., стр. 247—248.

****) «Живая Старина», III, стр. 106.

Подобную же судьбу имѣло и лежавшее внизъ по Оби, за р. Казымомъ, древнее *Обдорское княжество* Остяковъ. *Какъ часть Югріи въ широкомъ смыслѣ, Обдорія имѣла своихъ князей, также именовавшихся „Югорскими“, подобно князьямъ Кодскимъ.* Мы видѣли это изъ Разрядной книги, повѣствующей о походѣ въ Югру 1499—1500 г.г. („Изъ Ляпина встрѣтили съ Одора на оленяхъ Югорскіе князи“ *). Это и есть первое по времени упоминаніе въ источникахъ особыхъ Югро-Обдорскихъ князей. Судя по названію страны, главнымъ городомъ ея всегда былъ *Обдорскъ*, называемый Самоѣдами *Сале-Харатъ*, т. е. мысъ-городъ **). Онъ былъ и княжеской резиденціей, и важнымъ торговымъ пунктомъ, какъ мы показали это выше. Въ 1593 г. онъ былъ укрѣпленъ Русскими, а противъ него, на другомъ берегу Оби, былъ построенъ городокъ *Носовой* въ качествѣ „заставы“ для сбора государева ясака. Такія же „заставы“ были учреждены, какъ мы видѣли, въ городкахъ той же Обдорской волости *Казымѣ* и *Куноватѣ*, изъ коихъ первый стоялъ при устьѣ рѣки Казыма, по „Книгѣ Большему Чертежу“, а второй—при рѣкѣ Куноватѣ, впадающей съ правой стороны въ Обь ниже Казыма, между Березовымъ и Обдорскомъ.

Отношенія Московскихъ государей къ Обдорскимъ князьямъ были таковы же, какъ къ Кодскимъ и ко всѣмъ Югорскимъ. Послѣ похода 1500 г. русскаго войска въ Обдорію, князья ея вмѣстѣ съ другими являлись въ Москву къ Іоанну III, гдѣ они были обложены ясакомъ и возвращены во-свояси. Въ платежѣ этого ясака, конечно, и они не всегда были исправны. Это видно отчасти изъ наказа, даннаго въ 1591 г. Мангазейскимъ воеводамъ кн. Василью Мосальскому и Савлуку Пушкину, гдѣ читаемъ: „*и князь Василей де Обдорскій* не далъ имъ проводниковъ, и имъ видитца, что его и въ Остякахъ шатость за одно съ Самоядью“ ***). Этотъ князь Василій и есть первый изъ Обдорскихъ, извѣстныхъ намъ по источникамъ. Язычниковъ—князей въ Обдоріи, жив-

*) *Миллеръ*: «Описаніе Сибирс. Ц.», стр. 63, въ сноскѣ.

**) *Миллеръ* считаетъ Обдоръ «*древнимъ Остяцкимъ мѣстечкомъ*», которое уже потомъ, по Абрамову въ 1593 г., превратилось въ *Русскій* городъ. «Описаніе Сибирс. Царства», стр. 65. У *Абрамова* см. стр. 389.

***) *Миллеръ*: «Опис. Сибирс. Царства», стр. 374—375 въ сноскѣ.

шихъ до него, намъ не извѣстно ниодного. Кажется, упоминаемая въ наказѣ его „шатость“ за одно съ Самоѣдами и заставила Русскихъ въ 1593 г. снабдить Обдорскъ укрѣпленіемъ, а на другомъ берегу Оби поставить русскій городокъ Носовой. При этомъ достойно вниманія, что князь Обдорскій проявилъ измѣну русской власти, уже будучи христіаниномъ. Слѣдовательно, св. крещеніе онъ принялъ еще до 1591 г. У *Абрамова* мы находимъ извѣстіе, что этотъ Обдорскій князь, подобно Кодскимъ князьямъ Алачеевымъ, крестился въ Москвѣ *), куда вообще вызывались всѣ Югорскіе князья, послѣ завоеванія Югорской земли и въ томъ числѣ Обдоріи въ 1500 г.,—вызывались для того, чтобы царь Московскій лично могъ убѣждаться въ ихъ вѣрности. Поэтому и въ грамотѣ 1557 г. Шоркарскому князю Певгѣю предлагается явиться съ данью въ Москву лично или прислать вмѣсто себя „брата своего или племянника, да земскихъ людей человѣка 2 или 3 лучшихъ“. „*А мы васъ*, писалъ Певгѣю Іоаннъ, *рады жаловать и отъ сторонъ беречи, подъ своею рукою держать, а не сберете вы нашея дани.... и къ намъ на Москву не пришлете—и мнѣ на васъ послать рать своя и вострая сабля*“. (*Миллеръ*, стр. 71). Въ этихъ словахъ грамоты 1557 г. выражается обычная Московская политика по отношенію ко всѣмъ Югорскимъ князьямъ; изъ нихъ же мы узнаемъ, что обыкновенно заставляло Московскихъ государей посылать свои войска въ Югорскія земли, иначе сказать, узнаемъ главную причину всѣхъ походовъ Русскихъ въ эти земли.

Съ построеніемъ русскаго острога въ остяцкомъ Обдорѣ, крещеный князь Обдорскій Василій окончательно смирился. Онъ построилъ здѣсь церковь во имя св. Василія Великаго, подобно тому какъ Игичей послѣ крещенія своего построилъ въ Кодѣ церковь во имя св. Зосима и Савватія. Потомки Василія не всѣ носили христіанскія имена и кажется не разъ измѣняли христіанству. Сынъ Василія *Мамрукъ* жилъ при Годуновѣ и Шуйскомъ, внукъ *Ермакъ*, Мамруковъ сынъ,—

---

*) «Записки Географич. Общ.» кн. XII, стр. 336. Отсюда мы заимствуемъ и всѣ свѣдѣнія о дальнѣйшихъ Обдорскихъ князьяхъ. *Абрамовъ* взялъ ихъ изъ старыхъ дѣлъ бывшей Березовской воеводской канцеляріи.

при Михаилѣ, правнукъ *Молюкъ*, сынъ Ермаковъ,—при Алексѣѣ и наконецъ сынъ Молюка *Гында*—при Өеодорѣ Алексѣевичѣ. Сынъ этого Гынды, *Тайша*, жилъ уже въ XVIII в. и былъ родоначальникомъ послѣдней извѣстной княжеской Обдорской фамиліи *Тайшиныхъ*. Подъ 1706 г. упоминается еще князь *Тучебалда* (Абрамовъ, стр. 336). Отдаленная Обдорія больше всѣхъ Югорскихъ земель сохраняла свою хотя и слабую автономію, и Тайшины, какъ извѣстно, княжили здѣсь еще въ нашемъ вѣкѣ *). Въ Казымѣ и Куноватѣ были нѣкогда свои князья. Изъ нихъ особенно извѣстенъ по отношеніямъ къ Москвѣ Куноватскій князь *Лугуй*, получившій жалов. царс. грамоту въ 1586 г. (*Миллеръ*, 201). Изъ Казымскихъ князей упоминаются: въ 1693 г. *Юзоръ Райдуковъ* и въ 1712—1715 г.г. его сынъ князь *Дмитрій Юзоринъ* (*Абрамовъ*, стр. 337).

От Кондинскаго и Обдорскаго княжествъ, нѣкогда расположенныхъ на Оби, перейдемъ *къ собственно Югорскому, къ Югрѣ въ тѣсномъ смыслѣ*. Географическое положеніе ея довольно опредѣленно указано въ „Книгѣ Большему Чертежу“, гдѣ читаемъ: „Рѣка Обь великая, а по Оби рѣкѣ и по рѣкамъ, которыя рѣки въ нее впали: отъ устья вверхъ Обдорскіе городы. А выше Обдорскихъ городовъ Югрскіе. А выше Югрскихъ городовъ Сибирскіе“ **). Перечисливъ затѣмъ Обдорскіе города и Кодскіе или Югорскіе въ общемъ смыслѣ отъ Негѣя, что былъ на Оби, ниже Обдорска на 70 верстъ, до Вышняго Нарыма, что еще разъ подтверждаетъ приведенныя нами выше соображенія о восточной границѣ Угровъ,—„Книга Большему Чертежу“ указываетъ *собственно Югорскіе города по рѣкамъ Сосвѣ и ея притоку Сыгвѣ*, на пространствѣ между Ураломъ и Обью, къ западу отъ Коды и Обдоріи. Эти города суть слѣдующіе: Юиль, Мункусъ, Ляпинъ, Искаръ, Тапсы, Нячись, Заглѣй, Вороней, Хюликаръ, Естынъ, Махтынъ и Березовой—а всего 12 городовъ.

*) Указываемъ двѣ любопытныя статьи о Сибирскихъ инородцахъ *Н. Н. Оглоблина*: «Остяцкія знамена XVII вѣка» (въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1889 г. № 10) и «Знамена Сибирскихъ инородцевъ XVII в.» (въ «Запискахъ Уральскаго Общества Любителей Естествознанія» томъ XIII, кн. 1. Екатеринбургъ 1891—1892 г.г.).

**) «Книга Большему Чертежу», изд. *Языкова*. СПБ. 1838 г., стр. 215.

Березовой и Вороній города были Русскіе, а прочіе 10—Югорскіе. Въ концѣ этого перечня сдѣлана слѣдующая важная замѣтка: *„И тѣ города по Сысвѣ и по Сосвѣ Югра“* *). Извѣстно, сколько толкованій среди ученыхъ вызвала впослѣдствіи эта краткая замѣтка.

Кромѣ упомянутыхъ 10 Югорскихъ городовъ *А. Н. Абрамовъ*, на основаніи старыхъ дѣлъ Березовскаго Земскаго Суда за 1797 г., показываетъ еще древніе остяцкіе (?) городки: Вогулей въ 353 верстахъ отъ Березова, Обскій въ 72 в., Кугинскій въ 189 и Шангальскій въ 216 вер. **). Мы считаемъ эти городки Югорскими, съ XVI в. отчасти превратившимися въ Вогульскіе, что очевидно уже изъ наименованія одного изъ нихъ „Вогулей“. Хюликаръ у Абрамова названъ Люликаромъ, Искаръ—Искоромъ, русскій городокъ Вороній пропущенъ.

По всѣмъ даннымъ, главнымъ городомъ собственной или сыгво-сосвенской Югры былъ *Ляпинъ*, упоминаемый лѣтописями подъ 1499 г. при послѣднемъ московскомъ походѣ. Съ окончательнымъ водвореніемъ Русскихъ, онъ вмѣстѣ съ Обдоромъ и Кодою уступилъ главенство *Березову*, основанному въ 1593 г. Великопермскимъ—Чердынскимъ воеводою Никиф. Васил. Троханіотовымъ ***). Послѣдній основалъ его около бывшаго югорскаго городка *Сугмутъ-вашъ* (по вогульски *Халь-ушъ*), каковое слово въ переводѣ означаетъ „береза“, отчего и русскому городу было присвоено названіе Березова ****). Но самое первое *русское* укрѣпленіе въ Югрѣ появилось въ г. *Ляпинъ* (по вогульски *Лопынгъ-ушъ*) еще при завоеваніи Югорской земли въ 1499—1500 г.г. Къ этому побудило русскихъ воеводъ географическое положеніе этого города. *Древній Лопомвожъ—пауль, Лопынгъ—ушъ или по русски Ляпинъ стоялъ на мѣстѣ соединенія двухъ дорогъ изъ за Урала съ рѣки Щугура на Сыгву и съ Илыча на Вогулку и Сосву*, почему служилъ важнымъ торговымъ пунктомъ съ

---

*) Тамъ же, стр. 215.

**) «Записки Геогр. Общ.» XII, 396—397.

***) См. о немъ «Пермс. Стар.» I, 170 и у *Миллера* въ «Опис. Спб. Ц.» стр. 248.

****) *Миллеръ*, 207; *Абрамовъ*, 362. «Наказъ» и «памяти» кн. Горчакову 1592—93 г.г. вполнѣ напечатаны во II томѣ «Русской Историч. Библіотеки». СПБ. 1875 г.

одной стороны для Русскихъ и Зырянъ и съ другой для Вогуловъ (древнихъ Югровъ) и Остяковъ *). Р. Сосва первоначально называлась у Русскихъ Сысвой (въ „Книгѣ Больш. Чертежу"), и верховьемъ ея считался лѣвый большой ея притокъ *Сыгва или Ляпина*; названіе же Сосвы придавали лишь верхней части нынѣшней Сосвы до впаденія въ нее Сыгвы. И дѣйствительно, до сліянія этихъ рѣкъ Сыгва многоводнѣе и едва-ли не длиннѣе Сосвы, и лишь по принятіи Сыгвы Сосва становится большой рѣкой **). При сліяніи съ Сыгвою или Ляпиною рукава Сорахъ или Суккерь-я и стоитъ донынѣ деревня Ляпина, древній Югорскій городъ ***). „По объявленію тамошнихъ Вогуличей, говоритъ историкъ Сибири *Миллеръ*, которые отъ своихъ предковъ о семъ слыхали, построены тамъ были русскія торговыя лавки, отъ которыхъ однакожъ нынѣ никакихъ слѣдовъ болѣе не видно, потому что оныя стояли только до того времени, какъ городъ Березовъ былъ построенъ, въ которой все купечество изъ прочихъ тамошнихъ мѣстъ переведено было". (*Миллеръ*, стр. 206).

Кромѣ Ляпина воеводы Семенъ Курбскій и Петръ Ушатый во время извѣстнаго похода въ Югру сдѣлали укрѣпленія еще въ 6 городкахъ: въ упомянутомъ Сугмутъ-вашѣ (послѣ Березовъ), въ Юильскомъ городкѣ на Сосвѣ, въ Сартыньинскомъ, въ Казымѣ, Кодѣ и Обдорскѣ ****). Это необходимо было для обезпеченія русской власти въ завоеванномъ, дотолѣ тревожномъ, краѣ.

Выше было упомянуто (глава I, см. стр. 44), что Югорскимъ краемъ послѣ похода 1499—1500 г.г. завѣдывали Чердынскіе намѣстники и воеводы, что продолжалось до основанія Березова въ 1593 г. Съ этого времени начинается непрерывный рядъ особыхъ Березовскихъ воеводъ, вѣдавшихъ Березовскій уѣздъ. Въ актахъ XVI и XVII эти воеводы никогда не назывались „Югорскими" *****). Поэтому учрежден-

*) *Миллеръ*: «Описаніе Сибирс. Царства», стр. 75, 205, 206.

**) *Чупинъ*: «Географич. словарь Пермс. губ.» Пермь. 1873 г., стр. 341.

***) *Гофманъ* въ соч.: «Сѣверный Уралъ и береговой хребетъ Пай-Хой» (т. II, стр. 104—105) ошибочно принялъ за Ляпинъ болѣе сѣверную деревню Суккерь-ю. См. о томъ у *Чупина* тамъ же, стр. 353.

****) *Абрамовъ*: «Описаніе Березовс. края», стр. 362.

*****) См. списокъ ихъ у *К. Б. Газенвинкеля* въ «Системат. перечнѣ Сибирскихъ воеводъ». Тобольскъ. 1892 г.

ное по указу царя Алексѣя Михайловича отъ 29 ноября 1680 г. и возникшее въ 1681 году „Югорское намѣстничество“ было de facto не болѣе, какъ почетная степень въ служебныхъ спискахъ бояръ, окольничихъ и думныхъ людей, а не настоящее намѣстничество, какъ понималъ его *фонъ-Бушенъ*. Подобное же значеніе имѣли и учрежденныя указами того же царя Алексѣя намѣстничества „Болгарское“ (указъ отъ 16 марта 1675 г.) и „Удорское, Обдорское и Кондинское“ (указъ 14 мая 1676 г.). Объ этомъ можно судить по „Проэкту устава о служебномъ старшинствѣ бояръ, окольничихъ и думныхъ людей по 34 степенямъ, составленному при царѣ Өеодорѣ Алексѣевичѣ“ и обнародованному княземъ *М. А. Оболенскимъ* въ „Архивѣ историко-юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи“ *Калачева* (см. книгу I, стр. 38—39 въ сноскѣ и мн. другія). Намъ кажется, что *фонъ-Бушенъ* слишкомъ буквально понялъ въ этомъ случаѣ упомянутые указы царя Алексѣя Михайловича и просто впалъ въ ошибку. Въ дѣйствительности, указанныя намѣстничества существовали только какъ почетныя званія, а Югорскій край съ 1593 года превратился въ *Березовскій уѣздъ и управлялся Березовскими воеводами.*

До подчиненія же Русскимъ въ 1499—1500 г.г. собственно Югра управлялась своими князьями, подобно Обдоріи и Кондѣ. Эти князья Югорскіе были въ родственныхъ отношеніяхъ съ Обдорскими. Примѣры такихъ родственныхъ связей между князьями мы уже указывали выше (припомнимъ Вогулятина князя Пыткея „Югорскаго“, князя большаго Молдана „всея земли Кодскія и Югорскія“). По этому поводу справедливо замѣчаетъ *С. К. Паткановъ*: „Весьма вѣроятно, что въ основу дѣленія страны на отдѣльныя независимыя княжества легло родовое начало.... Можно предположить, что такой союзъ состоялъ *изъ немногихъ родовъ*, чѣмъ изъ большаго числа ихъ. Это отчасти явствуетъ изъ остатковъ прежнихъ формъ землевладѣнія въ Тобольскомъ округѣ, гдѣ селенія, расположенныя въ глухихъ мѣстахъ и сохранившіяся до извѣстной степени отъ внѣшнихъ вліяній, и теперь состоятъ изъ одного или двухъ родовъ и представляютъ намъ примѣръ владѣнія на родовыхъ началахъ. Такая форма землевладѣнія встрѣчается еще понынѣ у Кондинскихъ

Вогуловъ“ *). Но *Кастренъ* сообщаетъ **), что Остяки „распадаются на множество отдѣльныхъ родовъ, изъ коихъ каждый образуетъ самъ по себѣ маленькое княжество или вѣрнѣе большое семейство“. Однако знатныхъ *княжескихъ* родовъ едва-ли было много, какъ можно судить по письменнымъ источникамъ XIV—XVII вѣковъ, и какъ справедливо замѣчаетъ г. *Паткановъ*.

Можно думать, что въ XV в. большой князь *Молданъ* съ дѣтьми и упомянутые нами выше князья *Пынзей*, *Сонта* и *Пыткей* держали въ своихъ рукахъ власть надъ всей землей Кодской и собственно Югорской, почему въ лѣтописяхъ и назывались князьями „всея земли Кодскіе и Югорскіе“, при чемъ *вогульское* происхожденіе Пыткея прямо засвидѣтельствовано Синодальною лѣтописью подъ 1484 годомъ (см. выше). Но въ концѣ XVI в. этотъ политическій союзъ ограничивался шестью угорскими городами, состоявшими подъ властью одного остяцкаго князя *Лугуя*, жившаго въ г. Куноватѣ. Это ясно видно изъ царской грамоты, пожалованной ему въ августѣ 1586 г. Ѳеодоромъ Іоанновичемъ.... „Удорскимъ, Обдорскимъ, Кондинскимъ и обладателемъ всея Сибирскія земли и великія рѣки Оби, и сѣверныхъ странъ повелителемъ“ ***). Въ началѣ грамоты читаемъ: „Пріѣжжалъ къ Нашему Царскому Величеству *съ великія рѣки Оби Куновата города*, да Илчмы города, да Ляпина городка, да Мункоса городка, да Юила городка, да Березова городка Лугуй князь, чтобъ намъ его пожаловать: тѣхъ его городковъ нашимъ ратнымъ людемъ, которые нынѣ сидятъ въ городѣ въ нашемъ на великой рѣкѣ на Оби, на усть Иртыша ****), воевати его *и племя его все и его людей, которые въ тѣхъ во шти городкахъ сидятъ*,—не велѣти, а дань бы нашу намъ съ него, съ тѣхъ его городковъ, велѣли имати въ Вымской землѣ, по нашему жалованію, приказнымъ людемъ, кому будетъ приказано“. Царь уважилъ эту челобитную Лугуя „*для*

*) «Живая Старина». III, 102.

**) Тамъ же, стр. 104—слова взяты изъ его «Ethnol. Vorlesungen», стр. 106.

***) Эта важная грамота помѣщена у *Миллера* въ «Описаніи Сибирс. Цар.», стр. 201—202.

****) Этотъ новый тогда городъ упомянутъ и въ «Книгѣ Бол. Чер.»—«Городъ *Обской большей*, а противъ того, съ другой стороны, въ Обь рѣку пала рѣка Иртышъ». У *Миллера* см. о немъ стр. 202.

того, что онъ къ намъ пріѣхалъ напередъ всѣхъ бить челомъ". Царь велѣлъ взять дани съ его 6 городковъ въ *Вымской землѣ* семь сороковъ соболей лучшихъ—„*и привозить ему дань ежегодъ въ Вымъ самому, или его братьѣ или его племянникомъ*". Итакъ отношенія московской власти къ Лугую были тѣже самыя, какія мы видѣли въ 1557 г. къ Певгѣю Шоркарскому: на первомъ планѣ ставятся условія относительно исправнаго платежа ясака и покорности русскому царю и рядомъ съ ними—угроза послать рать при неисполненіи этихъ условій. Особенною льготою для Лугуя, сравнительно съ Певгѣемъ, было предоставленіе ему права сдавать ясакъ не въ Москвѣ, а въ Усть-Вымѣ на Вычегдѣ—ближе къ его владѣніямъ. Такимъ значеніемъ Вымъ пользовался и въ XV в., судя по заключенному здѣсь въ 1485 г. угорскими князьями миру съ Русскими „подъ владычнимъ городомъ", о чемъ была рѣчь выше.

Сынъ князя Лугуя, жившаго, какъ надо думать, на р. Оби, въ городѣ Куноватѣ, не отличался такою преданностью Москвѣ, какъ его отецъ. Изъ грамоты отъ 28 апрѣля 1601 г. на имя Березовскаго воеводы князя Ив. Мих. Борятинскаго видно, что Остякъ *Шатровъ Лугуевъ* задумалъ даже настоящую измѣну Русскимъ, приступалъ съ оружіемъ къ Березову, но не имѣлъ успѣха*). Грамота предписывала „Березовскаго Остяка Шатрова, Лугуева сына, съ новокрещенымъ Степаномъ Пуртіевымъ въ томъ судити и всякими сыски сыскати накрѣпко".

Изъ другихъ князей собственно Югорской земли извѣстны не многіе, да и тѣ относятся къ началу XVIII в. и слѣдов. всѣ были или Вогулы, или Остяки. Въ 1714 г. въ Куноватѣ жилъ князь *Игорь Даниловъ*, но онъ едва-ли не былъ изъ числа князей Обдорскихъ, такъ какъ Куноватъ, повидимому, временно имѣлъ отношеніе къ собственной Югрѣ **). Въ одномъ указѣ отъ 2 декабря 1706 г. на имя Березовскаго воеводы упомянутъ *Ляпинскій князь Шекша*, современникъ Обдорскаго Тучебалды, а въ 1714 г.—его сынъ *Матвѣй Шекшинъ* и съ нимъ *Сосвинскій князь Петръ Осма-*

*) Грамоту эту см. у *Миллера*, стр. 257.

**) *Абрамовъ*, 347. Свѣдѣнія о дальнѣйшихъ князьяхъ беремъ оттуда же.

новъ, кажется, изъ числа отатарившихся Вогуловъ, и наконецъ—князь подгородной Березовской волости *Никифоръ Еуровъ*. Ляпинскіе Остяки и Вогулы оказали наиболѣе упорное сопротивленіе христіанству, крѣпко держались язычества и только усиліями извѣстнаго схимонаха Ѳеодора, бывшаго митрополита Сибирскаго *), нѣкоторые изъ нихъ были привлечены въ лоно православія уже въ началѣ XVIII вѣка.

Выше мы уже выяснили по силѣ возможности, что слово *Югра* въ древности употреблялось въ двоякомъ значеніи: въ общемъ собирательномъ значеніи всѣхъ народовъ угорской семьи и въ частномъ значеніи одного народа, населявшаго берега Сосвы и Сыгвы, на пространствѣ отъ Уральскихъ горъ до Оби. Въ частномъ значеніи слово „Югорцы" или „Югричи" весьма опредѣленно упоминается, и притомъ неоднократно, въ грамотѣ Іоанна IV Якову и Григорію Аникіевичамъ Строгановымъ отъ 30 мая 1574 г. (см. ее у *Миллера* въ „Опис. Сибир. Цар.", стр. 87—90). Объ этомъ упоминаніи еще *Карамзинъ* замѣтилъ: „Здѣсь говорится въ особенности о Вогуличахъ, Остякахъ и *Югорцахъ или Югричахъ, коихъ имя исчезло, принадлежавъ, вѣроятно, Остякамъ Березовскимъ*" (см. „Исторію" его, т. IX, примѣч. 659). Этотъ собственно Югорскій народъ былъ въ самомъ тѣсномъ, ближайшемъ родствѣ съ Вогулами, какое существуетъ напр. между Зырянами и Пермяками, тогда какъ языкъ Остяковъ довольно замѣтно отличается отъ Югорско-Вогульскаго, какъ Вотяцкій отъ Пермяцко-Зырянскаго. Поэтому едва-ли справедливо называть потомковъ собственно Югры „Остяками Ляпинскаго нарѣчія", какъ дѣлаютъ многіе ученые **), а гораздо правильнѣе и ближе къ истинѣ именовать ихъ „Ляпинскими Вогулами". Ошибочное названіе дано имъ жителями Березова, которые отличаютъ этимъ именемъ Ляпинскихъ

*) Это былъ Филоѳей Лещинскій, управлявшій Сибирскою митрополіею въ 1702—1710 г.г., въ 1711 г. принявшій схиму съ именемъ Ѳеодора въ Тюменскомъ монастырѣ, а съ 1715 до 1721 г. снова занимавшій прежнюю каѳедру. Умеръ въ 1727 году.

**) Таковы академики *Лербергъ* и *Гофманъ*, признающіе однако тождественность Ляпинскихъ Остяковъ съ Вогулами. См. «Сѣверный Уралъ» *Гофмана* т. II, стр. 50, «Изслѣдованія» *Лерберга*. СПБ. 1819 г., стр. 7.

Остяковъ (?) отъ Обдорскихъ (*Гофманъ*, II, 105). Между тѣмъ *полная тождественность Ляпинцевъ съ Вогулами доказывается уже тѣмъ, что они, какъ и Вогулы, сами себя называютъ Манси, а не присвояютъ себѣ самоназванія Остяковъ-Арьяхъ или Хондихо*. Эту тождественность, какъ мы видѣли, признаютъ многіе изслѣдователи текущаго столѣтія *), а названіе все-таки удерживаютъ неправильное—Остяки вмѣсто Вогулы. „*Вогулы и Ляпинскіе Остяки говорятъ, какъ мнѣ кажется, однимъ и тѣмъ же языкомъ, составляютъ одинъ народъ*", замѣчаетъ лично бывшій здѣсь въ 1847 г. академикъ *Гофманъ* (II, 50). „Языкъ остяцкій въ Березовскомъ краѣ, говоритъ лучшій знатокъ его *А. Н. Абрамовъ*, раздѣляется на четыре совершенно различныя нарѣчія: обдорское, югорское (сосвино-ляпинское), березовско-кодское и сургутское. Въ первое вошло не мало словъ самоѣдскихъ и зырянскихъ; *во второмъ самая большая часть словъ вогульскихъ, потому что Вогулы съиздавна смѣшались съ здѣшними ляпинскими Остяками и извѣстны стали подъ именемъ сихъ послѣднихъ;* въ третьемъ много словъ татарскихъ, отъ близости ихъ жительства и частыхъ съ ними сношеній; въ послѣднемъ, совершенно различномъ отъ прочихъ, много словъ, заимствованныхъ отъ разныхъ сопредѣльныхъ племенъ и народовъ" **). „Въ Тобольской губ. не обрусѣлыхъ Вогулъ еще довольно много, замѣчаетъ извѣстный изслѣдователь Урала *Н. К. Чупинъ*; они обитаютъ главнымъ образомъ въ волостяхъ Ляпинской и Сосвинской. Русскіе называютъ ихъ „Остяками Ляпинскаго нарѣчія", хотя *это настоящіе Вогулы и существенно разнятся отъ сѣвернѣе живущихъ обскихъ Остяковъ*" ***). *Н. М. Ядринцевъ* съ своей стороны приходитъ къ тому же заключенію, какъ Абрамовъ. „Сибирскіе во-

*) Рѣзкое исключеніе въ данномъ отношеніи составляетъ мнѣніе *фонъ-Бушена*, по которому «Вогулы, живущіе нынѣ на прежней Югорской землѣ, приняли къ себѣ только небольшую часть этого народа (Югровъ), котораго большинство составляютъ обскіе Остяки». См. его статью: «Опытъ изслѣдованія о древней Югрѣ» въ «Вѣстникѣ Русс. Геогр. Общ.» книга IV. СПВ. 1855 г., стр. 179.

**) «Опис. Березовс. края» въ «Запискахъ» того же Общ. кн. XII, СПВ. 1857 г., стр. 332.

***) «Географическій и статистическій словарь Пермской губерніи». Пермь. 1873 г., стр. 337—статья «Вогулы».

гулы, говоритъ онъ, расположены въ Тобольскомъ округѣ (2158 душъ), Туринскомъ (3913 д.) и часть ихъ, смѣшанные съ остяками, въ Березовскомъ округѣ (Ляпинскіе остяки)" *), при чемъ примѣсь Остяковъ въ этомъ случаѣ и составляетъ „березовско-кодское" ихъ нарѣчіе, по Абрамову. Такимъ образомъ мѣстные изслѣдователи и тѣ, кто лично бывалъ на мѣстѣ древней Югры въ тѣсномъ смыслѣ, единогласно свидѣтельствуютъ о томъ, что *на Сосвѣ и Сыгвѣ нынѣ слышится языкъ вогульскій, а не остяцкій*, а изученіе мѣстныхъ письменныхъ источниковъ убѣждаетъ насъ, что на мѣстѣ древней собственно Югры съ конца XVII или начала XVIII вѣка живутъ Вогулы **).

Перейдемъ теперь къ этимъ наслѣдникамъ сосвинско-ляпинскихъ Югричей, Вогуламъ, и начнемъ съ того времени, когда Вогульскій народъ существовалъ еще одновременно съ Югрой, окружая ее съ разныхъ сторонъ. Мы говорили уже, что впервые эти два названія поставлены рядомъ въ сказаніи Епифанія Премудраго о св. Стефанѣ Пермскомъ XIV в. подобно тому, какъ у него же стоятъ рядомъ названія „Пермь", „Сырьяне", „Пермь Великая, глаголемая Чусовая" ***). Затѣмъ въ грамотѣ Строгановымъ отъ 30 мая 1574 г. *неоднократно рядомъ упоминаются Остяки, и Вогуличи, и Югричи, какъ три различные народа* ****). Послѣ филологическихъ изслѣдованій *Европеуса* едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что близко родственные между собою Югра и Вогуличи въ древности жили гораздо далѣе къ западу—на пространствѣ отъ Урала по крайней мѣрѣ до истоковъ С. Двины. Хотя теорія *Европеуса* находится въ нѣкоторомъ противорѣчіи съ теоріей *Шоґрена* *****), но констатированные тѣмъ и другимъ финно-

*) *Н. М. Ядринцевъ:* «Сибирскіе инородцы, ихъ бытъ и современное положеніе». СПБ. 1891 г., стр. 56.

**) Въ грамотѣ Певгѣю 1557 г. еще упоминаются Югорскіе князья и *Югричи.*

***) Моя «Пермс. Старина» I, 62.

****) Эта важная грамота напечатана у Миллера въ «Опис. Сиб. Ц.» стр. 87—90 и включена въ Строгановс. лѣтопись.

*****) *Европеусъ:* «Объ Угорскомъ народѣ». СПБ. 1874 г. съ картою. *Шоґренъ:* «Зыряне», «Когда и гдѣ было Заволочье и Заволоческая Чудь Русскихъ» въ «Gesammelte Schriften» т. I. СПБ. 1861 г.

логомъ факты изъ области географической номенклатуры дѣлаютъ несомнѣннымъ такое заключеніе о болѣе широкихъ предѣлахъ угорскихъ поселеній на западѣ. Такъ какъ съ теченіемъ времени, подъ напоромъ Русскихъ, Угры постепенно отступали на востокъ, то въ XV—XVII в.в. значительная часть Вогуловъ уже передвинулась за Уралъ, оставивъ на западныхъ его склонахъ сравнительно меньшую часть своихъ единоплеменниковъ. Въ этомъ широкомъ потокѣ передвигавшихся на востокъ Угровъ была нѣкоторая часть и Остяковъ, также оставившихъ за собою слѣды пребыванія на западныхъ отрогахъ Урала еще въ XVI и XVII вѣкахъ.

Мы совершенно согласны съ выводомъ проф. *И. Н. Смирнова*, основаннымъ на мѣстныхъ источникахъ, что „въ періодъ отъ половины XV до конца XVII в. *Маньсы* жили еще на пространствѣ между Усть-Вымомъ и Ураломъ по рѣкамъ Вычегдѣ, Печерѣ и восточнымъ притокамъ Камы— Колвѣ, Вишерѣ, Яйвѣ, Косьвѣ и Чусовой" *). Но собственно Югра передвинулась за Уралъ ещё въ доисторическую эпоху. Относительно Пермскаго Пріуралья мы доказали это въ предъидущей главѣ, а о существованіи Вогуловъ къ западу отъ Урала еще въ XVI вѣкѣ сказали въ I вып. „Пермской Старины" на основаніи такихъ надежныхъ документовъ, какъ Великопермскія писцовыя книги XVI в. и царскія грамоты. Тамъ же сказано о существованіи въ тоже время и *остяцкихъ* поселеній отчасти въ предѣлахъ Перми Великой**)— въ нынѣшнихъ Чердынскомъ и Пермскомъ уѣздахъ, а преимущественно въ бассейнѣ Чусовой, близь южной границы этой страны. Эти послѣдніе населяли еще въ XVII вѣкѣ южную часть нынѣшняго Пермскаго и сѣверо-восточную Кунгурскаго уѣздовъ, но вслѣдствіе близкаго сосѣдства съ Башкирами и Татарами *Остяки здѣсь скоро отатарились*, какъ это было во многихъ мѣстахъ ихъ поселеній въ Западной Сибири. *Вогулы же Пермскаго края одновременно подвер-*

---

*) «Пермяки», стр. 107—109. Въ моей «Перм. Старинѣ», вып. I, на стр. 81, 93, 141 и др. представлены документальныя доказательства справедливости такого заключенія.

**) О прикамской колоніи Остяковъ на рѣчкѣ Нижней Муллянкѣ см. въ моей статьѣ: «Критическія замѣтки по исторіи Перми Великой XVI в.» во II вып. «Трудовъ Перм. ученой архивн. коммис.». Пермь. 1893 г.

гаются сильному обрусѣнію по мѣрѣ наплыва русскихъ людей въ этотъ край, особенно усилившагося въ XVI вѣкѣ, съ появленіемъ на Камѣ извѣстныхъ промышленниковъ Строгановыхъ. Они имѣли общественное устройство и управленіе, совершенно одинаковое съ ихъ зауральскими одноплеменниками. Въ житіи св. Трифона Вятскаго въ концѣ XVI в. упоминаются на Чусовой и ея притокахъ остяцкій князь *Амбалъ* и вогульскій *Бебякъ*, а при р. Камѣ, на лѣвомъ берегу, въ 20 верстахъ отъ нынѣшняго города Перми, въ ихъ время существовало языческое капище—„идоложертвенное древо ель", къ которому на поклоненіе приходили даже припечерскіе Вогуличи и Остяки, и которое было уничтожено преподоб. Трифономъ *).

Гораздо больше Вогуловъ жило тогда за Ураломъ. Еще въ началѣ прошлаго вѣка, въ 1715 г. *Гр. Новицкій* писалъ о мѣстѣ ихъ жительства за Ураломъ. „Народъ сей Вагулскій начынаеть селеніе свое надъ рѣкою нарыцаемою Тура, обдержыть же селеніемъ своимъ и вершыны Тавды рѣки. *Множество же вящшое сего народа сѣде надъ рѣкою Кондою, идѣ же и княжыка своего имѣютъ* и вящшымъ сіи сего повиновеніемъ, неже Остяки своихъ княжыковъ почытають. *Жителствующіи же на Тавдѣ и Кондѣ прилежать присудомъ въ градъ Пелымъ*" **). Затѣмъ Новицкій говоритъ, что на Турѣ и Тавдѣ Вогулы живутъ въ сосѣдствѣ съ Татарами, отъ которыхъ научились земледѣлію, а на Кондѣ они сосѣдятъ съ Остяками и тамъ они питаются по прежнему мясомъ звѣрей и рыбою. Далѣе тотъ же авторъ пишетъ: „Народъ сей разньствуеть языконарѣчіемъ; обычаи же своими единонравенъ во всемъ со Остяки и обхожденіи со оными. Также бо ниже писмены каковыя имѣють, ниже гражданскія обычая, ниже коего художества, рукодѣліе, но обще едынъ жытія промыслъ, ловленіе рыбъ, птицъ и стрѣляніе звѣра. *Обаче же подобнѣйшыи красоты человѣческой, неже Остякъ, крѣпчайшый і далеко мужественнѣйшый, и не повреждени такою язвою, яко Остяки; не тако же многолюденъ, яко*

*) См. въ той же моей статьѣ во II вып. «Трудовъ Пермс. ученой архивн. коммиссіи». Пермь. 1893 г.

**) «Краткое описаніе о народѣ Остяцкомъ», подъ ред. Л. Н. Майкова. СПБ. 1884 г., стр. 81.

Остяцкій народъ“ *). Эту характеристику особенно важно имѣть въ виду при сужденіи о родствѣ Вогуловъ съ древними Югричами (Югрою въ собственномъ, тѣсномъ смыслѣ).

Вѣрно подмѣченная Новицкимъ воинственность Вогуловъ, нѣкогда свойственная и Югрѣ, но не замѣчаемая въ Остякахъ, доказывается цѣлымъ рядомъ смѣлыхъ набѣговъ Югры и Вогуловъ на Усть-Вымъ на Вычегдѣ и на Пермь Великую въ бассейнѣ Камы—въ теченіе XV и XVI в.в. Въ I вып. „Пермской Старины“ мы перечислили уже эти набѣги въ послѣдовательномъ порядкѣ (стр. 183—185). Въ этихъ набѣгахъ Остяки лишь изрѣдка принимали участіе, увлекаемые проходившими чрезъ ихъ земли Вогулами. Самымъ опустошительнымъ былъ набѣгъ на Пермь Великую Пелымскаго князя Вогулича *Кихека* въ 1581 году. Въ XV в. столь же злымъ врагомъ Усть-Выма былъ извѣстный уже намъ вогульскій князь *Асыка*. Въ своемъ мѣстѣ мы показали, что нѣкоторые вогульскіе князья были въ родственныхъ отношеніяхъ съ кодскими и заодно съ ними нерѣдко вооружались противъ Русскихъ.

Средоточіемъ Вогуловъ, жившихъ на р.р. Пелымѣ и Кондѣ былъ, какъ сказано, городъ *Пелымъ* (старый) стоявшій на рѣкѣ того же имени, текущей съ лѣвой стороны въ р. Тавду, притокъ Тобола. На верхнемъ теченіи Конды, въ близкомъ разстояніи отъ Пелыма, находились двѣ вогульскія волости *Большая* и *Малая Конда*. Въ старомъ Пелымѣ родъ вогульскихъ князей правилъ въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, но намъ извѣстны по источникамъ лишь немногія имена ихъ. Пелымъ былъ центральнымъ пунктомъ среди вогульскихъ поселеній, которыя находились также на р.р. Турѣ, Тавдѣ и Лозвѣ. Лозва, начинаясь въ самой сѣверной части нынѣшняго Верхотурскаго уѣзда, течетъ на юго-востокъ; принявъ здѣсь правые притоки Пурму и Тошемку, уходитъ въ Тобольскую губернію, опять принимаетъ съ Урала правые притоки Вижай и Люлью или Талицу; снова течетъ по Верхотурскому краю въ южномъ направленіи, принимаетъ справа Малую Лозьву, Большую Умпію, Манью и самый большой притокъ

*) Тамъ же, стр. 82.

Ивдель и вторично вступаетъ въ Тобольскую губернію, гдѣ соединяется съ южной Сосвой, вмѣстѣ съ которою далѣе получаетъ новое названіе рѣки Тавды *). Берега всѣхъ этихъ рѣкъ и рѣчекъ были населены прежде, а отчасти и теперь, Вогулами, тянувшими по управленію къ своему главному древнему городу Пелыму. Въ указанномъ районѣ Вогулы постепенно были покоряемы съ сѣвера Русскими, съ юга—Татарами, пока въ началѣ XVII в. не подчинились окончательно вмѣстѣ съ послѣдними русской власти.

Раньше другихъ подчинились Русскимъ Лозвинскіе Вогулы, гдѣ, какъ извѣстно, около 1590 г. основанъ былъ русскій городъ *Лозва*, предшественникъ Верхотурья, возникшаго въ 1598 г. на мѣстѣ вогульскаго городка *Неромкарра*. (*Миллеръ*, 221—222, 337 и друг.). Татары же прежде всего стали тѣснить Вогуловъ нижнихъ Туры, Тавды и Конды еще задолго до прихода Русскихъ на Лозьву. Съ паденіемъ главнаго города Сибири, татарская власть смѣняется русскою, на Турѣ возникаетъ въ 1586 г. Тюмень, а противъ устья Тобола—Тобольскъ на Иртышѣ въ слѣдующемъ году **). Послѣ того Большая и Малая Конды были обложены ясакомъ съ подчиненіемъ ихъ власти Тобольскихъ воеводъ, а съ построеніемъ въ 1593 г. новаго города Пелыма (русскаго), близь устья этой рѣки, обѣ Конды отошли къ нему ***), старый же Пелымъ (вогульскій), стоявшій на верховьяхъ этой рѣки, будучи окруженъ теперь со всѣхъ сторонъ русскими селеніями, въ концѣ концовъ долженъ былъ неизбѣжно пасть предъ русской властью.

Въ 1573 г. упоминается Пелымскій князь—Вогулятинъ *Бегбелій*, сдѣлавшій набѣгъ на Пермь Вел. Послѣ того въ 1581 г. въ Пелымскомъ княжествѣ Вогуловъ правилъ *Кихекъ*, также извѣстный своимъ опустошительнымъ походомъ противъ Перми Великой. Затѣмъ въ борьбѣ съ Ермакомъ упоминается знатнѣйшій изъ Вогуличей, именемъ *Патликъ* (*Миллеръ*, 122). При занятіи же Пелымскаго княжества Русскими тамъ правилъ князь *Аблегиримъ*, имѣвшій старшаго сына *Тагая* и

*) *Чупинъ*: «Географич. словарь Перм. губ.», стр. 217—218.

**) *Миллеръ*: «Описаніе Сибирс. Цар.» стр. 212—217.

***) Тамъ же, стр. 237, 238, 243 и 244.

младшаго *Таустея* (Таутія) и отъ послѣдняго внука *Учота*. Въ виду сильнаго сопротивленія, оказаннаго Русскимъ воеводамъ отцомъ и его старшимъ сыномъ, воеводѣ князю Петру Ив. Горчакову, строителю новаго русскаго Пелыма близь устья этой рѣки, данъ былъ въ 1592 г. царскій наказъ „приманить" Пелымскаго князя Аблегирима и его старшаго сына Тагая и потомъ ихъ „извести", а младшаго сына Таутія „и съ женою и съ дѣтьми" отправить въ Тобольскъ къ воеводѣ, князю Ѳедору Мих. Лобанову—Ростовскому *). Затѣмъ мы видимъ князей Таусея и Учота въ Москвѣ въ тюремномъ заключеніи, объ освобожденіи изъ коего на поруки съ ручательствомъ „всею Пелымской землею" ходатайствовали въ 1599 году „пелымскіе ясашные Вогуличи Корло Чендинъ во всѣхъ своихъ Вогуличь мѣсто **). Результатъ ходатайства не извѣстенъ. Въ 1599 г. сынъ казненнаго Тагая упоминается уже въ Москвѣ подъ именемъ Александра ***). Послѣдній поступилъ, слѣдовательно, по примѣру своего современника кодскаго князя Петра Игичеева. О дальнѣйшихъ Пелымскихъ князьяхъ *Миллеръ* говорилъ въ 1750 г.: „Родъ князей Пелымскихъ еще и понынѣ ведется, и оные прежде сего въ Пелымѣ, а потомъ на Верхотурьѣ служили въ дѣтяхъ боярскихъ и напослѣдокъ пожалованы въ Тобольскіе дворяне. Надѣяться можно, что они происходятъ отъ вышеупомянутаго Александра, Тагаева сына, которой чаятельно по принятіи христіанской вѣры назадъ въ Пелымъ былъ отпущенъ" (стр. 239).

Вытѣсняемые съ юга, Вогулы въ XVI вѣкѣ стали опять передвигаться на сѣверъ, возлѣ самаго восточнаго склона Уральскихъ горъ, гдѣ еще находили для себя удобныя убѣжища въ долинахъ горныхъ рѣкъ и горныхъ ущельяхъ. Въ упомянутомъ выше наказѣ первому Пелымскому воеводѣ Горчакову упоминаются *Вишерскіе и Лелинскіе Вогуличи*, жившіе по рѣкамъ Вишерѣ и Ялѣ, правому притоку южной

*) Этотъ важный и любопытный наказъ напечатанъ у *Миллера* въ «Опис. Сиб. Ц.», на стр. 228—234 и затѣмъ во II томѣ «Русс. Историч. Библіот.».

**) Челобитная его напечатана во II томѣ «Русской Историч. Библіотеки» стр. 144—145, подъ № 64.

***) *Миллеръ* неправильно принимаетъ его за одно лицо съ Учотомъ, который былъ сынъ Таустея, стр. 239.

Сосвы. Основаніе русскаго города на Лозвѣ показываетъ, что и на этой рѣкѣ Вогуловъ жило много, какъ и дальше по Тавдѣ, гдѣ тотъ же наказъ предписывалъ поставить русскій острогъ въ Таборахъ *), вмѣсто котораго былъ основанъ городъ Пелымъ. (Донынѣ есть село Табаринское Туринскаго округа). На нижней Тавдѣ Вогулы въ то время отчасти уже отатарились. Въ 1583 году Ермакъ разорилъ близь устьевъ Тавды на р. Тоболѣ Красноярскія юрты нѣкоего князца *Лабутана* (или Лабуты) и, поднимаясь вверхъ по Тавдѣ, нанесъ сильное пораженіе Татарамъ (вѣроятно, отатарившимся Вогуламъ) на рѣчкѣ Паченкѣ, при чемъ мертвыми трупами было наполнено ближайшее „Банное поганое озеро". Въ числѣ убитыхъ былъ и князецъ *Печенегъ*. Съ Паченки Ермакъ пошелъ вверхъ по Тавдѣ во владѣніе вогульскаго князя *Кошука* (или Кожуга), взялъ городки Кошуки (нынѣ село Кошукское Туринскаго округа), Кондирбай или Чандыръ и Табары при устьѣ рѣчки Иксы, гдѣ жилъ вогульскій князекъ *Табаръ* (или Тобара) и какой-то знатный Вогулъ *Патликъ*, вѣроятно княжескаго же рода **). Вслѣдствіе этого разгрома Тавды Ермаковою дружиною, одни изъ Вогуловъ ушли на Конду, другіе на верховья Тавды, на Пелымъ, Лозьву и далѣе на сѣверъ.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что и въ Вогульской странѣ кромѣ главнаго, „большаго" князя Пелымскаго было не мало второстепенныхъ князьковъ, жившихъ по другимъ городкамъ, т. е. общій складъ управленія былъ тотъ же, что въ Кодѣ, собственной Югрѣ и Обдоріи. Упомянутое движеніе Вогуловъ на сѣверъ совпало съ обратнымъ передвиженіемъ ихъ одноплеменниковъ съ западнаго склона Урала на восточный, также подъ давленіемъ Русскихъ людей и отчасти Вычегодскихъ Зырянъ. Эти два потока, шедшіе на встрѣчу другъ другу, и встрѣтились на территоріи собственной Югры, на берегахъ сѣверной Сосвы и Ляпиной, представлявшихъ наиболѣе удобное убѣжище отъ Русскихъ (далѣе къ сѣверу

---

*) См. полную редакцію «Наказа» во II томѣ «Русс. Истор. Библіотеки».

**) Тавдинскій походъ Ермака подробно изложенъ у *Миллера* на стр. 117—122 и 169 по лѣтописи *Ремезова*, гдѣ см. статьи 49—52. Подробности о Тавдинскомъ походѣ 1583 г. приведемъ въ слѣдующей главѣ.

начинались кочевья Самоѣдовъ). Кажется, *этимъ обстоятельствомъ и нужно объяснить исчезновеніе слова „Югра" съ тѣхъ поръ, какъ этотъ древній народъ растворился въ массѣ пришедшихъ сюда съ юга и запада Вогуловъ*, къ которымъ частію присоединились и Остяки. Подобнымъ же образомъ и около того же времени на Вычегдѣ и Печорѣ постепенно исчезаютъ древнѣйшія этнографическія названія „Пермь" и „Печера" (какъ двѣ родственныя народности), замѣняясь словомъ „Зыряне" *).

Всѣ вообще Вогулы очень поздно приняли христіанство. Мы уже сказали выше, что Ляпинскіе Вогулы узнали новую вѣру только при митрополитѣ *Филоѳеѣ Лещинскомъ* въ началѣ XVIII в. **). Тотъ же знаменитый миссіонеръ, въ теченіе своего пребыванія въ Сибири крестившій до 40,000 инородцевъ, былъ главнымъ виновникомъ обращенія въ христіанство Вогуловъ, жившихъ на р. Кондѣ и въ тогдашнемъ обширномъ Верхотурскомъ, также Пелымскомъ и Туринскомъ уѣздахъ ***). На Кондѣ въ 1714—1715 г.г. жилъ тогда вогульскій князь *Сатикъ* или *Сатыга*. Позже всѣхъ, а именно въ половинѣ XVIII в., приняли христіанство Вогуличи Чердынскаго уѣзда, привлеченные къ тому стараніями игумена Чердынскаго Богословскаго монастыря Іова (Тукмачева) и управителя Михаила Финицкаго ****). Для обращенія же Верхотурскихъ Вогуличей въ вѣру Христову много потрудился архимандритъ Верхотурскаго Николаевскаго монастыря Сильвестръ.

Заканчивая историческій очеркъ отношеній Русскихъ къ сѣверо-восточнымъ Угорскимъ народамъ на протяженіи съ XI вѣка и до окончательнаго подчиненія ихъ власти Московскихъ государей, считаемъ необходимымъ остановиться на вопросѣ объ отношеніи къ Уграмъ Самоѣдовъ и Зырянъ,

---

*) См. мою «Пермс. Старину» II, 37.

**) Подробности см. у *Абрамова*, стр. 346—347.

***) *Гр. Новицкій*: «Описаніе о народѣ Остяцкомъ» вся VI и VIII главы. *Покровскій*: «Изъ исторіи просвѣщенія Верхотурс. инородцевъ» въ «Пермс. Епарх. Вѣдом.» 1868 г. №№ 41 и 42 (прекрасная статья).

****) См. статью того же г. *Покровскаго*: «Крещеніе Чердынскихъ Вогуличей» въ «Пермс. Епарх. Вѣдом.» 1868 г. № 43.

изъ которыхъ послѣдніе еще подъ древнимъ названіемъ „Перми" были несомнѣнными преемниками „Югры" по владѣнію многими землями въ бассейнахъ Сѣверной Двины и ея притоковъ, въ особенности Вычегды. На основаніи многолѣтняго изученія всей совокупности источниковъ и обширной литературы этого вопроса, мы приходимъ въ концѣ концовъ къ твердому убѣжденію, что во 1-хъ) *на сѣверо-востокѣ Европы пермско-зырянской культурѣ предшествовала угорская*; во 2-хъ) *въ этотъ періодъ* (доисторическій) *пермская культура Коми локализировалась преимущественно на верхней Камѣ*, которая и названіе свое, кажется, получила отъ этого племени; въ 3-хъ) *съ передвиженіемъ Угорскаго населенія ближе къ Уралу и потомъ за Уралъ мѣсто его жительства заняли Коми*; въ 4-хъ) *до этого передвиженія Угровъ, въ первыхъ рядахъ котораго на востокѣ стояли Остяки, поселенія Самоѣдовъ простирались гораздо далѣе къ югу*, но съ начала угорскаго движенія Самоѣды были постепенно вытѣснены далѣе къ сѣверу, а на ихъ прежнихъ мѣстахъ появились Остяки, Вогулы и затѣмъ Зыряне—Печера. Отсюда образовалось двѣ Перми—древнѣйшая или „Великая", иначе „Чусовая" на Камѣ и болѣе поздняя „Пермь"—на Вычегдѣ, а обѣ онѣ объединялись въ общемъ названіи *Пермь*, рядомъ съ которымъ явилось особнякомъ названіе *Печера*. Часть Угровъ первоначально занимала нѣкоторыя мѣста въ Перми Великой, которую вмѣстѣ съ тѣмъ огибала съ востока и юга*). Это-то племя Коми—Пермь, позднѣе Зыряне или Пермяки, сообщили названіе сосѣднему племени *Егра*, передѣланное Русскими въ Югра или Угра. Но какъ всѣхъ самыхъ древнихъ Угровъ, такъ и всю древнѣйшую Пермь еще позднѣе явившіеся Русскіе Славяне отмѣтили названіемъ *Чудь*, т. е. чуждыя племена, отъ которыхъ они застали только слѣды прежнихъ изъ жилищъ—„городищъ" и находимыя въ нихъ по сіе время разныя металлическія и каменныя вещи. По мѣстамъ жительства это общее названіе „Чудь" распалось на частныя, видовыя: „Заволоческая Чудь", „Пермская Чудь" и т. д. Первоначально все угорское племя также носило общее

*) Объ угорскомъ сосѣдствѣ на востокѣ и югѣ отъ Перми Великой уже подробно сказано нами въ I вып. «Пермской Старины».

названіе Егра, Югра и уже со временемъ оно распалось на собственно Югру, Вогуличей и Остяковъ, изъ коихъ два первые народа жили западнѣе, а послѣдній восточнѣе. (Названіе „Остякъ“ признается татарскимъ, съ XIII в. или позднѣе усвоеннымъ Русскими). Точно также первоначально общее, нераздѣльное названіе „Пермь“ со временемъ выдѣлило изъ себя видовыя Зыряне, Пермичи, Печера, по мѣсту жительства послѣднихъ, сохранивъ древнѣйшій корень лишь въ названіи „Пермяковъ“, доселѣ живущихъ въ колыбели этого племени—на Камѣ. Этнографическое же понятіе „Печера“, какъ и понятіе собственно Югры, со временемъ совсѣмъ исчезло. Св. Стефанъ засталъ на Вычегдѣ уже Пермь, которая и первоначальной лѣтописью упоминается тамъ же. Слѣдовательно, передвиженіе Угровъ къ Уралу совершилось еще въ доисторическія времена. Егрою Зыряне могли назвать первоначально только западную вѣтвь племени, т. е. собственно Югру и Вогуловъ, и уже послѣ распространили это названіе на Остяковъ, жившихъ дальше на востокѣ, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Самоѣдами, отъ которыхъ Остяки и заимствовали много словъ. Среди самихъ Зырянъ и Угровъ доселѣ сохранились преданія, что *въ XIV в. и часть Зырянъ удалились за Уралъ по слѣдамъ Угровъ, не желая измѣнять язычеству*. Достовѣрность такого преданія подтверждается всѣми источниками На основаніи сравнительнаго изученія языковъ лучшіе финнологи давно признали, что упоминаемый въ лѣтописяхъ народъ „Печера“ могъ быть не какой другой, какъ Зыряне, которые при св. Стефанѣ уже несомнѣнно жили на Печорѣ, не говоря о позднѣйшемъ времени, относительно котораго это можно доказать документально. Но какъ на той же рѣкѣ, въ ея верховьяхъ и по правымъ притокамъ, въ ближайшемъ сосѣдствѣ жили еще остатки Вогулъ, то несомнѣнно, что припечерскіе Зыряне входили съ ними въ торговыя сношенія, а многіе и оставались за Ураломъ для постояннаго жительства среди Угровъ, на коихъ оказывали извѣстное вліяніе. Подобныя же связи съ Зауральской Югрой были у печерскихъ Самоѣдовъ, поселенія которыхъ нѣкогда простирались гораздо далѣе на югъ. Позже въ этихъ сношеніяхъ приняли дѣятельное участіе и Рус-

скіе *). Еще *Миллеръ* въ 1750 г. совершенно основательно замѣтилъ: „Пермяки (т. е. жители Перміи), Вогуличи и Самоядь всегда имѣли между собою обхожденіе и знакомство; слѣдовательно новымъ Россійскимъ жителямъ въ Перміи и въ Югорской землѣ не трудно было получать чрезъ нихъ извѣстія о сосѣдственныхъ земляхъ Сибирскихъ. И понеже богатой звѣриной промыслъ и торги многихъ привлекли, то они въ провожаніи язычниковъ по малу сами чрезъ горы туда ходить отваживались“ (стр. 60). Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: „Сказываютъ, что находятся еще и понынѣ слѣды старинной зимней дороги, по которой тогда (въ XVI в.) между Березовымъ и Ляпинымъ городкомъ вдоль по впадающей ниже города въ Сосву рѣчкѣ Вогулкѣ хаживали, и Остяки оную *Зырянскою дорогою*, на своемъ языкѣ *Зырянъюшъ*, а Русскіе—*Русскимъ Тесомъ* называютъ“ (стр. 208).

Итакъ для сѣвернаго Урала, этой естественной границы Европы и Азіи, мы должны установить такую послѣдовательность племенъ. Древнѣйшими обладателями его были *Самоѣды*, потомъ *Остяки*, *Югричи и Вогулы*, а на тундрѣ—тѣ же Самоѣды, далѣе *Зыряне—Печера* и остатки Югричей, Остяковъ, Вогуловъ и Самоѣдовъ и наконецъ *Русскіе* съ остатками Самоѣдовъ и Зырянъ. Подтвержденіемъ тому служатъ современныя географическія названія на сѣверѣ Уральскаго хребта. „Хотя Уралъ и является намъ, даже далѣе истоковъ Кары, населеннымъ одними Вогулами и Остяками, писалъ знаменитый венгерскій финнологъ *Регули* нашему академику *П. И. Кеппену* въ 1847 г., однако эти два народа сдѣлались весьма недавно его обитателями. Это въ особенности можно сказать о Вогулахъ, которые стали заводить оленей около начала прошедшаго столѣтія. За нѣсколько поколѣній тотъ же Уралъ принадлежалъ исключительно Самоѣдамъ; это доказывается именами горъ на пространствѣ отъ Кары до истоковъ Южной Сосвы и до окрестностей Петро-Павлов-

---

*) Даже до сихъ поръ, по свидѣтельству послѣдняго ученаго путешественника на Печору, *Ѳ. М. Истомина*, Печера по составу населенія дѣлится на 6 районовъ: 1) Печора Пермско-Русская (верховая), 2) Сысольско-Зырянская, 3) Ижемско-Зырянская, 4) Низовая Русская (Пустозерскъ), 5) Осѣдло-Самоѣдская и 6) Кочевая Самоѣдская. См. «Труды VIII съѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей», отдѣлъ 8. СПБ. 1890 г., стр. 27.

ска. Имена всѣхъ почти горъ здѣсь—Самоѣдскія; а нѣкоторыя изъ нихъ, Вогульскія и Остякскія, суть ничто иное, какъ переводы именъ Самоѣдскихъ. Напримѣръ, Квотъ-Ньаръ, близь истоковъ Луопсіи,—переводъ Самоѣдскаго имени Пеней-пэ; Не-пуби на Щугорѣ—переводъ съ Самоѣдскаго Ньэ-Гэгэ (женскій кумиръ). Это доказываетъ, что Вогулы и Остяки ознакомились съ Ураломъ посредствомъ Самоѣдовъ. Правильность такого взгляда подтверждаютъ также встрѣчаемые въ этой странѣ малые остатки самихъ Самоѣдовъ, которыхъ по всей длинѣ Уральскаго хребта едва можно насчитать отъ 6 до 8 семействъ" *). Нѣсколько раньше въ томъ же письмѣ *Регули* говоритъ: „При проведеніи границъ народовъ не по праву владѣнія, а по дѣйствительному ихъ разселенію, должно показать и западный склонъ Урала въ числѣ мѣстъ, занимаемыхъ Вогулами и Остяками. Что касается долины Усы и страны, простирающейся отъ этой рѣки на сѣверъ и на западъ до самаго моря, то по правамъ, основаннымъ на преданіяхъ, все это пространство принадлежитъ Самоѣдамъ. Но если примемъ здѣсь въ соображеніе давность владѣнія или пользованія, то вся лѣсистая страна, лежащая въ особенности къ югу отъ р. Усы, должна быть разсматриваема какъ *достояніе Зырянъ*. Исключительную принадлежность Самоѣдовъ составляетъ одна лишь Тундра, раздѣленная между ними по числу племенъ" **). Такимъ образомъ для конца XV и начала XVI в. нужно признать справедливымъ показаніе *Герберштейна*, что Самоѣды жили тогда между Печерой и Ураломъ на всемъ пространствѣ отъ Щугора до Океана и на сосѣднихъ островахъ ***).

Гораздо большая часть Самоѣдовъ всегда жила и живетъ за Ураломъ, какъ мы видѣли уже выше изъ „Книги Большему Чертежу", грамоты Березовскому воеводѣ кн. Черкасскому отъ 21 октября 1607 г. и другихъ источниковъ****).

*) Изъ письма *Регули* къ П. И. Кеппену отъ 21 января 1847 г., напечатаннаго въ русскомъ переводѣ въ «Запискахъ Русск. Географ. Общ.» книга III. СПВ. 1849 г., стр. 164.

**) Тамъ же, стр. 163.

***) «Записки о Московіи», перев. Анонимова. СПБ. 1866 г., стр. 123.

****) О древнихъ Зауральскихъ Самоѣдахъ много полезныхъ свѣдѣній можно найти въ изслѣдованіи проф. *Д. Н. Анучина*: «Къ исторіи ознакомленія съ Сибирью до Ермака» въ «Древностяхъ Москов. Археолог. Общ.» томъ XIV. М. 1890 г.

Зырянъ за Ураломъ всегда было меньше, но это меньшинство, обладая высшимъ культурнымъ развитіемъ, оказывало замѣтное вліяніе на Остяковъ, особенно Обдорскихъ, которое сказывается присутствіемъ многихъ зырянскихъ словъ въ Обдорскомъ нарѣчіи Остяковъ. Нѣтъ сомнѣнія, что они вліяли въ извѣстной степени и на религіозное міровоззрѣніе своихъ азіатскихъ сосѣдей; но не слѣдуетъ все-таки чрезмѣрно преувеличивать значеніе этого вліянія, а равно и всю роль самихъ Остяковъ въ вопросѣ о древней Югрѣ, какъ дѣлаетъ это *фонъ-Бушенъ* въ своемъ „Опытѣ изслѣдованія о древней Югрѣ" *). Взглядъ *Регули* въ этомъ отношеніи гораздо болѣе правильный; онъ постоянно имѣетъ въ виду, что Зыряне сравнительно *позднѣйшіе* насельники въ Сибири **). Съ осторожностью опытнаго и талантливаго изслѣдователя онъ каждому племени и каждой народности отводитъ то значеніе, какое *дѣйствительно* принадлежало ему въ свое время, а теперь должно принадлежать исторіи.

III.

Первоначальныя отношенія Русскихъ къ Сибири и постепенное утвержденіе въ ней русской власти.

Отъ Угорскаго Урала перейдемъ теперь собственно къ Сибири, какъ она понималась въ Московскій періодъ нашей исторіи. Прежде чѣмъ говорить о первомъ знакомствѣ съ нею Русскихъ, необходимо указать начало тамошнихъ монгольскихъ и тюркскихъ поселеній.

Въ глубокой древности угорскія поселенія, безъ сомнѣнія, простирались на югъ нынѣшней Сибири дальше, нежели гдѣ застаетъ ихъ исторія, но постепенно были оттѣсняемы на негостепріимный сѣверо-западъ Азіи народами монголо-татарской расы. Первое водвореніе ихъ на бывшихъ угорскихъ земляхъ связано съ исторіей завоеваній знаменитаго

*) Въ «Вѣстникѣ Импер. Русс. Геогр. Общ.» кн. IV, СПБ. 1855 г.

**) Онъ много говоритъ о торговлѣ Зырянъ въ Сибири въ томъ же письмѣ 1847 г.; см. стр. 168—170.

Темуджина, прозваннаго *Чингизъ-ханомъ*, т. е. великимъ ханомъ, и его преемниковъ—*Чингизидовъ*. Припомнимъ, что основатель этой династіи Чингизъ-ханъ, жившій между 1160—1227 г.г., имѣлъ четырехъ сыновей, чрезъ старшаго изъ коихъ, именемъ *Джучи*, родъ Темуджина продолжался потомъ нѣсколько столѣтій. Умершій раньше отца Джучи († около 1226 г.) оставилъ въ свою очередь сыновей Батыя, Беркая (или Берке) и *Шибана*. Та линія династіи Чингизидовъ, которая пошла отъ Джучи, получила особое, частное наименованіе *Джучидовъ*, а потомство Шибана стало называться въ свою очередь *Шейбанидами*. Ханъ Батый, столь памятный намъ по разгрому Руси, послѣдовавшему въ 1237—1240 годахъ, какъ извѣстно, утвердился въ южной части Россіи, основавъ въ бывшихъ дотолѣ владѣніяхъ турецкаго народа Кипчаковъ или Кумановъ (Половцевъ нашихъ лѣтописей) „Золотую“ или „Кипчакскую“ орду, подъ гегемоніей жившаго въ средней Азіи великаго хана Огодая, третьяго сына Темуджина. Эта орда по первому завоевателю Кипчака получила еще названіе „улуса Джучіева“. Батый царствовалъ здѣсь до самой смерти, постигшей его въ 1253 г., передавъ престолъ своему брату Берке. Послѣдній около 1261 г. ввелъ въ улусѣ магометанство вмѣсто прежняго идолопоклонства. Но онъ правилъ недолго (умеръ въ 1266 г. въ Грузіи). Склонность къ раздорамъ еще при его жизни обнаружилась среди Чингизидовъ и имѣла послѣдствіемъ отпаденіе западной части улуса между Дономъ и Днѣпромъ отъ зависимости Кипчакскихъ хановъ и образованіе въ тѣхъ мѣстахъ особой „Ногайской“ орды, получившей имя отъ своего основателя, Золотоордынскаго царевича *Ногая* (во второй половинѣ XIII вѣка).

Одновременно съ образованіемъ улуса Джучіева на западѣ, возникаетъ улусъ *Шибанскій* на востокѣ, въ предѣлахъ Туркестана и, кажется, Бухаріи и Хивы. Здѣсь воцарилась младшая вѣтвь рода Джучидовъ въ лицѣ младшаго сына Джучи, *Шейбана*, также подъ гегемоніей великихъ хановъ общей династіи Чингизидовъ. Послѣ Огодая († 1241 г.) великими ханами были: сынъ его Гаюкъ († 1247 г.) и два племянника, сыновья его брата Тулуя,—Менгу († 1257 г.) и Кубилай. И Шибанская орда еще при ея основателѣ

Шейбани-ханѣ приняла магометанство, но и она не избѣжала внутреннихъ раздоровъ, изъ за которыхъ такъ рано началось распаденіе родственной ей Кипчакской орды Джучидовъ. Уже въ XIV вѣкѣ часть подданныхъ Шейбанидовъ покидаетъ берега Аму-Дарьи, удаляется на сѣверъ и утверждается на рѣкѣ Ишимѣ, притокѣ Иртыша. Это было дѣломъ нѣкоего *Она* или *Онсома*, который будто-бы состоялъ въ родствѣ съ ханами Ногайскими, почему впослѣдствіи *Сибирскіе Татары также стали называться Ногайскими*. Есть извѣстіе, что этотъ ханъ подчинилъ себѣ часть Вогуловъ и Остяковъ, жившихъ по Турѣ, Тоболу и нижнему Иртышу *). Дѣло его продолжалъ сынъ *Тайбуга*, переселившійся съ Ишима на р. Туру и основавшій тамъ свою столицу Чинги-Тура (впослѣдствіи Тюмень) **). Относительно этой рѣки Миллеръ справедливо замѣчаетъ: „Татаре имя рѣки Туры выговариваютъ Туре, а Вогуличи, которые чаятельно еще до Татаръ въ сихъ мѣстахъ жили, оную рѣку Тере или Тере-я называютъ, такъ что Татарское званіе можетъ быть взято отъ Вогуличей“ ***).

Такимъ образомъ „въ маломъ видѣ тутъ повторилось то же, что было въ великой Волжской ордѣ, отъ которой отдѣлилась Ногайская, съ потомствомъ *Эдигея* во главѣ. Но такъ же, какъ въ Ногайской ордѣ, преемники Тайбуги назывались не царями или *ханами*, а только князьями, т. е. *беками*; ибо и тутъ право на высшій титулъ принадлежало только потомству Чингизову, т. е. Шейбанидамъ“ ****). Отсюда слѣдуетъ, что Онъ и его сынъ Тайбуга не были людьми Чингизидовой крови, и извѣстіе о ихъ Ногайскомъ происхожденіи является весьма вѣроятнымъ, если особенно имѣть въ виду, что источники XVI вѣка весьма часто называютъ Татаръ Сибири *Ногайцами*. Въ возможности дѣйстви-

---

*) *Миллеръ*: «Описаніе Сибирс. Царства» 1750 г., стр. 37—38.

**) По другому же извѣстію, Тайбуга былъ родомъ Киргизъ-Кайсакъ, сынъ Мамыкъ-хана. Тамъ же, стр. 41.

***) Тамъ же, стр. 45.

****) *Д. И. Иловайскій:* «Исторія Россіи». Томъ III: Московско-царскій періодъ—первая половина или XVI вѣкъ. Москва. 1890 г., стр. 386—387. Въ примѣчаніяхъ 68—73 указана обширная литература по вопросу о завоеваніи Сибири. Въ I томѣ того же труда, въ части 2-й: Владимірскій періодъ. Москва. 1880 г., въ примѣч. 48, 53 и 54 указаны источники и пособія по вопросу о Монголо-Татарахъ.

тельныхъ сношеній Сибирскихъ Татаръ съ Ногайскими нѣтъ основаній сомнѣваться, какъ сейчасъ увидимъ.

Примѣръ Онсома и Тайбуги оказался заманчивымъ при томъ просторѣ, какой представляла Сибирь для подобныхъ полудикихъ хищниковъ. По примѣру ихъ, одинъ изъ Шейбанидовъ, *Ивакъ*, главный ханъ Шибанской орды, уже владѣвшій въ средней Азіи Туркестаномъ, утвердился на той же рѣкѣ Ишимѣ, притокѣ Иртыша, а отчасти на этомъ послѣднемъ, принудивъ болѣе раннихъ насельниковъ тѣхъ мѣстъ Тайбугина рода ограничиться р. Турой. Мало того, властолюбивый Ивакъ, Шибанскій ханъ, скоро изгналъ ихъ и съ береговъ Туры, заставивъ нѣкоторое время скитаться гдѣ-то на Оби или верхнемъ Иртышѣ. Онъ самъ засѣлъ въ городѣ Чинги-Турѣ, переименованномъ Русскими въ Тюмень, и отсюда вошелъ въ непосредственныя сношенія съ ханами Ногайской орды. Онъ женился на какой-то Ногайской царевнѣ, братьевъ которой звали Муса-Мырза и Ямгурчей-Мырза *), и съ помощью Ногайской орды задумалъ погубить послѣдняго хана Золотой орды, извѣстнаго противника Іоанна III, Ахмата, что ему и удалось въ 1481 г. Убивъ Ахмата, „*Шибаны съ Ногаи начаша Ахматову орду грабити* межъ Дономъ и Волгою, на Донцу на Маломъ близъ Азова; и стоялъ царь Ивакъ 5 дней на Ахматовѣ ордѣ и пойде прочь; *а Ордобазаръ съ собою поведе въ Тюмень*, не грабя, а добра и скота и полона Литовскаго безчисленно поймалъ и за Волгу перевелъ. Тогожъ лѣта царь *Ивакъ послалъ Чюмгура князя къ Великому Князю Ивану Васильевичу* и къ сыну его съ радостію, что супостата твоего есми убилъ царя Ахмата; и Вел. Кн. посла Ивакова чествовалъ и дарилъ“..... Этотъ же Чюмгуръ былъ въ Москвѣ еще два раза—въ 1489 и 1494 г.г. **). Эти посольства были однако не болѣе, какъ знаками любезности между двумя *сосѣдними* владѣтелями.

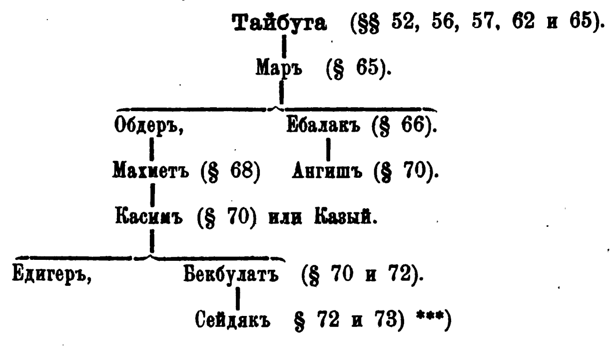
Вѣроломный и честолюбивый Ивакъ самъ однако имѣлъ участь несчастнаго Ахмата, павшаго отъ его руки. Обиженный имъ Тайбугинъ потомокъ Махметъ, также родственный

*) *Н. М. Карамзинъ:* «Исторія», т. VI, примѣч. 240.

**) *Карамзинъ* (VI, примѣч. 240) разсказываетъ это на основаніи *Архангельскаго* лѣтописца и *Ногайскихъ дѣлъ*, начинающихся съ 1489 года.

Ногаямъ, собрался съ силами, напалъ на Ивака и убилъ его въ собственной землѣ *). Послѣ того сынъ Ивака, *Кулукъ-Салтанъ*, пытался утвердиться въ сосѣдней Перми Великой, но безуспѣшно, такъ какъ эта страна съ 1472 г. уже была въ рукахъ Москвы. Лѣтопись подъ 1505 годомъ говоритъ: „Въ понедѣльникъ на страстной *рать пришла безъ вѣсти изъ Тюмени на Великую Пермь, Кулукъ-Салтанъ, Ивака царевъ сынъ*, да съ братьею и съ дѣтьми, города (Чердыни) не взяли, а землю Нижнюю извоевали, въ Усольѣ на Камѣ (т. е. въ Соликамскѣ) Русаковъ вывели и высѣкли; и князь Василей Коверъ (первый государевъ намѣстникъ въ Перми Великой) на полѣ водѣ (т. е. на полой водѣ) въ погоню послалъ Русаковъ въ судѣхъ, и догнали ихъ въ Сылвѣ на перевозѣ заднюю заставу, да и побили“ **). Этой неудачной попыткой сдѣлаться независимыми владѣтелями на Уралѣ не кончились, какъ ниже увидимъ, предпріятія потомковъ Ивака, одно время столь сильнаго и предпріимчиваго дѣятеля въ родѣ Шейбанидовъ. На берегахъ же Туры и далѣе къ востоку снова стали править князья или беки изъ рода Тайбуги. *Миллеръ* въ первой части своего „Описанія Сибирскаго Царства“ указываетъ слѣдующую ихъ родословную:

*) *Иловайскій*: «Исторія Россіи», томъ III, стр. 386 и 657.

**) См. дополнительныя выписки изъ лѣтописей въ концѣ VI-го тома «Исторіи» *Карамзина* (послѣдняя выписка въ примѣчаніяхъ). Сравнить мою «Пермскую Старину» вып. I, стр. 184 и 163. Изъ тѣхъ же выписокъ видно, что въ 1504 г. городъ Чердынь сгорѣлъ, «и князь Матѳей Михайловичъ Великопермскій поставилъ городъ на Почкѣ (т. е. Покчѣ) новой». Послѣ этого не совсѣмъ понятно, какъ пощадилъ его Кулукъ-Салтанъ, разорившій Нижній станъ Чердынскаго уѣзда.

***) *Карамзинъ* (т. IX, стр. 373) приводитъ ту же родословную; только сыномъ Тайбуги считаетъ Ходжу, а внукомъ—Мара.

Въ общемъ эта родословная Тайбугиныхъ потомковъ согласуется болѣе или менѣе съ позднѣйшими выводами оріенталистовъ. *Миллеръ*, строго критически установляя преемственность ихъ владѣнія на берегахъ Туры, Тобола, Ишима и Иртыша какъ по русскимъ, такъ по татарскимъ и другимъ источникамъ восточнаго происхожденія, указываетъ еще на двухъ отдѣльныхъ правителей на берегахъ Иртыша—*Сенбахту*, сына Махмета, и *Саускана*, „котораго сродство и наслѣдіе не описаны" (см. § 70). Но эти два послѣдніе бека были второстепенными владѣтелями. Главное же татарское княжество со времени Махмета, убившаго Ивака, утвердилось на р. Иртышѣ при впаденіи въ него р. Тобола. Столица этого княжества *Сибирь* или *Искеръ* находилась на правомъ берегу Иртыша, на высокомъ мысу, въ 16 верстахъ выше нынѣшняго Тобольска *). Этотъ древній городъ упоминается уже на картѣ *Пицигани* 1367 г. (см. „Пермс. Стар." II, 3). Въ началѣ XVI в. это княжество имѣло довольно обширные размѣры, простиралось отъ Иртыша по Тоболу и нижней Тавдѣ до р. Туры, гдѣ, какъ мы видѣли, еще едва-ли не раньше возникъ городъ Чинги-Тура. Выше этого города въ томъ же вѣкѣ находился г. *Епанча*, впослѣдствіи переименованный Русскими въ Туринскъ. Къ сѣверу отъ этого „Сибирскаго" княжества лежала область Угровъ—Вогуловъ и Остяковъ, а какъ далеко простирались его границы къ югу—опредѣленно сказать нельзя.

Махметъ и сынъ его *Касимъ* или *Казый*, преемники убитаго Ивака по владѣнію указанными землями, въ отношеніи Москвы держались однако его политики: они поддерживали дружественныя связи съ Московскими государями, зная ихъ силу и отношенія къ Угорскимъ князьямъ, жившимъ

---

*) По *Миллеру*, основателемъ Искера и былъ Махметъ, но это не вѣрно. Въ 1750 г. еще видны были остатки этого города. «Опис. Спб. Ц.», стр. 42—43. Считаемъ нужнымъ указать здѣсь на спеціальную «Замѣтку о происхожденіи слова *Сибирь*» *В. М. Флоринскаго* въ «Извѣстіяхъ Импер. Томскаго университета» кн. 1-я. Томскъ. 1889 г., отдѣлъ II, стр. 1—14. Авторъ ея вдается однако въ слишкомъ смѣлыя предположенія. *Искеръ* по татарски значитъ *старое городище*. Предположеніе *П. А. Словцова*, будто Сибирскій юртъ Едигера находился между рѣкъ Исети и Міаса, при озерахъ Иртяшѣ и двухъ Наннягахъ, мы разсмотримъ дальше. См. его «Историч. обозрѣніе Сибири». СПБ. 1886 г., часть I, стр. XV—XVI.

къ сѣверу отъ ихъ татарскаго княжества. Это видно изъ грамоты царя Ѳеодора Іоанновича Кучуму 1597 г., въ которой говорится, что отецъ Едигера Казый и дѣдъ Махметъ платили дань вел. князю Московскому Василію III-му Ивановичу *). Тѣмъ болѣе долженъ былъ поддерживать добрыя отношенія съ Москвою сынъ Казыя, *Едигеръ*, при которомъ Шейбаниды снова заявили свои права на Сибирское княжество потомковъ Тайбуги.

При Едигерѣ вновь появляется въ фамиліи Шейбанидовъ могущественный ханъ. Это былъ извѣстный *Кучумъ, сынъ Муртазы, внукъ умерщвленнаго Махметомъ Ибака.* Опасаясь его могущества и вражды къ роду Тайбуги, Едигеръ, какъ представитель этого рода, долженъ былъ волею-неволею искать покровительства въ сильномъ Московскомъ царѣ. И вотъ въ 1555 г. пришли къ Іоанну послы отъ Сибирскаго князя Едигера и отъ всей земли Сибирской, поздравили царя со взятіемъ царствъ Казанскаго и Астраханскаго и били челомъ, чтобы и Сибирскую землю онъ взялъ подъ свою защиту и дань свою наложилъ и прислалъ бы въ Сибирь для ея сбора человѣка. Іоаннъ пожаловалъ челобитчиковъ, взялъ подъ свою руку князя Едигера и его Сибирскую землю, наложилъ на нее дань по тысячѣ соболей въ годъ и отправилъ въ Сибирь посла своего Дмитрія Непейцына, которому велѣлъ привести къ присягѣ жителей Сибирской земли и переписать „черныхъ“ ея людей. По донесенію посланныхъ, таковыхъ людей оказалось 30,700 человѣкъ **). Такъ совершилось первое добровольное подчиненіе Тайбугиной династіи власти Московскихъ государей. Въ сохранившихся свидѣтельствахъ Едигеръ дѣйствительно представляется такимъ же данникомъ Москвы, какъ напр. Югорскіе князья Певгѣй и Лугуй или извѣстный Игичей Алачеевъ, князь Коды. Для Едигера Іоаннъ IV уже считалъ дань *обязательною*, почему

*) «Собраніе государств. грамотъ и договоровъ», т. II, М. 1819 г., стр. 132, № 68. «А послѣ дѣда твоего Ибака-царя, сказано здѣсь, были на Сибирскомъ государствѣ князи Тайбугина роду, *Махметъ-Кунь, а послѣ Казый князь, а послѣ Казыя Едигеръ князь, и тѣ всѣ князи дѣду нашему.... госуд. царю и вел. кн. Василію Ивановичу съ Сибирскія земли дань давали*».

**) *Соловьевъ:* «Исторія Россіи», т. VI, 410; *Иловайскій*: «Исторія Россіи», т. III, 387.

нѣтъ ничего удивительнаго, если этотъ государь въ грамотѣ Польскому Королю Сигизмунду отъ 20 іюля 1563 г. назвалъ себя: „.... и Удорскій, Кондинскій *и всея Сибири*". (Миллеръ, стр. 70). Въ „Степенныхъ книгахъ" того времени и въ лѣтописяхъ, коими пользовался *Миллеръ*, сохранились подробныя свѣдѣнія о дальнѣйшихъ отношеніяхъ Едигера къ Іоанну IV. Изъ нихъ видно, что въ 1556 г. въ ноябрѣ мѣсяцѣ въ Москву возвратился изъ Сибири посолъ Іоанновъ Дмитрій Куровъ и съ нимъ пріѣхалъ отъ Едигера посолъ Боянда съ данью 700 соболей и съ грамотою отъ Едигера, въ которой Сибирскій князь извѣщалъ Московскаго царя, что за приходомъ на него, Едигера, Шибанскаго царевича и причиненнымъ отъ него разореніемъ, онъ, Сибирскій князь, не можетъ прислать дани больше. Русскій же посолъ Куровъ увѣрялъ, что „имъ было возможно сполна дань прислать, да не похотѣлъ" Едигеръ. „И Царь и В. Князь на Сибирскаго посла опалу положилъ, ... а въ Сибирь послалъ служиваго Татарина съ грамотою, чтобъ ся во всемъ предъ нимъ, Государемъ, *исправили*" *). Дальнѣйшій образъ дѣйствій Іоанна по отношенію къ Едигеру становится все болѣе властнымъ. Въ сентябрѣ 1557 г. посланные Татары возвратились въ Москву **). Одна лѣтопись въ библіотекѣ Академіи Наукъ (№ 11) повѣствуетъ объ этомъ такъ: „пріѣхали изъ Сибири царя и вел. князя служивые Татаровя Девлетъ Козя да Сабаня Рязановъ, а съ ними Едигеря, князя Сибирскаго, посланники Истемиръ съ товарыщи и привезли дань Сибирскія земли сполна тысячу соболей, да дорожной пошлины сто соболей, да 69 соболей за бѣлку, *да грамоту шертную привезли со княжіею* (т. е. Едигеровой) *печатью, что ся учинилъ князь въ холопствѣ, а дань на всю свою землю положилъ впредь ежегодъ безпереводно* царю и вел. князю со всей Сибирской земли давать. И царь и в. князь посла его Боянду выпустилъ,.... а съ нимъ *послалъ служивыхъ Татаръ по дань въ передней годъ*" ***). Ясно, что данническія отношенія теперь приняли уже *обязательный* характеръ, какой едва-ли

---

*) Изъ лѣтописца игумена Сильвестра Никольскаго. Въ «Степенныхъ книгахъ» тоже событіе изложено не такъ подробно. Выдержки см. у *Миллера*, стр. 73.

**) *Соловьевъ*: «Исторія Россіи», томъ VI, стр. 410.

***) *Миллеръ*: «Описаніе Сиб. Цар.», стр. 73.

былъ желателенъ всѣмъ подданнымъ Едигера, да кажется и самому ему.

По этому поводу справедливо говоритъ *С. М. Соловьевъ*: „Такая зависимость Сибирскаго юрта отъ Москвы была не прочна: Едигеръ поддался съ цѣлію имѣть помощь отъ Русскаго царя противъ своихъ недруговъ, или по крайней мѣрѣ сдерживать ихъ страхомъ предъ могущественнымъ покровителемъ своимъ; но помощь трудно было получить ему по самому отдаленію его владѣній отъ областей Московскихъ, и таже отдаленность отнимала страхъ у враговъ его, которые надѣялись безнаказанно овладѣть Сибирскимъ юртомъ и потомъ, въ случаѣ нужды, умилостивить Московскаго царя обязательствомъ платить ему такую же дань, какую платилъ прежній князь.... Дѣйствительно, мы видимъ въ Сибири перемѣны: князья изгоняютъ, губятъ другъ друга (Мехметъ-Ивака, внукъ послѣдняго Кучумъ—внуковъ Мехметовыхъ Едигера и Бекбулата и т. д.). *Москва, не принимая никакого участія въ этихъ перемѣнахъ, требуетъ одного—дани*" *). Отсюда самъ собою являлся вопросъ: въ чемъ же состояло покровительство Москвы, столь дорого оплачиваемое Сибирскими владѣтелями? Да и не въ одной Сибири было такъ; то же было въ Башкиріи къ западу отъ Урала. Доказательствомъ служитъ Черемисскій бунтъ на Камѣ 1572 г. **). Вотъ почему подданство Едигера Іоанну считается только номинальнымъ. До полнаго покоренія Сибири было еще далеко. За это время и отношенія многихъ Угорскихъ князей къ Москвѣ отличались не большею прочностію.

Теперь посмотримъ, что дѣлалось за то же время во враждебномъ Едигеру лагерѣ *Кучума*. Мы сказали, что по происхожденію *онъ былъ Шейбанидъ, сынъ Муртазы, внукъ извѣстнаго Ибака*, почему въ источникахъ и называется „*Шибанскимъ* царевичемъ", а потомъ и „царемъ". Какъ представитель династіи Чингизидовъ, онъ и называется во всѣхъ источникахъ *царемъ*—ханомъ или султаномъ, тогда

*) «Исторія Россіи», VI, 410—411.

**) О немъ см. грамоту Строгановымъ, приведенную у *Миллера* на стр. 85—86. Грамота дана 6 августа 1572 г.

какъ Едигеръ и его предки Тайбугиной династіи вездѣ именуются только *князьями*—беками. Лучше всего генеалогія этихъ двухъ враждебныхъ другъ другу династій разработана въ прекрасномъ трудѣ нашего оріенталиста *Вл. Вл. Вельяминова-Зернова*: „Изслѣдованіе о Касимовскихъ царяхъ и царевичахъ“ (СПБ. 1864 г.) *), къ которому и отсылаемъ читателя за подробностями. Мы же остановимся на политическихъ отношеніяхъ Кучума къ Едигеру и затѣмъ къ Іоанну IV.

Кучумъ жестоко отмстилъ Едигеру за смерть своего дѣда Ивака, павшаго отъ руки Махмета. Внуки разсчитались за честь своихъ дѣдовъ. Отъ Москвы Едигеръ не получилъ никакой помощи и около 1563 г. вмѣстѣ съ роднымъ братомъ Бекбулатомъ трагически погибъ отъ руки безпощаднаго врага. Въ Искерѣ, на высокомъ берегу Иртыша, взвилось знамя Шейбанидовъ. Только сынъ Бекбулата, *Сейдякъ*, спасся отъ смерти, да нѣкоторые подручные Едигеру мурзы крѣпко засѣли въ своихъ городахъ, рѣшившись защищаться до послѣдней возможности. Одинъ изъ нихъ укрѣпился въ Тюмени (Чинги-Турѣ), другой въ Туринскѣ (Епанчѣ) Они сохранили свою независимость даже при Кучумѣ. Разные вогульскіе и остяцкіе князья въ первое время также оказали сопротивленіе Кучуму. Таковы особенно были князья Пелымскіе. Но силы Кучума, подкрѣпленныя Киргизъ-Кайсаками или Ногаями, сломили упорство отдѣльныхъ противниковъ, не связанныхъ болѣе единствомъ власти и не поддержанныхъ своевременно Москвой. Въ началѣ 1570-хъ годовъ Кучумъ уже прочно утвердился въ Сибири и ввелъ среди Татаръ магометанскую вѣру, которая скоро сплотила ихъ въ одинъ политическій союзъ, одушевленный фанатизмомъ. Въ этомъ объединеніи Сибирскихъ Татаръ ему много содѣйствовалъ родственникъ *Магметкулъ* **).

---

*) Особенно см. II-й томъ, стр. 386—399—объ отношеніяхъ Тайбуги къ Шейбанидамъ, 238—240—объ Ибакѣ, 394—о Муртазѣ и мн. др. Нѣкоторые изслѣдователи (напр. *Миллеръ*, стр. 50) едва-ли правильно считаютъ Кучума Киргизъ-Кайсакомъ.

**) По однимъ извѣстіямъ, это былъ братъ Кучума, по другимъ—сынъ, по третьимъ—племянникъ. Послѣднее считается наиболѣе вѣроятнымъ. См. *Иловайскаго*: «Исторія Россіи», т. III, стр. 658; у *Карамзина* см. примѣч. 660 къ IX тому.

Въ отношеніи же къ Москвѣ Кучумъ въ первое время держался политики своихъ предшественниковъ Тайбугина рода, а также своихъ дѣда Ивакъ-хана и отца Муртазы. Съ Москвою онъ жилъ сначала мирно именно по примѣру своего дѣда и отца. Въ первой своей грамотѣ къ Іоанну отъ 1570 г. Кучумъ писалъ между прочимъ: „Съ нашимъ отцомъ (Муртазою) твой отецъ (Василій III) гораздо помирился, и гости на обѣ стороны ходили.... *Съ кѣмъ отецъ чей былъ въ недружбѣ, съ тѣмъ и сыну его въ недружбѣ жъ быти пригоже*“ *). Объ отношеніи его дѣда Ивака, убійцы хана Ахмата, къ Іоанну III мы уже сказали выше: ихъ отношенія также были дружественныя. Однако воинственныя наклонности Кучума сказываются въ другихъ словахъ той же грамоты. „А по ся мѣста грамоты къ тебѣ не присылалъ есми потому, что не съ которымъ (т. е. съ нѣкоторымъ человѣкомъ) намъ война была, и мы того недруга своего взяли; и нынѣ похошъ миру—и мы помиримся, *а похошъ воеватися—и мы воюемся*“. Такой ханъ лишь до поры-до времени могъ терпѣть обычное требованіе московской дани: онъ былъ слишкомъ самолюбивъ для этого. Тѣмъ не менѣе о миролюбивыхъ сначала намѣреніяхъ новаго Сибирскаго хана говорятъ и рѣчи Пермскаго намѣстника Никиты Ивановича *Ромодановскаго*, воротившагося изъ Перми въ мартѣ 1570 г. Онъ свидѣтельствовалъ, что нѣкто Ивашка Поздѣевъ, взятый въ плѣнъ на Чусовой сибирскими людьми, воротился отъ Сибирскаго царя съ извѣстіемъ, что царь этотъ собираетъ дань для государя Московскаго, къ которому хочетъ послать ее, но что этому пока препятствуетъ война его съ нѣкоторымъ казацкимъ (т. е. киргизъ-кайсацкимъ) ханомъ **). „Теперь собираю дань, говорилъ будто-бы Кучумъ русскому человѣку,—къ господарю вашему пословъ отправлю; теперь у меня война съ Казацкимъ царемъ (т. е. Киргизъ-Кайсацкимъ); одолѣетъ меня царь Казацкій, сядетъ на Сибири, но и онъ господарю дань станетъ же давать“ ***). Дѣйствительно, въ 1571 г. отъ Кучума явились въ Москву посолъ Таймосъ и гонецъ Аиса,

*) «Собраніе государств. грамотъ и договоровъ», II, стр. 52, № 42.

**) «Акты Историческіе», томъ I, № 179.

***) Тамъ же и у *Соловьева* въ «Исторіи Россіи» VI, 411.

которые привезли полную дань, согласно прежнихъ условій, заключенныхъ Москвою еще съ Едигеромъ, т. е. тысячу соболей. Отъ имени Сибирскаго царя они снова договариваются о ежегодной дани Московскому царю по 1000 соболей и по стольку же бѣловъ *).

Но дружба Кучума съ Іоанномъ оказалась не продолжительна и объясняется главнымъ образомъ войнами его съ прежними Сибирскими владѣтелями и какимъ-то киргизъ-кайсацкимъ ханомъ. Какъ только эти войны кончились въ пользу Кучума, онъ сбросилъ съ себя маску и, вопреки заключеннаго съ Москвою договора, самъ сталъ дѣйствовать вызывающимъ на войну образомъ. Уже съ слѣдующаго 1572 г. онъ начинаетъ безпокоить сосѣднюю Московскую область— Пермь Великую, въ юго-восточномъ углу которой лежали вотчины Строгановыхъ, а по сосѣдству съ ними, къ югу отъ Чусовой, по верховьямъ этой рѣки и въ бассейнѣ ея притока Сылвы, жило много Башкиръ, Татаръ, Остяковъ и Вогуловъ. Послѣдніе ограничивали Пермь Великую съ востока и юго-востока въ ближайшемъ сосѣдствѣ Уральскихъ горъ. Все это были сподручные для Кучума элементы населенія, питавшіе непріязнь къ московской власти и слѣдовательно склонные къ измѣнѣ при всякомъ удобномъ случаѣ. Ими-то и воспользовался Кучумъ для своей интриги противъ Москвы. Едва-ли не безъ его участія въ 1572 г. вспыхнулъ извѣстный Черемисскій бунтъ. По крайней мѣрѣ его можно считать подстрекателемъ Черемисъ, владѣнія коихъ были на Чусовой и Камѣ. Въ одной грамотѣ Строгановымъ отъ 1574 г. мая 30 мы читаемъ: „*а къ нашимъ де измѣнникомъ, къ Черемисѣ*, какъ намъ была Черемиса измѣнила, *посылалъ Сибирской чрезъ Тахчей* и перевелъ Тахчей къ себѣ“. (Миллеръ, стр. 87). Далѣе мы увидимъ, что вогульская область Тахчей лежала на верхней Тавдѣ, на старой Сибирской дорогѣ изъ за Урала на р. Каму. Потому въ сообщеніи грамоты нѣтъ ничего невѣроятнаго, такъ какъ Черемисы взбунтовались на Камѣ, у Кучума отношенія съ Москвой тогда еще не были прерваны и посылать своихъ людей чрезъ Тахчеи онъ имѣлъ

*) «Собраніе государств. грам. и договоровъ», II, № 45. Съ хронологическими соображеніями *П. А. Словцова* едва-ли можно согласиться. См. «Историч. обозрѣніе Сибири». СПБ. 1886 г., стр. XVI.

возможность. Другой дороги въ р. Камѣ онъ и не зналъ, судя по тому, что въ 1573 г. Магметкулъ приходилъ на Чусовую, „собрався съ ратью *дорогъ провѣдывати, куды итти ратью въ Пермь*“ (см. въ той же грамотѣ 1574 г. у Миллера).

Черемисскій бунтъ на Камѣ прежде всего угрожалъ Строгановымъ, вотчины которыхъ лежали по берегамъ этой рѣки и могли подвергнуться разоренію. Поэтому въ іюлѣ 1572 г. тогдашній Великопермскій воевода князь Иванъ Юрьевичъ Булгаковъ послалъ въ Москву съ своимъ человѣкомъ Иваномъ Борисовымъ челобитную, въ которой доносилъ царю „о вѣстяхъ про Черемисской приходъ на торговыхъ людей суды на Камѣ“ и о томъ, что отъ 15 іюля онъ получилъ письмо съ устья Камы отъ Строгановскаго человѣка Третьячка, въ которомъ говорилось: „приходили де измѣнники Черемиса на Каму 40 человѣкъ, да съ ними де Остяки и Башкирцы и Буинцы войною, и побили де на Камѣ Пермичь торговыхъ людей и ватащиковъ 87 человѣкъ“ *). Въ виду важности донесенія воеводы Булгакова, царь немедленно отправилъ въ Пермь, въ Орелъ-городокъ („въ слободку на Каму“), грамоту отъ 6 августа 1572 г. на имя Якова и Григорія Аникіевичей Строгановыхъ, въ которой повелѣвалъ имъ: „жить съ великимъ береженьемъ, *выбравъ у себя голову добра, да съ нимъ охочихъ казаковъ*, сколько приберется, со всякимъ оружьемъ, съ ручницами и съ сайдаки; да и Остяковъ и Вогуличь, которые намъ прямятъ, *съ охочими казаки, которые отъ насъ не отложились*, велѣли прибрать.... А какъ голову выберете, да *и охочихъ людей стрѣльцовъ и казаковъ велѣли написати въ списокъ*; а сколько Остяковъ и Вогуличь охочихъ людей сберется, и вы бъ то велѣли жъ писати на списокъ же, *по имяномъ написать*... да оставя у себя противенъ, а съ того имянного списка списавъ, прислать за своею рукою и печатью, съ кѣмъ будетъ пригоже, къ намъ на Москву въ приказъ Казанскаго

---

*) Изъ грамоты Строгановымъ отъ 6 августа 1572 г., напечатанной у *Миллера* въ «Опис. Сиб. Цар.» 1750 г., стр. 85. Въ *Строгановской* лѣтописи допущена путаница фактовъ: тамъ сказано, что 15 іюля 1572 г. Черемисы будто бы были уже въ Перми, гдѣ около Канкора и Кергедана побили Русскихъ 87 человѣкъ. Въ дѣйствительности этого не было.

дворца, къ дьякомъ нашимъ Андрею Щелкалову да къ Кирею Горину, *чтобъ намъ про тотъ ихъ сборъ было вѣдомо*". Всѣ подчеркнутыя слова грамоты очень важно имѣть въ виду при дальнѣйшихъ нашихъ объясненіяхъ событій. Далѣе царь писалъ Строгановымъ: „Да тѣ бы есте головы съ охочими людьми съ стрѣльцы, и съ казаки, и съ Остяки, и съ Вогуличи посылали войною ходить и воевать нашихъ измѣнниковъ—*на Черемису и Остяковъ, и на Вотяковъ, и на Нагай, которые намъ измѣнили*, отъ насъ отложились". Вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлается предупрежденіе, чтобы охочіе люди тѣхъ измѣнниковъ *одноличио не воевали*, но и вмѣстѣ съ выборнымъ головой и людьми Строгановыхъ, а чтобъ жены и дѣти оставались въ острогѣ. Наконецъ въ грамотѣ замѣчено: „*А которые* (измѣнники) *будутъ и поворовали, а нынѣ похотятъ намъ прямить и правду свою покажутъ, и вы бъ имъ велѣли говорити и приказывати наше жаловальное слово, что мы ихъ пожалуемъ, пени имъ отдадимъ, да и во всемъ имъ полегчимъ, а они бы намъ тѣмъ правду свою показали, чтобъ своими головами собрався, съ охочими ходили вмѣстѣ воевати нашихъ измѣнниковъ,.... а котораго повоюютъ, и тому того животъ, а жены ихъ и дѣти имъ въ работу*" (Миллеръ, стр. 86).

Заручившись такой грамотой, благодаря Великопермскому воеводѣ Булгакову, Строгановы поступили во всемъ согласно волѣ царя. Черемисскій бунтъ былъ прекращенъ безъ особеннаго ущерба для Перми Великой. Но въ грамотѣ 1572 г. Строгановы нашли себѣ урокъ для будущихъ дѣйствій: *она впервые поселила въ нихъ мысль о призывѣ казаковъ въ случаѣ надобности на будущее время.* Обѣщая отъ имени царя полное прощеніе всѣмъ измѣнникамъ его, въ случаѣ раскаянія и готовности загладить свои прежнія вины вѣрной службой царю, грамота 1572 г. впослѣдствіи навела Строгановыхъ на мысль тайно пригласить къ себѣ охочихъ казаковъ для завоеванія Сибири, а Ермаку и его товарищамъ подала мысль бить челомъ Іоанну всѣмъ Сибирскимъ царствомъ, чтобы заслужить себѣ прощеніе. Нѣтъ сомнѣнія, что, призывая съ Волги казаковъ, Строгановы показали имъ эту грамоту, чего не могло быть, если бы казаки самовольно вторгнулись въ ихъ вотчины на Камѣ. Но подробнѣе ска-

жемъ объ этомъ въ своемъ мѣстѣ, а теперь возвратимся къ сибирскимъ дѣламъ Кучума и Строгановыхъ, слѣдовавшимъ по порядку времени.

Мы видѣли, какое пестрое населеніе жило вокругъ и частію въ самой Перми Великой. Всѣ эти элементы населенія легко было привлечь на сторону магометанъ, тѣмъ болѣе что и раньше они не питали особенной привязанности къ русской власти. Самъ Кучумъ, занятый внутренними дѣлами своей пестрой орды, большею частью жилъ въ Искерѣ, а вылазки противъ Перми Великой предоставлялъ *Магметкулу*. Дѣйствія этого Маметкула и отношенія его къ сосѣднимъ съ Пермью инородцамъ подробно обрисовываются въ жалованной Якову и Григорію Аникіевымъ Строгановымъ грамотѣ отъ 30 мая 1574 г. *). Грамота эта дана была Строгановымъ вслѣдствіе ихъ челобитной, въ которой они, жалуясь на безпокойныхъ Сибирскихъ людей, просили у царя дозволенія „на Тахчеѣ и на Тоболѣ рѣкѣ и кои въ Тоболъ рѣку озера падутъ, и до вершинъ на усторожливомъ мѣстѣ освободити крѣпости дѣлати, и сторожей наймовати, и вогнянной нарядъ держати собою, и желѣзо дѣлати, и пашни пахати и угодья владѣти. А кои Остяки отъ Сибирсково (хана) отступятъ и (царю) дань давати учнутъ—и тѣхъ бы Остяковъ отъ Сибирскова обороняти“. Въ началѣ же челобитной Строгановы заявляли, что въ государевой „отчинѣ *за Югорскимъ каменемъ, въ Сибирской украйнѣ, межъ Сибири и Нагай Тахчей и Тоболъ рѣка съ рѣками и съ озеры и до вершинъ, гдѣ сбираются ратные люди Сибирскова салтана да ходятъ ратью.* А въ восемдесятъ де первомъ году (1573) о Ильинѣ дни съ Тоболя де приходилъ Сибирскова салтана братъ Маметкуль, собрався съ ратью *дорогъ провѣдывати, куды идти ратью въ Пермь*, да многихъ де (нашихъ) **) данныхъ Остяковъ побили, а жены ихъ и дѣти въ полонъ повели, *а посланника (нашего) Третьяка Чебукова и служилыхъ Татаръ, кои шли въ Казацкую орду, Сибирской же побилъ*, а до ихъ острогу, гдѣ за ними (наше) жалованье промыслы ихъ (вѣроятно,

*) Напечатана у *Миллера* въ «Описаніи Сибирс. Царства», стр. 87—90.

**) Въ челобитной Строгановыхъ вмѣсто слова *нашъ* (поставленнаго въ грамотѣ) вездѣ конечно стояло слово *государевъ*, почему мы вездѣ и заключаемъ его въ скобки.

Нижній Чусовской городокъ); Сибирской не доходилъ за пять верстъ". Далѣе челобитчики—Строгановы писали царю: „Да и прежде того (т. е. до 1573 г.) Сибирской же салтанъ ратью (нашихъ) данныхъ Остяковъ Чагиря съ товарыщи побилъ въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ ихъ Яковлевъ да Григорьевъ промыслъ. А иныхъ данщиковъ (нашихъ) Сибирской имаетъ, а иныхъ и убиваетъ, *а не велитъ (нашимъ) Остякамъ и Вогуличамъ и Югричамъ (нашіе) дани въ (нашу) казну давати*, да и на рать съ собою емлетъ насильствомъ въ судѣхъ воевати Югричь тѣхъ же, Остяковъ и Вогуличь, *а къ (нашимъ де) измѣнникомъ къ Черемисѣ, какъ намъ была Черемиса измѣнила, посылалъ Сибирской чрезъ Тахчей, и перевелъ Тахчей къ себѣ, а прежде сего Тахчеевы намъ дани и въ Казань ясаковъ не давали, а давали де ясакъ въ Нагай; а которые живутъ Остяки кругъ Тахчей—и тѣ Остяки приказываютъ, чтобъ имъ (наша) дань давати, какъ иные наши Остяки дань даютъ, а Сибирскому бъ дани и ясаковъ не давати, и отъ Сибирсково-бъ ся имъ боронити за одно*" (Миллеръ, стр. 87)

Челобитная братьевъ Строгановыхъ такимъ образомъ довольно ясно указываетъ тогдашнее положеніе дѣлъ въ Сибири. Кажется, и само московское правительство кое-что впервые узнало только изъ этой челобитной. Въ виду важности дѣла, Іоаннъ IV, прежде дарованія Строгановымъ грамоты на просимыя въ Сибири мѣста, послалъ имъ въ Пермь Великую указъ отъ 12 марта 1574 г., коимъ повелѣвалось братьямъ Строгановымъ немедленно явиться въ Александровскую слободу для личныхъ объясненій съ царемъ, для чего дана была имъ и особая подорожная на 2 лошади *). Старшій братъ Яковъ Аникіевичъ Строгановъ жилъ тогда въ Чусовскомъ городкѣ († 1579 г.), а другой братъ Григорій—въ Орлѣ-городкѣ на Камѣ († 1578 г.). Іоаннъ, видимо, удовлетворился личными объясненіями братьевъ Строгановыхъ и 30 мая того же 1574 г. далъ имъ весьма важную грамоту на земли за Ураломъ. Въ виду исторической важности заключающихся въ грамотѣ условій пожалованія, мы опять позволимъ себѣ подробно указать ихъ. Царь пожаловалъ

*) Изъ имѣющихся у меня рукописныхъ замѣтокъ *Ѳ. А. Волегова.*

Строгановымъ слѣдующія права въ дополненіе прежнихъ своихъ грамотъ, данныхъ имъ на земли въ Перми Великой въ 1558 и 1568 г. *): 1) *„На Тахчеяхъ и на Тоболѣ рѣкѣ крѣпости имъ подѣлати*, и снарядъ вогненной и пушкарей и пищальниковъ и сторожей отъ Сибирскихъ и отъ Нагайскихъ людей держати, и около крѣпостей у желѣзнаго промысла и у рыбныхъ ловель и у пашенъ *по обѣ стороны Тоболы рѣки и по рѣкамъ* (т. е. притокамъ Тобола) *и по озерамъ и до вершинъ дворы ставити, и лѣсъ сѣчи, и пашни пахати, и угодьи владѣти: а людей называти неписменныхъ и нетяглыхъ*". 2) *„А воровъ имъ и боярскихъ людей бѣглыхъ съ животы и татей и разбойниковъ не называти, и никакихъ воровъ не держати*, и отъ всякаго лиха беретчи". 3) „А гдѣ въ тѣхъ мѣстахъ найдутъ руду желѣзную, и имъ руда дѣлати, а мѣдяну руду или оловянную, свинчатую и сѣры горючія гдѣ найдутъ, и тѣ руды на испытъ дѣлати", при чемъ дозволялось искать руды и другимъ желающимъ взяться за такое дѣло и, въ случаѣ успѣха, платить за то оброкъ по указу. 4) „А льготы на Тяхчей и на Тоболь рѣку съ рѣками и съ озеры *и до вершинъ* на пашни дали есьми отъ Троицына дни лѣта 7082 (1574) до Троицына дни лѣта 7102 (1594) году на 20 лѣтъ". 5) „И въ тѣ льготныя лѣта съ тѣхъ мѣстъ не надобѣ моя Царя и Вел. Князя дань, ни ямскіе, ни ямчюжные деньги и посошная служба, ни городовое дѣло, ни иные ни которые подати, ни оброкъ съ ихъ промысловъ и угодей въ тѣхъ мѣстѣхъ до урочныхъ лѣтъ". 6) *„А будетъ въ тѣхъ мѣстахъ старыя села и деревни и починки и въ нихъ жильцы, и Якову и Григорью въ тѣ мѣста не вступатись, а быти тѣмъ по старому въ тяглѣ и во всякихъ нашихъ податѣхъ*" **). 7) Въ другихъ же городахъ Строгановымъ и ихъ людямъ со всякихъ товаровъ „пошлина давати, какъ и съ иныхъ торговыхъ людей по нашимъ указомъ". 8) „А кои *Остяки и Вогуличи и Югричи* отъ Сибирсково отстанутъ, а почнутъ

*) Объ этихъ первыхъ пожалованіяхъ см. мою «Пермс. Старину», вып. I, стр. 101—102. Грамота отъ 4 апрѣля 1558 г. вполнѣ напечатана мною въ IV выпускѣ того же изданія.

**) Въ грамотѣ 1558 г. на земли по р. Камѣ было поставлено такое же условіе, но Строгановы его безнаказанно нарушали. См. «Пермс. Стар.» I, 98—99, IV, 109.

намъ дань давати, и тѣхъ людей съ данью посылати къ нашей казнѣ самихъ“, а если этого нельзя, то присылать дань съ довѣренными Строгановыхъ, и такихъ „Остяковъ и Вогуличь и Югричь и съ жены ихъ и дѣти отъ Сибирцовъ отъ ратныхъ приходу беретчи Якову да Григорью у своихъ крѣпостей, а *на Сибирсково Якову и Григорью сбирая охочихъ людей и Остяковъ и Вогуличь и Югричь и Самоедь съ своими наемными казаки и съ нарядомъ своимъ посылати воевати* и въ полонъ Сибирцовъ имати, и въ дань за насъ приводити“. 9) Заѣзжимъ торговымъ людямъ Бухарцамъ и изъ „Казацкіе орды“, т. е. Киргизъ-Кайсацкой, „и изъ иныхъ земель“ дозволялось *торговать въ Строгановскихъ городкахъ безпошлинно.* 10) „*И наши Пермскіе намѣстники и ихъ тіуны Якова да Григорья и ихъ слободы людей не судитъ ни въ чемъ,.... а вѣдаютъ и судятъ Яковъ да Григорей своихъ слобожанъ сами во всемъ, или кому прикажутъ*“. 11) *По дѣламъ уголовнымъ* „на Якова да на Григорья имати управные грамоты у бояръ и у дьяковъ нашихъ, а по тѣмъ управнымъ грамотамъ обоимъ—*ищеямъ и отвѣтчикомъ—безприставно ставиться на Москвѣ предъ нами* на тотъ же срокъ на Троицынъ день“. 12) „А какъ урочныя лѣта отойдутъ, и Якову да Григорью наши всѣ подати велѣти возити въ Москву въ нашу казну на срокъ на Троицынъ день *по книгамъ, чѣмъ ихъ наши писцы обложатъ*“. 13) „Коли они (Яковъ да Григорій) или ихъ люди или ихъ слободы крестьяне *поѣдутъ отъ Вычегодскіе Соли мимо Пермь на Тахчей въ слободу, или изъ слободы къ Вычегодской Соли—и наши Пермскіе намѣстники* и ихъ тіуны и доводчики и всѣ приказные люди въ Пермѣ (т. е. въ Чердыни) *Якова и Григорья и ихъ людей.... не судятъ ни въ какихъ дѣлѣхъ*“. 14) При проѣздѣ царскихъ пословъ съ Москвы въ Сибирь или въ Казацкую орду чрезъ крѣпость Строгановыхъ и обратно—Яковъ и Григорій не должны имъ давать подводъ и кормоваго довольствія въ теченіе 20 льготныхъ лѣтъ. 15) „*На Иртышѣ и на Оби и на иныхъ рѣкахъ, гдѣ пригодится для береженья, и охочимъ на опочивъ крѣпости дѣлати,* и сторожей съ вогненнымъ нарядомъ держати, и изъ крѣпости рыба и звѣрь ловити безоброчно до тѣхъ же урочныхъ лѣтъ“.

Эта замѣчательная грамота была дана Строгановымъ въ Александровской слободѣ, близъ Москвы, 30 мая 1574 г., за собственноручной подписью „Царя и Вел. Князя Ивана Васильевича всея Русіи“ и дьяка Петра Григорьева. Царь далъ братьямъ Строгановымъ даже больше того, сколько они просили. За исключеніемъ тѣхъ пунктовъ, гдѣ опредѣляются ихъ отношенія къ царю Сибирскому, она есть почти дословное повтореніе первой грамоты Іоанна отъ 4 апрѣля 1558 г. на земли по Камѣ, ниже Чердыни. Она опять давала Строгановымъ широкое право занять огромное пространство въ Сибири, а именно весь бассейнъ р. Тобола съ устьевъ и до вершинъ его, включая всѣ его притоки и не стѣсняясь, въ случаѣ надобности, расширеніемъ своихъ владѣній по берегамъ Иртыша и Оби. Короче сказать, *она отдавала въ руки Строгановыхъ почти все тогдашнее царство Кучума.* Безъ всякихъ съ своей стороны затратъ правительство думало не только уничтожить враждебное ему Сибирское царство, но и колонизировать обширный край русскими людьми, оживить его промышленной и торговой дѣятельностію, чтобы со временемъ извлекать изъ этого края свои выгоды. *Въ 1558 г. тѣ же самыя права и на тѣхъ же условіяхъ предоставлены были Строгановымъ на прикамскія земли въ Перми Великой.* Мы видѣли (см. выпуски I и II этого изданія), какъ широко воспользовались Строгановы подобными правами въ Пермскомъ краѣ, который они, сравнительно въ короткое время, дѣйствительно оживили и сдѣлали источникомъ крупныхъ доходовъ для русской казны. Далеко не съ тѣмъ успѣхомъ воспользовались Строгановы такими же правами въ Сибири, чему причиною послужили политическія обстоятельства того времени въ „Сибирской украйнѣ“, а главное *самовольный призывъ Ермака Строгановыми*, о которомъ мы уже подробно говорили *), который былъ нарушеніемъ втораго пункта грамоты 1574 г. и вызвалъ со стороны Іоанна IV справедливое негодованіе на Строгановыхъ. Вглядимся поближе во всѣ подробности этого дѣла, имѣвшаго чрезвычайно важныя послѣдствія для нашего государства на его восточныхъ окраинахъ.

---

*) «Пермская Старина», вып. IV, 29—63.

Мы знаемъ, что съ Печеры за Уралъ въ XV в. и позже шло три пути въ земли Самоѣдовъ, Югры, Вогуличей и Остяковъ—шло по правымъ притокамъ Печеры Усѣ, Щугору и Илычу. Но въ Сибирь въ XVI в. шла съ бассейна Камы единственная, признанная нашимъ правительствомъ, „государева" дорога; другія если и были, то считались тогда запретными, по отсутствію на нихъ таможенъ для взиманія торговыхъ пошлинъ въ пользу казны. Эта единственная дорога до 1597 года шла окольно отъ Соликамска мимо Чердыни, водой по р. Вишерѣ вверхъ, чрезъ Уралъ, на рѣки Лозьву, далѣе на Тавду до Тобола и вверхъ Тоболомъ до Туры, по которой достигали Тюмени (татарскаго Чинги-Тура) *). Въ грамотѣ отъ 6 января 1617 г. Соликамскому воеводѣ Богдану Лупандину объ этой *старой* дорогѣ сказано: „А прежде того въ Сибирь была дорога окольная отъ Соли Камской мимо Чердынь водянымъ путемъ Вишерою рѣкою вверьхъ, да черезъ Камень въ Лозву рѣку, да Лозвою внизъ въ Тавду рѣку, да Тавдою рѣкою внизъ до Тобола рѣки, а Тоболомъ вверьхъ до усть Туры рѣки, а Турою вверьхъ до Тюменскаго города. И тою де дорогою хаживала наша денежная и соболиная казна и хлѣбные запасы, по смѣтѣ съ двѣ тысячи верстъ" **). Зимою этотъ путь нѣсколько сокращался, съ Тавды ѣздили прямо *Тюменскимъ волокомъ* далѣе на сѣверо-западъ „въ Вогуличи и въ Сылву" (притокъ Чусовой). Объ этомъ волокѣ и дальнѣйшемъ пути въ Сылву упоминается въ древнѣйшей Великопермской уставной грамотѣ начала XVI в. ***). Этимъ направленіемъ старой Сибирской дороги и объясняется выборъ мѣста для русскаго *города Лозьвы*, основаннаго на рѣкѣ того же имени около 1590 г. Этотъ путь по своей отдаленности и трудности перехода чрезъ Уралъ былъ весьма неудобенъ, почему вскорѣ по построеніи города Лозьвы явилась мысль построить новый русскій городъ на мѣстѣ вогульскаго городка Неромкарра на р. Турѣ, каковой въ 1598 г. и возникъ дѣйствительно подъ именемъ *Верхотурья*. Но еще до постройки послѣдняго, въ

*) Объ этомъ пути см. «Пермс. Стар.» I, 42.

**) *Миллеръ:* «Опис. Сиб. Цар.», стр. 332.

***) Напечатана въ приложеніяхъ къ I вып. «Пермс. Стар.», гдѣ см. стр. 192. На Сылву ѣздили, вѣроятно, и прямо изъ Чердыни чрезъ вотчины Строгановыхъ.

1595 г. послѣдовалъ указъ царя Ѳеодора Іоанновича, коимъ повелѣвалось охочимъ людямъ „провѣдывать прямую дорогу на р. Туру“. Соликамскій крестьянинъ Артемій Софоновъ *Бабиновъ* вскорѣ же указалъ другую, ближайшую дорогу прямо отъ Соликамска чрезъ Уралъ къ р. Турѣ; онъ получилъ за это вотчину на р. Яйвѣ и царскую жалованную грамоту, слова изъ коей мы и привели выше. По новой дорогѣ было „отъ Соли отъ Камскіе до новаго города до Верхотурья 263 версты“ *). Съ построеніемъ Верхотурья, городъ Лозьва былъ упраздненъ, просуществовавъ только 8 лѣтъ.

Братья Строгановы получили царскую грамоту на земли за Ураломъ въ 1574 г., слѣдовательно при существованіи еще *старой* Сибирской дороги. По направленію этого-то стараго пути они и начали колонизировать вновь пожалованныя за Ураломъ земли, начиная съ Лозьвы, южной Сосвы и ихъ притоковъ. Какъ было и на Камѣ, они въ этомъ случаѣ пользовались правомъ занимать земли по рѣкамъ *съ ихъ устьевъ и до вершинъ*, а р.р. Тавда, Лозьва, южная Сосва, Тура и др. принадлежали къ системѣ Тобола, на который они получили право владѣнія. Словомъ, *Строгановы начали дѣйствовать за Ураломъ точно такъ же, какъ раньше дѣйствовали на р. Камѣ, въ Перми Великой* **). Если бы и здѣсь имъ суждено было столь же широко распространить свою колонизаторскую дѣятельность, то этому не помѣшали бы прежнія поселенія, кои имѣли встрѣтиться имъ на пути: на притокахъ Камы они сумѣли же постепенно захватить въ свои руки многія старинныя поселенія Чердынцевъ и Усольцевъ, вопреки грамоты 1558 г. и при поддержкѣ подкупныхъ Великопермскихъ воеводъ. Въ Сибири они тѣмъ болѣе не постѣснились бы прибѣгнуть къ такимъ способамъ „самоводворенія“. Въ 1574 г. тамъ еще не было ниодного русскаго воеводы; вновь пожалованныя земли считались въ вѣдѣніи тѣхъ же Великопермскихъ намѣстниковъ, жившихъ въ Чердыни, которые и за 80 верстъ отъ своей резиденціи дозволяли Строгановымъ безнаказанно чинить всякія само-

*) Подробное описаніе *новой* Сибирской дороги см. въ грамотѣ отъ 22 апрѣля 1599 г. «въ новой городъ на Верхотурьѣ Василью Петровичу Головину». *Миллеръ*, стр. 330—331.

**) См. «Пермс. Стар.», вып. I, стр. 98—103.

управства *). Словомъ, въ Сибири Строгановыхъ ожидало полное приволье, полный просторъ для ихъ колонизаторской дѣятельности.

Строгановы начали колонизацію вновь пожалованныхъ за Ураломъ земель по направленію старой Сибирской дороги, съ самаго выхода ея изъ ущельевъ Уральскихъ горъ. Прежде всего они утвердились на верхней *Лозьвѣ* и ея притокахъ *Иеделѣ* и *Большой Волѣ* **), откуда перешли на верховья южной Сосвы, самаго значительнаго праваго притока Лозьвы. На одномъ изъ самыхъ верхнихъ правыхъ притоковъ Сосвы *Ваграпѣ* и при озерѣ того же имени, переименованномъ русскими въ *Крылышково* озеро, Строгановы нашли серебряную руду, что доказывается наименованіемъ одной изъ береговыхъ возвышенностей по р. Ваграну „Серебрянымъ" камнемъ или рудникомъ ***). Съ рѣки Сосвы они перешагнули на верховья р. *Туры*, гдѣ ихъ ожидали богатые желѣзные рудники ****). Вѣроятно, на всѣхъ указанныхъ рѣкахъ по мѣстамъ возникли русскіе починки, но названія ихъ намъ не извѣстны. Коренными же обитателями тѣхъ мѣстъ искони были Вогулы, на верхнихъ притокахъ Лозьвы попадались настоящіе Югричи, къ востоку отъ нихъ Остяки, а на самыхъ горахъ Уральскихъ кое-гдѣ бродили и Самоѣды. Потому-то грамота 1574 г. объ этихъ народахъ и дѣлаетъ неоднократно оговорку, ставя рядомъ Остяковъ, Вогуличей и Югричъ. Подвигаясь далѣе на юго-востокъ по старой Сибирской дорогѣ, обезпечивая себѣ тылъ устройствомъ маленькихъ поселковъ, Строгановы должны были вступить въ *Тахтанскую волость*, или вогульскій улусъ, расположенный тогда на нижней Ловьвѣ и верхней Тавдѣ, при сліяніи Лозьвы съ

---

*) О злоупотребленіяхъ воеводъ, ихъ тіуновъ и доводчиковъ въ Перми Вел. см. тамъ же, стр. 173—181.

**) Впослѣдствіи здѣсь возникла такъ назыв. *Заозерская дача* гг. Всеволожскихъ, о которой см. у *Чупина*: «Географич. и статист. словарь Пермс. губ.», стр. 496 и слѣд.

***) Тутъ образовалась *Ваганская дача*, о коей см. тамъ же, стр. 242 и др. Въ книгѣ *Устрялова*: «Именитые люди Строгановы». СПБ. 1842 г. есть карта владѣній Строгановыхъ, гдѣ показаны обѣ эти дачи.

****) На верхней Турѣ образовалась *Турьинская дача*, также показанная на упомянутой картѣ Устрялова.

южной Сосвой, откуда Лозьва и перемѣняетъ свое названіе на Тавду. Этотъ важный гидрографическій пунктъ особенно желали занять Строгановы, и эту-то вогульско-остяцкую Тахтанскую волость или улусъ и слѣдуетъ разумѣть подъ именемъ *Тахчей* грамоты 1574 г. На эту мысль наводятъ и этнографическія названія Остяковъ, Вогуличей, собственно Югричей и даже Самоѣдовъ, пріурочиваемыя въ грамотѣ къ топографическому наименованію Тахчей *). Сознавая особенно выгодное географическое положеніе улуса на мѣстѣ соединенія двухъ судоходныхъ рѣкъ, Строгановы сильно добивались правъ на занятіе этой мѣстности и просили у царя дозволенія прежде всего поставить свои крѣпости одну здѣсь, на Тахчеяхъ, и другую на р. Тоболѣ. Тахчеи должны были служить для нихъ ключемъ для завладѣнія всей долиной р. Тавды до самаго Тобола. Въ жалованной грамотѣ 30 мая 1574 г. на Тахчеяхъ и Тоболѣ рѣкѣ упоминается *желѣзный промыселъ,* который служилъ для Строгановыхъ сильною приманкою. Въ нѣкоторыхъ спискахъ житія св. Трифона Вятскаго упоминается сѣкира *такчіанскаго желѣза*, которою было срублено священное дерево Остяковъ на Камѣ **). Очень возможно, что тутъ говорится о желѣзѣ съ Тахчей, и что это слово не есть испорченное слово „италіанскій". Кромѣ торгово-промышленныхъ соображеній Строгановы имѣли въ виду и стратегическія, настаивая предъ царемъ на отдачѣ имъ Тахчей. Но и Кучумъ, который въ 1573 г. „провѣдывалъ" чрезъ Маметкула „куды идти ратью въ Пермь", хорошо понималъ всѣ выгоды положенія этого мѣста на главной дорогѣ въ Русь, а потому „и перевелъ Тахчей къ себѣ", какъ заявляли Строгановы въ челобитной къ Іоанну, но жившіе „кругъ Тахчей" Остяки тянули къ Москвѣ, съ которой знакомы были раньше. Въ той же челобитной говорится, что Тахчеи давали прежде ясакъ въ Нагаи, изъ чего

*) *Флоринскій* въ своей «Замѣткѣ о происхожденіи слова «Сибирь», не принимая ничего этого въ соображеніе, совершенно безосновательно видитъ въ Тахчеяхъ рѣку Течу, притокъ Исети (стр. 8), гдѣ мы встрѣчаемъ въ XVI в. совсѣмъ другой составъ населенія. Въ историческихъ разсужденіяхъ этого ученаго мы вообще встрѣчаемъ очень много странностей.

**) Объ этомъ подробнѣе говорится въ моей статьѣ о св. Трифонѣ во II вып. «Трудовъ Пермс. Ученой Архивной Коммиссіи», стр. 30 и др.

заключить должно, что этотъ улусъ въ началѣ XVI в. уже состоялъ въ зависимости отъ Туринскихъ Татаръ, средоточіемъ которыхъ былъ городъ Тюмень и стоявшій выше его по Турѣ городъ Епанча (Туринскъ русскихъ). Словомъ, всѣ данныя заставляютъ видѣть въ Тахчеяхъ не иное что, какъ Тахтанскій улусъ, упоминаемый въ нѣкоторыхъ старинныхъ актахъ Сибири, напр. въ отпискѣ Тобольскаго воеводы князя Катырева-Ростовскаго къ воеводѣ Тюменскому Матвѣю Годунову 1612 г. *). Но названія Тахчеи мы болѣе не встрѣчали ни въ одномъ старинномъ документѣ, кромѣ извлеченій изъ той же грамоты 1574 г. въ другихъ позднѣйшихъ документахъ.

Какъ ни добивались Строгановы обладанія Тахчеями и Тоболомъ, но не успѣли осуществить своего замысла даже съ царскою грамотою въ рукахъ. Политическія обстоятельства того времени круто повернули не въ ихъ пользу, противъ ихъ ожиданія. Имъ пришлось волей-неволей отказаться отъ всѣхъ видовъ своихъ на обширныя земли въ Сибири и со временемъ потерять даже тотъ клочекъ земли, который они успѣли занять на сѣверѣ нынѣшняго Верхотурскаго уѣзда. Перейдемъ теперь къ изложенію дальнѣйшихъ фактовъ изъ жизни Кучума.

Мы видѣли, что въ 1573 г. Маметкулъ подступилъ къ Чусовскому городку Якова Строганова, побилъ многихъ Остяковъ, платившихъ дань Московскому царю, и умертвилъ отправленнаго въ Киргизъ-Кайсакамъ отъ Іоанна IV посланника его Третьяка *Чебукова*. Такой образъ дѣйствій былъ прямымъ вызовомъ къ войнѣ со стороны Кучума, не смотря на его прежнія миролюбивыя заявленія. Полнаго разрыва съ Москвой на этотъ разъ однако не послѣдовало, при отдаленности Москвы отъ Сибири и отсутствіи въ Перми значительнаго войска на случай войны какъ подъ руками Велико-

*) См. ее въ «Русской Историч. Библіотекѣ», т. II, ст. 287. О Тахтанской волости упоминаетъ *Новицкій* въ «Описаніи о народѣ Остяцкомъ», стр. 89. См. о ней также сочиненіе *Буцинскаго*: «Заселеніе Сибири». Харьковъ 1889 г., стр. 9. Не произошло-ли названіе Тахчеи отъ рѣчки *Тахтіи*, притока Тавды, текущаго близъ границы Березовскаго уѣзда съ бывшимъ Пелымскимъ уѣздомъ? Р. Тахтія указана на картѣ 1734 г., приложенной ко II тому сборника «Пермскій Край».

пермскаго воеводы, такъ и у Строгановыхъ, у коихъ въ 1579 г., по писцовой книгѣ Яхонтова, все мужское тяглое населеніе вотчинъ было около 400 человѣкъ*). Съ своей стороны Кучумъ, какъ видно, не могъ еще вполнѣ полагаться на вѣрность ему всѣхъ Сибирскихъ инородцевъ, какъ убѣждаетъ въ томъ образъ дѣйствій Остяковъ, жившихъ вокругъ Тахчей и не порывавшихъ своихъ связей съ Москвой. Кучумъ зналъ о мирныхъ отношеніяхъ между Москвой и Ногаями, почему и самъ позаботился стать въ близкія отношенія къ Ногаямъ, женивъ сына своего *Алея* на дочери Ногайскаго князя Тинъ-Ахмата въ 1577 г.**). На случай войны съ Москвою родственныя отношенія Сибирскаго царя къ Ногаямъ были, конечно, въ интересахъ перваго, и женитьба Алея на Ногайской княжнѣ, вѣроятно, устроена была изъ политическихъ соображеній. Только указанныя обстоятельства въ царствѣ Кучума и съ другой стороны отдаленность Москвы отъ Сибири, неподготовленность ея къ войнѣ на востокѣ и осложнившіяся отношенія ея къ Ливоніи на западѣ, дошедшія тамъ до войны, неудачной для русскаго оружія, могли кое-какъ продлить номинально—мирныя отношенія Москвы къ Кучуму до начала 1580-хъ годовъ.

Между тѣмъ Строгановы сильно озабочены были выполненіемъ добровольно взятой на себя трудной задачи—колонизировать Сибирь въ столь тревожное время, сдѣлать это безъ матеріальной поддержки правительства, одними собственными средствами. Нужно было имѣть много рѣшимости, чтобы при небольшомъ числѣ людей, которыми они могли располагать, вызваться на такую миссію. Или они имѣли въ виду свой удачный опытъ подобной колонизаціи на Камѣ и Чусовой, при поддержкѣ Великопермскихъ намѣстниковъ? Но въ Перми Великой имъ легко было справиться съ Иньвенскими Пермяками, народомъ мирнымъ, исключая крайне рѣдкихъ случаевъ не проявлявшимъ воинственныхъ наклонностей ***). Не то было за Ураломъ, среди Угровъ и Татаръ, отличавшихся

*) «Пермс. Старина», вып. I, 116 и в. IV, 61.

**) *Карамзинъ*, т. IX, 378 и примѣч. къ нему 658, гдѣ есть ссылка на дѣла Ногайскія.

***) Только въ общемъ возстаніи 1581 г. они были вовлечены въ смуту другими инородцами.

прямо противоположнымъ характеромъ. Тутъ Строгановы скоро убѣдились, что они имѣютъ дѣло съ людьми иныхъ понятій, привычекъ и традицій своихъ предковъ, какъ дики ни были какіе нибудь Вогулы и Татары въ долинахъ Лозьвы и Тавды. Къ тому же нельзя было забывать и грозной силы, стоявшей за ними на берегахъ Иртыша и Тобола подъ знаменемъ Кучума. Какъ ни желали Строгановы занять Тахчеи, но предупредившій ихъ Кучумъ сталъ твердою ногою на Тавдѣ и лишилъ ихъ возможности подвигаться далѣе, въ глубь Сибири, по направленію старой Сибирской дороги изъ Руси. Силы его и Строгановыхъ были слишкомъ не равны, и послѣднимъ необходимо было прибѣгнуть къ наемной силѣ, если они не желали отступаться отъ правъ, дарованныхъ имъ царскою грамотою 1574 года. Но такой отказъ съ ихъ стороны также былъ-бы не удобенъ, такъ какъ Строгановы сами просили царя о пожалованіи землями въ Сибири, да и самолюбіе ихъ едва-ли бы позволило сдѣлать столь малодушный шагъ назадъ. Такимъ образомъ Строгановы оказались въ крайне затруднительномъ положеніи, выходъ изъ котораго они должны были найти во всякомъ случаѣ *безъ матеріальной поддержки правительства, такъ какъ при ней потеряли бы смыслъ предоставленныя имъ царскою грамотою широкія льготы по владѣнію обширными землями въ Сибири.* Строгановы по примѣру 1572 г. могли, положимъ, просить царя опять дозволить имъ набрать охочихъ казаковъ, которые отъ царя не отложились, т. е. не вольныхъ, а домовыхъ, но во первыхъ, много людей, напр. до 500 чел., царь не позволилъ бы имъ набирать изъ опасенія какихъ либо замѣшательствъ на востокѣ, гдѣ отношенія съ Кучумомъ и безъ того были не прочны; а во вторыхъ, по условіямъ 1572 г., все захваченное казаками имущество (животы) побѣжденныхъ поступало въ пользу самихъ казаковъ, а отъ этого не было бы особенной выгоды Строгановымъ. Тогда они стали искать другаго исхода. Окончаніе этого дѣла выпало на долю преемниковъ Якова и Григорія Строгановыхъ, скончавшихся первый въ 1579, второй въ 1578 г. *). Преемниками ихъ

*) См. родословную ихъ во II вып. «Пермской Старины», стр. 70. По другимъ свѣдѣніямъ, оба брата умерли въ 1578 г. См. въ томъ же изданіи вып. IV, стр. 67.

по владѣнію землями въ Перми Великой были: младшій ихъ братъ Семенъ Аникіевичъ, получившій лѣвый берегъ Чусовой и Сылву, и сыновья ихъ, племянники Семена, Максимъ Яковлевичъ, получившій правый берегъ Чусовой, и Никита Григорьевичъ, наслѣдникъ Орловскаго округа на р. Камѣ *). Впрочемъ Семенъ и Максимъ Строгановы въ первое время владѣли землями, повидимому, сообща **).

Чтобы выйти изъ труднаго положенія, Строгановы рѣшились на смѣлый шагъ: вопреки грамоты 1574 г., воспрещавшей имъ призывать и держать у себя „воровъ и боярскихъ людей бѣглыхъ, и татей, и разбойниковъ",—они рѣшились призвать съ Волги *вольныхъ* казаковъ. Съ большимъ рискомъ для себя они соблазнились опытомъ 1572 года съ отступленіемъ отъ прежнихъ условій найма людей. При томъ же, какъ видно, они надѣялись, что при благосклонномъ отношеніи къ нимъ Великопермскихъ воеводъ, свѣдѣніе о самовольномъ призывѣ казаковъ не дойдетъ до царя, какъ осталось неизвѣстнымъ ему въ 1558 г. *ложное показаніе царю пермяка Кодаула* о полной незаселенности будто-бы прикамскихъ земель, лежавшихъ южнѣе Чердыни и потому-то отданныхъ тогда во владѣніе Григорію Строганову ***). 6 апрѣля 1579 г. по свидѣтельству Строгановской лѣтописи, или вѣрнѣе 1578 г., новые владѣтели обширныхъ вотчинъ написали казакамъ на Волгу призывную „грамоту", приглашая ихъ явиться въ Пермь и принять участіе въ борьбѣ съ Кучумомъ за Ураломъ. Они обѣщали имъ оружіе, продовольствіе и своихъ воинскихъ людей на поддержку въ предстоявшемъ походѣ, а отъ имени царя—полное прощеніе ихъ за вѣрную службу. Что могло быть заманчивѣе этого предложенія для удалого казака? На призывъ Строгановыхъ немедленно откликнулась храбрая дружина Ермака Тимоѳеевича, сына „Поволжскаго", и съ этого момента начались дѣятельныя приготовленія къ знаменитому походу за Уралъ, на царя Кучума ****)

*) См. ту же родословную во II вып. моей «Пермс. Старины».

**) «Пермс. Стар.» I, 115—116 и IV, 75.

***) О первомъ «пожалованіи» земель на Камѣ см. подробности въ I вып. «Пермс. Старины», стр. 96—103.

****) Вопросъ о *призывѣ* Ермака Строгановыми весьма подробно изслѣдованъ нами по источникамъ въ IV вып. «Пермс. Старины». Пермь. 1892 г. О *призывѣ*

Есть возможность опредѣлить съ большей или меньшей вѣроятностью и то мѣсто, гдѣ укрывались на Волгѣ до призыва Строгановыми Ермакъ и его боевой товарищъ Иванъ Кольцо. Самымъ удобнымъ притономъ и наблюдательнымъ пунктомъ за плывшими по Волгѣ судами служила въ тѣ времена *Самарская лука*, при которой еще не было тогда города Самары (основана одновременно съ Уфою весною 1586 г. *). По ней расположены довольно высокія и утесистыя горы, „подошвы которыхъ изрыты естественными пещерами, а самыя горы въ прежнее время были покрыты непроходимыми лѣсами; въ этихъ лѣсахъ и пещерахъ, отчасти ими самими вырытыхъ, казаки находили для себя надежный и безопасный пріютъ.... Между прочимъ *въ нынѣшнихъ селеніяхъ Ермаковкѣ и Кольцовкѣ, находящихся на Самарской лукѣ, признаютъ мѣста, гдѣ нѣкогда жилъ знаменитый Ермакъ Тимоѳеевичъ и его сподвижникъ Иванъ Кольцо*" **). Это мѣстное преданіе намъ представляется весьма правдоподобнымъ и по слѣдующимъ соображеніямъ. Извѣстно, что въ юго-восточный поворотъ Самарской луки впадаетъ съ правой стороны рѣчка Уса, которая при самомъ впаденіи въ Волгу принимаетъ въ себя ничтожную по величинѣ, но замѣчательную по содержанію соли рѣчку *Усолку*. „Говорятъ, что въ началѣ тридцатыхъ годовъ XVII вѣка (1632 г.) подлѣ р. Усолки раскинулись уже поселенія, которыя царемъ Михаиломъ Ѳеод. пожалованы были *гостю Надѣю Свѣтешникову* и его сыну Семену" ***). Это—тотъ самый гость Надѣя Свѣтешниковъ или Дѣй Андреевичъ Свитейщиковъ, который около 1640 г. разработывалъ своимъ коштомъ Кушгурскій желѣзный рудникъ въ вотчинахъ Строгановыхъ на р. Яйвѣ, притокѣ Камы, и поставлялъ эту руду на Пыскорскій заводъ, первый горный заводъ въ Перми Великой, существовавшій

Ермака см. у *Карамзина* т. IX, стр. 380 (изданіе бр. Слениныхъ), у *Соловьева*, VI, 424.

*) *Карамзинъ*, т. X, примѣч. 40.

**) *Перетятковичъ*: «Поволжье въ XV и XVI вѣкахъ». Москва. 1877 г., стр. 312—313.

***) *Перетятковичъ*: «Поволжье въ XVII и началѣ XVIII вѣка». Одесса. 1882 г., стр. 225. О богатыхъ соляныхъ залежахъ на этой Усолкѣ говоритъ *Лепехинъ* въ своихъ «Запискахъ путешествія», часть I. СПБ. 1771 г., стр. 320.

возлѣ извѣстнаго монастыря того же имени *). Такимъ образомъ въ первой половинѣ XVII в. между Самарскимъ Усольемъ и Пермскими вотчинами Строгановыхъ несомнѣнно существовали промышленныя связи. Но вѣроятно предпріимчивые Пермскіе солевары, построившіе на Камѣ Новое Усолье и на рѣчкѣ Усолкѣ, притокѣ Чусовой,—Верхній Чусовской городокъ также съ солеварня ми, которыхъ они много имѣли и у Соли Вычегодской съ начала XVI вѣка,—вѣроятно они еще въ томъ же XVI в. провѣдывали соляныя залежи и на Самарской Усолкѣ и, можно думать, были знакомы съ этою мѣстностью. Если это предположеніе вѣрно, то нѣтъ ничего удивительнаго, что люди Строгановыхъ еще до призыва казаковъ могли или лично знать Ермака Тимоѳеевича и Ивана Кольцо, или по крайней мѣрѣ слышать о нихъ. А когда, по вышеуказаннымъ обстоятельствамъ, явилась надобность въ наемной силѣ, то Строгановы и обратились за помощью къ атаману Ермаку и его товарищамъ, какъ къ людямъ, отчасти уже извѣстнымъ имъ. Такъ какъ въ то время казаковъ на Волгѣ стало сильно преслѣдовать наше правительство, то Ермакъ принялъ охотно предложеніе Строгановыхъ отъ 6 апрѣля 1579 г., или правильнѣе 1578 г., конечно, на выгодныхъ для себя условіяхъ. Этимъ, кажется, нужно объяснить и то, что на пути въ Пермь по Камѣ дружина Ермака въ 540 чел. вела себя довольно сдержанно; по крайней мѣрѣ нѣтъ извѣстій о какихъ либо крупныхъ разбояхъ ея на Камѣ до прибытія на Чусовую, и только здѣсь казаки уже начали враждовать съ сосѣдними инородцами въ ожиданіи дальнѣйшаго похода въ Сибирь.

Загадочныя связи Ермака со Строгановыми, существовавшія еще до призванія его на Каму и Чусовую, находятъ себѣ подтвержденіе и въ слѣдующемъ преданіи, занесенномъ въ „Сказаніе Сибирской земли“, впервые печатаемое нами въ приложеніяхъ къ V выпуску „Пермской Старины“ **). „*О себѣ же Ермакъ извѣстіе написалъ, откуда рожденіе его.* Дѣдъ его былъ Суздалецъ посадской человѣкъ, жилъ въ ли-

*) «Пермс. Старина», I, 49 и II, 104.

**) Это «Сказаніе» есть ничто иное, какъ «нѣкоторая исторія», доселѣ неизвѣстная, на которую ссылается Сибирскій лѣтописецъ *Илья Черепановъ*.

шеніи, отъ хлѣбной скудости сошелъ въ Володимеръ; именемъ его звали Аѳонасей Григорьевичь сынъ Аленинъ; и тутъ воспита двухъ сыновъ Родіона да Тимоѳея; и кормился извозомъ и былъ въ найму въ подводахъ у разбойниковъ, на Муромскомъ лѣсу пойманъ и сидѣлъ въ тюрьмѣ, а оттуда бѣже съ женою и съ дѣтьми въ *Юрьевецъ Поволской*, умре, *а дѣти его Родіонъ и Тимоѳей отъ скудости сошли на рѣку Чусовую въ вотчины Строгановы;* ему породи дѣтей: у Родіона два сына—Дмитрей да Лука, у Тимоѳея дѣти Гаврило, да Фролъ, *да Василей*. И оной Василей былъ силенъ и велерѣчивъ, и остръ, *ходилъ у Строгановыхъ на стругахъ въ работѣ, по рѣкамъ Камѣ и Волгѣ*, и отъ той работы принялъ смѣлость и, прибравъ себѣ дружину малую, пошелъ отъ работы на разбой и отъ нихъ звашася атаманомъ, *прозванъ Ермакомъ*, сказуется дорожной артельной таганъ, а по волскимъ—жерновой мельнецъ ручной. А какъ службу показалъ—о томъ показано въ сей исторіи выше сего".

Приведенное свидѣтельство „Сказанія" очень важно во 1-хъ тѣмъ, что указываетъ о состояніи Ермака на службѣ у Строгановыхъ еще до вступленія его въ казачество и дѣлаетъ легко объяснимымъ фактъ, почему въ 1578 г. Строгановы призвали къ себѣ на помощь именно этого атамана, а не какого-либо другаго; во 2-хъ, оно указываетъ на происхожденіе прозванія *Ермакъ*, каковое необходимо было имѣть бѣглому человѣку, какъ нѣкоторую гарантію на случай поимки (такія прозвища среди вольныхъ казаковъ, вѣроятно, были дѣломъ обычнымъ); въ 3-хъ, оно объясняетъ другое названіе Ермака *Поволскимъ* отъ имени Юрьевца Поволжскаго; въ 4-хъ, свидѣтельство „Сказанія" *основано на разсказахъ самого Ермака*.

Во всемъ этомъ свидѣтельствѣ нѣтъ ничего невѣроятнаго. Отецъ Ермака вмѣстѣ съ сыномъ могъ прійти къ Строгановымъ въ первый же годъ пожалованія имъ земель въ Перми Великой въ 1558 г., когда Ермакъ могъ быть въ юношескомъ возрастѣ и вмѣстѣ съ отцомъ служить у Строгановыхъ, отъ которыхъ ушелъ потомъ добровольно, какъ человѣкъ пришлый, вольный. Онъ ушелъ на Волгу, гдѣ поселился на Самарской лукѣ. Объ этомъ мѣстопребываніи его, повидимому, знали люди Строгановыхъ. Когда послѣдніе

встрѣтили нужду въ наемной силѣ, они вспомнили о бывшемъ своемъ слугѣ и 6 апрѣля 1578 г. написали ему письмо съ приглашеніемъ идти воевать Кучума. Для вольнаго казака это было очень заманчивое предложеніе, и онъ охотно согласился пойти на помощь къ знакомымъ ему богатымъ пермскимъ людямъ.

Изъ „Сказанія" приведенное извѣстіе было включено впослѣдствіи въ извѣстный Сибирскій лѣтописный сборникъ Ильи Черепанова, который *Н. М. Карамзинъ* называетъ „Новой Сибирской лѣтописью", а *П. А. Словцовъ*—„Тобольскимъ Сборникомъ" *). По поводу извѣстія о происхожденіи Ермака, сообщаемаго Черепановымъ на основаніи „Сказанія Сибирской земли", Карамзинъ замѣтилъ: „Это сказка, думаю". Но во 1-хъ, и великимъ людямъ свойственно ошибаться въ своихъ заключеніяхъ, а во 2-хъ, всѣ *мѣстныя* изысканія даютъ основаніе видѣть въ приведенномъ извѣстіи, основанномъ на показаніяхъ самого Ермака, значительную долю вѣроятности. Въ послѣднее время *Д. И. Иловайскій* не безъ основанія высказался въ пользу этого извѣстія въ III томѣ своей „Исторіи Россіи" (стр. 388).

Въ изложеніи самаго похода, уже столько разъ описаннаго по Сибирскимъ лѣтописямъ, мы обратимъ главное вниманіе на разные спорные вопросы, связанные съ нимъ, считая вопросъ о призывѣ Ермака Строгановыми съ нашей стороны рѣшеннымъ въ утвердительномъ смыслѣ. Предоставляемъ другимъ отвергнуть то, къ чему мы пришли какъ въ IV выпускѣ нашей „Пермской Старины", такъ и здѣсь, на основаніи пересмотра всѣхъ письменныхъ источниковъ, сюда относящихся, критическая оцѣнка которыхъ нами приведена въ томъ же IV выпускѣ упомянутаго изданія и значительно дополняется здѣсь.

Первый спорный вопросъ касается года прибытія Ермаковой дружины въ Пермь, къ Строгановымъ. Въ *Строганов-*

---

*) *Карамзинъ*: «Исторія» IX, гдѣ въ примѣч. 664 см. указанную выписку о происхожденіи Ермака въ подновленной, сравнительно со «Сказаніемъ», формѣ. *Словцовъ*: «Историч. обозрѣніе Сибири». СПБ. 1886 г. XVIII—XIX. *Л. Н. Майковъ*: «О Сибирскомъ лѣтописномъ сборникѣ Черепанова» въ VII выпускѣ «Лѣтописи занятій Археографической Коммиссіи». Въ «Пермс. Стар.» о ней см. вып. IV, 33—34.

ской лѣтописи, куда занесенъ фактъ посылки къ казакамъ приглашенія отъ Строгановыхъ при письмѣ ихъ отъ 6 апрѣля 1579 г., прибытіе казаковъ въ Пермь относится къ 28 іюня того же года, а по сентябрьскому счисленію едва ли не къ концу 1578 года, послѣ чего казаки, будто-бы, оставались въ вотчинахъ Строгановыхъ 2 года и 2 мѣсяца*), т. е. до 1 сентября 1581 г. По тому же извѣстію, казаковъ пришло съ Ермакомъ 540 человѣкъ; пришли они въ Чусовскіе городки, гдѣ Семенъ, Максимъ и Никита Строгановы „пріяша ихъ съ честію и даяху имъ дары многи и брашны и питіи изобильно ихъ наслаждаху". Въ *Есиповской* лѣтописи, въ началѣ 8-й главы, эти подробности опущены, и замѣчено только „въ лѣто 7089 (1580) году при державѣ.... пріидоша сіи воини съ Волги въ Сибирь" **). Такимъ образомъ показанія этихъ двухъ лѣтописей не сходятся въ опредѣленіи начала похода изъ Перми въ 1581 г.; не согласны они и въ показаніи времени и обстоятельствъ прибытія казаковъ въ Пермь, что и создало среди ученыхъ два прямо противоположныя воззрѣнія на роль Строгановыхъ въ этомъ походѣ. Въ *Ремезовской* лѣтописи, вообще страдающей ошибками въ *годовыхъ* датахъ, къ 1579 г. отнесено начало самаго похода, почему ея показаніе безусловно слѣдуетъ считать ошибочнымъ въ соображеніи со всѣми фактами того времени***). Строгановская лѣтопись убѣждаетъ, что 1579-й годъ (вѣрнѣе 1578-й годъ) былъ годомъ прибытія Ермака въ Пермь, а не выступленія его изъ Перми въ Сибирь, которое и Есиповскою лѣтописью относится къ 1580 году. Это признаетъ даже сторонникъ Ремезовской лѣтописи *Д. И. Иловайскій*, какъ можно видѣть изъ его словъ: „казацкіе атаманы пробыли *два года* въ Чусовскихъ городкахъ и въ это время помогали Строгановымъ обороняться отъ безпокойныхъ инородцевъ" ****).

---

*) См. выписку изъ Строгановс. лѣтописи въ «Пермс. Стар.» IV, 46—47.

**) Выписку изъ Есиповской лѣтописи см. тамъ же, стр. 41.

***) *Л. Н. Майковъ*: «Хронологическія справки по поводу трехсотлѣтней годовщины присоединенія Сибири» въ «Журналѣ Минист. Нар. Просв.» 1881 г., № 9, и оттискъ, стр. 8.

****) «Исторія Россіи», т. III, стр. 389.

Посмотримъ теперь, какія же безпокойства испытывала Пермь Великая, пока казаки приготовлялись къ Сибирскому походу. Со времени Черемисскаго бунта 1572 г. и нашествія Маметкула на Чусовую, въ южную часть Перми Великой, въ 1573 г.,—въ этой странѣ и около нея не было волненій среди инородцевъ. Семь слишкомъ лѣтъ прошли въ относительномъ спокойствіи. Но со времени появленія дружины Ермака въ вотчинахъ Строгановыхъ, начинаются набѣги Вогуличей на Пермь Великую. Очевидно, казаки не могли спокойно сидѣть въ вотчинахъ Строгановыхъ—сидѣть, сложа руки, безъ дѣла. Это было не въ ихъ привычкахъ и характерѣ И въ достовѣрной Строгановской лѣтописи о пребываніи казаковъ въ вотчинахъ Строгановыхъ въ 1579—1581 г. дѣйствительно сказано: „*Атаманы же и казаки стояху противъ безбожныхъ Агарянъ буйственно и единомысленно съ живущими ту людьми въ городкѣхъ* *), *и біяхуся съ безбожными Агаряны сурово и немилостиво, и твердо стояху и на невѣрныхъ поощряхуся:* пожиста же они, атаманы и казаки, въ городкахъ ихъ (Строгановыхъ) два лѣта и мѣсяцы два" **). Эти слова, сопоставленныя съ приведенными выше соображеніями, служатъ новымъ убѣдительнымъ доказательствомъ достовѣрности извѣстій Строгановской лѣтописи.

Дѣятельный, подвижной характеръ казаковъ вызывалъ неизбѣжныя „задиранія" ихъ противъ инородцевъ, жившихъ къ югу отъ Чусовой и въ бассейнѣ ея притока Сылвы. Тамъ жило много Татаръ и Остяковъ, которые на предгорьяхъ Урала смѣшивались съ Вогуличами. Все это были народы, враждебные Перми Великой и уже не разъ безпокоившіе ее своими набѣгами. Притихнувшіе на нѣсколько лѣтъ, они снова были выведены изъ терпѣнія дебоширствами казаковъ. Прежнія же ихъ возстанія вызывались преимущественно вымогательствами сборщиковъ дани, о коихъ можно догадываться изъ Великопермской уставной грамоты начала XVI в.***).

*) Чусовской Нижній городокъ основанъ въ 1568 г., Сылвенскій острожекъ, что нынѣ село Троицкое Пермскаго уѣзда, въ 1570 г., по указанію грамотъ и Строгановской лѣтописи.

**) См. «Перм. Стар.» IV, 47. Тоже сказано въ имѣющемся у меня рукописномъ спискѣ Строгановской лѣтописи начала нашего вѣка или конца прошлаго.

***) Напечатана въ приложеніи къ I вып. «Перм. Стар.» 187—195. «Да ваши жъ де Пермскіе намѣстники посылаютъ по Пермской землѣ своихъ людей, тіуновъ и доводчиковъ, луковъ писати и кормовъ брати, и намѣстничіе де люди *приписываютъ* у нихъ многіе луки лишніе» и т. д.

Въ 1580 г. іюля 22 послѣдовало нашествіе на Чусовую мурзы Бегбелія, которое Строгановская лѣтопись неправильно относитъ къ слѣдующему году. Чрезъ мѣсяцъ съ небольшимъ на Пермь Великую бросился князь Кихекъ, что произошло 1 сентября 1581 г., какъ достовѣрно извѣстно. (*Слѣдуетъ помнить, что новый годъ тогда считался съ 1 сентября*, почему набѣгъ Бегбелія и былъ несомнѣнно еще въ концѣ 1580 года). По словамъ Строгановской лѣтописи, вогульскій мурза Безбелій Ахтаковъ (по видимому, изъ отатарившихся Вогулъ) со скопищемъ въ 680 человѣкъ Вогулъ и Остяковъ „безвѣстно и украдомъ“ пришелъ подъ Чусовскіе городки, пожегъ много русскихъ деревень и увелъ въ плѣнъ не мало людей обоего пола, но вскорѣ самъ попалъ въ руки Русскихъ, повинился предъ ними, возвратилъ „полонъ“ и обязался платить исправно дань русскому царю. Впослѣдствіи Бегбелій, повидимому, измѣнилъ своей клятвѣ *). Поимка Бегбелія, вѣроятно, была дѣломъ казаковъ, которые своимъ буйствомъ вызвали и самый набѣгъ Вогуловъ. Объ этомъ буйствѣ казаковъ кромѣ Строгановской лѣтописи говоритъ и Ремезовская. Изъ послѣдней видно, что въ теченіе двухъ лѣтъ Ермакъ съ своей шайкой бродилъ по р. Сылвѣ, притоку Чусовой, гдѣ кончались вотчины Строгановыхъ и начинались поселья Остяковъ и Татаръ. Есть извѣстіе, что казаки еще до похода разузнавали дороги въ Сибирь, о чемъ подробно мы скажемъ далѣе. У Ремезова читаемъ: въ 1578 г. Ермакъ „плылъ Камою, Чусовою и, не зная пути, вошелъ 26 сентября *въ рѣку Сылву*; плылъ далѣе и далѣе, увидѣлъ наконецъ, что это не дорога въ Сибирь и остановился зимовать въ томъ мѣстѣ, которое и теперь называется „Ермаковымъ городищемъ“; *оттуда 300 казаковъ ходили въ землю Вогуличей и пришли назадъ съ добычею*“ **). Дѣйствительно, на лѣвомъ берегу Сылвы, повыше села Тохтарева Красноуфимскаго уѣзда, на устьѣ рѣчки Шатлыка донынѣ есть деревня „Хуторы Ермаковы“ ***).

*) Рукописная Строгановская лѣтопись; у *Карамзина* т. IX, 381 и примѣч. 666. Въ грамотѣ отъ 6 ноября 1581 г. надо разумѣть того же мурзу Бегбелія.

**) *Карамзинъ*, т. IX, примѣч. 670. Выдержка приводится въ редакціи Карамзина.

***) *Чупинъ:* «Географич. словарь Пермс. губ.» Пермь. 1873 г., стр. 482.

Для рѣшенія вопроса о приходѣ Ермака въ Пермь Великую немаловажное значеніе должно имѣть вновь открытое нами въ 1890 г. „*Сказаніе Сибирской земли*“ неизвѣстнаго составителя *). Оно представляетъ дѣло такимъ образомъ.

Когда на Волгѣ казаковъ стало сильно преслѣдовать правительство (по *Ремезову*, въ 1576 г., противъ нихъ былъ высланъ стольникъ Иванъ Мурашкинъ), то „оный разбойникъ (Ермакъ), убояся того, съ товарищи пять сотъ человѣкъ убѣжали съ Волги въ Каму рѣку вверхъ и прибѣже въ вотчины Строганову *и тамо пребысть нѣсколько время*. И въ то число (?) въ Строгановы городки и вотчины по Чюсовой и по Камѣ рѣкамъ пришелъ *вольно* изъ Вогуличь Целымской князь во многомъ собраніи. И воевода (?) *Максимъ Строгановъ просилъ его, Ермака, чтобъ онъ отъ того Пелымскаго князя оборонилъ. Ермакъ же, не преслуша не мало времени*, въ тотъ часъ собрався съ дружиною своею, иде скоро противо Вогулъ и поби ихъ безъ остатку, *и вотчины Строгановы выручилъ, и за что его, Ермака, оной Строгановъ принялъ любительною ласкою и кормомъ*“.

Въ приведенномъ извѣстіи несомнѣнно говорится о набѣгѣ Пелымскаго, т. е. Вогульскаго князя Бегбелія, сдѣланномъ на Чусовской городокъ Семена и Максима Строгановыхъ 22 іюля 1580 г. Строгановская лѣтопись свидѣтельствуетъ, какъ видимъ, о томъ же событіи, но съ большими подробностями, *какъ мѣстная Великопермская лѣтопись*. Обѣ лѣтописи согласно также свидѣтельствуютъ о *ласковомъ* обращеніи Строгановыхъ съ казаками. Если бы при этомъ Ермакъ *самовольно* вторгнулся въ вотчины Максима Строганова, то послѣдній не сталъ бы такъ обращаться съ нимъ, постарался бы не допустить его къ себѣ и, при недостаткѣ собственныхъ силъ для этого, обратился бы за содѣйствіемъ къ государеву намѣстнику кн. Елецкому, чего однако не было. При томъ о Бегбеліи „Сказаніе“ дѣлаетъ оговорку, что онъ пришелъ *вольно*, а объ Ермакѣ этого не замѣчено. Все это доказываетъ, что Ермакъ пришелъ въ вотчины Строгановыхъ по приглашенію самихъ владѣльцевъ вотчинъ. И мѣстная Великопермская Строгановская лѣтопись, соста-

*) Впервые печатается въ приложеніи къ V выпуску «Пермской Старины».

вителю которой ближе были извѣстны всѣ эти обстоятельства, именно такъ объясняетъ дѣло, вводя и здѣсь больше подробностей сравнительно со „Сказаніемъ“ *).

Далѣе „Сказаніе“ приписываетъ Ермаку мысль о походѣ въ Сибирь, которую Строгановы приняли будто-бы очень охотно. Но разъ они сами пригласили Ермака, то съ такимъ лѣтописнымъ толкованіемъ иниціативы похода уже нельзя согласиться. Безъ сомнѣнія, Строгановы призвали Ермака именно для задуманнаго ими еще въ 1579 или 1578 г. Сибирскаго похода противъ Кучума. Въ этомъ случаѣ больше нужно вѣрить царской грамотѣ отъ 16 ноября 1582 г., прямо заявляющей о *призваніи* Ермака Строгановыми, нежели сбивчивымъ и неполнымъ извѣстіямъ лѣтописи. Изъ Сибирскихъ же лѣтописей въ данномъ вопросѣ, конечно, заслуживаетъ наибольшаго довѣрія Строгановская, *какъ мѣстная Великопермская,* составитель которой гораздо ближе могъ знать участіе Строгановыхъ въ призваніи Ермака, чѣмъ далекіе отъ Перми Тобольскіе лѣтописцы.

Важно еще отмѣтить замѣчаніе „Сказанія“, что Ермакъ набралъ въ вотчинахъ Строгановыхъ, съ позволенія владѣльцевъ, 154 человѣка *„тутошнихъ жителей къ своимъ въ прибавку—всего собралъ себѣ 654 человѣка и назвася казаками“*. Не мудрено послѣ этого, что въ Сибири говорили и знали только о казакахъ и ничего—о людяхъ Строгановскихъ. Думаю, что *Строгановы сдѣлали это изъ предосторожности и желанія скрыть всякое участіе свое въ дѣлѣ, предпринятомъ хотя и въ личныхъ выгодахъ, но безъ царскаго указа.*

Наконецъ мы должны обратить здѣсь вниманіе на одинъ вещественный памятникъ, современный Ермаку. Въ богатомъ собраніи древностей, хранящихся въ старинномъ наслѣдственномъ домѣ графовъ Строгановыхъ въ Петербургѣ, что на Невскомъ проспектѣ, сохранился старинный ружейный стволъ съ надписью на немъ, вылитой славянскими литтерами: *„Въ градѣ Кергеданѣ на рѣцѣ Камѣ дарю я, Максимъ*

*) Великопермское происхожденіе Строгановской лѣтописи недавно доказалъ *С. А. Адріановъ* въ статьѣ: «Къ вопросу о покореніи Сибири» въ «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1893 г., апрѣль. Нельзя не выразить автору признательности за это важное открытіе, хотя самъ авторъ и есть крайній сторонникъ Есипова.

Яковлевъ сынъ Строгановъ, атаману Ермаку лѣта 7090" *). Эта хронологическая дата вполнѣ согласна съ показаніемъ Строгановской лѣтописи относительно выступленія казаковъ въ Сибирскій походъ 1 сентября 1581 г. Хотя Максимъ Яковлевичъ жилъ въ Чусовскомъ Нижнемъ городкѣ, но онъ владѣлъ кромѣ праваго берега р. Чусовой и землями по р. Камѣ ниже Орловскаго округа, принадлежавшаго его двоюр. брату Никитѣ Григорьевичу (отъ Карышева острова до устья Чусовой и ниже его) **). Вмѣстѣ съ нимъ, какъ мы видѣли, онъ имѣлъ участіе въ Зауральскихъ имѣніяхъ, пожалованныхъ Строгановымъ по грамотѣ 30 мая 1574 г., и слѣдовательно особенно былъ заинтересованъ въ поддержкѣ Ермака. Максимъ Яковлевичъ былъ главнымъ активнымъ участникомъ изъ всѣхъ Строгановыхъ въ подготовленіи Сибирскаго похода, какъ видно изъ лѣтописи Ремезова и „Сказанія Сибирской земли". Разумѣется, онъ часто бывалъ и въ Орлѣ на Камѣ (Кергеданъ тоже), у своего двоюроднаго брата, хотя самъ жилъ обыкновенно на Чусовой. Бывалъ тамъ, очевидно, и атаманъ Ермакъ, который тамъ-то и получилъ подарокъ отъ Максима Яковлевича. Что же скажутъ противъ всего этого тѣ историки, которые отвергаютъ всякое участіе Строгановыхъ въ покореніи Сибири? Вѣроятно, они будутъ стараться доказать, что и приведенная надпись на старинномъ ружейномъ стволѣ есть не болѣе, какъ поддѣлка позднѣйшаго времени. Пусть такъ, но за всѣмъ этимъ въ Пермскомъ краѣ живы еще народныя преданія о связи Ермака со Строгановыми. Тутъ какъ быть крайнимъ скептикамъ? Мы думаемъ, что въ виду всего сказаннаго ихъ упорный скептицизмъ долженъ рано или поздно до нѣкоторой степени поколебаться.

~~~~~~~~~~

Наконецъ 1 сентября 1581 г., послѣ двухлѣтняго пребыванія у Строгановыхъ, Ермакъ со своею дружиною отправился на судахъ вверхъ по р. Чусовой въ Сибирскій походъ. Предъ выступленіемъ въ походъ казаки отслужили въ Чусовскомъ городкѣ молебенъ, запаслись „оружіемъ огненнымъ,

*) Сообщено мнѣ покойнымъ *В. В. Голубцовымъ* (генеалогомъ), который лично видѣлъ этотъ интересный и въ данномъ случаѣ весьма важный памятникъ древности.

**) «Пермская Старина» I, 114.
~~~~~~~~~~

пушечками скорострѣльными семипядными, запасами многими" (Строган. лѣт.) и затѣмъ въ сообществѣ мѣстныхъ „охочихъ людей" двинулись въ путь. *Позднее выступленіе въ походъ и объясняется бывшимъ предъ тѣмъ нашествіемъ Бегбелія* *) на Чусовской городокъ и его окрестности въ исходѣ іюля и началѣ августа 1580 г., по тогдашнему счисленію времени. Жившіе въ ближайшемъ сосѣдствѣ инородцы, хорошо знавшіе о всемъ происходившемъ въ Перми Великой, только и ждали этого желаннаго момента. Они навѣрное знали, что съ уходомъ казаковъ страна осталась беззащитна, знали это отъ перебѣжчиковъ. *Отъ тѣхъ же перебѣжчиковъ непріятель узналъ заранѣе и день выступленія казаковъ въ походъ 1-го сентября*; это важное извѣстіе чрезъ 3—4 дня возможно было передать чрезъ гонца на противоположный конецъ Перми Великой, гдѣ на вершинахъ Вишеры или Лозьвы уже стоялъ наготовѣ Пелымскій князь, а чрезъ недѣлю можно было со всей силой броситься на Чердынь. Я увѣренъ, что такъ это и было, такъ говорятъ доселѣ народныя преданія, и что *предварительный набѣгъ подручнаго Кихеку Бегбелія на Чусовую и сдѣланъ былъ въ разсчетѣ задержать казаковъ побольше въ Перми, чтобы дать возможность Кихеку собраться съ силами на Пелымѣ и сдѣлать переходъ оттуда до Вишеры*. Лишь только Ермакъ очистилъ путь къ Чусовскому городку, какъ скопища Вогуловъ, жившихъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ городкомъ, по предварительному условію съ Пелымскимъ княземъ Кихекомъ, отрѣзали возвращеніе казакамъ въ городокъ, обложивъ его съ южной стороны, *а самъ Кихекъ, руководившій всѣмъ движеніемъ, вторгнулся въ Пермь Великую съ сѣвера и того же 1 сентября 1581 г. приступилъ къ городу Чердыни*. Очевидно, Пелымскій князь съ своими Сибирскими людьми и Вогулами проникъ сюда со стороны Тахчей, по старой Сибирской дорогѣ, шедшей съ Тавды и Лозьвы на р.р. Вишеру и Колву. *Все это было сдѣлано врасплохъ, совершенно неожиданно* какъ для жившихъ въ Чердыни государева Великопермскаго намѣстника князя Ивана Михайловича Елецкаго и его соправителя Василія Пелепе-

*) *Небольсинъ* въ книгѣ: «Покореніе Сибири» (СПБ. 1849) съ умысломъ забываетъ это извѣстное ему обстоятельство.

лицына, такъ и для Строгановыхъ. И такъ какъ послѣднихъ отъ перваго отдѣляло довольно значительное разстояніе около 400 верстъ, то навѣрное Семенъ и Максимъ Строгановы, жившіе на Чусовой, не подозрѣвали той страшной опасности, какая одновременно грозила Никитѣ Строганову, жившему на р. Камѣ, въ Орлѣ-городкѣ, и уже наступила для Чердыни. Этимъ то неожиданнымъ стеченіемъ обстоятельствъ и объясняется то недоразумѣніе, какое произошло *въ самый критическій моментъ* между Семеномъ и Максимомъ Строгановыми съ одной стороны и Никитою Строгановымъ, княземъ Елецкимъ и Василіемъ Пелепелицынымъ—съ другой. Время и обстоятельства были таковы, что не позволяли медлить ниодного дня въ принятіи самыхъ рѣшительныхъ мѣръ самозащиты, а значительныя разстоянія дѣлали невозможными настолько быстрый обмѣнъ „вѣстями", насколько требовалось это совершенно исключительными обстоятельствами того времени. При такихъ условіяхъ для насъ становятся вполнѣ понятными царскія грамоты на имя Никиты Строганова отъ 6 ноября 1581 г. и на имя того же Никиты и брата его Максима Строгановыхъ отъ 16 ноября 1582 г.*). Первая изъ нихъ была послѣдствіемъ жалобы царю на Никиту дяди и двоюроднаго брата перваго за неоказаніе имъ своевременной помощи въ виду явной опасности отъ стоявшихъ за Чусовой Вогуличей; а грамота 1582 г. была отвѣтомъ на донесеніе царю Пелепелицына о двоюродныхъ братьяхъ Строгановыхъ относительно несвоевременной отсылки ими дружины Ермака въ Сибирь въ моментъ страшной опасности для главнаго города Перми Великой. Ни Семенъ и Максимъ Строгановы, ни тѣмъ болѣе Пелепелицынъ не дѣйствовали въ данномъ случаѣ иначе, какъ *искренно*, въ виду дѣйствительной, общей для всѣхъ ихъ, опасности въ то время. Строгановы грѣшны были предъ царемъ только въ томъ, что скрыли отъ него призваніе казаковъ, *а Пелепелицынъ, съ увольненіемъ князя Елецкаго въ декабрѣ 1581 г. оставшійся*

*) Грамота Никитѣ Григорьевичу Строганову отъ 6 ноября 1581 г. напечатана у *Миллера* въ «Опис. Сиб. Цар.» на стр. 144, а знаменитая *опальная* грамота Максиму Як. и Никитѣ Григ. отъ 16 ноября 1582 г.—тамъ же, стр. 145–147. Вторично онѣ напечатаны въ «Дополненіяхъ къ Актамъ Историческимъ» томъ I, стр. 183—185.

главнымъ отвѣтственнымъ лицомъ за спокойствіе всего Пермскаго края, уже не могъ скрыть отъ царя ничего, опасаясь за самую свою жизнь, и долженъ былъ сказать, открыть предъ царемъ всю правду, донести и о самовольномъ призывѣ Ермака Строгановыми, и о посылкѣ казаковъ въ Сибирь въ самое трудное для Перми время.

Таковы были исключительныя обстоятельства, въ которыхъ очутилась Пермь Великая съ момента оставленія ея дружиною Ермака 1 сентября 1581 г. Образъ дѣйствій Пелымскаго князя Кихека въ этомъ случаѣ обнаруживаетъ въ немъ значительную дальновидность и обличаетъ въ его лицѣ хорошаго стратега, близко знавшаго всѣ мѣстныя условія для успѣшнаго веденія войны. И тогдашній Пермскій намѣстникъ князь Елецкій, и Строгановы оказались ниже его въ этомъ отношеніи. Изъ грамоты 1582 г. мы увидимъ однако, что *во всемъ этомъ дѣлѣ участвовалъ и Кучумъ, которому подчиненъ былъ Кихекъ, но онъ едва-ли могъ близко знать мѣстныя условія войны.* Пользуясь чрезвычайно благопріятнымъ моментомъ, князь Пелымскій съ войскомъ въ 700 человѣкъ разгромилъ всю Пермь Великую отъ Чердыни и Кайгорода до береговъ Чусовой, при чемъ на этомъ пути его подкрѣпили всѣ старые недоброжелатели Русскихъ: Татары, Башкиры, Остяки, Вогуличи, Вотяки, обитавшіе по рѣкамъ Иньвѣ, Обвѣ, Косьвѣ (притоки Камы) и южнѣе—по Сылвѣ, Шаквѣ и Ирени (бассейнъ Чусовой) *). Такого страшнаго погрома Пермь Великая не испытывала никогда въ теченіе всей ея исторіи. Начавъ съ Чердыни, которой однако не взялъ, Кихекъ пошелъ на Кай-городокъ, опустошая все на своемъ пути, оттуда на Соликамскъ, который разграбилъ и предалъ пламени, далѣе прошелъ по прикамской вотчинѣ Никиты Строганова—мимо Канкора (Ыскора тоже) и Кергедана (т. е. Орла), по вотчинѣ Семена Аникіевича—мимо Яйвенскаго острожка и наконецъ вторгнулся въ самую южную часть Перми Великой, въ вотчину Максима Строганова, гдѣ его полчища и соединились со стоявшими на Чусовой ино-

---

*) *Строгановская* лѣтопись подъ 1581 г.; *Карамзинъ*, IX, примѣч. 671. Подробности этого разгрома указаны и въ мѣстныхъ *Соликамскихъ* лѣтописяхъ, изданныхъ мною въ «Пермскихъ Губ. Вѣд.» 1883 и 1884 г.г. и отдѣльно, и *Берхомъ* въ книгѣ: «Путешествіе въ г.г. Чердынь и Соликамскъ». СПБ. 1821 г.

родцами, предавъ всю эту мѣстность полному разграбленію, при чемъ Чусовской городокъ и Сылвенскій острожекъ съ ихъ гарнизонами однако же устояли противъ враговъ. Отсюда Пелымскій князь направился во свояси по слѣдамъ казаковъ, которые между тѣмъ были уже на вершинахъ Урала. Пелымъ не оставался, вѣроятно, безъ всякой защиты, Кихекъ отлично зналъ всѣ ближайшіе къ нему пути и видимо разсчитывалъ возвратиться туда до прихода казаковъ.

Теперь подробно остановимся на упомянутыхъ выше челобитныхъ и грамотахъ отъ 6 ноября 1581 г. и отъ 16 ноября слѣдующаго года. Мы показали, при какихъ условіяхъ возникла эта переписка съ царемъ: она вызвана была *совершенно исключительными обстоятельствами* и крайней опасностью, въ виду которой осенью 1581 г. была вся Пермь Великая. Только этимъ можно объяснить слишкомъ необычную жалобу самому царю Семена и Максима Строгановыхъ на своего же ближайшаго родственника и участника въ Сибирскомъ предпріятіи. Но имъ нечего было бояться выдачи ихъ головою царю, потому что Никита Строгановъ былъ такой же виновникъ призванія казаковъ вопреки царской грамоты 1574 г., какъ Семенъ и Максимъ: выдавъ ихъ, онъ выдалъ бы и себя. Не то было по отношенію къ Пелепелицыну, который, по увольненіи отъ намѣстничества кн. Елецкаго въ декабрѣ 1581 г., остался одинъ правителемъ Перми: въ разсчетѣ на его молчаніе Строгановы сильно ошиблись, полагаясь, вѣроятно, на прежде обычную благосклонность къ нимъ намѣстниковъ и не предвидя всего случившагося. Погромъ Перми въ 1581 г. былъ столь ужасенъ, что замалчивать правду предъ царемъ для Пелепелицына было бы равносильно добровольному обреченію себя на смерть въ то грозное время Іоаннова царствованія: *и онъ открылъ царю всю правду,* что для Строгановыхъ было сильнымъ нравственнымъ ударомъ. Теперь спрашиваемъ: есть-ли какое нибудь основаніе подозрѣвать Пелепелицына въ умышленномъ извѣтѣ на Строгановыхъ, какъ это дѣлаетъ г. *Адріановъ* въ послѣдней тенденціозной статьѣ по вопросу о покореніи Сибири? *).

*) «Къ вопросу о покореніи Сибири» въ «Журналѣ Минист. Народ. Просв.» 1893 г., апрѣль, стр. 548—549. Статья эта представляетъ возраженіе на наши выводы по тому же вопросу, изложенные въ IV вып. «Пермской Старины».

Задавшись цѣлью доказать, что „Ермакъ дѣйствовалъ по собственной инициативѣ и совершенно независимо отъ Строгановыхъ“ (стр. 548) и опираясь въ своихъ доказательствахъ *только* на Сибирскія лѣтописи, г. Адріановъ возвелъ напраслину на ни въ чемъ не повиннаго Пелепелицына, надъ головой котораго висѣлъ мечъ, будто онъ, „желая навлечь царскую опалу на Строгановыхъ (?), обвинялъ ихъ въ призваніи воровъ казаковъ и въ задираніи Сибирскаго салтана“ (стр. 549); сдѣлалъ же онъ такой извѣтъ потому, будто-бы, что „отъ Строгановскихъ привилегій кормленіе Чердынскаго воеводы сильно страдало“ (548). Все это *придумано* г. Адріановымъ для того, чтобы убѣдить читателя, что и вызванная челобитной Пелепелицына грамота 16 ноября 1582 г. такъ же лжетъ на счетъ Строгановыхъ, какъ Сибирская лѣтопись, носящая ихъ названіе, а затѣмъ и послѣдующія царскія грамоты, жалованныя Строгановымъ въ XVII вѣкѣ. Такой пріемъ историческихъ „доказательствъ“, признаемся, намъ сильно напомнилъ г. Новокрещенныхъ, на котораго г. Адріановъ съ удовольствіемъ ссылается, и о своеобразныхъ критическихъ пріемахъ котораго мы уже говорили въ IV выпускѣ нашего изданія (стр. XI—XIV). Кромѣ того исключительнаго положенія, въ которомъ на мѣстѣ Пелепелицына въ 1581—1582 г.г. поступилъ бы не иначе всякій, кому дорога собственная жизнь, укажемъ г. Адріанову и его сторонникамъ, что Строгановскія привиллегіи ничуть не мѣшали воеводамъ обогащаться на счетъ Строгановыхъ, какъ въ этомъ убѣждаетъ вся исторія колонизаціи ими прикамскихъ земель, при несомнѣнномъ содѣйствіи Великопермскихъ намѣстниковъ *). При отсутствіи легальныхъ доходовъ съ вотчинъ Строгановыхъ, намѣстники не гнушались добровольными даяніями отъ ихъ щедротъ въ видѣ „благодарностей“ за услуги, и какъ было у насъ весьма не рѣдко, на бумагѣ было одно, а на дѣлѣ другое.

Итакъ отдавая справедливость г. Адріанову за старательное изученіе состава Сибирскихъ лѣтописей, анализъ содержанія которыхъ показалъ намъ ихъ взаимное соотноше-

---

*) «Пермская Старина» I, 95—105; II, 97—98 и 154—189; III, 108—110; IV, 83—87.

ніе и *пермское происхожденіе Строгановской лѣтописи*, мы не можемъ согласиться съ его основнымъ взглядомъ на Строгановыхъ и Пелепелицына, а равно и на значеніе царскихъ грамотъ, данныхъ на имя Строгановыхъ, на которыя г. Адріановъ смотритъ слишкомъ поверхностно и безъ достаточнаго основанія вѣритъ имъ гораздо менѣе, чѣмъ „Осиповой“ и Ремезовской лѣтописямъ Сибири. Допустимъ, что Строгановская лѣтопись составлена позже „Осиповской“, что составитель первой былъ отчасти компиляторомъ второй, что онъ былъ для Строгановыхъ „свой человѣкъ“, а потому, не въ примѣръ всѣмъ другимъ лѣтописцамъ, воспользовался и ихъ фамильными грамотами, такъ какъ ясно видѣлъ крупные пробѣлы въ изложеніи фактовъ другими лѣтописцами. Но гдѣ все таки основаніе подозрѣвать его въ *вымышленіи* всѣхъ событій касательно Строгановыхъ, которыхъ другіе лѣтописцы, жившіе преимущественно въ Тобольскѣ, по отдаленности отъ Перми Великой *и не могли знать*? гдѣ основаніе подозрѣвать его въ *извѣтѣ* на Пелепелицына, когда именно этому лѣтописцу выгоднѣе было умолчать о такихъ отношеніяхъ воеводы къ Строгановымъ *), равно какъ и о призывѣ казаковъ съ Волги, которое было явнымъ злоупотребленіемъ Строгановыми довѣрія къ нимъ царя, ихъ щедраго благодѣтеля? гдѣ наконецъ основаніе считать самого Пелепелицына лжецомъ предъ грознымъ царемъ, когда факты того времени говорятъ о полной искренности всѣхъ его дѣйствій—такіе исключительные факты, которые заставили даже дядю бить челомъ на племянника и брата—на брата? Нѣтъ, мы должны снять съ этой личности, столь памятной всему Пермскому краю, незаслуженный ею упрекъ, очистить ее отъ несправедливыхъ укоровъ потомства и отвести ей наиболѣе почетное мѣсто въ длинномъ ряду другихъ Великопермскихъ намѣстниковъ и воеводъ. Личность этого воеводы въ ряду другихъ представляется наиболѣе свѣтлою и во всякомъ случаѣ болѣе безупречною по сравненію съ современными ему Строгановыми. Достопамятнымъ царскимъ грамотамъ Строгановыхъ

*) Именно *Строгановская* лѣтопись не проронила слова о томъ, что Пелепелицынъ *по злобѣ* сдѣлалъ донесеніе царю о дѣйствіяхъ Строгановыхъ; онъ долженъ былъ донести о томъ царю по своему *служебному положенію*.

1581 и 1582 годовъ мы должны вѣрить ничуть не менѣе лѣтописей, если желаемъ быть безпристрастны въ своихъ сужденіяхъ.

Во всей грамотѣ отъ 6 ноября 1581 г. на имя Никиты Строганова *нѣтъ и намека на вольныхъ казаковъ, потому что не могло быть его въ челобитной Семена и Максима* Строгановыхъ, послѣдствіемъ которой явилась эта грамота; *нѣтъ его и въ грамотѣ, посланной въ одинъ день Пермскому намѣстнику князю Елецкому*. Строгановы призвали казаковъ вопреки грамоты 1574 г., отправили ихъ въ Сибирь также безъ царскаго указа, а потому естественно не могли ни словомъ упомянуть о ихъ недавнемъ присутствіи въ своихъ вотчинахъ. Вѣроятно, они отправили свою челобитную къ царю въ самомъ началѣ сентября, когда Вогуличи вслѣдъ за уходомъ казаковъ обложили ихъ Чусовскую вотчину съ южной стороны, по предварительному уговору съ Пелымскимъ княземъ Кихекомъ (6 ноября уже дана была грамота). Самъ же князь стоялъ въ это время на противоположномъ концѣ Перми Великой, подъ стѣнами Чердыни, а не на Чусовой, какъ неправильно толкуютъ многіе: это доказывается всѣмъ послѣдующимъ движеніемъ его рати съ сѣвера на югъ, съ береговъ Колвы на р. Чусовую, потому что и пришелъ онъ изъ за Урала съ Лозьвы на Вишеру по старой Сибирской дорогѣ. Движеніе рати подробно указано въ Строгановской лѣтописи. Но если бы Ермакъ самовольно вторгнулся въ вотчины Строгановыхъ и, надѣлавъ въ нихъ дебоширствъ, самовольно двинулся въ Сибирь, съ вынужденной поддержкой ихъ, какъ заявляетъ Ремезовъ, то Строгановы, какъ сторона пострадавшая, *непремѣнно упомянули бы о томъ въ челобитной къ царю въ собственныхъ интересахъ*. Но этого мы изъ грамоты Никитѣ не видимъ. „Били намъ челомъ, гласитъ грамота, Семенъ да Максимъ Строгановы, а сказали: приходитъ де войною Пелымской князь съ Вогуличи на ихъ слободы (разумѣются Чусовская и Сылвенская слободы), и деревни многіе выжгли, и крестьянъ въ полонъ емлютъ, и нынѣ де Пелымской князь съ Вогуличи стоитъ (не самъ князь, а одинъ изъ его „мурзъ“) около Чюсовскаго острогу; и намъ бы пожаловати—*велѣти имъ дати ратныхъ людей съ Перміи съ Великія, а ты де (Никита) съ ними противъ Вогуличь не*

стоишь и людей на помощь не даешь" *). Тутъ челобитная Семена и Максима Строгановыхъ кончается, и далѣе начинается самая грамота, т. е. резолюція царя на челобитную. По смыслу этой послѣдней, Семенъ и Максимъ жаловались только на Никиту, о князѣ Елецкомъ и Пелепелицынѣ не упоминали ничего и только просили у царя распоряженія о присылкѣ войска изъ Чердыни, *такъ какъ не знали, что тамъ, подъ самымъ городомъ, уже стоитъ самъ Кихекъ*. Пелепелицынъ зналъ, конечно, о казакахъ въ вотчинахъ Строгановыхъ и, не предвидя послѣдствій ихъ пребыванія въ вотчинахъ, не доносилъ о призывѣ ихъ преждевременно, не желая сдѣлаться доносчикомъ. Можетъ быть, главный намѣстникъ края, князь Елецкій, не желалъ того. Но когда обстоятельства круто измѣнились, и Пелепелицынъ убѣдился, что вся напасть на Великую Пермь обрушилась по винѣ казаковъ; когда вслѣдъ затѣмъ въ декабрѣ 1581 г. былъ отозванъ отъ должности князь Елецкій, который, повидимому, сильно благоволилъ Строгановымъ, то оставшійся единоличнымъ правителемъ края Пелепелицынъ *уже не могъ болѣе скрывать отъ царя дѣйствительное положеніе дѣлъ и*, по долгу совѣсти и службы, донесъ о всемъ царю такъ, какъ было въ дѣйствительности, *открылъ всю правду*.

На челобитную Семена и Максима царь отвѣчалъ Никитѣ Строганову въ слѣдующихъ словахъ: „и какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и ты бъ съ Семеновыми и съ Максимовыми людьми на Вогуличь посылалъ людей своихъ сколько пригоже, и стояли бъ твои люди съ Сем. и Мак. людьми *за одинъ и себя оберегали сопча*; *а съ Перми земскимъ старостамъ людей въ помочь собравъ посылати велѣли жъ всѣмя*, смотря по людямъ, сколько коли Вогуличь воинскихъ людей придетъ, и велѣли имъ стояти съ Сем. и Макс. людьми противъ Пелымскаго князя *сопча за одинъ*, а ты бъ таковожъ велѣлъ своихъ людей съ Пермскими людьми и съ Семеновыми и съ Максимовыми *вмѣстѣ стояти противъ Пелымскаго князя*, и воевать имъ (Вогуличамъ) не давали, *чтобъ вамъ всѣмъ отъ войны уберетчись*" (Миллеръ, 144). Мы видѣли,

*) *Миллеръ*, стр. 144. Мы полагаемъ, что здѣсь надо разумѣть одного изъ подручныхъ Пелымскому князю мурзъ, едва-ли не того же Бегбелія, снова измѣнившаго Русскимъ, по освобожденіи изъ ихъ плѣна.

что вслѣдствіе заранѣе составленнаго Кихекомъ широкаго плана военныхъ дѣйствій, событія такъ быстро слѣдовали одно за другимъ, что ни воеводы, ни Строгановы, застигнутые врасплохъ, не успѣли принять никакихъ мѣръ къ самозащитѣ общими силами и должны были обороняться каждый отдѣльно. Понятно также, что если на противоположныхъ концахъ Перми Великой Русскіе не знали о совершающихся событіяхъ, то тѣмъ болѣе ничего не знали о нихъ въ Москвѣ, тѣмъ болѣе ничего не могли тамъ подозрѣвать о роли казаковъ, какъ главныхъ виновниковъ всей этой смуты. Грамота Никитѣ Строганову служитъ лучшимъ тому доказательствомъ.

Посылая грамоту Никитѣ Строганову, Іоаннъ въ то же время повелѣвалъ Пермскому намѣстнику князю Елецкому стоять сообща со Строгановыми противъ общаго врага—Вогуличей, собравшихся въ большомъ числѣ подъ знаменемъ Пелымскаго князя *). „А съ Перми земскимъ старостамъ людей въ помочь собравъ посылати велѣли жъ есьмя", писалъ Іоаннъ Никитѣ Строганову. Но намѣстникъ Великопермскій не исполнилъ воли царя и допустилъ грознаго врага въ предѣлы ввѣреннаго его попеченію края. Мало того, *этотъ врагъ*, *явившійся сюда по замысламъ Кучума столь неожиданно*, на всемъ пути своего опустошительнаго слѣдованія отъ Чердыни и Кайгорода до Чусовой не встрѣтилъ нигдѣ сколько нибудь серьезнаго отпора и, уничтожая все огнемъ и мечемъ, побѣдоносно прошелъ страну изъ конца въ конецъ на протяженіи по крайней мѣрѣ 400 верстъ. Все это совершилось такъ быстро и неожиданно, что царскіе гонцы, привезшіе въ Пермь упомянутыя грамоты кн. Елецкому и Никитѣ Строганову, встрѣтили здѣсь, къ своему ужасу, только груды развалинъ и пепелища и услыхали вопль оставшихся въ живыхъ жителей этой страны. Насколько ужасенъ былъ этотъ погромъ Перми Великой, насколько врѣзался онъ въ память мѣстныхъ жителей,—можно судить по тому, что въ г. Соликамскѣ, въ 1581 г. пострадавшемъ больше всѣхъ другихъ городовъ этой страны, доселѣ суще-

*) Грамота князю Ивану Мих. Елецкому дана почти въ той же формѣ и отъ того же 6 ноября 1581 г. Она сохранилась въ фамильномъ архивѣ Строгановыхъ въ С.-Петербургѣ и напечатана въ «Пермской лѣтописи» *Шишонко*, т. I, стр. 96.

ствуетъ въ память этого нашествія грандіозный крестный ходъ въ девятую пятницу по пасхѣ, къ которому ежегодно стекается въ этотъ городъ множество людей со всѣхъ концовъ Соликамскаго и Чердынскаго уѣздовъ *). Убитые при нашествіи Кихека были похоронены на песчаномъ холмѣ, возвышающемся съ южной стороны города. Множество человѣческихъ костей, обнажаемыхъ изъ подъ песка вѣтромъ, доселѣ свидѣтельствуетъ о бывшемъ здѣсь побоищѣ; на общей могилѣ въ старину стоялъ большой крестъ, а нынѣ стоитъ небольшая деревянная часовня. Народъ доселѣ усердно и свято чтитъ память этихъ „убіенныхъ" **).

Полное умиротвореніе Перми Великой послѣ такого опустошенія, конечно, совершилось не вдругъ, тѣмъ болѣе что внутри страны оказались недовольные элементы. Мы видѣли, что къ Пелымскому князю пристали инородцы, жившіе по Обвѣ и Иньвѣ. Вѣроятно, это были Обвинскіе Остяки, а подъ Вотяками скорѣе всего слѣдуетъ разумѣть Иньвенскихъ Пермяковъ, увлеченныхъ въ общій потокъ инородческаго возстанія противъ Русскихъ. Земли по Иньвѣ и Обвѣ инородцы считали своею исконною собственностью, но со времени появленія Строгановыхъ въ Перми Великой онѣ постепенно стали переходить въ ихъ руки, не смотря на оговорку грамоты 1558 г. о неприкосновенности владѣній прежнихъ обитателей края. Теперь даже Пермяки рѣшились подняться противъ своихъ притѣснителей сообща съ другими инородцами. Ближайшимъ же поводомъ къ возстанію Сылвен-

---

*) Протоіерей *А. М. Луканинъ*: «Церковно-историческое и археологическое описаніе г. Соликамска». Пермь. 1882 г. изданіе 2-е, стр. 88. Авторъ, тщательно изучившій богатые церковные архивы Соликамска, приводитъ въ подлинникѣ нѣсколько челобитныхъ къ епископамъ Вятскимъ и Великопермскимъ и ихъ указовъ, изъ коихъ видно, что празднованіе девятой пятницы въ Соликамскѣ установлено еще при епископахъ Вологодскихъ и Пермскихъ, рядъ которыхъ начинается съ 1584 г. Крестный ходъ въ помянутый день установленъ «*по обѣщанію и челобитью прежнихъ мірскихъ людей ради варварскаго нашествія*» (челобитная Вятск. епископу Діонисію отъ 5 февраля 1711 г., въ книгѣ стр. 83—85). Въ другой челобитной епископу Алексѣю отъ 1719 г. сказано: «*Съ прошлыхъ лѣтъ изстари отъ нахожденія войска Ногайскихъ Вогуличь на городъ Соль Камскую и убійства*».... установлено празднество (стр. 85).

**) На этомъ историческомъ холмѣ я лично бывалъ неоднократно и слыхалъ преданія о битвѣ Русскихъ съ Вогуличами и другими «невѣрными».

скихъ и Иренскихъ Татаръ и Остяковъ, безъ сомнѣнія, послужили „задиранія“ казаковъ, такъ какъ эти инородцы жили за предѣлами Перми Великой. Итакъ умиротвореніе Пермской страны потребовало по крайней мѣрѣ съ полгода времени, а вѣроятно и болѣе, и лишь послѣ того Великопермскія власти могли донести царю о всемъ происшедшемъ. Судя по тому, что крестный ходъ въ Соликамскѣ, установленный вскорѣ же послѣ погрома Кихека, пріуроченъ къ іюню мѣсяцу, мы думаемъ, что полное избавленіе отъ враговъ послѣдовало только къ этому времени. Во всякомъ случаѣ въ декабрѣ 1581 г. Пермь Великая еще не была спокойна. Это доказывается второй и третьей челобитными Семена и Максима Строгановыхъ, отвѣтомъ на которыя были царскія грамоты—одна отъ 20 декабря 1581 г. въ Пермь Великую и въ Усолье Камское старостамъ и цѣловальникамъ о дозволеніи Строгановымъ брать *охочихъ казаковъ* и пойти войной на Вогуличей, а другая грамота отъ 30 декабря того же года въ Пермь Великую Василію Пелепелицыну о возвращеніи убѣжавшихъ изъ слободъ ихъ въ Пермь Великую людей ихъ *). Эти двѣ грамоты доселѣ хранятся въ подлинникахъ въ архивѣ главнаго управленія Пермскими имѣніями Строгановыхъ въ селѣ Ильинскомъ Пермскаго уѣзда. Мы должны остановить на нихъ вниманіе читателя, какъ на документахъ, повидимому, никому не извѣстныхъ. Какъ сохраняемыя въ Пермскомъ краѣ, а не въ Петербургскомъ фамильномъ архивѣ Строгановыхъ, онѣ извѣстны были Ѳ. А. Волегову, но ихъ не зналъ проф Устряловъ.

Грамота отъ 20 декабря 1581 г. очень напоминаетъ таковую же отъ 6 августа 1572 г., данную Строгановымъ по поводу Черемисскаго бунта. Семенъ и Максимъ Строгановы, чувствуя крайнюю нужду въ людяхъ съ уходомъ Ермака и опасаясь въ то же время Вогуличей, просили государя, по примѣру 1572 г., дозволить на тѣхъ же условіяхъ набирать „охочихъ казаковъ“, которые не измѣнили царю, чтобы съ ихъ помощью воевать Вогуличей. При тогдашнемъ положеніи имъ дѣйствительно нельзя было придумать ничего лучшаго. Имъ приходилось думать уже не о личныхъ выго-

*) Въ печати не были.

дахъ отъ этого предпріятія, которыя всѣ должны были поступить въ руки казаковъ („животы“ побѣжденныхъ), а только о личной и имущественной безопасности отъ внѣшнихъ враговъ. Никита Строгановъ въ этой челобитной опять не участвовалъ, потому что, живя на Камѣ, не чувствовалъ болѣе по отдаленію опасности отъ Вогуличей. Семену и Максиму дозволено было, согласно просьбы ихъ, набрать охочихъ казаковъ, сколько нужно (пригоже), составивъ имъ именной списокъ и т. д.—словомъ на тѣхъ же условіяхъ, какъ было дозволено тоже самое въ 1572 г. Доказательство, что царь ничего еще не зналъ о посылкѣ тѣми же Строгановыми въ Сибирь *вольныхъ* казаковъ.

Другая грамота отъ 30 декабря 1581 г., не представляя интереса по своему содержанію, важна для насъ тѣмъ, что писана на имя *одного Василія Пелепелицына. Значитъ, въ декабрѣ этого года князь Елецкій уже не былъ намѣстникомъ Перми Великой* *), и его имени мы болѣе не встрѣчаемъ ни въ одномъ документѣ. Пелепелицынъ нѣкоторое время оставался на пермскомъ воеводствѣ безъ соправителя, который былъ присланъ въ Чердынь лишь въ ноябрѣ 1582 г. въ лицѣ *Воина Оничкова.* Съ послѣднимъ былъ посланъ въ Пермь Великую еще Иванъ Глуховъ въ качествѣ военачальника, тотъ самый, который въ 1583 г. назначенъ былъ въ товарищи къ первому Сибирскому воеводѣ князю Семену Дмитр. Болховскому.

Итакъ съ января до ноября 1582 года Пелепелицынъ оставался одинъ на Чердынскомъ воеводствѣ. Нѣкоторые сторонники Есиповской лѣтописи думаютъ, что этимъ-то временемъ и воспользовался онъ, чтобы написать доносъ на Строгановыхъ и обвинить ихъ въ мнимомъ будто-бы призваніи Ермака. Чтобы покончить съ этимъ вопросомъ, мы предлагаемъ всѣмъ сторонникамъ Есиповской и Ремезовской

---

*) Въ I вып. «Пермс. Стар.», на стр. 170, въ спискѣ Великопермскихъ воеводъ мы поставили неправильно кн. Елецкаго подъ 1582 г., положившись на протоіерея Луканина; *слѣдуетъ поставить 1581 годъ*; а предъ воеводою Вулгаковымъ, на второмъ мѣстѣ послѣ князя Ковра, *подъ 1570 г. въ спискѣ нужно поставить намѣстника Никиту Ивановича Ромодановскаго. Пелепелицынъ въ 1581 г. сидѣлъ на воеводствѣ совмѣстно съ княземъ Елецкимъ, а въ 1582 г.—съ Воиномъ Оничковымъ.*

лѣтописей и противникамъ Строгановской разрѣшить намъ на основаніи существующихъ источниковъ три дилеммы: 1) если Пелепелицынъ наклеветалъ на Строгановыхъ въ своей челобитной царю, будто они призвали Ермака, царь же повѣрилъ клеветѣ и сдѣлалъ ошибку въ грамотѣ 1582 года, повторенную затѣмъ въ послѣдующихъ царскихъ грамотахъ; то почему Строгановы съ своей стороны не жаловались царю на Пелепелицына за то, что онъ допустилъ казаковъ безнаказанно разбойничать въ вотчинахъ Строгановыхъ, по словамъ Ремезова; допустилъ задиранія ихъ съ сосѣдними инородцами, которые все это и выместили жестоко на злополучной Перми тотчасъ по уходѣ казаковъ: клевета съ одной стороны и благодарность за нее съ другой—не мыслимы. 2) Если Пелепелицынъ завѣдомо по злобѣ сказалъ царю ложь про Строгановыхъ, представивъ ихъ измѣнниками, то почему Строгановы не приняли никакихъ мѣръ къ оправданію себя въ глазахъ царя, при посредствѣ хотя бы того же князя Елецкаго, какъ недавняго свидѣтеля всего происходившаго, только что вернувшагося изъ Перми въ Москву, или самихъ казацкихъ атамановъ, вскорѣ получившихъ царское прощеніе, а съ нимъ и довѣріе: клевета съ одной стороны и молчаніе праваго съ другой, особенно предъ лицомъ царя,— не совмѣстимы. 3) Если весь Сибирскій походъ былъ дѣломъ самихъ казаковъ, безъ всякаго участія Строгановыхъ (по Есипову), и даже съ ущербомъ для нихъ (по Ремезову), то почему Строгановы, ранѣе проявившіе на Камѣ и Чусовой такую энергію и предпріимчивость, безропотно отказались отъ всѣхъ правъ на данныя имъ обширныя земли въ Сибири, коихъ свободно хватило бы и на ихъ долю по завоеваніи страны казаками; отказались отъ этого богатства, лежавшаго подъ ихъ ногами, при тѣхъ широкихъ льготахъ, какія предоставляла имъ грамота 1574 г., почти списанная съ такихъ же грамотъ на земли по Камѣ (1558 г.) и Чусовой (1568 г.): бить самого себя человѣку не свойственно *).

---

*) Весьма основательныя соображенія по этимъ вопросамъ находятся въ историческомъ обозрѣніи Тобольской губерніи, заключающемся во введеніи къ «Спискамъ ея населенныхъ мѣстъ». СПБ. 1871 г., стр. LXXI—LXXIV.

Если сторонники Есиповской и Ремезовской лѣтописей въ состоянiи удовлетворительно рѣшить эти три основныя дилеммы въ вопросѣ о покоренiи Сибири—рѣшить безъ натяжекъ, на основанiи всей совокупности источниковъ, то мы перейдемъ на ихъ сторону, сознавъ свою ошибку; а теперь, не смотря на послѣднiя увѣренiя г. Адрiанова, намъ остается повторить тѣ главныя 10 положенiй въ „Сибирскомъ вопросѣ“, которыя имѣютъ въ насъ силу твердаго убѣжденiя и приведены въ IV выпускѣ „Пермской Старины“, на страницахъ 61—63. Мы недоумѣваемъ, на какомъ основанiи г. Адрiановъ считаетъ всѣ наши доказательства участiя Строгановыхъ въ покоренiи Сибири „простымъ пересказомъ мнѣнiй другихъ ученыхъ“, тогда какъ въ рѣшенiи этого вопроса *мы вездѣ впереди всего ставили свидѣтельства источниковъ и на основанiи ихъ-то впервые установили три группы мнѣнiй ученыхъ*, *принятыя затѣмъ Иловайскимъ*, а чрезъ него и самимъ г. Адрiановымъ. Д. И. Иловайскiй въ III томѣ своей „Исторiи“ воспользовался нашей статьей 1884 г., которая и перепечатана въ 1892 г. въ IV выпускѣ „Пермской Старины“.

~~~~~~~~~~

Выслушаемъ теперь ту горькую правду про Строгановыхъ, которую повѣдалъ царю его Великопермскiй воевода Пелепелицынъ въ челобитной 1582 года, и которой не скрылъ отъ потомства неизвѣстный составитель Строгановской лѣтописи, къ его собственной чести. Грамота, бывшая результатомъ этой челобитной, писана только на имя Максима и Никиты Строгановыхъ, что я объясняю тѣмъ, что Семенъ Аникiевичъ въ 1582 г. (въ январѣ или февралѣ) переселился въ Сольвычегодскъ, *куда и посланъ былъ ему особый списокъ той же опальной грамоты*. Тамъ, въ Сольвычегодскѣ, Семенъ Аникiевичъ и скончался 22 октября 1587 г.*). Грамота скрѣплена черной восковой печатью и подписями царя Ивана Васильевича и дьяка Андрея Щелкалова.

*) «Пермская Старина», IV, 67 и родословная таблица во II выпускѣ, стр. 70. «Опальную» грамоту отъ 16 ноября 1582 г. см. у *Миллера*, стр. 145—147, также въ «Дополненiяхъ къ Актамъ Историч.», I, 184—185, въ «Пермской лѣтописи» *Шишонко*, I, 100—101 и въ Строгановской лѣтописи, изданной *Спасскимъ* въ «Сибирскомъ Вѣстникѣ» 1821 г. и отдѣльно (СПБ. 1821 г.).

~~~~~~~~~~

Подлинная грамота на имя Максима и Никиты хранится въ фамильномъ архивѣ Строгановыхъ въ Петербургѣ, а экземпляръ Семена Аникіевича, кажется, утраченъ.

Челобитная Пелепелицына передана въ грамотѣ въ такихъ словахъ: „Писалъ къ намъ изъ Перміи Василей Пелепелицынъ, что послали вы изъ остроговъ своихъ Волжскихъ атамановъ и казаковъ Ермака съ товарыщи воевать Вотяки (не было-ли въ челобитной слова Остяки?) и Вогуличей и Пелымскія и Сибирскія мѣста сентября въ 1 день, *а въ тотъ же день* *) собрався Пелымской князь съ Сибирскими людьми и съ Вогуличи приходилъ войною на наши Пермскія мѣста, и къ городу къ Чердыни къ острогу приступалъ, и нашихъ людей побили, и многіе убытки нашимъ людемъ починили, *и то сдѣлалось вашею измѣною:* вы Вогуличь и Вотяковъ (Остяковъ) и Пелымцовъ отъ нашего жалованья отвели, и ихъ задирали, и войною на нихъ приходили, да *тѣмъ задоромъ съ Сибирскимъ салтаномъ ссорили насъ* **), *а Волжскихъ атамановъ къ себѣ призвавъ, воровъ наняли въ свои остроги безъ нашего указу*, а тѣ атаманы и казаки прежъ того ссорили насъ съ Нагайскою ордою, пословъ Нагайскихъ на Волгѣ на перевозѣхъ побивали ***), и Ардобазарцовъ грабили и побивали, и нашимъ людемъ многіе грабежи и убытки чинили; и имъ было вины свои покрыти тѣмъ, что было нашу Пермскую землю оберегать, и они сдѣлали съ вами вмѣстѣ потомужъ, какъ на Волгѣ чинили и воровали, въ которой день *къ Перми къ Чердыни приходили Вогуличи сентября въ 1 день, а въ тотъ же день отъ тебя изъ остроговъ Ермакъ съ товарищи пошли воевать Вогуличи, а Перми ничѣмъ не пособили, и то все сталося вашимъ воровствомъ*

---

*) Совершенно не согласны съ толкованіемъ этой точной даты у *Иловайскаго* въ примѣч. 70 къ III тому его «Исторіи Россіи», стр. 661. *На самомъ дѣлѣ все было именно такъ, какъ говоритъ грамота.*

**) Очень важное доказательство, что *Пелымскій князь Кихекъ дѣйствовалъ съ вѣдома Кучума, какъ его вассалъ.* Потому-то онъ и не боялся оставить свое княжество на Пелымѣ въ виду скораго прибытія казаковъ въ Сибирь. Безопасность его владѣній была гарантирована Кучумомъ.

***) Фактическія доказательства справедливости этихъ словъ можно найти въ изслѣдованіи *Перетятковича*: «Поволжье въ XV и XVI в.в.» Москва. 1877 г., глава VI, 283, 304 и мн. др.

и измѣною....“ Въ послѣднихъ словахъ весьма ясно сказано, что походъ начался *отъ Чердыни*, гдѣ Вогуличи были въ самый день выступленія казаковъ изъ Чусовскаго городка; но какъ могли въ городкѣ на Чусовой знать, что *въ тотъ же день* дѣлалось въ Чердыни, за 400 верстъ? Строгановы, конечно, не предвидѣли столь скораго нападенія на Пермь непріятелей, иначе они задержали бы казаковъ, потому что сами остались почти беззащитны. Пелепелицынъ очевидно былъ недоволенъ тѣмъ, что Строгановы не предупредили его *своевременно* объ отправленіи войска въ Сибирь. Само собою разумѣется, что ему не могъ нравиться образъ дѣйствій Строгановыхъ по отношенію къ казакамъ, какъ противозаконный; онъ не могъ не знать объ этомъ темномъ дѣлѣ, но не могъ, повидимому, и донести о немъ царю, пока въ Чердыни сидѣлъ князь Елецкій, кажется, сильно благоволившій богатымъ солеварамъ изъ своихъ выгодъ. Но какъ только послѣдній оставилъ Пермь Великую, и послѣдняя была окончательно замирена, Пелепелицынъ тотчасъ сообщилъ въ Москву о всемъ „безъ утайки“. Это сообщеніе сдѣлано было лѣтомъ 1582 г., а грамота написана была 16 ноября.

Достопамятная грамота, повторяющая челобитную Пелепелицына, устами царя повелѣвала Максиму и Никитѣ Строгановымъ и мѣстнымъ властямъ немедленно принять слѣдующія мѣры для защиты Перми Великой: „И мы послали въ Пермь Воина Оничкова, *а велѣли тѣхъ казаковъ Ермака съ товарыщи взявъ отвести въ Пермь* (т. е. Чердынь) *и въ Усолье въ Камское*, и туто имъ стоять велѣли раздѣляся, и *изъ тѣхъ мѣстъ на Пелымскаго князя зимою на нартахъ ходить воевать велѣли есмя тѣмъ всѣмъ казакамъ и Пермичамъ и Вятчанамъ* съ своими посланники съ Воиномъ съ Оничковымъ да съ Иваномъ съ Глуховымъ“. Подчеркнутыя слова дѣлаютъ очевидными для насъ два обстоятельства: во 1-хъ, ходить на Пелымскаго князя велѣно было изъ Чердыни на нартахъ тою же сѣверною дорогою по Вишерѣ и Лозьвѣ, по которой пришелъ на Пермь самъ Кихекъ въ сентябрѣ 1581 г.; во 2-хъ, *въ Москвѣ въ ноябрѣ 1582 г. ничего не знали о предпріятіяхъ казаковъ*, которые были уже за Ураломъ въ Тюмени, на такомъ разстояніи отъ Перми, что немедленно вернуть ихъ въ Пермь не было никакой возможности.

Далѣе грамота предписывала Строгановымъ: „А вы бъ обсылаяся въ Чердынь съ Васильемъ съ Пелепелицынымъ и съ Войномъ съ Оничковымъ посылали отъ себя воевать Вогуличь и Отяковъ (Остяковъ), а одноличнo бъ естя по сей нашей грамотѣ *казаковъ всѣхъ, только къ вамъ изъ войны пришли, послали ихъ въ Чердынь тотчасъ и у себя ихъ не держали*". Ясно, что въ Москвѣ походъ казаковъ считали обыкновеннымъ набѣгомъ на сосѣдей Перми, который можно было тотчасъ остановить, и не подозрѣвали, что за Ураломъ эти казаки уже вели настоящую войну съ старымъ врагомъ Москвы—Кучумомъ, что отступаться отъ такого дѣла имъ было уже немыслимо. Изъ челобитной Пелепелицына нельзя было усмотрѣть ничего подобнаго, да вѣроятно онъ и самъ не зналъ, что казаки были уже такъ далеко отъ Перми; *это знали только Строгановы.* „А не вышлете изъ остроговъ своихъ въ Пермь, грозитъ далѣе грамота Максиму и Никитѣ, волжскихъ казаковъ—атамана Ермака Тимоѳеевича съ товарыщи, а учнете ихъ держати у себя, и Пермскихъ мѣстъ не учнете оберегати,—и такою вашею измѣною, что надъ Пермскими мѣсты учинитца отъ Вогуличь и отъ Пелымцовъ *и отъ Сибирскаго салтана людей* впередъ, *и намъ въ томъ на васъ опала своя положить большая. А атамановъ и казаковъ, которые слушали васъ и вамъ служили, а нашу землю выдали, велимъ перевѣшати*". Разъ все это сдѣлано было безъ царскаго указа, правительству нельзя было поступить иначе какъ со Строгановыми, такъ и съ казаками. Строгановы не исполнили, не могли уже исполнить повелѣніе царя, при всемъ желаніи ихъ, и слѣдовательно оказались въ большой опалѣ у царя, а Ермакъ и прочіе казаки подлежали смертной казни чрезъ повѣшеніе. Страхъ этой-то казни и побудилъ затѣмъ Ермака съ товарищами бить челомъ *непосредственно царю* царствомъ Сибирскимъ, въ надеждѣ заслужить прощеніе. Очевидно, люди Строгановыхъ не замедлили сообщить Ермаку гнѣвную грамоту царя, о которой иначе казаки не могли бы знать,—новое доказательство связи Строгановыхъ съ дружиною Ермака.

Отъ Перми Великой и Строгановыхъ перейдемъ къ Ермаку и послѣдуемъ за его дружиной. Мы знаемъ, что она выступила изъ Нижняго Чусовскаго городка (нынѣ село Пермскаго уѣзда того же названія) 1 сентября 1581 года. Въ отрядѣ Ермака было 540 вольныхъ казаковъ, пришедшихъ съ Волги, къ которымъ Строгановы, по условію съ Ермакомъ, присоединили еще своихъ воинскихъ людей. Сколько же было послѣднихъ? По Строгановской лѣтописи 300 чел., но такое количество представляется невѣроятнымъ, если принять во вниманіе, что по писцовой книгѣ Яхонтова 1579 г. все населеніе Пермскихъ вотчинъ Строгановыхъ едва превышало 400 чел. муж. пола. Очевидно, Строгановская лѣтопись въ данномъ случаѣ допускаетъ такую же ошибку, какихъ не мало дѣлаютъ въ разныхъ мѣстахъ Есиповъ и Ремезовъ. Такъ, сообщеніе Ремезова, будто у Ермака было отъ 5 до 7 тысячъ человѣкъ представляется совершеннымъ абсурдомъ уже потому только, что Кихекъ съ 700 чел. такъ страшно разгромилъ Пермь Великую *). Нужно помнить, что тогдашнія оборонительныя средства городовъ были ничтожны сравнительно съ нынѣшними. Положимъ, Кихекъ, проходя чрезъ Пермь Великую, получалъ подкрѣпленія отъ жившихъ въ ней и по сосѣдству инородцевъ, но изъ Великопермскихъ писцовыхъ книгъ 1579 г., содержаніе которыхъ мы анализировали въ III и IV выпускахъ „Пермской Старины“, мы знаемъ, что все тяглое мужское населеніе Перми Великой какъ русское, такъ и инородческое въ 1579 г. доходило только до 2500 человѣкъ. Въ знаменитомъ „Югорскомъ“ походѣ 1499—1500 г.г. участвовало до 4000 человѣкъ, но этотъ походъ былъ снаряженъ Московскимъ правительствомъ и имѣлъ цѣлью покореніе всѣхъ Угорскихъ земель какъ по сю, такъ и по ту сторону Урала и простирался даже въ сѣверныя части Сибири. Походъ же въ Сибирь 1581 г. былъ предпринятъ по частному почину, безъ вѣдома правительства, совсѣмъ иначе былъ обставленъ и уже потому не могъ располагать силами въ нѣсколько тысячъ человѣкъ. И если бы

*) Удивляемся, что *Миллеръ* (стр. 95—96) защищаетъ именно показаніе Ремезова. *Карамзинъ*, *Соловьевъ*, *Иловайскій* принимаютъ показаніе Строгановской лѣтописи.

казаки въ числѣ до 6000 *самовольно* вторгнулись въ вотчины Строгановыхъ, лежавшія по Камѣ и Чусовой, то мыслимо-ли, чтобы Великопермскій намѣстникъ князь Елецкій не донесъ въ Москву объ этомъ вторженіи *немедленно*? Однако этого не было сдѣлано съ его стороны. На основаніи всѣхъ высказанныхъ соображеній, мы признаемъ весьма правдоподобнымъ показаніе Строгановской лѣтописи, что съ Ермакомъ выступило въ походъ 540 казаковъ; но подкрѣпленіе со стороны Строгановыхъ не могло быть до 300 человѣкъ. Гораздо вѣроятнѣе показаніе неизвѣстнаго составителя „Сказанія Сибирской земли", что Ермакъ, убоявшись преслѣдованія царскихъ воеводъ на Волгѣ, „съ товарищи 500 человѣкъ убѣжали съ Волги въ Каму рѣку вверхъ и прибѣже въ вотчины Строганову (конечно, по предложенію послѣдняго, такъ какъ въ противномъ случаѣ Строгановъ не могъ бы допустить Ермака въ свои вотчины и, при недостаткѣ своихъ силъ для этого, просилъ бы содѣйствія государева намѣстника)—*и тамо пребысть нѣсколько время*. И въ то число въ Строгановы городки и вотчины по Чюсовой и по Камѣ рѣкамъ пришелъ *вольно* изъ Вогуличь Пелымской князь во многомъ собраніи". (О приходѣ Ермака не сказано, что онъ пришелъ „вольно"). Тутъ несомнѣнно разумѣется набѣгъ Бегбелія съ 680 челов. на Чусовскіе городки, послѣдовавшій, по тогдашнему счисленію, 22 іюля 1580 г. Задумавъ далѣе походъ въ Сибирь, „Максимъ Строгановъ повелѣ Ермаку изъ вотчины своей людей имать охотниковъ, елико похотятъ; онъ же, набравъ тутошнихъ жителей *къ своимъ въ прибавку—сто пятьдесятъ четыре человѣка, всего собралъ себѣ 654 чел. и назвася казаками*". Это число охотниковъ идти въ Сибирь съ Ермакомъ не противорѣчитъ количеству тогдашняго населенія въ вотчинахъ Строгановыхъ и можетъ быть принято за самое вѣроятное. Всѣ эти охочіе Строгановскіе люди изъ пермскихъ вотчинъ также приняли названіе *казаковъ*, подъ которымъ ихъ всѣ и знали въ Сибири, не различая отъ настоящихъ волжскихъ казаковъ.

Переходимъ къ вопросу о пути Ермаковой дружины въ Сибирь; рѣшеніе его связано съ другимъ, болѣе важнымъ, вопросомъ о западной границѣ тогдашней Сибири. Изъ Стро-

гановской лѣтописи мы знаемъ, что казаки пробыли у Строгановыхъ *2 года и 2 мѣсяца*, прибывъ къ нимъ 28 іюня 1579 г. согласно пригласительнаго письма ихъ отъ 6 апрѣля сего года. Но если такъ, то здѣсь надо поставить, вопреки этой лѣтописи, 1578 годъ*). Издаваемое нами „Сказаніе Сибирской земли“ замѣчаетъ довольно неопредѣленно, что Ермакъ у Строгановыхъ „пребысть нѣсколько время“. Есиповъ не дѣлаетъ никакой оговорки объ остановкѣ казаковъ въ вотчинахъ Строгановыхъ. Ремезовъ говоритъ, что Ермакъ изъ Камы вошелъ въ Чусовую и, не зная мѣстности, по ошибкѣ повернулъ въ ея притокъ Сылву, гдѣ зазимовалъ, занявшись во время зимовки разбоемъ среди мѣстныхъ жителей и даже Вогуловъ, обитавшихъ за Ураломъ: *„и по за Камени Вогуличъ воевали и обогатѣли, а хлѣбомъ кормилися отъ Максима Строганова“* **). Какъ же согласить всѣ эти извѣстія? Если не считать очевидныхъ несообразностей въ хронологіи Ремезова, то между всѣми этими извѣстіями не трудно усмотрѣть нѣкоторое согласіе, при чемъ мѣстная Строгановская лѣтопись, составленная въ Перми Великой, опять даетъ намъ наиболѣе вѣроятныя свѣдѣнія о появленіи и пребываніи казаковъ въ Пермскомъ краѣ съ іюня 1578 г. до сентября 1581 г. Мы привели уже изъ нея то мѣсто, гдѣ говорится о буйствѣ казаковъ за это время среди инородцевъ, объ умышленныхъ „задираніяхъ“ съ ними, послѣдствіемъ которыхъ было два набѣга на вотчины Строгановыхъ въ 1580 г. 22 іюля мурзы Бегбелія и 1 сентября 1581 г. грознаго Кихека, о коихъ подробно и говоритъ таже Строган. лѣтопись. Если казаки, по словамъ Ремезова, воевали съ Вогулами даже „по за Камени“ еще до начала главнаго Сибирскаго похода, то оба эти набѣга являются вполнѣ понятнымъ явленіемъ. Видно, что казаки предварительно „провѣдывали пути“ въ Сибирь, въ виду предстоявшаго туда большаго похода, подобно тому, какъ Маметкулъ въ 1573 г. „провѣдывалъ дорогъ“ изъ Сибири въ Пермь Великую. Идти въ Сибирь извѣстою сѣверною дорогою по Вишерѣ и Лозьвѣ

*) Нападеніе Бегбелія Строгановская лѣтопись также неправильно относитъ къ 1581 г., тогда какъ оно несомнѣнно было въ концѣ 1580 года по тогдашнему счисленію времени.

**) «Пермс. Стар.» IV, 36.

на Тавду казакамъ не представлялось возможности, потому что на этомъ пути находилась Тахтанская волость или Тахчеи, которая еще раньше перешла на сторону Кучума. Этотъ путь, слѣдовательно, былъ закрытъ, и потому приходилось разузнавать другіе болѣе южные пути въ царство Кучумово. Во всякомъ случаѣ извѣстіе Ремезова о предварительномъ разузнаваніи казаками путей, хотя и упущенное изъ вида всѣми прежними изслѣдователями вопроса, имѣетъ важное значеніе, показывая въ 1-хъ, что казаки провели нѣсколько времени у Строгановыхъ, прежде чѣмъ пошли на Кучума, что они имѣли здѣсь приготовленія къ походу съ помощью Строгановыхъ, а не прямо прошли съ Камы въ Сибирь, какъ пишетъ Есиповъ; и во 2-хъ, что они въ 1581 г. шли въ Сибирь уже по отчасти извѣстному имъ краю, чѣмъ и объясняются удачи Ермака въ этомъ походѣ, не смотря на ограниченность его войска (654 чел.). Доказательствомъ довольно продолжительнаго пребыванія Ермака на Уралѣ служитъ и прочная память о немъ здѣсь, сохраняющаяся доселѣ въ географическихъ названіяхъ мѣстностей. Мы уже сказали, что на р. Сылвѣ, повыше села Тохтарева, доселѣ существуетъ деревня *Хуторы Ермаковы* *). На дальнѣйшемъ историческомъ пути Ермака доселѣ встрѣчаемъ: *Ермаково городище*—мысъ при впаденіи рѣчки Ковуя въ р. Серебрянку, притокъ Чусовой, въ Кунгурскомъ уѣздѣ; другое *Ермаково городище* на р. Тагилѣ, въ 16 верстахъ отъ Нижне-Тагильскаго завода, на лѣвомъ берегу, и въ 4-хъ верстахъ ниже впаденія въ Тагилъ рѣки Баранчи, при устьѣ рѣчки Медвѣдки; рѣчка *Ермаковка*, незначительный правый притокъ Чусовой, и на ней *Ермаковскій рудникъ* въ дачѣ Серебрянскаго завода; наконецъ *Ермаковъ Камень* на правомъ берегу Чусовой, въ 34-хъ верстахъ ниже Кыновскаго завода, при устьѣ рѣчки Ермаковки, и пониже камня—отмель на р. Чусовой, называемая *Ермаковъ переборъ*, т. е. перекатъ **). Въ разныхъ

*) *Миллеръ*, держась лѣтописи Ремезова, замѣчаетъ, что Ермакъ по ошибкѣ зашелъ въ р. Сылву. «То мѣсто, гдѣ онъ тогда зимовалъ, называется и понынѣ *Ермаково городище*» (стр. 97). Но гдѣ именно оно - мы все таки не знаемъ. Нынѣ у села Тохтарева есть только «Хуторы Ермаковы».

**) Всѣ эти географич. свѣдѣнія заимствую изъ «Географич. словаря Пермской губ.» *Н. К. Чупина*, стр. 481—486. Замѣтка Калашникова: «Память о Ермакѣ въ

мѣстахъ Пермской губерніи есть еще до 20 деревень подъ названіями: „Ермаки“, „Ермакова“, „Ермаковна“, „Ермачата“, въ Тобольской губ. 5 поселеній съ подобными названіями, тогда какъ въ Уфимской и Оренбургской—ни одного *). Въ Пермскомъ уѣздѣ есть и село *Кольцово*, въ 28 верстахъ отъ Перми по Сибирскому тракту, нѣсколько влѣво отъ него, по дорогѣ въ село Насадку, что на р. Сылвѣ. Это небольшое село возникло изъ старинной деревушки того же имени. Такимъ образомъ память о завоевателяхъ Сибири доселѣ жива въ Пермскомъ краѣ; если не всѣ мѣста, то расположенныя по пути Ермака соименныя ему урочища несомнѣнно обязаны ему своими наименованіями, чего не могло бы быть, если бы Ермакъ только прошелъ чрезъ Пермскій край, а не прожилъ здѣсь болѣе двухъ лѣтъ, какъ и было въ дѣйствительности.

Изъ сопоставленія лѣтописныхъ извѣстій съ приведенными географич. названіями не трудно опредѣлить и самый путь, по которому дружина Ермака слѣдовала въ Сибирь. И въ этомъ отношеніи мѣстная Строгановская лѣтопись даетъ наиболѣе полныя свѣдѣнія, которыхъ не могло быть у далекихъ Тобольскихъ лѣтописцевъ по весьма понятной причинѣ: Великопермскій бытописатель гораздо лучше зналъ географію Пріуралья и всѣ обстоятельства движенія казаковъ въ Сибирь. Съ момента же вступленія Ермака въ Сибирь, дальнѣйшія подробности похода онъ не могъ знать столь подробно, по отдаленности мѣста событій, почему свидѣтельства Ремезова и отчасти Есипова получаютъ преобладающее значеніе въ сообщеніи многихъ фактовъ.

Движеніе Ермаковой дружины было таково. Казаки отправились 1 сентября 1581 г. изъ Нижняго Чусовскаго городка вверхъ по Чусовой, по которой поднялись до Ермакова Камня при устьѣ рѣчки Ермаковки, гдѣ была сдѣлана первая остановка. Эта рѣчка и камень—скала получили названіе несомнѣнно отъ имени главнаго атамана казаковъ. Отсюда главная сила Ермака и самъ онъ поплыли къ устью

Пермскомъ краѣ», напечатанная въ «Историч. Вѣстникѣ» 1881 г., сентябрь, стр. 210—212, есть сплошной плагіатъ этого мѣста словаря Чупина, безъ ссылки на настоящаго автора.

*) См. «Списки населенныхъ мѣстъ» этихъ губерній.

Серебрянки, а другая часть дружины проплыла по Чусовой еще выше до рѣки Межевой Утки, вѣроятно, съ цѣлью разузнать дальнѣйшіе пути и вмѣстѣ поселенія Вогуловъ; но путь съ верховьевъ Утки оказался непроходимъ, казаки должны были вернуться къ устью Серебрянки *) или къ становищу у Ермака-Камня, если главный отрядъ еще не оставилъ его, и затѣмъ вся дружина стала подниматься вверхъ по Серебрянкѣ, достигнувъ ко времени замерзанія рѣки устья ея лѣваго притока Кокуя. Здѣсь на высокомъ мысу Ермакъ заложилъ *Кокуй-городокъ* („городокъ" на Чусовой, откуда вышли казаки, также назывался по рѣкѣ) для защиты себя во время зимовки. Съ того времени это урочище получило названіе „Ермакова городища" (нынѣ въ Кунгурскомъ уѣздѣ). Могло быть и такъ, что направившійся по Межевой Уткѣ отрядъ казаковъ поднялся прямо къ верховьямъ этой рѣки, очень близко подходящимъ къ истокамъ Кокуя, спустился по Кокую до его устья и здѣсь соединился съ остальной дружиной. Но въ самыхъ верховьяхъ рѣчки Кокуй и Межевая Утка не судоходны, почему это предположеніе имѣетъ менѣе вѣроятія. Весною 1582 г., *а по сентябрьскому счисленію того же 1581 года*, Ермакъ съ казаками перетащилъ свое имущество и суда чрезъ 25-верстный волокъ на рѣчку Жаравликъ, правый притокъ Баранчи, нынѣ въ Верхотурскомъ уѣздѣ, и идя берегомъ Жаравлика, достигъ рѣчки Баранчи, построилъ здѣсь плоты или суда, на которыхъ поплылъ внизъ по Баранчѣ въ рѣку Тагилъ и послѣднимъ—въ рѣку Туру, гдѣ начиналось уже Сибирское царство. Приведемъ наиболѣе обстоятельное свидѣтельство Строгановской лѣтописи объ этомъ движеніи казацкой рати. „И казаки идоша по Чюсовой рѣкѣ вверхъ до усть Серебряныя рѣки 4 дни и по Серебряной рѣкѣ идоша 2 дни *и доиде Сибирской дороги* и при ней городокъ земляной поставиша и назва его *Ермаковъ—Кокуй-городокъ*. И съ того мѣста перевезеся 25 поприщъ за волокъ на рѣку, рекомую Жаравль, и по той рѣцѣ поидоша внизъ *и вышедъ на Туру рѣку: ту бѣ и Сибирская страна*" **).

*) Это видно изъ статьи 6-й лѣтописи Ремезова.

**) Изъ имѣющейся у меня рукописной Строгановской лѣтописи. Срав. у *Карамзина* стр. 385 и примѣч. 675 къ IX тому «Исторіи» его. Сообщеніе этой лѣтописи, что казаки вступили въ Сибирскую землю 9 *сентября того же года* нужно

О развѣдкахъ по Межевой Уткѣ и въ другихъ мѣстахъ извѣстія находимъ у Ремезова. Въ довольно достовѣрномъ „Сказаніи Сибирской земли“ о движеніи казаковъ читаемъ: „И отпусти ихъ въ Сибирь судами по рѣкѣ Серебрянкѣ вверхъ. Они же доидоша до оной и переволокли насады на рѣчку Жаравль и Пѣтухъ (sic!) и промежъ оныхъ рѣчкахъ (рѣчекъ?) *поставили городокъ и тутъ зимовали. И оттуду пришли на Тагилъ рѣку и по Тагилу плыша внизъ до рѣки Туры и Турою плыша внизъ до рѣки Тавды*“. Относительно мѣста зимовки казаковъ тутъ допущена очевидная ошибка, но о самой зимовкѣ доселѣ сохранились на Уралѣ народныя преданія. Подъ упомянутою въ Строган. лѣтописи „Сибирскою дорогою“ нужно разумѣть южную дорогу изъ Сибири въ Ногайскую орду, между которыми существовали постоянныя сношенія *). Этою дорогою пользовались только инородцы, особенно Сибирскіе Татары, Вогулы, Остяки и Ногаи; русское же правительство ея не признавало.

Мы дошли до вопроса: *гдѣ же начиналась тогда Сибирь? гдѣ шла ея западная граница?* Сѣверную границу этой страны для XV вѣка мы опредѣлили по источникамъ въ предъидущей главѣ. Тамъ мы пришли къ заключенію, что эта граница шла приблизительно по 58° сѣв. широты, къ сѣверу отъ котораго лежала земля Югорская въ широкомъ смыслѣ, а къ югу Сибирь, при чемъ на нижнемъ теченіи Туры и Тавды вогульскія поселенія встрѣчались съ татарскими. Вся Конда, Иртышъ ниже устья Тобола, его правые притоки Туртасъ и Демьянка и лѣвые притоки Оби Юганъ и Васъ-Юганъ составляли еще Угорскую область. Такъ было во времена Тайбугиной династіи въ Сибири. Съ паденіемъ ея и воцареніемъ грознаго Кучума, сѣверные предѣлы Сибири къ концу XVI в. значительно раздвинулись. Мы видѣли, что вся Тавда, Пелымъ были подвластны Кучуму, и князья Пелымскіе изъ Вогулъ, сохраняя автономію, дѣйство-

понимать въ томъ смыслѣ, что съ этого числа дружина остановилась на зимовку за предѣлами Перми Великой для развѣдокъ дальнѣйшаго пути, въ который Ермакъ выступилъ лишь весною.

*) Выше было упомянуто, что сынъ Кучума Алей въ 1577 г. женился на Ногайской царевнѣ, дочери Тинъ-Ахмата.

вали однако подъ его знаменемъ; Тахчеи и Конда, притокъ Иртыша, были ему подвластны, и только татарскія княжества по Турѣ—Епанча и Чинги-Тура, т. е. Туринскъ и Тюмень по русскому наименованію, въ то время не признавали, повидимому, власти Кучума, жившаго въ Искерѣ. Но если не считать подручныхъ, союзныхъ Кучуму княжествъ вогульскихъ и татарскихъ, то *собственныя его владѣнія были не велики*. Объ этомъ справедливо говорилъ *П. А. Словцовъ*: „Ландкарта Кучумовой Сибири или ханства Иртышскаго ограничивалась (вскорѣ по овладѣніи Искеромъ) къ сѣверу рѣчкою Демьянкою, въ Иртышъ впадающею, къ востоку юртами Вагайскими, къ югу холмомъ Атбашскимъ, гдѣ послѣ, съ 1633 года, былъ нашъ острогъ, къ юго-западу устьемъ Туры, къ западу устьемъ Тавды. Далѣе жъ сихъ предѣловъ кочевали союзники малозависимые или независимые: Остятскіе князцы, Барабинцы, Киргизъ-Кайсаки, Ногаи, Туралинцы Чингидинскаго улуса (т. е. Тюменскіе Татары), князцы Вогульскіе, Епанчинской и Пелымской“ *). *Карамзинъ* считалъ Туру западною границею Сибири на основаніи приведенной выше оговорки Строгановской лѣтописи: „и вышедъ (Ермакъ) на Туру рѣку: *ту бѣ и Сибирская страна*“ **). Но для рѣшенія вопроса о границахъ Сибири въ XVI в. случайной лѣтописной замѣтки, конечно, еще не достаточно.

Въ первый разъ слово *Сибирь*, какъ названіе города, упоминается на картѣ Францискa и Доминика *Пицигани* 1367 г. и во второй—на картѣ *фра-Мауро* 1459 г. ***). Слѣдовательно, во время перваго, достовѣрно извѣстнаго изъ IV Новгородской лѣтописи, Зауральскаго похода 1364 г. на рѣку Обь Новгородскихъ воеводъ Александра Абакумовича и Степана Ляпы слово „Сибирь“ уже было въ употребленіи. При описаніи похода 1483 г. Архангелогородскій лѣтописецъ довольно опредѣленно упоминаетъ Сибирскую землю: „пошли внизъ по Тавдѣ рѣцѣ *мимо Тюмень въ Сибирскую землю*,.... *а отъ Сибири шли* по Иртышу рѣцѣ внизъ воюючи....

---

*) *Словцовъ*: «Историч. обозрѣніе Сибири», ч. 1-я. СПБ. 1886 г., XVIII.

**) «Исторія Госуд. Россійск.» IX, 385 и примѣч. 675 къ нему.

***) «Пермс. Стар.» II, 3. Проф. *Анучинъ* неправильно считаетъ первымъ упоминаніемъ слова Сибирь въ 1459 г. См. его статью въ «Древностяхъ Московск. Археологич. Общ.» томъ XIV. М. 1890 г., стр. 245.

въ Югорскую землю". О важности этихъ указаній мы подробно говорили въ предъидущей главѣ, указавъ при этомъ и сѣверную границу Сибири того времени. Въ 1484 г. тою же лѣтописью упоминается древнѣйшій „Сибирскій князь Лятикъ" (см. тамъ же). Подъ 1505 г. одна лѣтопись говоритъ: „рать пришла безъ вѣсти *изъ Тюмени*, Кулукъ-Салтанъ"... (см. начало настоящей главы). Въ составленной около того же времени Великопермской уставной грамотѣ уже опредѣленно указывается на торговыя отношенія между Пермью Великой и *волокомъ Тюменскимъ* *). На картѣ *Антона Вида*, составленной между 1537—1544 г.г., но изданной въ 1555 году, указаны: города Sybir, Tumen и страны Abdori, Kondori, Wilki Perim **). Дальнѣйшія упоминанія тѣхъ же названій мы встрѣчаемъ на картахъ: *Мюнстера* 1544 г., *Герберштейна* 1549 и 1556 г.г., *Дженкинсона* 1562 г., голландца *Баренца* 1598 г., *Исаака Массы* 1609 г., *Гесселя Герарда* 1614 и наконецъ на русскихъ *чертежахъ* XVII вѣка ***). Такимъ образомъ еще до покоренія Сибири Русскими, слово *Сибирь* и другіе, относящіеся къ ней, наиболѣе важные географическіе термины можно прослѣдить по древнимъ картамъ и лѣтописямъ на протяженіи по крайней мѣрѣ двухъ съ половиной столѣтій. Сопоставляя показанія этихъ картъ съ извѣстіями всѣхъ сохранившихся письменныхъ источниковъ XIV—XVI вѣковъ, особенно лѣтописей, грамотъ и челобитныхъ, мы приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ о значеніи слова *Сибирь* въ XVI вѣкѣ.

Сибирь на Иртышѣ и Тюмень на Турѣ, Сибирь на востокѣ и Тюмень на западѣ въ глазахъ Русскихъ и всѣхъ Европейцевъ по крайней мѣрѣ съ XIV вѣка составляли два отдѣльныя княжескія владѣнія, изъ коихъ Сибирь возвышается

*) «Пермская Старина» I, 192.

**) *Д. Н. Анучинъ*: «Къ исторіи ознакомленія съ Сибирью до Ермака» въ «Древностяхъ Моск. Археол. Общ.» т. XIV, 276—277. *Е. Е. Замысловскій*: «Чертежи Сибирскихъ земель XVI—XVII вв.» въ «Журналѣ Минист. Нар. Просв.» 1891 г., іюнь.

***) О всѣхъ поименованныхъ картахъ см. тѣ же сочиненія г.г. *Замысловскаго* и *Анучина*, изъ коихъ послѣдній приводитъ въ своей работѣ и факсимиле многихъ картъ. Для географіи Сибири въ XVII в. очень важно изданіе *Г. В. Юдина*: «Сибирь въ XVII вѣкѣ». Москва. 1890 г., подъ редакціей *А. А. Титова*.

на степень ханства, т. е. царства, только съ появленія въ ней Кучума, представителя дома Шейбанидовъ; но въ географическомъ смыслѣ оба владѣнія всегда составляли одну страну *Сибирь*. Эти два отдѣльныя владѣнія находились въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Ногайскою ордою, и Ногаи въ лѣтописяхъ и грамотахъ Сибирскихъ упоминаются не рѣдко. Связь Сибири и Тюмени съ Ногаями была такъ близка, что иногда и Сибирскіе Татары назывались *Ногайскими*. Это можно объяснить какъ одинаковымъ тюркскимъ происхожденіемъ тѣхъ и другихъ Татаръ, такъ въ особенности *ногайскимъ* происхожденіемъ Онсона и Тайбуги и ихъ дальнѣйшихъ потомковъ. Вѣдь не смѣшивались же Сибирскіе Татары наприм. съ Казанскими. Резиденція Тайбугиной династіи неоднократно переносилась изъ Сибири въ Тюмень и обратно, и когда со времени Махмета въ концѣ XV в. она перемѣстилась въ Сибирь, то въ Тюмени сидѣли особые князья или беки, состоявшіе подъ гегемоніей Сибири. Извѣстный данникъ Москвы Едигеръ самъ едва-ли не жилъ въ Чинги-Турѣ (татарское названіе Тюмени), побуждаемый къ тому политическими обстоятельствами своего времени, а въ Сибири соправительствовалъ его родной братъ Бекбулатъ. Если это такъ, то предположеніе *П. А. Словцова* о мѣстѣ Едигерова юрта, встрѣченное учеными недовѣрчиво, получаетъ значительную долю вѣроятности. „Пространство земли, говорилъ онъ, называвшееся Сибирью Ѣдигера, не далеко лежало отъ главнаго Ногайскаго юрта; и едва-ли юртъ Сибирской не стоялъ между Исети и Міяса, при озерахъ Иртяшѣ и двухъ Наннягахъ, гдѣ на южномъ берегу одного изъ озеръ видѣнъ курганъ изъ полеваго шпата съ древнимъ укрѣпленіемъ и рвомъ“ ....*). Курганъ при озерѣ Большомъ Ннаннягѣ въ южной части нынѣшняго Екатеринбургскаго уѣзда былъ принадлежностью гораздо болѣе древнихъ насельниковъ этихъ мѣстъ, что доказывается его эпитетомъ „Чудской“, о которомъ свидѣтельствуетъ *Палласъ*, сдѣлавшій весьма подробное описаніе кур-

---

*) «Историч. обозрѣніе Сибири». СПБ. 1886 г. часть 1, стр. XVI. *Словцовъ* основываетъ свое заключеніе на грамотѣ отъ 30 мая 1574 г., гдѣ нашествіе Маметкула на юртъ представляется, хотя и не буквально, съ верховьевъ Тобола.

гана*). Но мысль *Словцова*, что Едигеръ жилъ не на Иртышѣ, а западнѣе, сама по себѣ вѣрна. Я увѣренъ, что резиденціей его была Тюмень или по-татарски Чинги-Тура, гдѣ нѣкогда жилъ и самъ родоначальникъ его династіи, Тайбуга. При такомъ мѣстоположеніи Едигерова улуса Словцовъ полагалъ, что „*предѣлы его на западѣ Урала могли простираться отъ истоковъ Уфы до Утки, близъ которой, въ значеніи границы, течетъ* (другая) *рѣчка Сибирка, падающая въ Чусовую, въ широтѣ 57°9′*" **). Выше Словцовъ указываетъ рѣчку *Сибирку* на восточномъ склонѣ Урала, выше Лялинскаго спуска, въ широтѣ 59°12′ (часть I, стр. XIV), а далѣе упоминаетъ третью *Сибирку* въ Тобольскомъ уѣздѣ въ бассейнѣ Иртыша (ч. II, стр. 113). Итакъ западную границу древней Сибири П. А. Словцовъ отодвигаетъ къ истокамъ р. Уфы и оттуда къ притоку Чусовой рѣкѣ Уткѣ. Такъ какъ и послѣ покоренія Сибири указанныя мѣста въ первое время по управленію относились къ Тюмени и затѣмъ къ Верхотурью, то мы считаемъ возможнымъ согласиться съ такимъ заключеніемъ почтеннаго историка Сибири. До нашего времени дошло много поземельныхъ актовъ XVII в., скрѣпленныхъ „*печатью Сибирскія земли города Верхотурья*", которые захватываютъ большую часть зауральской половины нынѣшней Пермской губерніи. Слѣдовательно почти весь этотъ обширный районъ въ XVII в. считался Сибирью. Сѣверовосточные предѣлы поселеній Ногаевъ такимъ образомъ были не особенно удалены отъ тогдашней юго-западной границы Сибири, почему между Ногайскими и Сибирскими Татарами были возможны постоянныя сношенія, которыя и существовали дѣйствительно, какъ мы уже показали выше. Потому-то, надо полагать, Московское правительство въ XVI в. не хотѣло признавать дозволенной эту южную дорогу въ Сибирь, хотя она была удобнѣе сѣверной ***).

---

*) Петра Симона *Палласа*: «Путешествіе по разнымъ мѣстамъ Россійскаго госуд.». Часть II, книга 1-я, перев. съ нѣмецкаго Ѳ. Туманскаго, стр. 166—169. См. также дополненіе къ «Словарю Пермс. губерніи» *Н. К. Чупина*.

**) «Историч. обозрѣніе Сибири», часть I, стр. XVI.

***) Изъ грамоты 1574 г., жалованной Строгановымъ, мы видѣли однако, что и сѣверный путь не мѣшалъ сноситься Сибири съ враждебными Москвѣ инородцами: Кучумъ тайно посылалъ людей въ Ногаи чрезъ Тахчеи.

Повторимъ для ясности всѣ наши выводы относительно границъ Сибири въ XV и XVI вѣкахъ. Отъ истоковъ рѣки Уфы граница шла къ лѣвому притоку Чусовой, Верхней Уткѣ, и сосѣдней съ нею рѣчкѣ Сибиркѣ, текущей слѣва также въ Чусовую пониже этой Утки (нынѣ въ Красноуфимскомъ уѣздѣ, почти на границѣ его съ Екатеринбургскимъ). Здѣсь юго-западная граница Сибири соприкасалась съ юго-восточной границей Перми Великой (Пермс. Стар. I, 115 и IV, 124). Отсюда граница направлялась на востокъ къ истокамъ Тагила, шла параллельно правому берегу этой рѣки и упиралась въ р. Туру выше нынѣшняго Туринска, тогда именовавшагося Епанчею. Изъ описанія пути казаковъ въ лѣтописяхъ ясно видно, что р. Тагилъ протекала по Угорской территоріи, а Тура, отъ впаденія въ нее Тагила, составляла уже Сибирское владѣніе. Далѣе на востокъ граница между Угорской и Сибирской странами шла приблизительно по 58° сѣверной широты чрезъ Тавду и Иртышъ, пересѣкая послѣдній пониже нынѣшняго Тобольска. Со времени утвержденія Кучума на Иртышѣ, владѣнія его на пространствѣ отъ Туры до Иртыша врѣзались большимъ угломъ въ Угорскую территорію, при чемъ Тахчеи, бывшая Тахтанская вогульская волость на Тавдѣ, составили сѣверную вершину этого угла. Между тѣмъ на встрѣчу этому тюркскому вторженію въ область Угровъ, съ XV вѣка постепенно распространялась русская колонизація по направленію съ сѣвера на югъ и юго-востокъ. Къ востоку отъ Иртыша сѣверная граница Сибири въ XV в. шла къ вершинамъ рѣки Васъ-Югана и достигала Оби къ сѣверу отъ ея притока Кети. Съ теченіемъ времени и на этомъ пространствѣ Угры постепенно были стѣсняемы съ сѣвера русскими, а съ юга татарами, пока со всѣхъ сторонъ не были окружены тѣми и другими поселеніями. Болѣе или менѣе опредѣленная угорско-сибирская территоріальная граница шла параллельно 58° сѣв. широты до исхода XV в., послѣ чего она довольно замѣтно отодвигается къ сѣверу подъ напоромъ Сибирскихъ Татаръ.

~~~~~~~~~~

Съ момента вступленія Ермака въ предѣлы Сибири, извѣстія лѣтописей о его дальнѣйшемъ движеніи становятся
~~~~~~~~~~

болѣе согласны между собою. Строгановскій лѣтописецъ, жившій, по всему вѣроятію, въ Перми Великой и скорѣе всего гдѣ нибудь въ вотчинахъ Строгановыхъ (въ Орлѣ или на Чусовой), потерявъ съ глазъ казацкую дружину, естественно, уже не имѣлъ болѣе возможности сообщать о ней такія подробности, какія онъ зналъ за время пребыванія казаковъ въ Перми Великой. О дальнѣйшихъ событіяхъ такія подробности могли узнать со временемъ только сибирскіе лѣтописцы, жившіе, какъ извѣстно, въ Тобольскѣ. Потому-то съ этого времени преобладающимъ источникомъ свѣдѣній дѣлаются сибирскія лѣтописи, *особенно Ремезовская*, а Великопермская (Строгановская) лѣтопись неизвѣстнаго составителя теряетъ то первостепенное значеніе, какое она несомнѣнно имѣетъ для пермскаго періода Ермакова похода; въ особенности страдаетъ ея дальнѣйшая хронологія*) и фактическая обстоятельность изложенія. Все это намъ кажется совершенно натуральнымъ явленіемъ въ области мѣстнаго лѣтописанія, почему для безпристрастнаго изслѣдователя всѣ лѣтописи должны имѣть въ вопросѣ о походѣ Ермака свое спеціальное значеніе, соотвѣтственно разнымъ фазамъ событія. Спокойное, вполнѣ объективное отношеніе изслѣдователя къ каждому источнику гораздо скорѣе и вѣрнѣе приведетъ къ открытію исторической правды, нежели пристрастное отношеніе къ одному источнику въ ущербъ другимъ, какое позволяютъ себѣ Небольсинъ, Адріановъ и др. ученые.

Итакъ, со времени вступленія Ермака въ бассейнъ р. Туры мы должны слѣдить за его движеніемъ *преимущественно по лѣтописи Ремезова, не забывая однако, гдѣ нужно, и прочихъ сибирскихъ лѣтописей*. Извѣстный Миллеръ имѣлъ полное основаніе предпочесть въ этомъ случаѣ Ремезова всѣмъ другимъ сибирскимъ лѣтописцамъ. Такъ какъ изложеніе дальнѣйшаго похода Ермака лишь косвенно относится къ нашей прямой задачѣ, то мы ограничимся въ этомъ изложеніи существенными фактами, опустивъ подробности, которыя многократно сообщались уже въ трудахъ нашихъ истори-

*) Весьма основательныя хронологическія поправки относительно Строгановской и Ремезовской лѣтописей сдѣлалъ *Д. И. Иловайскій* въ примѣчаніи 70 къ III тому своей «Исторіи Россіи», на стр. 660—662.

ковъ*). Для насъ особенно важно указать путь Ермака и тѣ поселенія, которыя ему встрѣтились на этомъ пути.

По Турѣ Ермакова дружина плыла до татарскаго города Епанчи, который находился повыше нынѣшняго Туринска. У Ремезова опредѣленно сказано: „.... и поплыша внизъ по Тагилу маія въ 1 день (1581 г., по сентябрьскому счисленію), разбиваше суды по Турѣ до перваго князя Епанчи, *идѣже нынѣ Епанчинъ-Усениново стоитъ*" (статья 14-я)**). Здѣсь и была первая битва русскихъ съ татарами въ предѣлахъ Сибири. Село Усениново до сихъ поръ существуетъ въ Туринскомъ округѣ Тобольс. губ. Въ 1750 г. Миллеръ писалъ, что „по князцу Епанчѣ городъ Туринскъ и понынѣ въ просторѣчіи Епанчинъ называется" (Опис. Сиб. ц. стр. 108). Побѣдивъ Татаръ, казаки и сопровождавшіе ихъ люди Строгановыхъ 1 августа 1581 г. *„взяша градъ Тюмень еже Чингида*, и царя Чингыза убиша, и многіе припасы и богатства взяша, *и ту зимоваша*, яко видя множество бусурманскаго языка по Турѣ". (Ремезовъ, статья 15). Изъ лѣтописей можно видѣть, что владѣвшіе Епанчиномъ и Чинги-Турою князья еще не были въ подданствѣ у Кучума***). Перезимовавъ въ Тюмени, казаки весною 1582 г. (по сентябрьскому счисленію) двинулись далѣе внизъ по Турѣ, при чемъ самъ Ермакъ выступилъ изъ Тюмени только 9 мая. Въ *Тарханскомъ городкѣ*, что нынѣ Тарханскіе юрты въ Тюменскомъ округѣ на р. Тоболѣ, противъ устьевъ Туры,— они захватили въ плѣнъ Кучумова ясачнаго сборщика Кутугая. *„Тахтанской же бѣ заставной таможной Кучюмовъ городокъ, а не Чингизовъ*". (Ремезовъ, статья 30). Послѣднія слова лѣтописи заслуживаютъ особеннаго вниманія: они ясно показываютъ, что собственныя владѣнія Кучума ограничива-

*) Послѣднимъ по времени довольно обстоятельнымъ изложеніемъ этого событія служитъ статья *Д. И. Иловайскаго*: «Ермакъ и покореніе Сибири» въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1889 г., сентябрь. Отсюда эта статья цѣликомъ вошла въ III-й томъ его же «Исторіи Россіи» (М. 1890 г., глава X).

**) Это извѣстіе передаетъ своими словами и *Миллеръ*, стр. 107—108. *Иловайскій* смѣшалъ Епанчинъ (Туринскъ) съ Чинги-Турою (Тюменью). См. «Ист. Россіи» III, стр. 391.

***) Въ лѣтописи *Ремезова* походъ Ермака описывается въ статьяхъ 5—15. Статьи 16—28 составляютъ заимствованіе изъ какого-то другого источника (о Сибирскихъ владѣтеляхъ), а 29-я статья прямо продолжаетъ 15-ю.

лись бассейномъ Тобола, а на Турѣ лежали другія татарскія княжества, принадлежавшія потомкамъ убитаго Кучумомъ Едигера, но что эти княжества также считались по географическому положенію *Сибирскими* наравнѣ съ собственными владѣніями Кучума. Тарханскій городокъ былъ Кучумовой таможней на границѣ съ Тюменскимъ княжествомъ, слѣдовательно городкомъ *пограничнымъ*. Ремезовъ вполнѣ подтверждаетъ такимъ образомъ мнѣніе П. А. Словцова о размѣрахъ Кучумова юрта, принятое выше и нами (юго-западную его границу составляло устье рѣки Туры).

На устьѣ Туры произошла битва Ермака съ 6 татарскими князьями—*кучумлянами*, по выраженію Ремезова (статьи 35—37), который и упоминаетъ при этомъ по именамъ трехъ князей: Маитмаса, Каскара и Варваринну *). Въ предѣлахъ собственныхъ владѣній царя Кучума это была первая битва русскихъ съ татарами. На Тоболѣ, между устьевъ Туры и Тавды, произошло еще двѣ битвы съ татарами: у *Березоваго Яру* и далѣе у *Караульнаго Яру*—урочищъ, получившихъ съ тѣхъ поръ эти названія отъ казаковъ **). (Ремезовъ, статьи 37—38). Лѣтопись Есипова и „Сказаніе Сибирской земли" добавляютъ къ Ремезову лѣтописцу извѣстіе, что на устьѣ Тавды казаки опять схватили кучумлянина Таусина (по Есипову, Таусака), посланнаго Кучумомъ на Тавду для рыбной ловли. Отъ него казаки получили новыя свѣдѣнія о приготовленіяхъ Кучума къ войнѣ. Такъ какъ ряды казаковъ послѣ предъидущихъ битвъ значительно порѣдѣли, то среди нихъ, по словамъ Ремезова, возникъ вопросъ: слѣдовать-ли далѣе по Тоболу на Кучумову столицу, или повернуть вверхъ по Тавдѣ и возвратиться чрезъ земли Вогуличей въ Пермь Великую сѣвернымъ московскимъ путемъ (Тавда—Тахчеи—Лозьва—Уралъ—Вишера). „И проплыша до усть Тавды, читаемъ у Ремезова въ статьѣ 39, и стояше недѣлю, размышляше, яко да идутъ съ вожами вспять по

*) Въ Тюменскомъ округѣ донынѣ сохранились татарскіе юрты *Больше и Мало-Каскаринскіе, Матмасовскіе и Варваринскіе или Вурваръ.* (См. «Списки насел. мѣстъ Тоб. губ.», стр. 137, 138, 139 и 141).

**) Нынѣ *Березовый Яръ* есть деревня на р. Тоболѣ, а *Караульный Яръ*—село на той же рѣкѣ—оба въ Тюменскомъ округѣ Тобольской губерніи. См. «Списки ея насел. мѣстъ». СПВ. 1871 г., стр. 140.

Тавдѣ вверхъ и черезъ Камень Вогуличами да возвратятся". Большинство съ Ермакомъ во главѣ сочли однако такое намѣреніе за недостойное храброй дружины малодушіе и рѣшили двинуться внизъ по Тоболу, не взирая на предстоявшую опасность. 8 іюля 1582 г. дружина выступила въ дальнѣйшій походъ и достигла затѣмъ юрта мурзы Бабасана, что нынѣ *Бабасанскіе юрты* на Тоболѣ, въ 67 верстахъ отъ губернскаго города *). Тѣмъ временемъ Кучумъ, заслышавъ о приближеніи вооруженныхъ людей, дѣятельно приготовлялся къ оборонѣ, устроилъ укрѣпленіе на Иртышѣ въ урочищѣ Чувашевомъ и, собравъ множество Татаръ, Остяковъ, Вогуловъ „и иныхъ чюдскихъ языковъ" **), выслалъ ихъ къ Бабасану, подъ начальствомъ Магметкула, на встрѣчу непріятелямъ. 21 іюля „въ Бабасанахъ на усть озера на Тоболѣ" (Ремезовъ, ст. 43) завязалась кровопролитная битва, возобновлявшаяся пять дней сряду и кончившаяся пораженіемъ кучумлянъ. Казаки огнестрѣльнымъ оружіемъ проложили себѣ дальнѣйшую дорогу и поплыли далѣе по Тоболу, въ погоню за Магметкуломъ. На устьѣ *Турбы*, у конца *Долгаю Яру*, 26 іюля кучумляне собрались въ значительномъ количествѣ во ожиданіи прибытія Ермака. (Ремезовъ, ст. 44). Когда струги казацкіе поровнялись съ этимъ мѣстомъ, кучумляне пустили въ нихъ съ горы тучу стрѣлъ, не причинивъ однако большаго вреда казакамъ, которые слѣдовали все далѣе, достигнувъ къ 1 августа 1582 г. *Карачина улуса* ***). „И тотъ градъ Карачинъ, гласитъ лѣтопись, взяша и въ немъ безчисленное богатство, злата и сребра, и каменія драгаго, и жемчюгу, и меду довольно, и скота; и сѣдоша ту 2 недѣли Госпожина поста". (Ремезовъ, статья 53) ****). Съ 1 ав-

---

*) «Списки насел. мѣстъ Тобольс. губ.» СПБ. 1871 г., стр. 9.

**) По выраженію «Сказанія Сибирской земли».

***) Село *Карачино*, *Смородново* тоже, при озерѣ Карачинскомъ, доселѣ существуетъ въ 25 верстахъ отъ Тобольска. «Списки», 7.

****) Въ лѣтописи *Ремезова* предъ этимъ извѣстіемъ есть позднѣйшая вставка (статьи 49—52), не согласная съ нимъ въ показаніи времени событій. Еще *Миллеръ* обратилъ вниманіе на эти противорѣчія, которыя и объяснилъ тѣмъ, что въ оригиналѣ лѣтописи «послѣ былъ вклеенъ листъ, какъ по разности письма и рисунковъ явствуетъ» (Опис. Сиб. царст., гл. II, § 62, стр. 117). Въ 1880 г. Археографич. Коммиссія издала лѣтопись по этому самому списку, взятому изъ Академіи Наукъ, съ тою же вставкою. На самомъ дѣлѣ изложенныя на этомъ листѣ событія—походъ Ермака на р. Тавду—совершились позже.

густа Ермакъ съ дружиною держалъ 40-дневный постъ, готовясь къ дальнѣйшей войнѣ и сознавая, что уже приближается ея рѣшительный моментъ—взятіе Кучумовой столицы. Наконецъ въ праздникъ Воздвиженія 14 сентября 1583 года казаки поплыли изъ Карачина къ устью Тобола, гдѣ ожидало ихъ множество Татаръ. Сколько войска было теперь у Ермака—трудно сказать, но едва-ли буквально можно понимать слова Ремезова (статья 58), что въ это время „Ермаковы вои остася отъ боевъ 45 человѣкъ", хотя въ ихъ рукахъ было огнестрѣльное оружіе, а у кучумлянъ „оружія не бѣ, точію луки и стрѣлы, копія и сабли" (тамъ же, ст. 64). Это ясно уже изъ того, что подъ Чувашевой горой въ октябрѣ того же года Ермакъ потерялъ убитыми 107 человѣкъ. Скорѣе всего было такъ, что упомянутые 45 человѣкъ остались у Ермака *изъ первоначальнаго состава дружины*, которая затѣмъ пополнялась новыми выходцами изъ Перми Великой. Трудно предположить въ самомъ дѣлѣ, чтобы Ермакъ, постепенно подвигаясь въ глубь непріятельской страны, не постарался обезпечить себѣ тылъ отъ внезапной измѣны, а для этого необходимы были новыя подкрѣпленія вѣрными атаману людьми. При томъ же въ тылу казаковъ осталась непокоренною вся Тавда, населенная Вогулами, сторонниками Кучума. Названіе *Караульнаго Яра*, упомянутаго нами выше, наводитъ на мысль, что для обезпеченія тыла Ермакъ оставлялъ позади себя небольшіе форпосты.

На устьѣ Тобола, какъ мы сказали, казаки встрѣтили множество Татаръ. Тутъ стоялъ тогда городокъ мурзы *Атика*, что послѣ назывался *Заостровными юртами*, существующими донынѣ на р. Иртышѣ*). Не смотря на неравенство силъ казаки одолѣли Татаръ, благодаря огнестрѣльному оружію, взяли городокъ и крѣпко засѣли въ немъ. „И пребываше вси въ Атикскомъ городкѣ съ великимъ опасеніемъ, яко видѣша множество бусурманъ, яко битись единому противъ десяти и двадцати ратныхъ" (Ремезовъ, ст. 60). Казаки избрали городокъ Атикъ опорнымъ пунктомъ, откуда стали дѣлать вылазки противъ непріятеля, укрѣпившагося на горѣ *Чувашевой*, въ двухъ верстахъ выше устья Тобола, на правомъ берегу

*) «Списки насел. мѣстъ Тобольс. губ.» стр. 8, подъ № 43.

Иртыша, гдѣ Кучумъ еще ранѣе устроилъ крѣпкую засѣку. Здѣсь сидѣлъ самъ Кучумъ съ главными силами, почему взятіе Чувашскаго укрѣпленія должно было рѣшить судьбу его царства. Здѣсь же находился и извѣстный намъ Маметкулъ. Въ виду наступленія рѣшительнаго момента войны, нѣкоторые казаки опять заговорили объ отступленіи, какъ было на устьѣ Тавды, но Ермакъ снова отклонилъ такое намѣреніе, недостойное храбрыхъ казаковъ (Ремез., ст. 59). Три раза Ермакъ безуспѣшно приступалъ къ Чувашской горѣ (засѣкѣ) *), „крѣпцѣ біяхуся съ самемъ Кучюмомъ, хотяше взяти Чювашскій градъ на горѣ Чювашской и ту засясти на зиму, да пребудемъ въ сидѣніи сохранно, яко крѣпокъ бѣ Чювашскій градъ окопами". (Тамъ же, ст. 61). Наконецъ 23 октября 1583 г. Ермакъ сдѣлалъ четвертый самый рѣшительный приступъ къ горѣ, задумавъ взять укрѣпленіе съ помощью огнестрѣльнаго оружія, а затѣмъ и съ рукопашнаго боя. Казаки дрались необыкновенно храбро, „*бишася три дни безъ опочиву, неотступно*" (Ремезовъ, ст. 64). Доблестный Ермакъ геройски ратовалъ впереди всѣхъ, воодушевляя мужествомъ своихъ храбрыхъ бойцовъ. На другой день битвы, 24 октября, въ войскѣ Кучума началось замѣшательство. „Первѣе всѣхъ, пишетъ Ремезовъ (статья 65), *низовые Остяки князки* **) отъ Кучумова повелѣнія и раменту отступиша и бѣгу яшася". Вечеромъ того же числа „такожде и Вогуличи тайно отъ заступленія Кучюмова убѣгоша во своя жилища за Яскалбинскіе непроходимые болота и озера" (Ремезовъ, ст. 67); положеніе Кучума становилось шаткимъ ***). „Сказаніе Сибирской земли" добавляетъ, что казаки „единодушно приступиша къ засѣкѣ и съ царевичемъ Маметкуломъ сразишася крѣпко, и на томъ бою царевича ранили, едва жива увезли Татара за Иртышъ рѣку". На третій день битвы „вечеру бывшу, 25 день (октября)—и преста подчювашская брань, казаки отъидоша за рѣку и

*) Первый приступъ казаки сдѣлали 1 октября 1583 г. (Ремез., ст. 61).

**) т. е. Остяки съ низовьевъ рѣки Иртыша. См. *Миллера* гл. II, § 83, стр. 131.

***) *Ескалбинскіе юрты* Татаръ донынѣ существуетъ на Иртышѣ, въ 12 верстахъ ниже Тобольска. «Списки», стр. 19; *Миллеръ* гл. II, § 85, стр. 132. Чрезъ нихъ лежитъ прямая дорога на рѣку Конду по низкимъ мѣстамъ, озерамъ и болотамъ.

обночеваша со стражею". (Ремезовъ, ст. 69). Во время приступовъ къ Чувашевой горѣ Ермакъ потерялъ 107 человѣкъ*). Кучумъ, считая дѣло окончательно проиграннымъ, въ ночь на 26 октября бѣжалъ „изъ града своего *Кашлыка, еже Сибирь зовома*", „нощію востававъ тайно". (Ремез., ст. 68). За нимъ „и вси изъ града невозвратно бѣгоша на степь въ Казачью Орду, на прежнее свое селеніе (?) *Грады жъ Чювашской и Кашлыкъ, Сузгунъ, Бишикъ, Абалакъ и протчіе***)... *оставиша пусты*". (Тамъ же). 26 октября 1583 г., въ день памяти св. Димитрія Солунскаго, Ермакъ съ дружиною безпрепятственно вступилъ въ опустѣлую столицу Кучума, исполненный „велія веселія и тайной радости". „И видѣвъ оставшаго имѣнія и богатства множество и хлѣба, глаголюще: съ нами Богъ!" (Ремезовъ, статья 70). И самъ лѣтописецъ радостно заявляетъ далѣе (ст. 71): „Промчеся слухъ о Ермакѣ и о казацѣхъ во всю Сибирскую страну, и нападе Божій страхъ на вся живущіе бусурманы во всей странѣ той!"

Здѣсь мы должны остановиться на спорномъ вопросѣ о годѣ занятія Ермакомъ столицы Кучума. *Миллеръ* относилъ это важное событіе къ 1581 году (7090 г.)***), *Карамзинъ* и *Соловьевъ* къ тому же году ****). Авторъ статьи при „Спискахъ населенныхъ мѣстъ Тобольской губерніи", плохо зная исторію Перми Великой, относитъ самое выступленіе Ермака съ Чусовой къ 1578 г., а взятіе Сибири (города)—къ 1581 г. *****). *Л. Н. Майковъ*, совершенно правильно опредѣляя начало похода (1 сентября 1581 г.), относитъ взятіе Сибири (города) къ 26 октября того же самаго года ******). Къ этому циклу ученыхъ примыкаетъ и мѣстный Сибирскій

*) *Карамзинъ*, т. IX, стр. 389 и примѣчаніе къ нему 685, гдѣ сдѣлана ссылка на синодикъ Тобольскаго собора.

**) На мѣстѣ Кашлыка или Сибири нынѣ городище въ 16 верстахъ отъ Тобольска; на мѣстѣ Бицикъ-тура нынѣ *Панинъ бугоръ* въ г. Тобольскѣ; на мѣстѣ Сузге-тура—*Сузгунскіе* юрты и далѣе село *Абалацкое*. «Списки» стр. LXXV; *Миллеръ*, гл. II, стр. 133—134, гл. I, 49 и 52 стр.

***) «Описаніе Сибирс. царства». СПБ. 1750 г., глава II, §§ 77 и 89, стр. 126 и особенно 136.

****) *Карамзинъ* IX, 389 по изданію бр. Слениныхъ; *Соловьевъ* VI, 430.

*****) «Списки насел. мѣстъ Тоб. губ.». СПБ. 1871 г., стр. LXXIV—LXXV.

******) «Журналъ Минист. Народ. Просв.». 1881 г., № 9.

историкъ *П. А. Словцовъ* *). Наконецъ послѣдній изслѣдователь вопроса *Д. И. Иловайскій* въ III томѣ своей „Исторіи Россіи“ (стр. 393 и 661) высказался за 1582 годъ, какъ годъ взятія русскими Кучумовой столицы. Послѣднее мнѣніе мы считаемъ болѣе близкимъ къ истинѣ, чѣмъ всѣ предъидущія.

Причина ученыхъ разнорѣчій по данному вопросу заключается въ неодинаковыхъ показаніяхъ Сибирскихъ лѣтописцевъ. Мы говорили, что Строгановская лѣтопись совершенно правильно излагаетъ начало Ермакова похода, но со времени вступленія казаковъ въ Сибирь теряетъ значеніе источника, на который безусловно можно полагаться. Лѣтопись Ремезова, наиболѣе богатая фактическими подробностями за все время пребыванія казаковъ въ Сибири, крайне неудовлетворительна въ своихъ годовыхъ показаніяхъ. По Ремезову, Ермакъ взялъ городъ Сибирь (иначе Кашлыкъ или *Кавлымъ*, какъ названъ онъ въ статьѣ 69)—26 октября 7095, т. е. 1586, что уже явно нелѣпо. По Строгановской лѣтописи весь переходъ отъ Чусовой до Иртыша, соединенный съ такими трудностями среди враждебныхъ народовъ, продолжался съ 1 сентября до 26 октября 1581 года, что намъ кажется также нелѣпостью. Нисколько не больше можно вѣрить и „Сказанію Сибирской земли“, по словамъ котораго Ермакъ вступилъ въ Сибирь 7089 (1580 г.) октября въ 12 день. По лѣтописи Есипова, это вступленіе послѣдовало того же 1580 года октября 26. Это „Сказаніе“ во многомъ сходно съ лѣтописью Есипова. Изъ приведенныхъ сопоставленій ясно, что въ данномъ вопросѣ никакъ нельзя полагаться только на лѣтописи, а необходимо придавать рѣшающее значеніе оффиціальнымъ актамъ того времени—царскимъ грамотамъ, на которыя ученые обращаютъ во всякомъ случаѣ меньшее вниманіе, чѣмъ какого онѣ заслуживаютъ въ сравненіи съ лѣтописями относительно хронологическихъ показаній **).

---

*) «Историческое обозрѣніе Сибири». Изд. 2-е СПБ. 1886 г., стр. XVIII первой части.

**) Удивляемся, что нѣкоторые ученые, какъ напр. *С. А. Адріановъ*, вѣрятъ больше хронологіи лѣтописей, нежели царскихъ грамотъ. Тоже допускаетъ нынѣ *Д. И. Иловайскій* въ примѣчаніи 70 къ III тому своей «Исторіи Россіи», на стр. 662, гдѣ см. произвольную поправку даты въ грамотѣ отъ 7 января 7092 (1584 г.).

Ремезовская лѣтопись хотя и показываетъ годы завѣдомо неправильно, однако по обстоятельности изложенія событій со времени вступленія Ермака въ Сибирь, (именно со статьи 14-й) безспорно, заслуживаетъ предпочтительнаго вниманія предъ всѣми другими Сибирскими лѣтописями, подобно тому какъ для начала похода такое же значеніе имѣетъ Строгановская лѣтопись. Этимъ свойствомъ лѣтописи Ремезова, кажется, нужно объяснить и то, что мѣсячныя и числовыя данныя ея идутъ въ послѣдовательности событій, не смотря на путаницу въ годовыхъ показаніяхъ. До взятія столицы Кучума эта послѣдовательность въ показаніи мѣсяцевъ и чиселъ событій нарушена только въ статьяхъ 49—52 о походѣ на Тавду, заключающихся на вклеенномъ позже въ оригиналъ рукописи листѣ, и въ статьѣ 66 о сновидѣніи Кучума; кромѣ того статьи 16—25 представляютъ ретроспективный обзоръ исторіи Сибири до Кучума и при его воцареніи. Остальныя статьи Ремезовской лѣтописи, именно: 14, 15, 26—48, 53—65, 67—71 (до которой мы дошли въ настоящемъ обозрѣніи событій) представляютъ собою настолько полное и послѣдовательное изложеніе событій, что мы должны только удивляться, откуда составитель ихъ могъ почерпнуть эти точныя свѣдѣнія о Сибирскомъ походѣ, совершенно согласныя и съ современными географическими названіями тѣхъ мѣстностей.

Время выступленія Ермака въ походъ 1 сентября 1581 г. нами установлено выше, полагаемъ, достаточно прочно и достовѣрно на основаніи всей совокупности источниковъ *). На всемъ пути отъ южной границы Перми Великой до столицы Кучума *дружина Ермака несомнѣнно имѣла двѣ зимовки:* первую въ Кокуѣ-городкѣ, что въ бассейнѣ рѣки Чусовой, и вторую—въ Тюмени на р. Турѣ. Первая зимовка засвидѣтельствована въ „Сказаніи Сибирской земли" и въ мѣстныхъ народныхъ преданіяхъ на Уралѣ, вторая—въ 15-й статьѣ лѣтописи Ремезова, гдѣ она подтверждается всѣми дальнѣйшими мѣсячными и числовыми данными этого источника. Необходимость второй зимовки ясна уже изъ одного

*) Рѣшенію того же вопроса посвящена и статья *Л. Н. Майкова* въ «Журналѣ Минист. Народн. Просв.» 1881 г. № 9: «Хронологическія справки по поводу 300-лѣтней годовщины присоединенія Сибири къ Русской державѣ».

того, что Тюмень, какъ мы видѣли выше, считалась тогда важнѣйшимъ стратегическимъ и административнымъ пунктомъ въ Сибирской странѣ послѣ Кучумовой столицы. Но лѣтопись Ремезова упоминаетъ и о первой зимовкѣ казаковъ, не указывая только опредѣленнаго мѣста ея. Въ концѣ 12 статьи лѣтописи замѣчено: „и воеваша (казаки) *во всю зиму* Пелымскіе уѣзды *до весны*“, послѣ чего въ 15 статьѣ ясно сказано о *второй зимовкѣ* въ Тюмени*). Въ виду этихъ свидѣтельствъ двухъ лѣтописей мы не имѣемъ никакого основанія отвергать фактъ *двукратной зимовки* Ермака съ дружиною на пути отъ Чусовой до Иртыша, тѣмъ болѣе, что на этомъ пути казакамъ приходилось брать съ боя каждый шагъ земли и подвигаться впередъ очень медленно, среди постоянныхъ опасностей и препятствій.

Разъ такой фактъ установленъ, мы получаемъ возможность точно опредѣлить продолжительность похода Ермака отъ Чусовой до Иртыша: въ теченіе перваго года съ 1 сентября 1581 г. до 1 сентября 1582 г. казаки прошли путь отъ р. Чусовой до города Тюмени на Турѣ; во второй годъ съ 1 сентября 1582 г. до 1 сентября 1583 г. они подвинулись отъ Тюмени до Карачина улуса, что въ 25 верстахъ отъ нынѣшняго Тобольска. *Слѣдовательно, столица Кучума была занята Ермакомъ въ началѣ 1583 г., по тогдашнему счисленію времени съ 1 сентября.*

Теперь послѣдуемъ далѣе за Сибирскими лѣтописцами. По занятіи Кучумовой столицы Ермакомъ, къ послѣднему начали являться съ изъявленіемъ покорности и съ дарами жители окрестныхъ и далекихъ селеній, и прежде всѣхъ Демьянскій князь Бояръ (Рем., ст. 71). Въ „Сказаніи Сибир. земли“ о немъ замѣчено: „Пріиде къ Ермаку во градъ Остятской князь Боярина со многими Остяки и принесоша дары и запасы“. Почти тоже читаемъ и у Есипова. Ермакъ ласково принималъ всѣхъ приходившихъ „и повелѣ имъ жити въ домѣхъ своихъ по прежнему, яко же жиша при Кучюмѣ“. Казаки же ѣздили „по жильямъ татарскимъ и по промысламъ смѣло, не бояшеся ничего“ (Рем., ст. 72). Однако 5 ноября

*) О первыхъ же двухъ зимовкахъ *до выхода изъ Перми Великой, т. е. до начала настоящаго похода,* въ 1579 и 1580 г.г. Ремезовъ говоритъ въ статьяхъ 5 и 6.

1583 г. (а по Строган. лѣтописи 5 декабря) 20 казаковъ, ѣздившихъ для рыбной ловли на Абалацкое озеро, ночью во время сна убиты были внезапно появившимся Маметкуломъ (по Есипову, это было при урочищѣ Бабасанъ). „Се первое убіеніе казакомъ въ Сибири“, по занятіи ея русскими, какъ вѣрно замѣчаетъ Ремезовъ въ статьѣ 81; тутъ же онъ говоритъ, что Ермакъ тотчасъ погнался за Маметкуломъ, настигъ Татаръ при урочищѣ Шаншинскомъ (нынѣ *Шамшинскіе юрты* въ Тобольс. округѣ), побилъ многихъ изъ нихъ, но царевича не догналъ. Ермакъ съ честію похоронилъ убитыхъ казаковъ на Саусканскомъ мысу, „на царскомъ кладбищѣ“ *). 6 декабря Ермаку изъявили покорность и принесли ясакъ князья Ишбердей и Суклемъ, владѣтели *Ескалбинскихъ* и *Суклемскихъ юртъ*, доселѣ существующихъ въ Тобольскомъ округѣ. Ишбердей оказался особенно полезенъ Ермаку, „яко первѣе многихъ взыска князковъ и приведе въ ясакъ, и ясакъ принесе, *и пути многи сказа, и на немирныхъ казакомъ вожъ изрядной былъ* и вѣренъ велми“ (Ремез., ст. 82).

Послѣ этого Ермакъ съ дружиною сочли своевременнымъ довести о завоеваніи Сибири до свѣдѣнія Московскаго царя, просить Іоанна принять завоеванную страну подъ свою высокую руку, а имъ, казакамъ, простить ихъ прежнія вины предъ царемъ. Ермакъ послалъ въ Москву пять казаковъ во главѣ съ Иваномъ Кольцо, съ которымъ препровождалъ къ царю собранный ясакъ, заручную „вѣстовую отписку о взятіи Сибири“ и челобитную о прощеніи казаковъ за своею жъ рукою **). Атаманъ Кольцо съ товарищами отправился изъ города Сибири 22 декабря 1583 г. „волчьею дорогою, нартами и лыжи, на оленяхъ, имъ же вожъ бѣ Яскалбинской князь Ишбердей со своими Вогуличи, въ Великую Пермь и оттолѣ къ Москвѣ доидоша“ ***). Указанная глухая дорога въ Великую Пермь пролегала по Кондѣ и Тавдѣ въ Чердынскій уѣздъ и признавалась, какъ мы знаемъ, единственною дозволенною дорогою изъ Московскаго государства въ Сибирь и обратно. Въ январѣ 1583 г. (по сентябрьскому счисленію)

*) На Сауканѣ жилъ нѣкогда, какъ мы говорили, татарскій князь того же имени, вѣроятно, родственный дому Тайбуги.

**) Изъ «Сказанія Сибирской земли».

***) Изъ лѣтописи Ремезова, статьи 84-й.

посольство прибыло къ Іоанну, удостоилось весьма милостиваго пріема и царскаго „жалованья“—деньгами, сукнами и камками (Строгановс. лѣтоп.). Ермаку государь послалъ „великіе дары: 2 панцыря, и сосуды, и шубу свою“ при жалованной похвальной грамотѣ. (Ремезовъ, ст. 85). Казаки отправились изъ Москвы въ обратный путь тою же дорогою, и 1 марта Иванъ Кольцо вручилъ Ермаку царскую грамоту и подарки. (Ремез., ст. 86). Эта грамота, къ сожалѣнію, не дошла до насъ *).

Здѣсь мы должны остановиться на показаніяхъ Строгановской лѣтописи. Она весь походъ пріурочиваетъ къ 1581 г. и между прочимъ сообщаетъ, что казаки о взятіи Кучумовой столицы и о плѣненіи царевича Маметкула увѣдомили предварительно Строгановыхъ, а тѣ написали самому Іоанну; „послѣди же того и сами (Семенъ, Максимъ и Никита) не во множѣ времени пріѣхавше къ Москѣ и государю о всемъ томъ извѣстиша“. Уже послѣ всего этого, будто-бы, Ермакъ написалъ отписку самому царю, которую и отправилъ къ нему съ казаками. Эти извѣстія Строгановской лѣтописи, принятыя на вѣру наиболѣе авторитетными нашими историками, каковы Карамзинъ (IX, 396—397) и Соловьевъ (VI, 431), во первыхъ, не подтверждаются всѣми другими Сибирскими лѣтописями и прочими источниками и, во вторыхъ, рѣшительно противорѣчатъ фактамъ дѣйствительности. Прежде всего столь далекій и трудный походъ не могъ совершиться менѣе чѣмъ въ 2 мѣсяца: это слишкомъ очевидная нелѣпость лѣтописи. Походъ продолжался болѣе двухъ лѣтъ, какъ убѣждаетъ сопоставленіе всѣхъ извѣстныхъ намъ фактовъ того времени. За это время, какъ мы уже знаемъ, Строгановыхъ постигла царская опала. Гнѣвная грамота Іоанна отъ 16 ноября 1582 года доказываетъ, что въ это время въ Москвѣ ничего не было еще извѣстно о предпріятіяхъ казаковъ; вмѣстѣ съ тѣмъ она же убѣждаетъ насъ, что казацкое посольство явилось въ Москву позже, и что опальные Строга-

*) Занесенное въ «Сказаніе Сибирской земли» и въ «Новый Лѣтописецъ» извѣстіе о томъ, будто Іоаннъ назвалъ въ этой грамотѣ Ермака не атаманомъ, а *княземъ Сибирскимъ,* мы считаемъ маловѣроятнымъ. См. объ этомъ у *Карамзина* IX, 401 и примѣч. 709.

новы уже ни въ какомъ случаѣ не могли въ 1581 г. писать царю о взятіи Сибири и даже Маметкула, плѣнъ котораго послѣдовалъ еще позже казацкаго посольства. Тѣмъ болѣе опальные Строгановы не могли лично ѣхать въ Москву. Несообразность и полная нелѣпость приведенныхъ извѣстій Строгановской лѣтописи слишкомъ очевидна. Такою же нелѣпостью представляется намъ и пожалованіе Семена Строганова Солью Большою и Солью Малою на Волгѣ, а Максима и Никиты дарованіемъ права торговать во всѣхъ своихъ городкахъ безпошлинно, хотя лѣтопись прибавляетъ даже, что грамота на обѣ Соли дана была Строганову „за красною печатью, за приписью дьяка Андрея Щелкалова, почему ему тѣми городами владѣти“ *). Какъ все это могло быть въ 1581 году? Не могло быть этого и въ 1582 г., когда Строгановы были въ опалѣ. Въ моихъ рукахъ имѣется очень значительное собраніе рукописей о Строгановыхъ, какимъ едва-ли кто располагаетъ кромѣ ихъ самихъ, и въ нихъ нигдѣ нѣтъ слѣда подобнаго пожалованія; въ самыхъ подробныхъ перечняхъ жалованныхъ Строгановымъ грамотъ нѣтъ упоминанія объ этой грамотѣ на Соль Большую и Малую. Итакъ всѣ приведенныя сообщенія Строгановской лѣтописи завѣдомо не вѣрны и потому-то не находятъ себѣ подтвержденія даже у Ремезова, самаго обстоятельнаго лѣтописца о Сибирскомъ походѣ. Всѣ эти сообщенія намъ представляются явнымъ измышленіемъ, и въ этомъ отношеніи мы вполнѣ раздѣляемъ недавно высказанный взглядъ С. А. Адріанова. Выше мы говорили уже, почему Строгановскій лѣтописецъ хорошо зналъ только начало Сибирскаго похода и не зналъ близко дальнѣйшихъ обстоятельствъ его.

Въ дѣйствительности событія слѣдовали именно такъ, какъ показано нами выше на основаніи другихъ Сибирскихъ лѣтописей, изъ коихъ лучшею слѣдуетъ признать Ремезовскую, за исключеніемъ ея годовыхъ помѣтъ. Казаки, узнавъ о царской опалѣ на Строгановыхъ, поспѣшили подать чело-

*) *Карамзинъ*, IX, 399 и примѣч. 704. У *Перетятковича* въ его изслѣдованіи «Поволжье» (Одесса. 1882 г.) сдѣланъ обзоръ колонизаціи Волжскаго «Усолья», что на Самарской лукѣ (см. стр. 224—228), но о Строгановыхъ нѣтъ упоминанія. Соляными источниками тамъ владѣлъ одно время Семенъ Свѣтешниковъ, а не Семенъ Строгановъ.

битную *непосредственно* Іоанну Грозному, чтобы изъ за Строгановыхъ не навлечь и на себя царскаго гнѣва; они естественно боялись, что этотъ гнѣвъ обрушится и на нихъ, но надѣялись на царскую милость за свои заслуги предъ отечествомъ и самоотверженное служеніе русскому дѣлу. Строгановы и безъ особаго извѣщенія знали о томъ, что дѣлалось въ Сибири, потому что ихъ люди принимали участіе въ походѣ Ермака. Можетъ быть, Ермакъ *частнымъ образомъ* извѣстилъ ихъ о занятіи Сибирской столицы, потому что обязанъ былъ имъ поддержкою въ походѣ, но на оффиціальной, такъ сказать, почвѣ онъ игнорировалъ ихъ съ тѣхъ поръ, какъ узналъ отъ ихъ же людей о царской опалѣ на нихъ. Эта перемѣна въ отношеніяхъ Ермака къ Строгановымъ послѣдовала въ началѣ 1582 сентябрьскаго года, когда казаки находились въ Тюмени, вопреки царскаго указа. Дальнѣйшія подкрѣпленія людьми онъ могъ получать не отъ однихъ Строгановыхъ; „охочихъ людей“ онъ могъ получать и изъ другихъ мѣстъ, можетъ быть, съ той же Волги и нижней Камы, откуда пришла въ Пермь и дружина перваго состава. Съ другой стороны опальные Строгановы не могли предъявлять къ Ермаку какихъ-либо законныхъ требованій. Ихъ связывалъ съ казаками частный и при томъ тайный договоръ, нарушить который казаки всегда могли безнаказанно. Исключительныя обстоятельства 1582 г. такъ и заставили ихъ поступить, послѣ чего Строгановы должны были считать задуманное ими дѣло проиграннымъ, какъ ни дорого оно имъ обошлось. Малѣйшая огласка тайнаго договора ихъ съ казаками могла угрожать имъ лишеніемъ и всѣхъ прикамскихъ вотчинъ.

Продолжаемъ прерванный разсказъ о дальнѣйшихъ обстоятельствахъ Сибирскаго похода. Когда казацкое посольство было уже на обратномъ пути изъ Москвы, 20 февраля 1583 г. пришелъ къ Ермаку „ближній мурза ясашной Сенбахта Тагинъ“ *) и сообщилъ ему, что царевичъ Маметкулъ стоитъ на Вагаѣ, верстахъ въ 100 отъ города (Вагай впа-

*) Въ началѣ статьи сказано было, что Сенбахта былъ сынъ Махметовъ изъ дома Тайбуги и нѣкогда состоялъ особымъ правителемъ на берегахъ Иртыша. По этому естественна вражда его къ дому Кучума.

даетъ слѣва въ Иртышъ выше Тобольска). Ермакъ немедленно отправилъ на Вагай „искусныхъ юныхъ мужей 62 человѣкъ ратныхъ“, вѣроятно, не изъ числа казаковъ, которые дѣйствительно нашли Маметкула при озерѣ *Куларовѣ**), что въ 53 верстахъ отъ нынѣшнаго Тобольска. Здѣсь Русскіе разсчитались съ Татарами за обиду при Абалацкомъ озерѣ и, какъ было тамъ, напали ночью на спящихъ Татаръ, перебили ихъ, а „царевича жива въ шатрѣ взяша и съ богатствомъ приведоша къ Ермаку во градъ февраля въ 28 день“. (Ремезовъ, ст. 87). Плѣнъ Маметкула былъ новымъ чувствительнымъ ударомъ для старика Кучума, который стоялъ на Агитской лукѣ на Иртышѣ. Онъ горько рыдалъ о потерѣ царевича, не успѣлъ успокоиться, какъ получилъ новую опасную вѣсть о томъ, что на него идетъ войною „Бухарскіе земли князь Сейдякъ Бекбулатовъ, хощетъ отмстити кровь отца своего“. Въ довершеніе несчастій, „думный князь“ Карача оставляетъ Кучума, удаляется на озеро Чулымское и тамъ кочуетъ затѣмъ „межъ Тары, и Барабы, и Оми“, въ то время, когда Кучумъ стоялъ „на дорогахъ на урочищахъ Вагаю, Куларова и Тарханъ въ крѣпкихъ мѣстахъ“. (Ремез., ст. 89).

Между тѣмъ Ермакъ, получивъ царскія милости, воодушевился на новые подвиги. Иванъ Кольцо вернулся къ нему 1 марта 1583 г., а 5 числа Ермакъ послалъ отрядъ войска подъ начальствомъ пятидесятника *Богдана Брязги* внизъ по Иртышу собирать ясякъ съ Демьянскихъ волостей (Демьянка—правый притокъ Иртыша, ниже рѣки Туртаса) и воевать Казымскіе городки Остяковъ на р. Оби и ея правомъ притокѣ Казымѣ **). Избѣгая лишнихъ подробностей, я обозначу путь Брязги лишь въ общихъ чертахъ. Сначала онъ взялъ Аремзянскую волость на Иртышѣ съ ея укрѣпленнымъ городомъ (въ Тобольскомъ округѣ доселѣ есть *Аремзянскіе юрты* Татаръ и еще 3 русскія селенія того же названія); далѣе разбилъ Татаръ на *Тугасскомъ* (не Туртасскомъ-ли?) *городищѣ* и на коняхъ доѣхалъ до усть Демьянки рѣки, „до

*) При озерѣ Куларовѣ, Спасское тожъ, и нынѣ есть слобода *Куларова*. «Списки», стр. 21.

**) О походѣ Богдана Брязги въ оригиналѣ Ремезовской лѣтописи говоритъ другой авторъ; тутъ вклеены два листа (статьи 73—80) позже. См. *Карамзина* примѣч. 694 къ IX тому. У *Миллера* см. стр. 152, (гл. III, § 10).

большева ихъ сборного князца Демаяна". (Рем., ст. 74). Здѣсь Брязга наложилъ ясакъ на покоренныхъ Татаръ, Вогуличей и Остяковъ. „Романъ же князецъ ихъ лутчей бѣжалъ съ жилья своего вверхъ по Ковдѣ (Кондѣ) къ Пелыни съ родомъ своимъ, лыжами и нартами", при первомъ слухѣ о завоевателяхъ (Рем., ст. 76)*). Миновавъ опустѣлое *Рачево городище*, мѣсто мольбища Остяковъ, Брязга поплылъ далѣе по Иртышу до *Цынгалинскихъ юртъ*, что нынѣ въ 395 верстахъ отъ Тобольска, и до *Нарымскаго городка*, что нынѣ *Сотниковскіе юрты* **), гдѣ встрѣтилъ только женщинъ и дѣтей, объятыхъ страхомъ. Взявъ здѣсь ясакъ, Брязга 9 мая 1583 г. поплылъ далѣе въ *Колпуховскія волости* (нынѣ юрты въ 441 верстѣ отъ Тобольска), которыя взялъ съ бою, а 20 мая доплылъ до князца Самара (нынѣ значительное село *Самарово* на Иртышѣ, въ 570 верст. отъ Тобольска, въ его округѣ). Казаки взяли городокъ съ бою, умертивъ самого князя съ родомъ его (Рем., ст. 78). Въ Самаровѣ къ Брязгѣ явился извѣстный остяцкій князь Алачей изъ сѣверной Коды съ изъявленіемъ покорности. Брязга поставилъ его „большимъ княземъ", „яко богата суща, и отпустиша со многою честію". (Рем., ст. 78).

Отъ Самарова казаки чрезъ недѣлю (27 мая 1583 г.) вступили въ еще болѣе обширную долину рѣки Оби. „И виде много пустого мѣста, а жилья мало и присташа на Бѣлогорьѣ, ту бо у нихъ молбище большое". (Ремезовъ, ст. 79). Нынѣ на этомъ мѣстѣ, въ 470 верстахъ отъ Березова, въ округѣ этого города, находится *Бѣлогорскій* улусъ Остяковъ и русская деревня того же имени, на р. Оби. „Богданъ же виде пустоту жилья и размыслиша съ товарищи ѣхать далѣ не по што и возвратишася, пождавъ на мѣстѣ 3 дни, въ Сибирь градъ". (Рем., ст. 80). Возвращеніе Брязги въ этотъ городъ таже лѣтопись относитъ къ 29 мая, но это, очевидно, ошибка, ибо пройти такой путь вверхъ по Оби и Иртышу въ столь короткое время было не мыслимо.

---

*) Туртасская и Уватская волости были послѣднія съ татарскимъ населеніемъ; ниже начиналась обширная область Угровъ—Остяковъ. *Миллеръ*, стр. 154 (гл. III, § 13).

**) «Списки насел. мѣстъ Тоб. губ.», стр. LXXVI.

Не успѣла окончиться экспедиція Бряэги, какъ самъ Ермакъ отправился тѣмъ же путемъ по его слѣдамъ собирать ясакъ съ покоренныхъ народовъ и ихъ князей. Атаманъ хотѣлъ лично удостовѣриться въ ихъ покорности русскому царю. Ремезовъ въ статьѣ 90 говоритъ, что „ѣхалъ Ермакъ внизъ Иртыша рѣки, воевалъ Кодскіе городки, князей Алачевыхъ съ богатствомъ взялъ, и *вся городки Кодскіе и Казымскій городокъ* со многимъ богатствомъ князя *ихъ взятъ*, и возвратился во градъ свой іюня въ 20 день“. Бывшіе Кодскіе городки нынѣ составляютъ село *Кондинское* на Оби и *Кондинскій остяцкій улусъ* на той же рѣкѣ; *Казымскій городокъ, Юльевскій онъ же*, при рѣкѣ Казымѣ составляетъ нынѣ также остяцкій улусъ того же названія—всѣ въ Березовскомъ округѣ. Здѣсь-то, въ Казымѣ, и былъ крайній сѣверный предѣлъ завоеваній Ермака. Какъ извѣстно, эти далекія мѣста русскіе уже воевали во время извѣстнаго большого похода въ Югру въ 1499—1500 г.г.; но чрезъ 80 лѣтъ потребовалось вторичное покореніе тѣхъ же земель, что показываетъ, какъ слаба была дотолѣ политическая зависимость этихъ земель отъ Московской власти. Со вторичнымъ же покореніемъ ихъ казаками Ермаковой дружины, онѣ окончательно вошли въ составъ обширнаго Московскаго государства.

Покончивъ съ далекимъ сѣвернымъ краемъ, Ермакъ поспѣшно сталъ собираться въ новый походъ на р. Тавду. Объ этомъ предпріятіи въ лѣтописи Ремезова также сдѣлана вставка послѣ, о чемъ мы сказали выше (вклеенъ листъ со статьями 49—52), а въ текстѣ оригинала лѣтописи о походѣ на Тавду сдѣлана только бѣглая замѣтка (въ статьѣ 90). Рѣка Тавда, берега которой были населены Вогуличами, въ 1582 г. осталась въ сторонѣ отъ пути Ермака, а между тѣмъ по ней пролегалъ главный тогдашній путь изъ Руси въ Сибирь, который важно было взять въ русскія руки. Возвратившись въ Искеръ изъ сѣвернаго похода противъ Остяковъ 20 іюня, неутомимый Ермакъ чрезъ 10 дней, 1 іюля, уже выступилъ въ новый походъ противъ Тавдинскихъ Вогулъ. „И погребоша вверхъ по Тавдѣ рѣкѣ, *воюя съ устья вверхъ*“, замѣчаетъ лѣтописецъ (статья 49). Сперва онъ занялъ Красноярскую и Калымскую волости (нынѣ *Красноярскіе юрты* близь устья Тавды въ Тюменскомъ округѣ), взялъ здѣсь

Лабутинъ городокъ, именовавшійся такъ по князю Лабутѣ *) (нынѣ деревня *Антипина*, *Лабута тоже*, въ Тюменскомъ округѣ), и пошелъ далѣе до *Паченки* **), что нынѣ деревня того же округа. Здѣсь также жилъ въ тѣ времена Печенегъ или Паченкъ княжецъ, котораго вмѣстѣ со множествомъ Татаръ казаки убили. „И ту веліи бои бысть, и раниша многихъ казаковъ; ихъ же Татаръ прибиша до единаго и Печенега княжца убиша, и наполниша труповъ езеро и то словетъ и донынѣ *Банное Поганое*—полно костей человѣческихъ". (Рем., ст. 49). Поднимаясь вверхъ по Тавдѣ, Ермакъ въ августѣ занялъ городокъ Кошуки, принудивъ князя ихъ Ворлякова дать ясакъ (нынѣ село *Кошукское* Туринскаго окр.); затѣмъ *Кондырбай* или *Чандыръ* ***) и *Табары* (нынѣ село Табаринское Туринс. округа). Объ этомъ говоритъ Ремезовъ въ статьяхъ 50 и 90. Наконецъ Ермакъ дошелъ до владѣній Пелымскаго князя Патлика, которому и нанесъ пораженіе. За наступленіемъ осени, атаманъ не пошелъ далѣе на сѣверъ и 4 октября 1584 г. (по сентябрьскому счисленію) повернулъ обратно внизъ по Тавдѣ, собиралъ дорогою ясакъ съ покоренныхъ и въ началѣ ноября, вѣроятно уже на лошадяхъ, возвратился въ городъ Сибирь. Теперь Ермакъ могъ считать себя обезпеченнымъ со стороны Остяковъ и Вогуличей, но съ Татарами еще предстояла трудная борьба.

Пока Ермакъ совершалъ свои далекіе походы противъ Остяковъ и Вогуличей, изъ Москвы послана была рать на помощь ему. Слѣдовательно, со времени прибытія казацкаго посольства въ Москву въ январѣ 1583 года *дальнѣйшее завоеваніе Сибири стало дѣломъ государственнымъ*; съ того времени Ермакъ дѣйствовалъ уже съ вѣдома государя, подъ его знаменемъ, и прежній тайный союзъ его со Строгановыми былъ болѣе не нуженъ и даже небезопасенъ, такъ какъ именитые люди были тогда въ опалѣ у государя. Теперь Ермакъ ожидалъ поддержки отъ Москвы, а не отъ Строга-

*) *Миллеръ*, стр. 117—118 (гл. II, § 63); «Списки нас. мѣстъ». стр. 141.

**) При *Миллерѣ* это была деревня сосѣдней архіерейской *Тавдинской слободы*. См. гл. II, § 64, стр. 118.

***) При *Миллерѣ* была «послѣдняя Кошутской волости деревня». (Тамъ же, § 67, стр. 120).

новыхъ, съ которыми, повидимому, онъ прервалъ всякія сношенія, какъ съ людьми опальными въ глазахъ царя. Въ этомъ-то обстоятельствѣ и заключается причина того явленія, что заслуги Строгановыхъ въ дѣлѣ первоначальной поддержки Ермака въ его Сибирскомъ походѣ теперь отвергаются крайними поклонниками атамана, которые отняли у нихъ и самую иниціативу похода. Поэтому-то апологеты Ермака, ослѣпленные его подвигами, приписываютъ всю заслугу въ покореніи Сибири исключительно казакамъ, забывая, что иниціаторы всего этого дѣла, призвавшіе казаковъ съ Волги, вложили въ него не мало и своихъ заботъ, помогая Ермаку деньгами, оружіемъ, провіантомъ и людьми. Безъ этой поддержки Ермакъ, быть можетъ, и не достигъ бы тѣхъ боевыхъ успѣховъ, которые обезсмертили его имя. Чрезъ три вѣка пора же наконецъ установить спокойный, вполнѣ объективный взглядъ на это дѣло и воздать каждому по заслугамъ его, не увлекаясь въ ущербъ истинѣ ни въ ту, ни въ другую сторону.

Остается невыясненнымъ: просило-ли посольство Ермака помощи въ Москвѣ, или правительство само сочло необходимымъ подать эту помощь казакамъ, сознавая важность ихъ предпріятія. Послѣднее болѣе вѣроятно, какъ увидимъ ниже. Только забота о помощи Ермаку возникла въ Москвѣ вскорѣ по уходѣ оттуда Ивана Кольцо съ товарищами. По указу царя Ивана Васильевича, 3 мая 1583 г. изъ Москвы отправился съ 500 воиновъ первый воевода князь Семенъ Дмитріевичъ *Болховскій* на помощь атаману Ермаку Тимоѳеевичу*). Болховскій отправился сначала въ Великопермскія вотчины Строгановыхъ и затѣмъ въ Чердынь обыкновеннымъ воднымъ путемъ по Волгѣ, Камѣ и ея притокамъ. Изъ опальной грамоты Іоанна Строгановымъ отъ 16 ноября 1582 г. мы знаемъ, что въ Чердыни воеводами были тогда Василій Пелепелицынъ и Воинъ Оничковъ, при которыхъ былъ еще Иванъ Глуховъ. Кн. Болховскій привезъ съ собою въ Великую Пермь царскій указъ, которымъ повелѣвалась упомянутому „головѣ“ Ивану

---

*) Такъ говоритъ *Ремезовъ* въ ст. 92, неправильно приписывая этотъ указъ Василію Шуйскому. *Миллеръ* относитъ почему-то выступленіе Болховскаго изъ Москвы къ 10 мая 1583 г. См. стр. 170, гл. III, § 35. Болховскій отправился безъ Глухова, который былъ тогда въ Чердыни.

Глухову и другому головѣ Ивану *Кирѣеву* присоединиться къ войску князя Болховскаго, а Строгановымъ приказано было дать въ подмогу имъ „пятьдесятъ человѣкъ на конѣхъ". Это видно изъ послѣдующей грамоты царя Ивана Васильевича отъ 7 января 1584 г. на имя Семена Аникіевича, Максима Яковлевича и Никиты Григорьевича Строгановыхъ *). Изъ этой же грамоты видно, что князю Болховскому предписано было выступить изъ Перми Великой только зимою. „И нынѣ Намъ слухъ дошолъ, говоритъ далѣе грамота, что *въ Сибирь зимнимъ путемъ на конѣхъ пройтить не мочно*, и Мы князь Семену нынѣ изъ Перми зимнимъ путемъ въ Сибирь до весны до полыя воды ходить есмя не велѣли и ратныхъ людей *по прежнему Нашему указу* **) 50 человѣкъ конныхъ имати есмя у васъ не велѣли". Причина невозможности проникнуть въ Сибирь зимнимъ путемъ заключалась, кажется, въ томъ, что князю Болховскому предписано было слѣдовать туда обыкновеннымъ сѣвернымъ путемъ по Вишерѣ чрезъ горы (Камень) на Лозву и Тавду (другихъ дорогъ въ Сибирь изъ Москвы тогда не признавало правительство); но этотъ путь зимою, дѣйствительно, былъ непроходимъ для конницы: по этой дорогѣ, обыкновенно покрытой глубокими снѣгами, можно было ходить только на лыжахъ и нартахъ, съ помощью собакъ и оленей. Грамота отъ 16 ноября 1582 г. такъ и предписывала дѣлать: „На Пелымскаго князя зимою на нартахъ ходить воевать" (Миллеръ, стр. 146); на этотъ же разъ мѣстныя условія края почему-то были упущены изъ вида, и ошибка повела къ отмѣнѣ уже сдѣланнаго распоряженія. Сознавъ эту-то ошибку, Іоаннъ 7 января 1584 г. и далъ Строгановымъ новую грамоту, въ началѣ которой по обычаю повторилъ свой прежній указъ, который теперь отмѣнялся. Въ новомъ указѣ Строгановымъ предписывалось слѣдующее: „На веснѣ велѣли есмя князю Семену, идучи въ Сибирь, взять у васъ подъ Нашу рать и подъ запасъ пятьнатцать струговъ со всѣмъ струговымъ запасомъ, которые бъ струги подняли по дватцати человѣкъ съ запасомъ, а людей ратныхъ

---

*) Напечатана у *Миллера*, стр. 170—171 въ сноскѣ (гл. III, § 36).

**) Этотъ *прежній указъ*, привезенный кн. Болховскимъ, не сохранился до нашего времени, но содержаніе его ясно изъ грамоты 1584 года.

и подводъ и проводниковъ имать есмя у васъ не велѣли, и обиды есмя, идучи въ Сибирь, вашимъ людемъ и крестьяномъ никакія чинить не велѣли“. Такимъ образомъ Болховскій, по этому указу, долженъ былъ отправиться въ Сибирь только весною 1584 г., *„во второе лѣто по взятіи Сибирскія земли“*, какъ совершенно правильно на этотъ разъ замѣчаетъ Строгановская лѣтопись. Онъ остался на зиму въ главномъ городѣ Перми Великой—Чердыни, а весною долженъ былъ выѣхать на Каму и Чусовую въ Строгановскіе острожки, т. е. въ Орелъ и Чусовской городокъ, съ тѣмъ, чтобы отправиться въ Сибирь тѣмъ самымъ путемъ, коимъ слѣдовалъ Ермакъ въ 1581 г. Это можно видѣть изъ слѣдующихъ словъ той же грамоты 1584 года: „и вы бъ тотъ часъ велѣли къ веснѣ ко княжу Семенову пріѣзду (изъ Чердыни) Болховскому изготовить подъ Нашу рать и подъ запасъ 15 струговъ добрыхъ со всѣмъ струговымъ запасомъ.... И вы бъ тѣ суды дали.... князь Семену Болховскому или головамъ Ивану Кирееву да Ивану Глухову, чтобъ за тѣми струги *въ вашихъ острогахъ и часу не мѣшкати;* а не дадутъ судовъ подъ Наши ратные люди вскорѣ,.... а Нашему дѣлу учинитца поруха, *и вамъ отъ Насъ быти въ великой опалѣ*“. Какъ видимъ, все снаряженіе войска въ походъ обставлялось точно такъ же, какъ было это въ 1581 г. при отправленіи Ермака, при чемъ Строгановы на этотъ разъ уже *обязывались царскимъ указомъ* принять участіе въ этомъ снаряженіи, подъ угрозою опалы за неисполненіе этого указа. Послѣдняя оговорка грамоты доказываетъ, что грозный царь не забылъ прежней вины Строгановыхъ Судя по тому, что царь велѣлъ имъ снарядить 15 струговъ, считая по 20 человѣкъ на каждый стругъ, мы думаемъ, что войско кн. Болховскаго состояло изъ 300, а не изъ 500 человѣкъ, какъ говорятъ лѣтописи. Ниоткуда не видно, чтобы князю были даны кромѣ этихъ 15 еще какіе нибудь струги.

Наконецъ послѣ всѣхъ описанныхъ долгихъ приготовленій князь Болховскій съ товарищами Ив. Киреевымъ и Ив. Глуховымъ выступилъ изъ Чусовскаго городка Строгановыхъ вверхъ по Чусовой, „по полой водѣ“ раннею весною 1584 г. Трудно было подниматься на веслахъ противъ теченія по этой быстрой горной рѣкѣ во время ея разлива; особенно трудно

было проходить каменные „переборы“ на рѣкѣ и плыть мимо горъ—камней, расположенныхъ въ большомъ числѣ на ея берегахъ. Говорю это на основаніи личнаго опыта плаванія въ лодкѣ вверхъ по Чусовой во время ея разлива. Войско могло двигаться очень медленно. На перевалѣ чрезъ Уралъ во время разлива рѣкъ оно неизбѣжно должно было встрѣтиться съ новыми препятствіями, когда пришлось тащить суда (струги) чрезъ волокъ. Далѣе по Тагилу, Турѣ и Тоболу плыть было легко по теченію, но князь Болховскій, надо думать, дѣлалъ остановки въ пути для сбора ясака съ покоренныхъ, такъ какъ прибылъ въ городъ Сибирь только осенью, а именно къ 1 ноября 1585 г., по сентябрьскому счисленію времени. (Ремезовъ, статья 92). Здѣсь умѣстно высказать слѣдующее соображеніе: если кн. Болховскій *по завоеванному краю* слѣдовалъ водою столько времени отъ Чусовой до устьевъ Тобола, то есть-ли какое-либо вѣроятіе, чтобы Ермакъ въ 1581 г. могъ пройти тотъ же путь среди непріятелей съ 1 сентября до 26 октября, т. е. менѣе, чѣмъ въ 2 мѣсяца? Нѣтъ, вся совокупность лѣтописныхъ фактовъ убѣждаетъ, что Ермакъ прошелъ этотъ путь въ два слишкомъ года, потерявъ много времени на двухъ зимовкахъ. Зимнее путешествіе изъ Сибири въ Русь и обратно требовало гораздо меньше времени, какъ мы ясно видѣли это на первомъ посольствѣ отъ Ермака въ Москву.

Атаманы и казаки съ честію встрѣтили за городомъ царскаго воеводу. „Государевы же воеводы (кн. Болховскій, Кирѣевъ и Глуховъ) по государской росписи государево имъ жалованье объявиша“, говоритъ Строгановская лѣтопись, т. е. потребовали положеннаго имъ содержанія. „Тое же зимы (1585 г.), продолжаетъ та же лѣтопись, егда пріидоша Московстіи вои въ Сибирь къ казакамъ, и кои запасы съ собою привезоша и тіи изъядоша, и казацы запасъ пасяху, смѣтеся по своимъ людемъ (т. е. берегли, соображаясь съ числомъ своихъ людей), а того *не вѣдуще Московскія силы людей пришествія къ себѣ*“. Доказательство, что посольство Ермаково въ январѣ 1583 г. не просило себѣ помощи людьми въ Москвѣ. „И того ради, заключаетъ Строгановская лѣтопись, бысть оскудѣніе веліе всякимъ запасомъ, и мнози отъ гладу изомрэша Московстіи вои и казацы, *и воевода князь*

Семенъ Болховскій тожъ умре". Это было зимою 1585 г., послѣ чего имени князя мы дѣйствительно не встрѣчаемъ болѣе. Только весною „Татара и Остяки отъ новинъ своихъ рыбы и овощи и запасы принесоша, и казаки отъ гладу насытишася". (Ремез., ст. 92).

Первымъ дѣломъ по прибытіи воеводъ въ Сибирь была отправка въ Москву плѣннаго царевича Маметкула. Ремезовъ относитъ это событіе къ тому же ноябрю, когда кн. Болховскій прибылъ къ Ермаку. „Ноября въ 21 день, пишетъ онъ, послалъ Ермакъ къ Москвѣ царевича Маметкула и собранной ясакъ. *И привезоша его къ царю Өедору Ивановичу*" (статья 91). Тоже подтверждаютъ Есиповъ и „Сказаніе Сибирской земли", что служитъ полнымъ опроверженіемъ показаній Строгановской лѣтописи, пріурочивающей посылку Маметкула къ *первому* посольству Ивана Кольцо. Выше мы привели и другія доказательства полной нелѣпости какъ этого извѣстія, такъ и мнимаго пожалованія Строгановыхъ Солью Большою и Малою въ 1581 году. По единогласному свидѣтельству лѣтописей, Маметкулъ и привезшіе его люди были встрѣчены въ Москвѣ съ великою честію. Встрѣча была „какъ посламъ, а не аки плѣннику, замѣчаетъ „Сказаніе Сибирской земли", и оставленъ той царевичъ на Москвѣ, а провожатые казаки пожалованы и удоволены и отпущены въ Сибирь по прежнему, а съ ними послано князю Ермаку Тимофеевичу его царскаго величества жалованье и милостивое слово и награжденіе денегъ и сукна, и порохъ, и свинецъ, и ружіе, и иные всякіе припасы со множественнымъ удовольствіемъ". То же „Сказаніе" замѣчаетъ, что Маметкулъ былъ отправленъ въ Москву „съ оставшимся воеводою Иваномъ Глуховымъ". Въ другихъ лѣтописяхъ это передается иначе: „по повелѣнію государя, воевода Ив. Глуховъ и Сибирскіе атаманы и казаки послаша въ Москву Маметкула" *). Послѣднее извѣстіе намъ кажется правдоподобнѣе, потому что и далѣе опять упоминается воевода, вернувшійся чрезъ Камень въ Русь. (Ремезовъ, статья 107). Или въ этомъ случаѣ нужно разумѣть воеводу Ивана Кирѣева? При томъ же въ виду затрудненій, въ коихъ находились казаки, какъ могъ самъ воевода, только что прибывшій въ Сибирь и посланный

*) *Карамзинъ*, примѣч. 712-е къ IX тому.

туда по царскому указу, оставить ихъ въ столь тяжелое время? Сомнительно также, чтобы существовалъ въ дѣйствительности царскій указъ о посылкѣ Маметкула въ Москву: тамъ не могли знать до прибытія втораго посольства изъ Сибири о плѣнѣ царевича. Еслибъ Ермакъ особо извѣстилъ царя, то объ этомъ упомянули бы лѣтописи.

Намъ приходится вернуться по времени назадъ, чтобы показать, чѣмъ занятъ былъ Ермакъ въ то время, пока Московское войско цѣлое лѣто 1584 г. шло въ городъ Сибирь. Предъидущее лѣто, какъ мы знаемъ, Ермакъ посвятилъ далекимъ походамъ противъ Обскихъ Остяковъ и Тавдинскихъ Вогулъ. Лѣто же 1584 г. онъ провелъ въ покореніи мѣстностей, лежавшихъ отъ города Сибири вверхъ по Иртышу и его лѣвому притоку Вагаю. Эти предпріятія его въ лѣтописи Ремезова опять описаны какимъ-то другимъ лицомъ на вклеенномъ послѣ 25-мъ листѣ (статьи 99—103)*). Неизвѣстный авторъ на этотъ разъ совершенно правильно относитъ эти событія къ августу 7092 (1584) года, излагая ихъ опять съ такими подробностями, какія могъ знать только участникъ походовъ. Къ юго-востоку отъ города Сибири Ермакъ дѣйствительно еще не воевалъ, а обезпечить свое главное завоеваніе съ этой стороны ему было необходимо: тамъ гдѣ-то скрывались его злые враги, Кучумъ и Карача.

Дѣло началось при слѣдующихъ обстоятельствахъ. 6 августа 1584 г. Ермакъ получилъ первое извѣстіе изъ степи, что тамъ появился опять Кучумъ, который будто-бы преградилъ путь въ Сибирь Бухарскому торговому каравану. Ермакъ, по „Сказанію Сибирской земли“, хотѣлъ распространить бухарскую торговлю на городъ Сибирь, какъ видно, нуждавшійся въ предметахъ первой необходимости. Собравъ до трехсотъ человѣкъ, онъ пошелъ вверхъ по Иртышу, всюду встрѣчалъ покорность жителей, но Кучума и Бухарцевъ не нашелъ. Онъ достигъ Сартезеря (Сартскаго озера возлѣ Иртыша) и „до большего князя Бѣгиша князева городка“ (нынѣ село

*) Это уже *третья большая вставка въ лѣтописи Ремезова,* о которой см. у *Карамзина* въ примѣч. 718 къ IX тому и у *Миллера* гл. III, § 48, стр. 180. Извѣстія о походахъ противъ Обскихъ Остяковъ и Тавдинскихъ Вогулъ принадлежатъ, вѣроятно, тому же лицу.

Бѣгишевское на Иртышѣ въ Тобольскомъ округѣ), гдѣ учинилъ „великой бой со сборными Татары и съ Карачинцы", разбилъ ихъ и поднялся къ Шамшѣ, къ Рянчикамъ и Саламъ до Каугдака (нынѣ при-иртышскіе татарскіе юрты *Шамшинскіе, Рѣнчинскіе* и *Салинскіе* въ Тобольс. округѣ). Не встрѣтивъ здѣсь никакого сопротивленія, Ермакъ достигъ далѣе до „старосты древняго поставленія царя *Сагнчика Ишимскаго*", что нынѣ, надо полагать, *Саургатскіе юрты* въ томъ же Тобольскомъ округѣ *). На устьѣ рѣки Ишима была битва, гдѣ пало 5 казаковъ. Наконецъ Ермакъ приступилъ къ городку *Кулларову*, что нынѣ юрты на Иртышѣ выше устья р. Ишима (ранѣе упомянута другая Куларова близь устья Вагая). Тогда это былъ крайній сторожевой пунктъ со стороны владѣній Калмыковъ, сильно укрѣпленный Кучумомъ, „и во всемъ верхъ Иртыша крѣпче его нѣтъ". (Ремез., ст. 101). Пять дней приступалъ къ нему Ермакъ и, не взявъ, послѣдовалъ далѣе по Иртышу къ городку *Ташатканскому*, что нынѣ деревня на лѣвомъ берегу Иртыша въ Тарскомъ округѣ. Затѣмъ, по взятіи его, Ермакъ проплылъ къ устью рѣки Шиштамама (иначе Шишъ, правый притокъ Иртыша). „Волость Туралинская", подъ коей надо разумѣть нынѣшнюю *Тару*, была крайнимъ предѣломъ Ермакова похода по Иртышу въ августѣ 1584 г. Отсюда Ермакъ поспѣшно воротился назадъ, такъ какъ снова услышалъ о приближеніи Кучума. Въ началѣ сентября (по тогдашнему счисленію, значитъ, слѣдующаго 1585 г.) атаманъ вернулся въ городъ Сибирь.

Здѣсь Ермака ожидали тяжелыя испытанія. 10 сентября къ нему явился извѣстный намъ Карача, который далъ ему по своей вѣрѣ клятву въ вѣрности и просилъ дать ему помощь противъ враждебной Казачьей Орды**). Ермакъ повѣрилъ клятвѣ и отпустилъ съ Карачею 40 казаковъ подъ начальствомъ своего лучшаго боеваго товарища атаманаКольцо. Но Карача измѣнилъ клятвѣ и вѣроломно умертвилъ всѣхъ казаковъ и съ ними атамана Кольцо. Наступившая осень заставила Ермака отложить борьбу съ Карачею до весны. 1 ноября, противъ ожиданія

*) «Списки нас. мѣстъ Тоб. губ.» LXXVI и стр. 26, 27 и друг.

**) Въ Строган. лѣт. «отъ Нагайской Орды».

Ермака, явилось въ городъ Сибирь Московское войско, затѣмъ послѣдовала отправка къ царю плѣннаго Маметкула, и наступила голодная зима, стоившая потери многихъ людей и въ числѣ ихъ недавно прибывшаго князя Болховскаго. Военныя дѣла были отложены до весны.

12 марта 1585 г., въ великій постъ, измѣнникъ Карача явился подъ городомъ Сибирью, обложилъ его обозами и табарами, а самъ расположился въ 3 верстахъ отъ города на *Саусканской лукѣ*. „И стоя до пролѣтія и многую гибельную поруху казакомъ нанесе гибельно“. (Ремез., ст. 94) *). 12 іюня, говоритъ Строгановская лѣтопись (а по Ремезову 9 мая), казаки ночью напали врасплохъ на станъ Карачи, убили двухъ его сыновей, а самого его и прочихъ Татаръ заставили разбѣжаться. Утромъ при Саусканѣ завязалась битва, кончившаяся бѣгствомъ непріятеля и побѣдою казаковъ. Наступилъ роковой для Ермака Тимоѳеевича августъ 1585 г. 1 августа онъ опять получилъ извѣстіе о приближеніи Бухарцевъ и препятствіяхъ, которыя дѣлалъ Кучумъ ихъ свободному проходу въ городъ Сибирь. Ермакъ, взявъ съ собою 50 чел. казаковъ, на этотъ разъ не медля отправился въ стругахъ вверхъ по Иртышу до Агитской луки, которую правильнѣе называть Вагайскою. Чтобы скорѣе вступить въ устье Вагая и миновать длинный изгибъ Иртыша, образующійся въ этомъ мѣстѣ, Ермакъ направилъ струги по протоку или перекопи, прорытой здѣсь кѣмъ-то раньше и тогда еще не обмелѣвшей **). Въ устьѣ Вагая Ермакъ не встрѣтилъ однако Бухарцевъ, почему сталъ подниматься вверхъ по рѣкѣ, достигъ до урочища *Атбаша*, „иде же нынѣ, говоритъ „Сказаніе Сиб. земли“, поставленъ *Абатской острогъ*“, но отсюда повернулъ обратно къ устью рѣки. (Нынѣ на этомъ мѣстѣ стоитъ деревня *Черная*, *Адбажская тожъ*.

---

*) На этомъ основаніи сообщеніе синодика Софійской соборной церкви въ Тобольскѣ, будто Ив. Кольцо былъ убитъ 17 апрѣля, мы считаемъ ошибкою, согласно съ *Карамзинымъ*. См. его «Исторію», примѣч. 714 къ IX тому.

**) *Миллеръ* на основаніи Ремезова говоритъ, что перекопь вырыта была казаками Ермака длиною въ одну версту, чего не могло быть, когда Ермаку дорогъ былъ каждый день. См. гл. III, § 46, стр. 179, и § 62, стр. 189. *П. А. Словцовъ* на первой же страницѣ своего «Историч. обозрѣнія Сибири» справедливо отвергаетъ участіе казаковъ въ этомъ дѣлѣ. Свѣдѣніе о перекопи сообщилъ Ремезовъ въ ст. 98.

„Списки“, стр. 21). Онъ возвратился опять къ перекопи и въ бурную, дождливую ночь съ 5 на 6-е августа 1585 г. рѣшился ночевать на ближайшемъ островѣ Иртыша. Онъ не подозрѣвалъ близости врага, который между тѣмъ бдительно слѣдилъ за казаками. Во время глубокаго сна Кучумъ со скопищемъ Татаръ напалъ на казаковъ врасплохъ, перебилъ ихъ, при чемъ Ермакъ, какъ извѣстно, бросился вплавь къ берегу рѣки, но утонулъ подъ тяжестью надѣтыхъ на него царскихъ панцырей. „Стругъ же отплы отъ брега и не дошедъ (брега, Ермакъ) утопе.... Точію единъ казакъ утече во градъ и возвѣстивъ бывшимъ“. (Ремезовъ, статьи 105 и 106). Эта вѣсть, какъ громомъ, поразила всѣхъ жителей Искера и скоро облетѣла всю покоренную Сибирь.

~~~~~~~~~~

Со смертью двухъ главныхъ, храбрѣйшихъ атамановъ, дѣла казаковъ быстро пошли къ упадку, и неудачи слѣдовали одна за другой. Въ лицѣ Ермака исчезла та могучая нравственная сила, которая питала духъ храбрости и строгаго повиновенія среди казаковъ, внушая тѣмъ страхъ и побѣжденнымъ. Московскіе воеводы, не закалившіе себя въ безпрерывныхъ битвахъ и опасностяхъ, далеко не могли замѣнить погибшаго героя и поддержать упавшій духъ войска. Смерть главнаго вождя показала все величіе исторической личности Ермака, который былъ душею всего предпріятія. Это-то обаяніе личности славнаго атамана доселѣ является главной причиной несогласій среди ученыхъ, занимавшихся вопросомъ о покореніи Сибири и нерѣдко сводившихъ все дѣло къ заслугѣ одного человѣка. Здѣсь причина и совершеннаго забвенія нѣкоторыми учеными исторической роли Строгановыхъ въ этомъ дѣлѣ, которымъ принадлежала однако иниціатива Сибирскаго похода. Безспорно, велико значеніе Ермака Тимоѳеевича въ покореніи Сибири, но въ началѣ его похода немаловажное значеніе имѣли и именитые Пермскіе люди Строгановы. Если Ермакъ и прервалъ съ ними сношенія со времени постигшей ихъ опалы, изъ опасенія навлечь таковую и на себя, то это еще не даетъ намъ права отнимать у нихъ всякую историческую заслугу въ дѣлѣ покоренія обширной и богатой страны власти русскихъ государей.
~~~~~~~~~~

Но возвратимся къ году смерти Ермака и къ событіямъ, сопровождавшимъ его смерть. Годомъ смерти его обыкновенно считаютъ 1584-й, но это неправильно, какъ убѣждаетъ весь естественный ходъ событій, выше показанный нами. Это дѣлается только на основаніи сбивчивой хронологіи Сибирскихъ лѣтописей безъ строгаго соображенія съ фактами того времени. Такъ, изъ этихъ лѣтописей, кромѣ Строгановской, допустившей въ данномъ случаѣ явную путаницу событій, ясно видно, что плѣнный царевичъ Маметкулъ доставленъ былъ въ Москву еще при жизни Ермака, но уже по смерти Іоанна IV. Ремезовская лѣтопись указала съ обычною точностію и правильностью мѣсячныхъ и числовыхъ датъ, что царевича Ермакъ отправилъ изъ города Сибири 21 ноября 1584 г., но никакъ не предъидущаго, потому что это второе посольство въ Москву уже не застало въ живыхъ Іоанна IV, умершаго 18 марта 1584 г., и явилось къ Ѳеодору Іоанновичу (указанія Есипова, Ремезова и „Сказанія Сибир. земли“). Слѣдовательно, Ермакъ жилъ еще до 6 августа, но котораго: того же 1584 *сентябрьскаго* года, или слѣдующаго 1585-го? Конечно послѣдняго 1585 г., потому что *въ сентябрѣ 1585 г.*, т. е. въ самомъ началѣ года по тогдашнему счисленію, *самъ Ермакъ отправилъ Ивана Кольцо* съ 40 казаками къ Карачѣ, а это событіе, въ свою очередь, было почти чрезъ годъ по отправленіи плѣннаго царевича въ Москву. Вся путаница въ годахъ происходитъ отъ смѣшенія сентябрьскаго года съ январскимъ и отъ упущенія изъ виду *второй* зимовки Ермака въ Тюмени. Изъ двухъ разрядовъ источниковъ—лѣтописей и грамотъ мы должны вѣрить больше и даже безусловно хронологіи грамотъ, а никакъ не лѣтописей, которыя намъ дороги только по указанію фактовъ. Поступать же наоборотъ—значитъ безъ конца повторять ошибки въ опредѣленіи времени событій. И странно: ученые, начиная съ Карамзина, сами сознавали это и все таки больше держались хронологіи лѣтописей. Такъ, еще *Карамзинъ* въ концѣ 703 примѣчанія къ IX тому „Исторіи“ послѣ долгихъ, но безплодныхъ хронологическихъ сопоставленій рѣшительно заявилъ: „Остается или не вѣрить хронологіи грамотъ, или году Ермаковой смерти: т. е. *вопреки лѣтописямъ полагать ее въ 1585 году*“. Послѣднее соображеніе было совершенно

правильно, и однако Карамзинъ ему не послѣдовалъ, предпочтя въ концѣ концовъ хронологію лѣтописей. То же самое допустилъ *Соловьевъ*, считавшій покореніе Сибири дѣломъ двухъ мѣсяцевъ и не признавшій ни одной зимовки Ермака на всемъ пути до Иртыша*). По той же причинѣ *Иловайскій* вздумалъ поправлять дату грамоты отъ 7 января 1584, чтобы только примирить ея хронологію съ лѣтописями**). На нашъ взглядъ, всѣ эти натяжки происходили отъ недостаточно-строгаго критическаго отношенія къ хронологіи Сибирскихъ лѣтописей, которыя не заслуживаютъ того довѣрія, какъ безусловно точныя и правильныя даты грамотъ.

Мы сказали, что со смертію Ермака скоро пошатнулось все дѣло, созданное имъ и державшееся только его энергіей, его мощнымъ духомъ. Со всѣхъ сторонъ тотчасъ показались старые враги казаковъ. Въ городѣ Сибири русскихъ осталось только 150 человѣкъ, если вѣрить Ремезову (статья 107); остальные всѣ погибли въ битвахъ и въ теченіе голодной зимы 1584 г. Московская помощь оказалась ничтожна. Воеводы Глуховъ и Кирѣевъ, повидимому, не оказались на высотѣ своего назначенія въ столь трудное время. Впрочемъ, если вѣрить „Сказанію Сибирской земли", то Глухова тогда уже и не было въ Сибири (онъ увезъ въ Москву Маметкула), князь Болховскій умеръ вскорѣ по прибытіи въ городъ Сибирь, и здѣсь остался только Иванъ Кирѣевъ***). Какъ бы то ни было, но мы ни въ чемъ не видимъ проявленія ихъ дѣятельности. Напротивъ, вскорѣ же послѣ смерти Ермака, оставшіеся въ живыхъ русскіе воины въ числѣ полутораста человѣкъ „сѣдоша въ струги своя августа въ 15 день и *погребоша внизъ по Обь и съ воеводою* (которымъ?) *и по Иртышу и по Собь и чрезъ Камень пріидоша въ Русь* на свои жилища; градъ же (Сибирь) оставиша пустъ" (Ремезовъ, ст. 107). Это было совсѣмъ не въ правилахъ Ермака. Опустѣлый городъ немедленно занялъ Алей, сынъ Кучума,

*) «Исторія», VI, 428—430 и VII, 370—371.

**) См. примѣч. 70-е къ III тому его «Исторіи», стр. 662.

***) *Миллеръ* въ 3-й главѣ «Описанія Сибир. царства» вездѣ считаетъ преемникомъ Ермака воеводу Глухова, ничего не говоря о Кирѣевѣ, но лѣтописи не называютъ воеводы по фамиліи, почему мнѣніе Миллера еще требуетъ доказательствъ.

но не надолго: вскорѣ на него напалъ Сейдякъ Бекбулатовичъ, заставилъ Алея очистить городъ, который и занялъ самъ, отмстивъ наконецъ Кучуму за кровь отца своего Бекбулата (Рем., ст. 108). Казалось, всѣ труды Ермака и его дружины погибли безплодно!

Но Москва не забывала Сибири. Теперь царевичъ Маметкулъ служилъ ей живымъ напоминаніемъ о Сибири. Когда до нея еще не дошла вѣсть о гибели Ермака, царь Θеодоръ Іоанновичъ отправилъ на помощь ему второго воеводу *Ивана Мансурова*. По единогласному свидѣтельству всѣхъ Сибирскихъ лѣтописей, это было во второе лѣто по смерти Ермака. Послѣдній погибъ на 6-е августа 1585 г., а Мансуровъ прибылъ въ Сибирь осенью (въ концѣ октября или началѣ ноября) 1586 г., по сентябрьскому счисленію, т. е. онъ явился въ началѣ слѣдующаго года—вскорѣ послѣ того, какъ городъ Сибирь былъ оставленъ русскими. По указанію Ремезова въ статьѣ 119, Мансуровъ прибылъ только со 100 воинами обычнымъ водянымъ путемъ. Это показываетъ, что новый воевода не зналъ о смерти Ермака, котораго хотѣлъ только подкрѣпить своимъ небольшимъ отрядомъ. Но противъ ожиданія онъ оказался теперь предоставленнымъ самому себѣ среди окружавшихъ его со всѣхъ сторонъ непріятелей—оказался въ самомъ трудномъ, безпомощномъ положеніи. Что же предпринялъ Мансуровъ съ своимъ небольшимъ войскомъ въ далекой непріятельской странѣ? На этотъ вопросъ подробно отвѣчаетъ Есиповъ и неизвѣстный составитель „Сказанія Сибирской земли“. Есиповъ пишетъ: „... и доплыша до рѣки Иртыша; Тотаръ же множество собрашась во урѣченномъ мѣстѣ у рѣки Иртыша на берегу. Воевода жъ видѣ таково собраніе поганыхъ и слыша, яко казаки побѣгоша изъ града (въ „Сказаніи“ добавлено: „и услыша, яко князь Ермакъ утопенъ“—доказательство, что воевода не зналъ дотолѣ о смерти атамана)—*и убояся, и не приста ко брегу, но поплыша внизъ по Иртышу*; доплыша жъ до великой Оби, бѣ бо тогда осень, и ледъ въ рѣкахъ смерзается. Иванъ же Мансуровъ видѣ, яко наставше зима *и повелѣ поставити городокъ надъ рѣкою Обью противъ Иртыша во устію и сяде въ немъ съ своими людми и тако озимѣвше*“. Этотъ *Обскій городокъ* справедливо считается первымъ русскимъ городомъ

на берегахъ Оби. Онъ стоялъ среди поселеній Остяковъ, которые и называли его *Рушъ-вашъ*, т. е. „Русскій городокъ" *). Онъ стоялъ у Бѣлыхъ горъ, близь нынѣшняго села Самарова, противъ Березовскаго протока Иртыша, по сосѣдству съ остяцкимъ городкомъ *Гуланъ-вашъ* (Восточный городокъ). Во времена Миллера видны еще были слѣды обоихъ поселеній. Остяки, конечно, были недовольны водвореніемъ русскихъ на ихъ землѣ; они пытались было разрушить русскій городъ, но безуспѣшно, за неимѣніемъ огнестрѣльнаго оружія, которымъ владѣли Русскіе. Въ теченіе зимы не было столкновеній между Русскими и Остяками; послѣдніе принесли даже ясакъ русскому воеводѣ и тѣмъ выразили свою покорность. Однако Мансуровъ сильно нуждался въ людяхъ и съ наступленіемъ весны 1586 г., сознавая свое безсиліе и опасность среди враждебныхъ инородцевъ, на вѣрность которыхъ нельзя было полагаться, рѣшился возвратиться въ Русь чрезъ Камень, т. е. по слѣдамъ Глухова или Кирѣева. (Ремезовъ, ст. 120). Такимъ образомъ и вторая посылка Московскаго войска въ Сибирь имѣла мало успѣха, по малочисленности посланной съ воеводою военной силы.

Но Москва продолжала оказывать содѣйствіе въ покореніи страны Русскими. Когда до нея дошелъ слухъ о гибели Ермака и о выходѣ перваго войска изъ Сибири безъ всякаго почти успѣха (о неудачахъ Мансурова тамъ еще не могли знать), царь Ѳеодоръ Іоанновичъ весною того же 1586 г. послалъ въ Сибирь третьяго воеводу Василія Борисовича *Сукина* и съ нимъ Ивана *Мясного* и письменнаго голову Данила *Чулкова* съ 300 человѣкъ **). Они явились на рѣку Туру въ половинѣ лѣта 1586 г., когда Мансуровъ успѣлъ оставить Сибирь. На этотъ разъ Московское правительство распорядилось именно такъ, какъ слѣдовало поступить въ началѣ, чтобы прочною ногою утвердиться въ завоеванной казаками странѣ. Узнавъ, что главнымъ оплотомъ для Татаръ постоянно служили два города Чинги-Тура (Тюмень русскихъ)

*) Топографическое положеніе города подробно указываетъ *Миллеръ* въ главѣ III, § 77, стр. 199. *Обской Большой городъ* упоминаетъ впослѣдствіи «Книга Большему Чертежу».

**) Въ «Сказаніи Сибирской земли» князь Волховскій называется *первымъ* воеводою, а Василій Сукинъ—*третьимъ*.

на западѣ и Сибирь на востокѣ, что повидимому хорошо зналъ и Ермакъ, простоявшій въ Тюмени всю зиму 1582 г.*),— правительство предписало воеводѣ Сукину прежде всего укрѣпиться въ Тюмени на р. Турѣ, а затѣмъ отрядить Данила Чулкова къ устьямъ Тобола, гдѣ онъ долженъ былъ воздвигнуть новое укрѣпленіе вблизи города Сибири. Прочно утвердившись въ этихъ двухъ важнѣйшихъ стратегическихъ пунктахъ Сибири, Русскіе легче могли удержать въ своихъ рукахъ завоеванія Ермака путемъ постепеннаго построенія новыхъ русскихъ укрѣпленій на Турѣ, Тоболѣ, Иртышѣ и Оби.

Воеводы точно исполнили предписанія правительства. 29 іюля 1586 г. они положили основаніе укрѣпленному городу Тюмени, вблизи стариннаго татарскаго города Чинги-Тура, заложили *первую въ Сибири церковь* Всемилостиваго Спаса**) и стали собирать ясакъ съ Татаръ, жившихъ по рѣкамъ Турѣ, Тоболу, Исети и Пышмѣ. Подробное топографическое описаніе вновь основаннаго города Тюмени и прежней татарской Чинги-Туры можно видѣть у Миллера (гл. IV, §§ 4 и 5). Прочно утвердившись на Турѣ, вторично послѣ Ермака заставивъ всѣхъ окружныхъ Татаръ признать русскую власть, воеводы могли уже безъ прежняго риска, но съ полной увѣренностью въ успѣхѣ, распространять русское владычество далѣе на востокъ. Вторичное завоеваніе страны, какъ по всему видно, не требовало тѣхъ усилій со стороны Русскихъ, съ какими было сопряжено первое занятіе этихъ мѣстъ дружиною Ермака. Имя Русскихъ уже не наводило на туземцевъ того страха, какой внушали имъ казаки, съ Ермакомъ во главѣ, благодаря невиданному дотолѣ въ Сибири огнестрѣльному оружію.

Весною слѣдующаго 1587 года въ Тюмень пришло изъ Россіи новое подкрѣпленіе въ 500 человѣкъ при указѣ Ѳеодора Іоанновича, коимъ предписывалось воеводѣ Данилу Чулкову заложить на устьѣ Тобола новый городъ, въ 16 верстахъ отъ г. Сибири. „И по Промыслу Божію, доплывъ

*) Въ Москвѣ эти свѣдѣнія могли сообщить правительству Маметкулъ или воеводы Глуховъ и Кирѣевъ.

**) *Ремезовъ*, ст. 121: «поставиша градъ Тюмень іюля въ 29 день, еже Чинги слыхъ, и церковь воздвигоша Всем. Спаса, *первую въ Сибирь*, и ясакъ со многихъ Татаръ собраша по Турѣ и по Тоболу и Исетѣ и Пышмѣ».

воевода Данило Чюлковъ, и противъ устья Тоболу поставилъ градъ, именемъ *Тоболескъ*, на горѣ, *первый столной во всѣхъ городѣхъ*, и церковь первую воздвиже во имя святыя Троицы и другую Всемилостиваго Спаса на звозѣ". (Ремезовъ, ст. 122). Послѣ Обскаго городка и Тюмени это былъ третій по времени основанія русскій городъ въ Сибири *), до 1590 г. подчиненный по управленію Тюмени. Съ этого времени Русскіе окончательно закрѣпили за собою первое завоеваніе Ермака и его храброй дружины. Чулковъ скоро покончилъ съ Сейдякомъ, отправивъ его вмѣстѣ съ Карачею въ Москву, послѣ чего городъ Сибирь запустѣлъ. Дальнѣйшую борьбу Русскихъ съ Татарами до смерти Кучума и постепенное построеніе новыхъ русскихъ городовъ въ Западной Сибири мы не намѣрены излагать здѣсь. Эти времена достаточно изслѣдованы и не представляютъ особенно спорныхъ хронологическихъ вопросовъ.

А. Дмитріевъ.

*) *П. А. Словцовъ* на основаніи неизвѣстнаго намъ источника говоритъ, что г. Тобольскъ основанъ въ 1586 г., а въ слѣдующемъ году перенесенъ на мысъ нагорнаго берега Иртыша. См. «Ист. обозр. Сибири». СПБ. 1886 г., часть I, стр. 316.

ОТДѢЛЪ II.

МАТЕРІАЛЫ.

Въ приложеніи къ V выпуску „Пермской Старины“ умѣстно напечатать вновь открытый мною Сибирскій лѣтописный памятникъ, озаглавленный: „*Сказаніе Сибирской земли*“. Я нашелъ его въ деревнѣ Родникахъ Половодовской волости Соликамскаго уѣзда въ 1890 г., когда состоялъ тамъ инспекторомъ народныхъ училищъ и по дѣламъ службы постоянно разъѣзжалъ по селамъ и деревнямъ. Въ предисловіи къ III выпуску изданія я сказалъ, какъ много новыхъ свѣдѣній далъ мнѣ 1890 годъ. Въ одной крестьянской семьѣ въ упомянутой деревнѣ я пріобрѣлъ нѣсколько столбцовъ XVII вѣка и небольшой старинный рукописный сборникъ, въ четвертку, въ которомъ заключаются: 1) Отрывокъ изъ Строгановской лѣтописи Сибири, писанный не позднѣе начала нашего вѣка, 2) „Сказаніе Сибирской земли“ въ полномъ видѣ, писанное скорописью первой половины прошлаго вѣка и 3) Сказаніе о рожденіи и воспитаніи Петра I, писанное не позднѣе конца прошлаго вѣка. Сличивъ „Сказаніе Сибирской земли“ съ напечатанными Сибирскими лѣтописями, я убѣдился, что это—неизвѣстный еще доселѣ въ печати памятникъ. Послѣ того я сравнилъ „Сказаніе“ съ лѣтописнымъ сборникомъ Ильи Черепанова, при чемъ воспользовался подробнымъ его разборомъ, который сдѣланъ *Л. Н. Майковымъ* въ VII выпускѣ „Лѣтописи занятій Археографической Коммиссіи“ (и въ оттискѣ), и приведенными тамъ и въ исторіи Карамзина (т. IX, примѣч. 664) выписками изъ Черепановскаго сборника; принялъ также во вниманіе замѣтку *А. Оксенова*: „Свѣдѣнія о неизданныхъ Сибирскихъ лѣтописяхъ“, напечатанную въ „Литературномъ Сборникѣ“, изданномъ редакціею „Восточнаго Обозрѣнія“, при участіи Н. М. Ядринцева (СПБ. 1885 г., стр. 446—455). Въ результатѣ всѣхъ указанныхъ справокъ у меня явилось убѣжденіе, что найденное мною „*Сказаніе Сибирской земли*“ *есть ничто*

иное, какъ „нѣкоторая Сибирская исторія“, на которую ссылается Илья Черепановъ, и которая доселѣ оставалась никому изъ ученыхъ неизвѣстною. Основаніемъ для такого убѣжденія мнѣ послужили слѣдующія соображенія.

1) Помѣщенный въ сборникѣ Черепанова или, какъ его называетъ Карамзинъ, въ „Новой Сибирской лѣтописи“ *), въ самомъ ея началѣ, разсказъ о происхожденіи Ермака заимствованъ Черепановымъ, по его собственнымъ словамъ, изъ „нѣкоторой Сибирской исторіи“ и не встрѣчается болѣе нигдѣ, по словамъ его критиковъ. Между тѣмъ въ самомъ концѣ „Сказанія“ этотъ самый разсказъ приведенъ и притомъ въ болѣе древней, судя по слогу, редакціи. Правда, извѣстный издатель Сибирскихъ лѣтописей, *Григ. Ив. Спасскій*, нашелъ тотъ же разсказъ „О Ермакѣ, откуда онъ родомъ“ въ одномъ рукописномъ сборникѣ XVII вѣка, отдѣльною статьею, но въ нашемъ „Сказаніи“ есть другія доказательства пользованія именно этой лѣтописью при составленіи Черепановскаго сборника, именно:

2) Илья Черепановъ на 24 листѣ своего сборника сообщаетъ извѣстіе о пожалованіи Ермака „Сибирскимъ княземъ“, которое не встрѣчается въ другихъ Сибирскихъ лѣтописяхъ и приведено только въ „Новомъ Лѣтописцѣ“, изданномъ въ Москвѣ, въ 1853 г. (стр. 22) по списку кн. Оболенскаго. Въ нашемъ же „Сказаніи“ это извѣстіе также записано, и со времени перваго казацкаго посольства въ Москву Ермакъ вездѣ называется „Сибирскимъ княземъ“.

3) Черепановъ въ самомъ началѣ сборника сопровождаетъ разсказъ о родословіи Ермака замѣчаніемъ, что онъ заимствовалъ его изъ „нѣкоторой Сибирской *исторіи*“. И наше „Сказаніе“, сообщивъ въ самомъ концѣ ту же самую родословную Ермака, заключаетъ ее словами: „А какъ (Ермакъ) службу показалъ—и о томъ показано *въ сей исторіи* выше сего“.

4) Лѣтописный сборникъ Черепанова составленъ во второй половинѣ XVIII в., а рукопись нашего „Сказанія“ уже

---

*) *П. А. Словцовъ* при составленіи «Историческаго обозрѣнія Сибири» также пользовался рукописнымъ сборникомъ изъ библіотеки Тобольской духовной семинаріи, т. е. сборникомъ Ильи Черепанова.

сама по себѣ обличаетъ болѣе древнее его происхожденіе, и кромѣ того въ самомъ „Сказаніи" есть одно мѣсто, изъ котораго можно догадываться о происхожденіи его по крайней мѣрѣ во второй половинѣ XVII вѣка. Вотъ это мѣсто: „И доиде (Ермакъ) до рѣки Вагая, вверхъ дошелъ до урочища, *идеже нынѣ поставленъ Абатской острогъ*". *П. А. Словцовъ* въ „Историческомъ обозрѣніи Сибири" (2-е изд. 1886 г., часть I, стр. 11) сообщаетъ, что Атбашской острогъ на Вагаѣ основанъ въ 1633 году. Приведенныя слова „Сказанія" относятся, слѣдовательно, къ недалекому отъ 1633 г. времени, никакъ не позднѣйшему второй половины XVII вѣка. При всемъ томъ составитель „Сказанія" на томъ же Вагаѣ засталъ еще старожиловъ, помнившихъ свое происхожденіе отъ Татаръ „махметова закону", „*Золотой орды Сибирскаго царства*", а это опять свидѣтельствуетъ объ относительной древности „Сказанія Сибирской земли".

Приведенныя соображенія убѣдили меня въ тождественности вновь открытаго памятника съ той „нѣкоторой Сибирской исторіей", на которую ссылается Илья Черепановъ, какъ на источникъ свѣдѣній о происхожденіи Ермака. Хронологія этой лѣтописи такъ же грѣшитъ, какъ и во всѣхъ другихъ Сибирскихъ лѣтописяхъ. Лѣтопись кратка по содержанію и какъ въ этомъ отношеніи, такъ и относительно передачи фактовъ нѣсколько приближается къ Есиповской лѣтописи, а по языку новѣе ея и ближе къ лѣтописи Ремезова. Значеніе ея, какъ источника, подробно указано въ послѣдней главѣ настоящей книги. Печатаю подлинный текстъ новаго памятника съ соблюденіемъ наивозможной точности.

А. Дмитріевъ.

Сказаніе Сибирской земли.

„При державѣ царскаго величества царя и великаго князя Іоанна Васильевича, всея Росіи самодержца, разбойникъ именемъ Ермакъ, усвоеволився противностію его царскому величеству и прибравъ себѣ въ соединеніе отовсюду бѣглецовъ, и бѣжалъ въ украинное мѣсто на рѣку Донъ и тамо исчиташа и назвашася казаками, они же пріяша себѣ старѣйшинство и званіе атаманъ, и не опасаяся его царскаго величества указу, и принявъ себѣ весьма безгласное отчаяніе, начаша по рѣкамъ Дону и Волгѣ воровать и всякихъ людей побивать и грабить. Во едино же лѣто послы Персидскіе, Бухарскіе и Кизылбашскіе были на Москѣ и получиша себѣ царскаго величества милость и приняли наградительное жалованье и съ тѣмъ по Волгѣ рѣкѣ на низъ плыли—въ Астрахань. И оной разбойникъ незапно нападе на нихъ и поби и животъ ихъ пограбиша; о семъ же извѣстенъ бысть царское величество, посла на ихъ воевъ своихъ, повелѣ ихъ, разбойниковъ, имать и освидѣтельствовать, для страху другихъ казнить смертью. И оной же разбойникъ, убояся того, съ товарищи пять сотъ человѣкъ убѣжали съ Волги въ Каму рѣку вверхъ и прибѣже въ вотчины Строганову и тамо пребысть нѣсколько время. И въ то число въ Строгановы городки и вотчины по Чюсовой и по Камѣ рѣкамъ пришелъ волно изъ Вогуличь Пелымской князь во многомъ собраніи. И воевода Максимъ Строгановъ просилъ его, Ермака, чтобъ онъ отъ того Пелымскаго князя оборонилъ. Ермакъ же, не преслуша не мало времени, въ тотъ часъ собрався съ дружиною своею, иде скоро противо Вогулъ и поби ихъ безъ остатку, и вотчины Строгановы выручилъ, и за что его, Ермака, оной Строгановъ принялъ любительною ласкою и кормомъ. Увѣдавъ отъ тамошнихъ жителей, что отъ нихъ не въ дальнемъ растояніи есть Золотая орда Сибирское царство, и посовѣтовалъ онъ, Ермакъ, Строгановымъ о промыслѣ того царства, прошаше у него людей, оружья и запасу. Максимъ же Строгановъ повелѣ ему изъ вотчины своей людей имать—охотни-

ковъ, елико похотятъ; онъ же, набравъ тутошнихъ жителей къ своимъ въ прибавку—сто пятьдесятъ четыре человѣка. всего собралъ себѣ шесть сотъ пятьдесятъ четыре человѣка, и назвася казаками; онъ же, Строгановъ, даде ему ружья и запасу довольно и отпусти ихъ въ Сибирь судами по рѣкѣ Серебрянкѣ вверхъ. Они же доидоша до одной и переволокли насады на рѣчку Жаравль и Петухъ, и промежъ оныхъ рѣчкахъ (рѣчекъ?) поставили городокъ и тутъ зимовали. И оттуду пришли на Тагилъ рѣку и по Тагилу плыша внизъ до рѣки Туры и Турою плыша внизъ до рѣки Тавды, и на устьѣ Тавды поимали татарина именемъ Таусина, что отъ Кучума, царя Сибирскаго, присланъ былъ на Тавду для рыбной ловли. И того татарина оной Ермакъ о царѣ Кучумѣ и о царствѣ его Сибирскомъ развѣдавъ подлинно, вооружился мужественно, отъ устья Тавды рѣки поплыша Тоболомъ рѣкою въ Сибирь на царя Кучума ратовати. Царь Кучумъ слыша нашествіе Русскихъ людей, вскорѣ посла лесниковъ (?) во всю свою державу и повелѣ воинству своему сбиратися съ поспѣшеніемъ къ себѣ, въ Сибирь градъ, на брань противо Рускихъ людей. И въ малѣ времени собрашася къ нему множество Татаръ и Остяковъ и Вогулъ и иныхъ чюдскихъ языковъ, которые обрѣтаются подъ его державою. Тогда жъ царь Кучумъ, учредя воиско свое, и съ нимъ посла своего сына Маметкула противо Рускихъ людей на брань, самъ же повелѣ градъ свой крѣпити засѣками и окопами подлѣ рѣку Иртышъ въ урочищѣ Чувашахъ.

Царевичъ же Маметкулъ съ вои своими пріиде въ урочище Бабасаны и ту встрѣтя Рускихъ людей, и нача съ ними битися, и видѣ себѣ отъ нихъ многое паденіе, устремися на бѣгство. Казаки же съ того мѣста плыша внизъ по Тоболу къ городу Сибири и доплыша до Карачина улуса, оной Карача у царя Кучума былъ думной; и тотъ его улусъ казаки разбили, и множество богатства взяша, и оттуду приплыша на устье Тобола рѣки, на рѣку Иртышъ; Татаре же множествомъ приступиша къ нимъ на конѣхъ и пѣши, по обѣ стороны съ береговъ стрѣляютъ; казаки же, вышедъ изъ струговъ на берегъ множествомъ, отъ устья Тобола рѣки поидоша вверхъ по Иртышу рѣкѣ и взяша городокъ Атикъ. И сѣде тутъ и увидѣ многое собраніе нечестивыхъ, и убо-

яшася, яко царевичъ Маметкулъ въ другой разъ со множествомъ воиска вышелъ отъ отца своего, отъ города и засѣки, противо ихъ на брань. А отецъ его царь Кучумъ ста въ засѣкѣ у города на горѣ Чувашской со всѣми домашними своими и мурзами во многомъ собраніи, и кричаша, и умоляшеся о побѣжденіи, ничто же успѣша. Казаки же уповающе на Бога и вышедъ изъ городка Атика, единодушно приступиша къ засѣкѣ и съ царевичемъ Маметкуломъ сразишася крѣпко, и на томъ бою царевича ранили, едва жива увезли Татара за Иртышъ рѣку.

Царь Кучумъ, видя своего сына побѣждена, плакася горько и глаголя съ мурзами: „горе мнѣ, яко незапно пріидоша на насъ вои сіи и изгнаша насъ царства моего!“ И побѣжа со всѣми воинми вверхъ по Иртышу рѣкѣ, градъ же свой Сибирь оставилъ пустъ. Казаки же съ атаманомъ Ермакомъ съ товарищи пріидоша во градъ и засядоша въ немъ семь тысячь восемьдесятъ девятаго (1580) году октября 12 день. По взятіи же города Сибири, пріиде къ Ермаку во градъ Остятской князь Боярина со многими Остяки и принесоша дары и запасы. По сихъ же начаша приходити къ Ермаку въ городъ Татара со многими дары и запасы и покоряшеся Ермаку, онъ же утверждаше сіихъ шертвованіемъ, что имъ жить подъ рукою Государевою во всякомъ послушаніи, и служить во всякой вѣрности, и ясакъ платить, и надъ Рускими людьми никакого дурна не мыслить.

Тогожъ года посла Ермакъ изъ города казаковъ для рыбной ловли въ урочище Абалакъ, царевичъ же Маметкулъ со многими людьми незапно нападе на нихъ и поби ихъ безъ остатку.

По взятіи же города Сибири и по покореніи многихъ языковъ, собра Ермакъ ясаковъ и поминковъ многое число и посла къ Москвѣ въ поклоненіе къ великому государю съ казаками пять человѣкъ, съ ними же посла о взятіи Сибири вѣстовую отписку, а подъ отпискою заручною своею челобитную, а въ ней написалъ вины свои, что воровалъ на Волгѣ, чтобъ великій государь пожаловалъ его, указалъ оныя вины ему отдать и въ заслуженіе принять себѣ въ вотчину Сибирское царство и для провѣданія отъ лица своего прислать воеводу.

И егда оные казаки къ Москвѣ съ ясакомъ пришли, и великій государь пожаловалъ атамана Ермака заочно своимъ государскимъ жалованьемъ и милостивымъ словомъ и указалъ писать его, Ермака, Сибирскимъ княземъ и въ грамотѣ своей жалованье написалъ и впредь писать Сибирскому князю Ермаку Тимофеевичу Поволскому съ товарыщи: „за многую вашу заочную службу и за охочее кровопролитіе и за взятье Сибирской земли во всѣхъ винахъ вашихъ мы, великій государь, прощаемъ, сверхъ того награждаемъ васъ своимъ государскимъ жалованьемъ". И удоволи казаковъ, отпустилъ съ Москвы въ Сибирь къ князю Ермаку Тимофеевичу и съ ними посла денегъ и суконъ и иныхъ всякихъ товаровъ, вина и запасу со множественнымъ удовольствіемъ.

По семъ же прибѣже къ Ермаку въ городъ Татаринъ именемъ Сынъ-Бахта и сказа, что сынъ царя Кучума царевичъ Маметкулъ не со многими людьми стоитъ на рѣкѣ Вагаѣ отъ города Сибири во сто верстахъ. Князь Ермакъ Тимофеевичъ вскорѣ посла казаковъ, они же прибѣжаше на станы ихъ и побиша Татаръ безъ остатку и царевича Маметкула въ полонъ взяша жива и приведоша къ Ермаку въ городъ въ Сибирь. О семъ же увѣдѣ царь Кучумъ, яко плѣненъ сынъ его Маметкулъ, и плакася горько со всѣмъ домомъ своимъ. Въ то же время откочевалъ отъ него, царя Кучума, думной его и ближной Татаринъ именемъ Карача и преселися межъ рѣку Тары, и они въ то же время возвѣстиша ему, яко идетъ на него князь Сейдякъ Бекбулатовъ изъ Бухарской земли, котораго изгналъ изъ Сибирскаго владѣнія той Кучумъ напредь сего, а отца его убилъ. Отъ того князь Ермакъ Тимофеевичъ съ товарищи въ Сибирской земли многіе языки воюя и покоряя себѣ противящихся ему и взя Остяцкой Назарной городокъ и богатство и пріобрѣте.

Семь тысячь 89 года, по указу царскаго величества царя и вел. кн. Іоанна Вас., всея Росіи самодержца, присланы изъ Москвы первые воеводы князь Семенъ Болховской да Иванъ Глуховъ съ воинскими людьми. Въ то же время въ городѣ Сибири былъ гладъ и моръ, и тогда воевода князь Семенъ умре. Того жъ году князь Ермакъ Тимофеевичъ Поволской съ оставшимся воеводою Иваномъ Глуховымъ посла къ Москвѣ царевича Маметкула съ казаками. До пріѣзду

ихъ на Москвѣ не стало царя Іоанна Вас., а по немъ прія скипетръ царства сынъ его, благовѣрный и вел. кн. Федоръ Ивановичъ и бысть царь всея Росіи самодержецъ. И какъ привезли царевича Маметкула къ Москвѣ, стрѣча ему была по обычаю, какъ посламъ, а не аки плѣннику, и оставленъ той царевичъ на Москвѣ, а провожатые казаки пожалованы и удоволены и отпущены въ Сибирь по прежнему, а съ ними послано князю Ермаку Тимофеевичу его царс. величества жалованье и милостивое слово и награжденіе денегъ и сукна, и порохъ, и свинецъ, и ружіе, и иные всякіе припасы со множественнымъ удовольствіемъ.

Того жъ году царя Кучума думной татаринъ Карача пришелъ въ городъ къ князю Ермаку Тимоф. съ обманомъ, будто съ покореніемъ, и просилъ у него людей, аки бы для обороны отъ казачьей орды, а на томъ по своей вѣрѣ бусорманской шертовалъ. Князь же Ермакъ, повѣря ему, отпустилъ съ нимъ атамана Кольцо съ товарищи сорокъ человѣкъ, и егда тѣ казаки къ Карачѣ пріиде, онъ же поби ихъ безъ остатку и всюду повелѣ казаковъ обрѣтающихся побивать и многихъ побиша; и послѣ того со многимъ собраніемъ онъ же, Карача, пріиде ко граду Сибири и облежа его. Князь Ермакъ съ товарищи отъ города прогна его, Карачу, въ Саусканъ и многихъ татаръ поби семь тысячъ девятидесятъ втораго году.

Сказаша князю Ермаку, яко Бухарцы изъ степи идутъ къ нему во градъ Сибирь торговать, а царь Кучумъ стоя на рѣкѣ Вагаѣ не пропускаетъ. Князь же Ермакъ съ товарищи, слыша то, распалися гнѣвомъ на Кучума и поиде не со многими людьми на стрѣчу Бухарцовъ судами вверхъ по Иртышу рѣкѣ, желая, чтобъ (на) Сибирь распространить Бухарской торгъ, и доиде до рѣки Вагая, вверхъ дошелъ до урочища, идеже нынѣ поставленъ Абатской острогъ, и нигдѣ Бухарцовъ не обрѣте и оттоля совратися, и доплы до перекопи и ту обначева. Царь же Кучумъ, подсмотря ихъ и увидя, яко неопасно стоятъ, нападе на нихъ незапно и поби ихъ безъ остатку. Князь же Ермакъ зря и побѣже въ стругъ и не можаше ускорити, понеже той стругъ отстоитъ далече отъ воды, паде въ воду и утопе, единъ же казакъ едва утече и возвѣстиша въ городѣ. Оставшіеся казаки, заслышаше такое

побіеніе надъ Ермакомъ и видя себя въ малолюдствѣ, оставиша градъ пустъ и побѣгоша внизъ по рѣкѣ Иртышу и Обвою (Обью) рѣкою и доплыша до рѣки Обвы (Оби) и чрезъ Камень въ Русь. Сынъ же царя Кучума меньшей, именемъ Алексѣй, увѣдя, яко казаки изъ города побѣгоша и приде во градъ, вселися въ немъ со всѣмъ домомъ своимъ. Заслышавъ же сія прежней владѣлецъ Сибирской князь Сейдякъ Бекбулатовичъ, сына котораго изгналъ Кучумъ царь напередъ сего, и что Ермакъ убіенъ бысть, а оставшіе казаки изъ града Сибири бѣжали, яко облада градомъ Сибирью Кучумовъ сынъ,—собрався со всѣмъ воинствомъ своимъ и пріиде во градъ Сибирь, а царевича Алексѣя прогна и тако пріятъ вотчину отца своего съ радостію.

Во второе лѣто по смерти Ермаковѣ присланы въ Сибирь изъ Москвы воеводы Иванъ Мансуровъ съ воинскими людьми и доплыша рѣкою Тоболомъ до рѣки Иртыша и сташа на усть Тобола рѣки. Татара жъ множество собрашася, противяшеся ему; онъ же видя татарское собраніе и услыша, яко князь Ермакъ утопенъ и оставшіе казаки изъ града убѣжали,—убояшася татаръ, проплыша градъ Сибирь по Иртышу рѣкѣ внизъ и доплыша до великія рѣки Обвы (Оби), о зимѣ постави городъ надъ рѣкою Обвою противъ Иртышскаго устья и сѣде ту зимовать. Остяки же множественнымъ собраніемъ приступиша, городка того не могоша взять и послѣ же принесоша кумира своего и поставиша его подлѣ воинъ, моляху о помощи, желающе городокъ взять. Руские же люди изъ городка стрѣляюще изъ пушки, кумира ихъ разбиша; Остяки же, боящеся того, пришедъ въ городокъ и покоришася и принесоша ясакъ и запасу многое число.

Семь тысячъ девятьдесятъ четвертаго году присланы въ Сибирь третей воевода Василей Борисовичъ Сукинъ да Иванъ Мясной, при нихъ письменной голова Данило Чулковъ съ воинскими людьми и поставиша градъ Тюмень, иже и прежде былъ Татарской городокъ Чингиди, и воздвигоша въ немъ церковь во имя Всемилостивѣйшаго Спаса. Семь тысячь девятьдесятъ шестого году вышепоименованные воеводы Василей Сукинъ да Иванъ Мясной послали отъ себя изъ Тюмени въ Сибирь письменнаго голову Данила Чулкова съ воинскими людьми; онъ же Тоболомъ рѣкою доплы до рѣки Иртыша и

противъ устья Тобольскаго на горѣ постави градъ и назвалъ Тоболью, и воздвиже церковь во имя Животворящія Троицы.

По поставленіи града Тобольска во второе лѣто, изъ града Сибири, отъ Чувашева, вышли для птичной потѣхи Татара, князь Сейдякъ да царевичъ казачьей орды Салтанъ да царя Кучума думной татаринъ Карача, съ нимъ татаръ пять сотъ человѣкъ. Воевода же Тобольской Данило Чулковъ умыслилъ надъ ними съ товарищи учрежденіе послать къ нимъ пословъ и повелѣ имъ быти къ себѣ въ Тоболь, аки бы для мирного договору; они же не ослушася, вскорѣ пріидоша къ нему, съ ними татаръ сто человѣкъ, а достальныхъ оставиша на лугу. Воевода же пріятъ ихъ съ честію во градъ съ малыми людьми, прочихъ же оставиша внѣ града и начаша ихъ подчивать, они же, княжцы, начаша усомнѣватися, ничесоже вкушати не хотяше, видя свою бѣду; воевода же поднесоша имъ чашу вина пить, и егда они начаша пити, единъ по единому, кійждо ихъ поперхнулся; воевода же, видя въ нихъ такое запинаніе, и возопи своимъ воемъ, яко зло мыслятъ и повелѣ внѣ града оставшихъ Татаръ посѣщи и посѣкоша безъ остатку, сущіе же татара на лугу таковое ухищреніе слышавъ, разбѣгошася; княжцовъ же ихъ связавъ, скоро посла къ Москвѣ. Царь же Кучумъ, услыша таковое надъ своими ухищреніе, отбѣжавъ вдаль, многажды покушася возвратити Сибирское царство, не можеши, зане одержимъ бысть страхомъ отъ Руских людей, разоряя и плѣнивша оставшіе свои татарскіе городки около Тобольска и Сибири. И вѣсть пріиде воеводѣ; онъ же посла нѣсколько воевъ своихъ рускихъ людей, они же нападоша и побиша его, двѣ царицы и сына его, съ ними многое богатство взяша. Самъ же Кучумъ не со многими людьми едва утече въ Калмытскіе улусы и тамо тогда конскіе стада Калмытскія же постигше его, поразиша, скотъ свой возвратиша. Кучумъ же бѣжаше съ воины и тамо убіенъ бысть.

Оттолѣ въ Сибирской странѣ начаше православное христіанство, многіе грады стали (?) церкви воздвизати. Тогда же изыскано отъ древнихъ иноземцовъ, отколѣ начаше зватися Сибирскіе языки; въ ней старожилы и понынѣ, тѣхъ роду иноземцы, обрѣтаются на рѣкѣ Вагаѣ, отъ Тобольска

ОТДѢЛЪ II.

МАТЕРІАЛЫ.